

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ЭКОНОМИКА

Tomsk State University Journal of Economics

Научный журнал

2024

№ 66

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77–29495 от 27 сентября 2007 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Подписной индекс 44047 в объединенном каталоге «Пресса России»

Журнал входит в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых
должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой
степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»

*Редакционная коллегия журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Экономика»*

А.В. Ложникова (Томск, Россия) –
главный редактор, ответственный секретарь
Р.А. Эльмурзаева (Томск, Россия) –
заместитель главного редактора
Н.В. Додонова (Томск, Россия) –
секретарь редакции
Д.М. Хлопцов (Томск, Россия)
Е.В. Нехода (Томск, Россия)
А.А. Земцов (Томск, Россия)
Н.И. Кичко (Томск, Россия)
И.В. Муравьев (Томск, Россия)
Т.В. Счастливая (Томск, Россия)
Е.А. Пчелинцев (Томск, Россия)
М.А. Сорокин (Томск, Россия)
А.Л. Богданов (Томск, Россия)
В.С. Цитленок (Томск, Россия)
О.П. Недоспасова (Томск, Россия)
Е.А. Фролова (Томск, Россия)

*Editorial Board
of Tomsk State University
Journal of Economics*

A.V. Lozhnikova (Tomsk, Russia) –
Editor-in-Chief, Executive Editor
R.A. Elmurzaeva (Tomsk, Russia) –
Deputy Editor-in-Chief
N.V. Dodonova (Tomsk, Russia) –
Editorial Secretary
D.M. Khloptsov (Tomsk, Russia)
E.V. Nekhoda (Tomsk, Russia)
A.A. Zemtsov (Tomsk, Russia)
N.I. Kichko (Tomsk, Russia)
I.V. Muravyov (Tomsk, Russia)
T.V. Schastnaya (Tomsk, Russia)
E.A. Pchelintsev (Tomsk, Russia)
M.A. Sorokin (Tomsk, Russia)
A.L. Bogdanov (Tomsk, Russia)
V.S. Tsitlenok (Tomsk, Russia)
O.P. Nedospasova (Tomsk, Russia)
E.A. Frolova (Tomsk, Russia)

*Редакционный совет журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Экономика»*

М.А. Боровская (Москва, Россия)
В.В. Вольчик (Ростов-на-Дону, Россия)
М.И. Зверьяков (Одесса, Украина)
В.Н. Шимов (Минск, Беларусь)
С.Ф. Серегина (Москва, Россия)
Ф. Хуберт (Берлин, Германия)
Э. Дрансфельд (Дортмунд, Германия)
С.В. Чернявский (Москва, Россия)
И.К. Шевченко (Ростов-на-Дону, Россия)
Роберто Бруни (Кассино, Италия)
С.А. Жиронкин (Томск, Красноярск,
Кемерово, Россия)
И.В. Розмаинский (Санкт-Петербург,
Россия)
С.Г. Кирдина-Чэндлер (Москва, Россия)
В.А. Крюков (Новосибирск, Россия)
С.Н. Левин (Москва, Россия)

*Editorial Council
of Tomsk State University
Journal of Economics*

M.A. Borovskaya (Moscow, Russia)
V.V. Volchik (Rostov-on-Don, Russia)
M.I. Zveriyakov (Odessa, Ukraine)
V.N. Shimov (Minsk, Belarus)
S.F. Seregina (Moscow, Russia)
F. Hubert (Berlin, Germany)
E. Dransfeld (Dortmund, Germany)
S.V. Chernyavskiy (Moscow, Russia)
I.K. Shevchenko (Rostov-on-Don, Russia)
R. Bruni (Cassino, Italy)
S.A. Zhironkin (Tomsk, Krasnoyarsk, Ke-
merovo, Russia)
I.V. Rozmainy (Saint Petersburg,
Russia)
S.G. Kirdina-Chandler (Moscow, Russia)
V.A. Kryukov (Novosibirsk, Russia)
S.N. Levin (Moscow, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И ПОЛИТИКА

Крымова И.П., Дядичко С.П. Развитие коммуникации как инструмента монетарной политики	7
Морозов А.А. Место корпоративной социальной ответственности в современном капитализме	26
Щербаков И.Н. Теоретическое осмысление феномена ESG устойчивости предпринимательской среды	42
Спицын В.В., Рыжкова М.В., Леонова В.А., Брагин А.Д., Спицына Л.Ю. Факторы возобновляемого роста фирмы: теоретические подходы и анализ новостного контента	58
Тершукова М.Б., Абрамов В.С. Практика применения инструментов макроprudенциального регулирования Банка России	78
Шаров А.А. Проблематика теории и практики налога на сверхприбыль в России и за рубежом	88

МАКРОРЕГИОН СИБИРЬ

Рощина И.В. Особенности социально-трудовых отношений в регионах с разным уровнем диверсификации экономики	100
--	-----

ЭКОНОМИКА ТРУДА

Шадрина Е.А., Калабина Е.Г. Экспериментальное исследование региональных особенностей занятости женщин старших возрастов на цифровых трудовых платформах: кейс Республики Башкортостан	115
Бабышев В.Ю. Трансформация характера занятости в постсоветской России	133
Брусянина М.С. Эволюция нормативно-правовых аспектов в сфере борьбы с молодёжной безработицей в России	149
Пань Ли. Развитие организационной модели труда в современных условиях: тенденции и эффекты	161

ФИНАНСЫ

Маньфэй Г. История развития теории внутреннего аудита	184
Смирнов А.Е., Черняк Э.М., Черняк М.Э. Оценка зависимости финансово-экономических результатов предприятия от макроэкономических индикаторов	198
Захарчук Е.А., Трифонова П.С. Оценка современного состояния региональных финансов в контексте реализации национальных интересов	219

МЕНЕДЖМЕНТ

Герман М.В., Пашковский Д.А., Зайковский В.Э. Функционирование системы управления рисками и внутреннего контроля на производственном предприятии	240
Долженко Р.А., Антонов Д.А. Возможности и перспективы развития клиентоцентричных центров занятости в регионе	251

Воронов В.С., Беданокон М.К., Чернявский С.В., Викторон Е.И. Платформенные экосистемы: накануне нового прорыва в области коммерциализации интеллектуальных прав	269
Кузнецов Е.А., Иванов В.В. Модель управления трансграничными проектами в строительстве на базе сквозной оценки проектных рисков	279

ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

Лебедев Д.О., Лиман И.А. Поиск эффективных способов монетизации добываемого в России природного газа	297
Шарф И.В. Результативность финансово-налоговых механизмов внедрения наилучших доступных технологий в нефтегазовой отрасли	311

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Курилов К.Ю. Сравнительный анализ уровней человеческого развития северных регионов в мировой экономике	327
--	-----

ДИСКУССИОННАЯ ПЛОЩАДКА

Шаповалов В.В. Основные инновационные теории XX в. (часть 1)	345
---	-----

CONTENTS

ECONOMIC THEORY, METHODOLOGY AND POLICY

Krymova I.P., Dyadichko S.P. Development of communication as a monetary policy tool	7
Morozov A.A. The place of corporate social responsibility in modern capitalism	26
Shcherbakov I.N. Theoretical understanding of sustainability of the business environment favorable for ESG	42
Spitsin V.V., Ryzhkova M.V., Leonova V.A., Bragin A.D., Spitsina L.Yu. Factors of restarting company growth: Theoretical approaches and news content analysis	58
Tershukova M.B., Abramov V.S. The Bank of Russia's macroprudential regulation tools: Content, types and practice of application	78
Sharov A.A. Problems of the theory and practice of excess profit tax in Russia and abroad	88

SIBERIA MACRO-REGION

Roshchina I.V. Features of social and labor relations in regions with different levels of economic diversification	100
---	-----

LABOUR ECONOMICS

Shadrina E.A., Kalabina E.G. Experimental study of regional features of older women's employment on digital labor platforms: The case of the Republic of Bashkortostan	115
Babyshev V.Yu. Transformation of the nature of employment in post-Soviet Russia	133
Brusyanina M.S. The evolution of legal and regulatory aspects in the fight against youth unemployment in Russia	149
Pan Li. Development of the organizational model of work in modern conditions: Trends and effects	161

FINANCE

Manfei G. History of the development of internal audit theory	184
Smirnov A.E., Chernyak E.M., Chernyak M.E. Assessment of the dependence of the enterprise's financial and economic results on macroeconomic indicators	198
Zakharchuk E.A., Trifonova P.S. Assessing the current state of regional finance in the context of realizing national interests	219

MANAGEMENT

German M.V., Pashkovsky D.A., Zaikovskiy V.E. Risk management and internal control system of a production enterprise	240
Dolzhenko R.A., Antonov D.A. Customer-centric employment centers: Opportunities and prospects of development in regions	251
Voronov V.S., Bedanokov M.K., Chernyavskiy S.V., Viktorov E.I. Platformation ecosystems: on the eve of a new breakthrough in the field of commercialization of intellectual rights	269

Kuznetsov E.A., Ivanov V.V. Potential for the development of a conceptual model for managing cross-border projects in construction based on end-to-end assessment of project risks	279
---	-----

BRANCH ECONOMY

Lebedev D.O., Liman I.A. Search for an effective method to monetize the natural gas produced in Russia	297
Sharf I.V. Efficiency of tax mechanisms of introducing feasible techniques in oil and gas industry	311

WORLD ECONOMY

Kurilov K.Yu. Comparative analysis of the northern regions' human development levels in the world economy	327
--	-----

DISCUSSIONS

Shapovalov V.V. Major innovations theories of the 20th century (Part 1)	345
--	-----

Экономическая теория, методология и политика

Научная статья
УДК 336.711
doi: 10.17223/19988648/66/1

Развитие коммуникации как инструмента монетарной политики

Ирина Петровна Крымова¹, Светлана Павловна Дядичко²

^{1,2} Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

¹ krimova1966@mail.ru

² dyadichco1@mail.ru

Аннотация. Современная монетарная политика требует понимания и открытости. Это связано с переходом центральных банков к режиму инфляционного таргетирования, который реализуется через обеспечение прозрачности и открытости их деятельности. Именно коммуникация как инструмент монетарной политики сможет обеспечить взаимосвязь понимания, прозрачности и открытости монетарной политики центрального банка, а также будет способствовать повышению доверия как экспертного сообщества, так и широкой общественности к его деятельности. Развитию и использованию коммуникации в рамках монетарной политики в своих исследованиях уделяли внимание зарубежные и российские экономисты, но до сих пор не были обоснованы этапы ее развития. Использование авторами системного подхода, а также логического и ситуационного анализа способствовало не только структуризации проведенных ранее экономических исследований в этой области, но и выделению и обоснованию этапов развития коммуникации. Авторами также высказаны предположения о перспективных направлениях развития коммуникации как инструмента монетарной политики.

Ключевые слова: монетарная политика, центральный банк, инфляционное таргетирование, транспарентность, коммуникация, инструмент, инфляционные ожидания, многоуровневость (многослойность), понятность, прозрачность, ясность, доверие

Для цитирования: Крымова И.П., Дядичко С.П. Развитие коммуникации как инструмента монетарной политики // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2024. № 66. С. 7–25. doi: 10.17223/19988648/66/1

Economic theory, methodology and policy

Original article

Development of communication as a monetary policy tool

Irina P. Krymova¹, Svetlana P. Dyadichko²

^{1,2} Orenburg State University, Orenburg, Russian Federation

¹ krumova1966@mail.ru

² dyadichko1@mail.ru

Abstract. Modern monetary policy implemented by central banks requires understanding and openness. This is largely due to the transition of central banks to an inflation targeting regime, which is implemented through ensuring transparency and openness of their activities. Understanding and openness of monetary policy are closely interrelated, and the implementation of its openness is focused on the use of such a tool as communication. It is communication as a monetary policy tool that will be able to form a unified basis for ensuring the interconnection of understanding, transparency and openness of the central bank's monetary policy. Communication will also help increase confidence of both the expert community and the general public in the modern central bank's activities. Both foreign and Russian economists have paid considerable attention to the development and use of communication within the framework of monetary policy in their research, but, despite this, the stages of its development have not yet been identified and justified. The authors' use of a systematic approach, as well as logical and situational analysis, in the process of writing the article contributed to the structuring of economic research previously conducted in this area. When studying this topic, the very concept of communication as a central bank's monetary policy tool was clarified, based on the approaches of foreign and Russian economists. The study showed that communication has gone through a long period (certain stages) of its development, from anti-communication to multi-level communication. Modern digital technologies allow central banks to directly and purposefully communicate not only with experts, but also with the general public, actively using communications. The result of the authors' study of the development of communication as a monetary policy tool was the identification and justification of the stages of its development, the determination of their specifics and key characteristics. The authors of the article also identified the main directions for the development of communication as the central bank's monetary policy tool, justifying its potential for development.

Keywords: monetary policy, central bank, inflation targeting, transparency, communication, instrument, inflation expectations, multi-layeredness, understandability, transparency, clarity, trust

For citation: Krymova, I.P. & Dyadichko, S.P. (2024) Development of communication as a monetary policy tool. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 66. pp. 7–25. (In Russian). doi: 10.17223/19988648/66/1

Введение

Проблема понимания монетарной политики современного центрального банка становится все более актуальной. Это связано во многом с переходом значительного количества центральных банков к режиму инфляционного таргетирования (ИТ), который требует обеспечения прозрачности и большей подотчетности их деятельности. Понимание и открытость монетарной политики тесно взаимосвязаны, а реализация её открытости ориентирована на применение такого инструмента, как коммуникация.

Исследованию коммуникации как инструмента монетарной политики уделяли внимание такие зарубежные экономисты, как Алан С. Блиндер, Михаэль Эрманн, Якоб де Хаан [1], Тобиас Адриан и др. [2]. К числу российских экономистов, исследующих коммуникации центрального банка, относятся И.П. Крылова, С.П. Дядичко [3], А. Евстигнеева, М. Сидоровский [4], К. Юдаева [5], С. Андрюшин [6], Е. Зеленева [7]. Проведенный анализ экономической литературы показал, что до сих пор не обоснованы и не определены этапы развития коммуникации как инструмента монетарной политики. В связи с чем тема развития коммуникации монетарной политики актуальна и значима.

Постановка задачи

Целью статьи послужило выявление и обоснование периодизации развития коммуникации как инструмента монетарной политики. В соответствии с поставленной целью необходимо решить следующие задачи:

- уточнить понятие коммуникации как инструмента монетарной политики центрального банка, основываясь на подходах зарубежных и российских экономистов;
- выделить и обосновать этапы развития коммуникации как инструмента монетарной политики с определением их специфики и ключевых характеристик;
- определить перспективные направления развития коммуникации монетарной политики центрального банка.

Решение поставленных задач и достижение цели возможно посредством использования системного подхода, а также ряда общенаучных методов исследования: логического и ситуационного анализа.

Результаты

В качестве инструмента монетарной политики коммуникация получила свое развитие не так давно. В этом контексте обратимся к терминам зарубежных исследователей.

Так, Эстер Дюфло отмечает, что «коммуникации центрального банка не так уж отличаются от коммуникации любой компании: их можно рассматривать как маркетинг, и необходимо постоянно тестировать новые идеи,

например, смотреть, как люди реагируют на таргетирование инфляции, исходя из их инфляционных ожиданий, их потребительских настроений, как они реагируют на различные заявления... Думаю, совсем скоро, через два-три года, мы сможем намного точнее видеть, как именно люди реагируют на то или иное заявление, и, как следствие, лучше понимать, какие заявления наиболее значимы... что даже когда поступает очень много информации, люди все равно прислушиваются к тем, кого считают наиболее достойными доверия» [8, 9]. В этом определении автор выделяет универсальность коммуникации, её влияние на поведение экономических субъектов и способность банков формировать доверие к монетарным властям. Алан С. Блиндер, Михаэль Эрманн, Марсель Фратшер указывают на то, что «коммуникация может быть важной и мощной частью инструментария центрального банка, поскольку она способна двигать финансовые рынки, повышать предсказуемость решений денежно-кредитной политики и потенциально способствовать достижению макроэкономических целей центральных банков» [10, 11]. А Стефано Эусеппи отмечает, что «коммуникации центральных банков играют важную роль в формировании ожиданий участников рынка» [12]. В свою очередь Ман-Кеунг Тан и Сянгронг Ю. считают, что «четкая коммуникация центральных банков облегчает понимание агентами обоснования политики, может привести к менее волатильной динамике инфляции и процентных ставок и предоставить властям большую гибкость в политике» [13]. В данных трактовках подчеркивается влияние коммуникации на понимание монетарной политики. Марио Драги высказывает свое мнение по поводу того, что «коммуникация и прозрачность стали более важными для центральных банков, таких как ЕЦБ, в последние десятилетия и станут еще более важными в ближайшие десятилетия» [14]. Он прогнозирует дальнейшее развитие коммуникации. Елена Дрвенджия также отмечает, что «коммуникация является одним из важных и очень эффективных инструментов центральных банков». Она считает, что «последовательная коммуникация и монетарная политика укрепляют доверие и обеспечивают поддержку мер, применяемых центральным банком, результаты которых становятся современной реальностью. Однако плохая коммуникация, неполная информация, поспешные действия и обманутое доверие могут легко вызвать трения на рынке» [15]. Вскрывается взаимное влияние коммуникации и финансового рынка. Анализируя все вышепредставленные определения в совокупности, авторы статьи считают, что в них четко прослеживается прикладной характер применения коммуникации в зависимости от сложившейся ситуации на рынке.

Далее обратимся к мнению российских экономистов. Так, А. Евстигнеева утверждает, что «с помощью коммуникации центральный банк стремится снизить инфляционные ожидания и закрепить их на низком уровне, повысить доверие к проводимой политике и обеспечить предсказуемость процентных ставок в экономике» [16].

Е. Зеленева, основываясь на сущностном (фундаментальном) и прикладном подходах, рассматривает коммуникацию как «современный инстру-

мент денежно-кредитной политики, используемый монетарным регулятором с целью взаимодействия с другими субъектами реализации экономической политики государства и воздействия на уровень доверия населения и бизнеса к денежно-кредитной политике, а также усиления передачи сигнала от экономических монетарных инструментов к конечной цели денежно-кредитной политики» [17].

Анализ вышепредставленных определений коммуникации приводит нас к мысли, что в современных условиях коммуникацию можно трактовать как специфический инструмент монетарной политики центрального банка, так как он может повысить её предсказуемость, воздействуя не только на закоревание инфляционных ожиданий (по мнению А. Евстигнеевой), но и на повышение доверия к работе самого центрального банка.

Для подтверждения этого, а также следуя логике исследования, считаем возможным выделить основные этапы развития коммуникации.

1-й этап (до 1980-х гг.) характеризуется закрытостью информации. До 1980-х гг. общение по вопросам монетарной политики было окружено молчанием и секретностью. До этого времени монетарная политика центральных банков вообще была окутана тайной. В кругах центральных банков было общепринято считать, что о монетарной политике необходимо говорить как можно меньше и как можно более загадочно. А применительно к коммуникации в это время более приемлемой была ее трактовка как «антикоммуникация». Актуальным в работе центральных банков был принцип «чем меньше информации, тем лучше». Характеризуя этот период, в 1981 г. Карл Бруннер написал с явным сарказмом: «Центробанковское дело... процветает благодаря всепроникающему впечатлению, что оно... является эзотерическим искусством. Доступ к этому искусству возможен только посвященной элите» [10]. Секретность решений монетарной политики в те годы считалась лучшим вариантом, ни о какой открытости вообще не было и речи. Федеральная Резервная Система, например, вообще избегала даже упоминания своего мандата, аналогично поступал и Банк Англии, и другие центральные банки. И такой порядок вещей длительное время казался незыблемым.

В 1980-е гг. указанный подход перестал быть актуальным, постепенно стал подниматься вопрос о независимости центральных банков, именно это стало определяющим не только для политиков, но и для экономистов. Поэтому далее мы уже наблюдаем переход от секретности к постепенной прозрачности монетарной политики.

2-й этап (до 1990-х гг.) характеризуется началом открытости информации о деятельности центрального банка. Наблюдается переход от секретности в освещении деятельности центрального банка к необходимости раскрытия информации, формированию основ прозрачности, транспарентности его деятельности. Повышение прозрачности деятельности центральных банков, происходившее в начале 1980-х гг., было мотивировано не только их желанием влиять на ожидания рынка, но и институциональными измене-

ниями в структуре самих центральных банков. Фактически важным фактором повышения прозрачности их деятельности становится требование большей подотчетности, формируется общение центрального банка с политическим сообществом. В связи с этим центральные банки становятся более независимыми. Они начинают уделять всё большее внимания объяснению того, что они делают, а также и обоснованию своих решений [18]. На данном этапе появляется некое упоминание о коммуникации в сфере деятельности центрального банка, но пока ещё не её применение. По сути 1-й и 2-й этапы развития коммуникации имеют общие черты и могут рассматриваться как подготовительный период к реальному применению данного инструмента.

Однако все изменилось в 1990-е гг., когда центральные банки стали переходить к новому режиму таргетирования монетарной политики – политике таргетирования инфляции.

3-й этап (начиная с 1990-х гг.) рассматривается как этап начала практики применения коммуникации.

Самым первым в 1990 г. к инфляционному таргетированию перешел Резервный банк Новой Зеландии (Reserve Bank of New Zealand) [19], далее, в 1991 г., Банк Канады (Bank of Canada) [20], потом уже в 1992 г. Банк Англии (Bank of England) [21] также перешел к режиму инфляционного таргетирования, а далее, в этом же году, и Банк Израиля (Bank of Israel) [22]. Процесс был запущен... Сегодня уже 47 центральных банков мира применяют при реализации монетарной политики инфляционное таргетирование.

Достижение цели по инфляции требовало предоставления монетарным регуляторам всё большей независимости в принятии решений, что, в свою очередь, было связано с прозрачностью их деятельности именно в том, как эти решения принимаются, а также и большей их подотчетностью. А привычный для нас формат коммуникации появился не так давно, всего лишь в 1993 г. в США. До этого времени считалось, что объявление решений, принимаемых органом монетарного регулирования – центральным банком, не имело никакой практической ценности, а коммуникация для управления ожиданиями рынка как таковая вообще не считалась инструментом монетарной политики, о чем уже упоминалось выше [23].

Но почему именно с применением режима инфляционного таргетирования монетарная политика стала более открытой? Так, инфляционное таргетирование, по мнению Джилла Хэммонда, интерпретируется скорее как режим или система рамочных принципов, чем просто строгий набор правил монетарной политики. Он, исследуя фундаментальную основу ИТ, выделяет следующие его структурные элементы: стабильность цен признается главной целью ДКП, количественный таргет инфляции объявляется публично, осуществляемая ДКП основана на широком массиве информации, включая и прогноз инфляции, необходима прозрачность деятельности центрального банка, применяемого ИТ, активное использование им механизмов подотчетности [24].

Ведь «инфляционное таргетирование, по мнению Мервина Кинга, – это система принятия решений и оповещения о них» [25]. То есть, по сути, деятельность ЦБ должна быть не только прозрачной, но и подотчетной. Ведь

подотчетность является следствием независимости ЦБ, требуя прозрачности его деятельности, а для этого и используется коммуникация.

Информирование о деятельности ЦБ в сфере реализации монетарной политики обычно служит двум широким, но взаимосвязанным целям, а именно:

- 1) повышению эффективности монетарной политики путем влияния на ожидания финансовых рынков, фирм и домохозяйств;
- 2) содействию подотчетности центрального банка за счет повышения прозрачности, надежности и доверия.

На данном этапе начинается перестройка общения центрального банка от политического сообщества на экспертную аудиторию.

Именно оповещение о действиях центрального банка и связано с использованием такого инструмента, как коммуникация. Таргетирование инфляции предполагает публичное объявление среднесрочных целевых показателей инфляции, а также реализацию монетарными властями обязательств по достижению этих целей. Все это делает коммуникацию действительно важным инструментом монетарной политики [26]. Мы видим, что без активного применения данного инструмента не только монетарная политика не будет результативной, но и сама реализация режима ИТ будет невозможна.

Следовательно, выгода от применения коммуникации для центрального банка очевидна. Она заключается в его способности довести до «широкой публики» четкую информацию о его роли и целях деятельности в современной экономике [3]. В связи с этим на данном этапе формируется уже необходимость использования коммуникации как инструмента монетарного регулирования.

4-й этап (начиная с 2000-х гг.) связан с активным применением коммуникации как одного из основных инструментов монетарной политики. Но на данном этапе коммуникация была ориентирована лишь на экспертную аудиторию и только через неё опосредованно существовала возможность воздействия на широкую общественность. Так, например, начиная с 1998 г. коммуникация Евросистемы по монетарной политике была ориентирована в первую очередь на участников финансового рынка, ученых, политиков и на специализированные СМИ. Традиционно центральные банки в основном общались с участниками финансовых рынков, которые имели четко определенный профиль – профессиональный интерес, основанный на отслеживании информации о монетарной политике. Именно эта аудитория имела и необходимые знания для понимания сообщений центральных банков.

На этом этапе развития коммуникации пока не возникал вопрос о необходимости прямого информирования широкой общественности о монетарной политике центрального банка.

Мировой финансовый кризис стал еще одним катализатором глубоких изменений в коммуникации монетарной политики. По сравнению с предыдущими этапами развития, которые были постепенными и формировались десятилетиями, изменения в коммуникации монетарной политики после глобального финансового кризиса были реализованы гораздо быстрее.

После кризиса общение центральных банков стало более частым и разнообразным. Они стали подумывать о необходимости охвата более широкой неспециализированной аудитории.

На данном этапе, помимо роли в повышении эффективности монетарной политики, важность применения коммуникации также опиралась и на подотчетность центрального банка, а именно на то, как центральные банки доносят информацию о целях своей политики, обсуждения своих действий и принятые ими решения. Более того, принятие нетрадиционных инструментов монетарной политики, таких как прогнозирование и количественное смягчение (QE), после мирового финансового кризиса 2008 г. еще больше подчеркнуло важность коммуникации как ее инструмента [18].

Исследования активной практики применения коммуникации как одного из ключевых инструментов монетарной политики обосновали само меню коммуникации, включающее в себя:

- пресс-релиз;
- заявление/пресс-конференция;
- протокол заседания [16].

Дальнейшее развитие коммуникации требовало расширения и увеличения охвата аудитории.

5-й этап (начиная с 2010 г.) как раз связан с настройкой коммуникации на широкую аудиторию. На данном этапе монетарная политика центрального банка становится более прозрачной, что приводит в итоге к увеличению значимости коммуникации. Теперь уже центральные банки окончательно отошли от преднамеренной непрозрачности (1-й и 2-й этапы) – в стремлении рынков-сюрпризов – к большей прозрачности, способствующей формированию стабильных ожиданий. Основываясь на проведенном исследовании предыдущих четырех этапов, авторы статьи считают необходимым обозначить три основных катализатора развития коммуникации:

- во-первых, безудержная инфляция в 1970-х гг. и важность управления ожиданиями для ее успешного сдерживания;
- во-вторых, связанный с этим сдвиг в сторону таргетирования инфляции и независимости центрального банка, что повлекло за собой необходимость большей подотчетности;
- в-третьих, период нетрадиционной денежно-кредитной политики после мирового финансового кризиса.

Так, например, в посткризисный период ряд стран столкнулся с проблемой *zero lower bound* – нулевой нижней границы для номинальной ставки процента. Это ситуация, в которой центральный банк в ответ на экономический шок должен был снизить свою процентную ставку. Но проблема состояла в том, что оптимальная ставка уже была в отрицательной зоне [27].

Именно переход к «нестандартным» мерам монетарного регулирования, о чем упоминалось при характеристике предыдущего этапа, значительно расширил набор активно используемых центральными банками финансовых инструментов. Многие из них были абсолютно новыми и непонятными даже для экспертной аудитории. Широкое использование нетрадиционных

инструментов монетарной политики в итоге потребовало более детального объяснения того, что делают центральные банки, и побудило в итоге многих из них активизировать свои усилия по общению с более широкой аудиторией, т.е. с не экспертной. Однако общение с данной аудиторией порождает ряд проблем, начиная с того факта, что аудитория гораздо более сегментирована и с меньшей вероятностью будет интересоваться объявлениями о монетарной политике, и заканчивая тем, что у центральных банков пока не было практики применения коммуникации, рассчитанной на широкую аудиторию [18].

Поэтому актуализовалось расширение применения коммуникации и ее адаптация к не экспертной аудитории. Для этого стали использоваться широкие информационные каналы – социальные сети.

Так, Кристиан Лагард, президент Европейского центрального банка (ЕЦБ), даже считает широкую общественность «новым рубежом» для коммуникации центральных банков, утверждая, что «центральные банки должны быть поняты людьми, которым они, в конечном итоге, служат. Это ключ к восстановлению доверия» [28].

Все чаще стал подниматься вопрос о большей прозрачности деятельности центрального банка и, конечно же, вопрос о его коммуникации. По сути, коммуникация становится ключевым инструментом в арсенале политики центральных банков, и это в свою очередь радикально изменило способы её проведения [18].

Этот этап, как указывалось выше, связан с охватом коммуникацией широкой общественности. Этого требовали и изменения в сфере монетарной политики центрального банка:

– во-первых, известность и заметность операций ЦБ как во время финансового кризиса (предыдущий этап развития), так и во время рецессии, вызванной COVID-19. Все это сделало центральные банки ключевыми институтами и повысило их ответственность перед обществом за экономику страны;

– во-вторых, изменения в мандатах центральных банков и использование новых и более сложных инструментов монетарной политики потребовали от них дополнительных объяснений их работы;

– в-третьих, некоторые из этих изменений, по сути, носят противоречивый характер, что привело к тому, что решения по монетарной политике стали предметом общественных дебатов.

Все эти события в совокупности сделали общение центральных банков с общественностью императивом [11].

Применительно к России Центральный банк только в 2015 г. стал применять режим ИТ. Россия, во-первых, пока не обладает значительным опытом применения коммуникации, а, во-вторых, практика деятельности Банка России по применению коммуникации как инструмента денежно-кредитной политики не является объектом исследования данной статьи.

Несмотря на свою важность, степень, в которой современному центральному банку действительно удастся охватить широкую общественность,

практически не изучена. Если домохозяйства и фирмы верят в то, что знания о монетарной политике принесут им пользу, например, за счет принятия более эффективных решений, тогда, конечно, они все больше внимания будут уделять коммуникации центрального банка. А на работу же финансовых рынков коммуникация и так оказывает непосредственное влияние, современные сигналы центрального банка доступны и понятны экспертной аудитории.

Применительно же к не экспертной (широкой) аудитории для того, чтобы коммуникация была успешной, необходимо понимание сигналов центрального банка. И не столько анализ самого состояния экономики, а то, как именно центральный банк составляет свои сообщения и определяет освещение им в СМИ его проблем [28].

Более конструктивное предложение могло бы заключаться и в том, что общение должно быть дифференцированным, адаптированным и к группам с самым низким уровнем знаний в надежде немного улучшить их понимание сложившейся ситуации и самих действий регулятора. Широкое освещение в средствах массовой информации, особенно на телевидении и в газетах, помогает обществу уделять хотя бы некоторое внимание вопросам деятельности центральных банков. Расширение присутствия центральных банков в этих двух каналах (телевидение и газеты) является многообещающим инструментом для повышения уровня знаний общественности о монетарной политике. Но сложные заявления, даже если они и доходят до общественности, не будут поняты. А для этого необходимо, чтобы центральные банки инвестировали в то, что они называют тремя «Е»: Объяснение, Вовлечение (включение) и Образование (Explanation, Engagement and Education) [26]. А для этого центральному банку необходимо активизировать работу по повышению финансовой грамотности населения.

Но даже активное применение центральным банком коммуникации, якобы ориентированной на широкую общественность, достаточно не просто реализовать практически, так как очень сложно учесть, во-первых, когнитивные способности человека, а во-вторых, уровень его финансовой грамотности.

Но, помимо широкой публики, есть еще и экспертная аудитория, и о ней центральным банкам, конечно же, тоже не стоит забывать. Далее речь пойдет о следующем этапе развития коммуникации.

6-й этап (начиная с 2021 г.) характеризуется комплексным подходом к исследованию и применению коммуникации, ориентированной не только на профессионалов, но и на широкие массы населения. Сегодня уже коммуникация центрального банка, по мнению как зарубежных, так и российских экономистов, является мощной частью их инструментария.

Эффективная коммуникация помогает независимым центральным банкам успешно выполнять свой мандат, тем самым повышая авторитет и доверие к ним. Коммуникация также повышает подотчетность и легитимность деятельности центрального банка в сфере реализации монетарной политики, обеспечивая ясность в отношении его мандата.

Поэтому ее развитие требует более серьезного исследования, а конкретно применения комплексного подхода, основанного на использовании (multi-layered communication) многоуровневой или многослойной коммуникации.

«Многоуровневая» коммуникация представляет собой инструмент, при котором существующая информация, ориентированная на экспертов, дополняется «слоями», делающими основные сообщения более краткими, более наглядными и более доступными для более широкой аудитории. Данная коммуникация сможет удовлетворить обе потребности, так как она позволяет создавать индивидуальные сообщения (общее информирование или более углубленное понимание) для различных аудиторий, не упуская при этом соответствующую информацию [26].

Комплексный подход, реализуемый через многоуровневую коммуникацию, рассчитан на:

- во-первых, традиционную, экспертную, профессиональную аудиторию;
- во-вторых, нетрадиционную, не экспертную, непрофессиональную, широкую аудиторию.

То есть представление информации о монетарной политике должно осуществляться одновременно на двух уровнях: на уровне экспертного сообщества (финансовые рынки) и на уровне широкой (не экспертной) аудитории. Помимо этого предоставление центральным банком информации должно происходить и с разной степенью детализации, и в разном формате, и в разном стиле.

Центральные банки сегодня, развивая коммуникацию как инструмент монетарной политики, уже сделали достаточно много, а именно:

- усилили (или начали) свое присутствие в социальных сетях;
- обеспечили многоуровневую (многослойную) коммуникацию, объясняющую контент на разных уровнях сложности;
- расширили предоставление образовательных ресурсов, например через веб-сайты;
- организовали «мероприятия по прослушиванию» [28].

Кроме того, основными характеристиками современной коммуникации центрального банка как инструмента монетарной политики являются прозрачность и ясность.

Прозрачность можно определить как степень, в которой центральный банк публикует соответствующую информацию о решениях монетарной политики и основных подтверждающих аргументах. Ясность – это гарант того, что предоставляемая центральным банком информация, которая рассчитана на определенную аудиторию, сможет дать соответствующие результаты [26].

В последнее время коммуникация по монетарной политике стала более прозрачной для экспертного сообщества, так как она использует не только пресс-релизы, заявления/пресс-конференции, но и протоколы заседания совета директоров центрального банка с разной степенью детализации.

Одной из задач ЦБ является повышение ясности своих коммуникаций, чтобы избежать неправильного толкования и нежелательных реакций – будь

то экономические или политические события. Одна из самых актуальных задач на сегодня – разработка многоуровневой (многослойной) коммуникационной стратегии, при которой одни коммуникации будут ориентированы на экспертов, а другие – на неспециалистов. Так, Банк Англии активно работает в этом направлении. Например, его веб-сайт использует многоуровневую коммуникацию, благодаря которой представители общественности могут читать более простую информацию о монетарной политике, оставляя более сложный материал экспертам [28].

Хорошим примером многоуровневой коммуникации также может служить и обзор финансовой стабильности ЕЦБ, в ней технический анализ дополняется упрощенными ключевыми сообщениями и инфографикой.

Но сложность применения многоуровневой коммуникации состоит в том, что если работа первого уровня (экспертного) центральным банком уже настроена, то для настройки второго уровня (не экспертного) ему предстоит еще очень много потрудиться.

Наибольшая выгода от общения центрального банка с широкой аудиторией возникает тогда, когда он четко объясняет свою роль и уточняет свои цели.

Поэтому коммуникации центрального банка с общественностью должны быть приближены к жизни людей, использовать более простой язык. Звучит это просто, но как это реализовать на практике?

Во-первых, большинство усилий центральных банков по общению с широкой общественностью предпринимается сравнительно недавно, поэтому пока ещё не существует значительного опыта в том, что работает лучше всего. У центральных банков в этом направлении совсем немного практики, да и не все центральные банки задумываются над этим.

Вторая проблема заключается в том, что помимо вышеперечисленных сложностей могут существовать и ограничения на объем информации, которую центральный банк может или должен сообщать аудитории. Сколько подробностей принятия решений по монетарной политике центральный банк может предоставить? Насколько просты и понятны его сообщения, не искажая при этом лежащую в их основе (часто сложную) реальность? Эти лимиты могут различаться и в разных центральных банках, то же самое имеет отношение и к стилю общения [11].

Также очень часто центральному банку приходится искать компромисс между точностью и простотой. Поиск баланса между простотой и ясностью (широкая аудитория) и *max* прозрачностью (экспертная аудитория) – одна из сложнейших задач информационной политики современного центрального банка.

Не может существовать единой коммуникационной стратегии, подходящей всем. Поэтому сегодня эффективная коммуникация требует дифференцированного подхода к аудитории.

Финансовые рынки, домохозяйства и фирмы по-разному воспринимают и интерпретируют одну и ту же информацию, и это непосредственно влияет на их ожидания и поведение.

В последние годы монетарная политика все более усложняется. Это делает ясность коммуникации и доступность информации как о целях деятельности центрального банка, так и целевых переменных и самих инструментах монетарной политики все более важными.

Сегодня активно используются традиционные средства коммуникации, такие как телевидение и газеты, о чем уже упоминалось выше. Но помимо их существуют и каналы социальных сетей, которые играют все более важную роль, особенно для более молодых возрастных групп. Поэтому, чтобы усилить свое влияние, коммуникация по монетарной политике должна быть лучше адаптирована к средствам массовой информации (традиционным и нет). А сами коммуникации центрального банка должны быть более понятными и актуальными.

Чтобы охватить более широкую аудиторию, целью монетарной политики должна стать не только адаптация предлагаемого материала к разным целевым аудиториям, например предложение более интересных и актуальных историй об экономике и самой монетарной политике (сторителлинг – storytelling), но и настройка более прямого и личного общения [26]. Важен также и прямой контакт с широкой общественностью (коммуникационные сессии Банка России).

Как показало проведенное исследование, развитие коммуникации является процессом динамичным, шестым этапом он не заканчивается, поэтому авторы статьи предлагают рассмотреть перспективный этап развития коммуникации.

7-й этап (перспективный) пока не определен временными рамками развития, но уже имеет свой потенциал. Предполагаем, что в соответствии с чисто философским и социологическим подходами, которые рассматривают коммуникацию как обмен информацией между сложными динамическими системами и их частями (А. Урсул) [29], от центрального банка в перспективе будет требоваться так развивать коммуникацию, чтобы была возможность настраивания обратной связи. «Быть способным и готовым слышать и слушать, объяснять и отрицать то, что не соответствует действительности» [15]. Здесь, конечно же, может помочь уже разработанная и применяемая стратегия многоуровневой коммуникации (если это будет сделано на 6-м этапе развития).

Ведь использование социальных сетей не только предоставляет центральным банкам платформу, которая может улучшить их коммуникацию, но также и позволит как экспертам, так и широкой аудитории легко выражать свое мнение о решениях в области монетарной политики и о проведении центральным банком своих операций [18]. Однако главным остается то, чтобы настройка этого общения, обратной связи носила регулярный характер.

Результат авторского исследования развития коммуникации как инструмента монетарной политики представлен в таблице.

Периоды развития коммуникации как инструмента монетарной политики

Период	Характеристика	Этап	Характеристика
Подготовительный	Создание основы для возможности применения коммуникации (переход от антикоммуникации к коммуникации)	1-й этап (до 1980-х гг.)	Закрытость информации о деятельности центрального банка
		2-й этап (до 1990-х гг.)	Начало открытости информации, рассмотрение вопроса о независимости и подотчетности деятельности центрального банка (первые высказывания экономистов о коммуникации)
Начало практики	Начало исследования возможности и формирование основы для применения коммуникации	3-й этап (1990–2000-е гг.)	Начало реализации такого структурного элемента инфляционного таргетирования, как прозрачность, через применение коммуникации
Погружение в коммуникацию	Активное применение коммуникации и исследование ее видов и характеристик	4-й этап (2000–2010 гг.)	Разработка коммуникации, ориентированной на экспертное сообщество
		5-й этап (2010–2020 гг.)	Исследование и формирование основ для коммуникации, ориентированной на широкую аудиторию
Совершенствование коммуникации	Разработка и реализация комплексного подхода к коммуникации	6-й этап (с 2021 г. по настоящее время)	Разработка и применение многоуровневой (многослойной) коммуникации)
		7 этап (перспективный)	Налаживание обратной связи от экспертной и широкой аудитории к центральному банку

Источник: составлено авторами.

Заключение

Итак, коммуникация как инструмент монетарной политики прошла длительный период (многоэтапность) своего развития, от антикоммуникации к многоуровневой коммуникации. Сегодня коммуникационный ландшафт характеризуется круглосуточным циклом новостей, снижением охвата традиционных (печатных) СМИ, более фрагментированной, поляризованной и активной аудиторией, растущей важностью прямых каналов связи, таких как социальные сети, и усилением общественного контроля и требований прозрачности. Современные цифровые технологии позволяют напрямую и целенаправленно общаться с широкой общественностью, например через каналы социальных сетей.

В мире, где обилию информации противостоит недостаток внимания, центральные банки конкурируют за это внимание. Им необходимо информировать разные аудитории о своей деятельности.

Прямое целенаправленное взаимодействие с широкой аудиторией может принести существенные выгоды, такие как повышение уровня знаний об ин-

фляции и укрепление доверия к центральным банкам. Максимальное использование цифровых технологий будет способствовать результативности монетарной политики центрального банка за счет повышения понимания широкой общественностью его работы и формирования доверия к нему.

Проблема с финансовой грамотностью, как было указано выше, является своеобразным тормозом в развитии коммуникации, она и сегодня пока еще не решена. Решить её возможно лишь с помощью учета когнитивных способностей современного человека и акцента на целевые аудитории. Это задача сложная и в ближайшей перспективе пока еще не решаемая.

Заглядывая в будущее, можно сказать, что активное продвижение цифровизации открывает новые ключевые возможности для финансового образования. В этом контексте, например, потенциальное введение цифровой валюты центральными банками может стать дополнительным обучающим моментом, благодаря которому труднодоступная аудитория станет более открытой для изучения ключевых финансовых концепций.

Итак, наблюдения, касающиеся современной монетарной политики, осуществляемой центральными банками, по сравнению с их политиками в период первоначального применения коммуникации, позволяют сделать вывод о том, что потенциал коммуникации как инструмента монетарной политики пока еще полностью не реализован. Мы сейчас находимся в совершенно новом фундаментальном мире, и развитие коммуникации как ключевого инструмента монетарной политики ЦБ продолжается.

Список источников

1. Коммуникации центрального банка с широкой общественностью: сложно, но перспективно / А. Блиндер и др. URL: <https://econs.online/articles/opinions/kommunikatsii-tsentrobanka-s-shirokoy-obshchestvennostyu-slozhno-no-perspektivno/>

2. Tobias A., Laxton D., Obstfeld M. Advancing the Frontiers of Monetary Policy // International Monetary. April 2018. 296 p. URL: <https://www.elibrary.imf.org/display/book/9781484325940/9781484325940.xml>

3. Крымова И.П., Дядичко С.П. Развитие коммуникации как инструмента таргетирования инфляции // Развитие и взаимодействие реального и финансового секторов экономики в условиях цифровой трансформации : материалы Международной научно-практической конференции. Оренбург, 2023, С. 80–83. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_58804552_13711678.pdf

4. Евстигнеева А., Сидоровский М. «Поймите правильно»: язык центрального банка. URL: <https://econs.online/articles/opinions/poymite-pravilno-yazyk-tsentralnogo-banka/>

5. Юдаева К. Границы монетарной политики: мировые тенденции и российская практика инфляционного таргетирования // Деньги и кредит. 2018. № 2, июнь. С. 95–100. URL: https://rjmf.econs.online/upload/iblock/93e/RJMF_77-02_RUS_Yudaeva.pdf

6. Андриюшин С.А. Денежно-кредитная политика центральных банков в условиях и после COVID-19 // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14, № 2. С. 223–234. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/denezhno-kreditnaya-politika-tsentralnyh-bankov-v-usloviyah-i-posle-covid-19/viewer>

7. Зеленева Е.С. Коммуникации как инструмент современной денежно-кредитной политики // Вестник Евразийской науки. 2019. № 6. 9 с. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikatsii-kak-instrument-sovremennoy-denezhno-kreditnoy-politiki/viewer>

8. *Duflo E.* The economist as plumber // Working Paper 23213. March 2017. URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w23213/w23213.pdf

9. Экономисты как водопроводчики, маркетинг для центральных банков и проблемы доверия / На чем должна быть основана политика и сфокусированы экономические исследования в эпоху коронавируса: Ксения Юдаева беседует с Эстер Дюфло. URL: <https://econs.online/articles/video/ekonomisty-kak-vodoprovodchiki-marketing-dlya-tsentralnyh-bankov/>

10. *Blinder A.S., Ehrmann M., Fratzscher M. et al.* Central Bank Communication and Monetary Policy: A Survey of Theory and Evidence // ECB Working Paper No. 898. May 2008. 57 p. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1120764

11. *Blinder A.S., Ehrmann M., de Haan J. et al.* Central Bank Communication with the General Public: Promise or False Hope? // Griswold Center for Economic Policy Studies Working Paper No. 291, April 2022. 53 p. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4099997

12. *Stefano Eusepi.* Central Bank Communication and the Liquidity Trap // Journal of Money, Credit and Banking. March – April 2010. Vol. 42, Is. 2-3. P. 373–397. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1111/j.1538-4616.2009.00291.x>

13. *Man-Keung Tang, Xiangrong Yu.* Communication of Central Bank Thinking and Inflation Dynamics // International Monetary Fund. 2011. 34 p. URL: <https://www.connectedpapers.com/search?q=Communication%20of%20Central%20Bank%20Thinking%20and%20Inflation%20Dynamics&p=1>

14. *Draghi M.* Monetary policy communication in turbulent times // Economics, Political Science. 24 April. 2014. 9 p. URL: <https://www.bis.org/review/r140424b.pdf>

15. *Drvendzija J.* The function of central bank's communication: From dogma to argumentation in the virtual times // Bankarstvo. Jan 1. 2014. P. 48–59. URL: <https://www.deepdyve.com/lp/unpaywall/the-function-of-central-bank-s-communication-from-dogma-to-IRbH30oKWl?articleList=%2Fsearch%3Fquery%3DFUNKCIJA%2BKOMUNIKACIJE%2BCENTRALNE%2BBANKE%2B-%2BOD%2BDOGME%2BDO%2BARGUMENTA%2BU%2BVREMENU%2BVIRTUELNOSTI>

16. *Евстигнеева А.* Коммуникация как инструмент денежно-кредитной политики // Аналитическая записка. 2023. Май. 33 с. URL: https://www.cbr.ru/StaticHtml/File/146496/research_policy_notes_b_4_1.pdf

17. *Зеленева Е.С.* Стратегия и тактика коммуникаций в структуре инструментов современной денежно-кредитной политики : дис. ... канд. экон. наук. М., 2022. 203 с. URL: [http://www.fa.ru/org/div/uank/autorefs/dissertations/%D0%97%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B5%D0%B2%D0%B0%20%D0%95.%D0%A1.%20\(21.10.2022\)%20%D0%94%D0%B8%D1%81%D1%81%D0%B5%D1%80%D1%82%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F.pdf](http://www.fa.ru/org/div/uank/autorefs/dissertations/%D0%97%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B5%D0%B2%D0%B0%20%D0%95.%D0%A1.%20(21.10.2022)%20%D0%94%D0%B8%D1%81%D1%81%D0%B5%D1%80%D1%82%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F.pdf)

18. *Masciandaro D., Peia O., Romelli D.* Central bank communication and social media: From silence to Twitter // Journal of Economic Surveys. 2023. Feb. 9. doi: 10.1111/joes.12550. URL: <https://www.deepdyve.com/lp/wiley/central-bank-communication-and-social-media-from-silence-to-twitter-N6PYBFE0BC?articleList=%2Fsearch%3Fquery%3DCentral%2Bbank%2Bcommunication%2Band%2Bsocial%2Bmedia%253A%2BFrom%2Bsilence%2Bto%2BTwitter>

19. Официальный сайт Резервного банка Новой Зеландии. URL: <https://www.rbnz.govt.nz/>

20. Официальный сайт Банка Канады. URL: <https://www.bankofcanada.ca/>

21. Официальный сайт Банка Англии. URL: <https://www.bankofengland.co.uk/>

22. Официальный сайт Банка Израиля. URL: <https://www.boi.org.il/en/>

23. *Евстигнеева А.* Почему современные центральные банки так много говорят. URL: <https://econs.online/articles/opinions/pochemu-sovremennye-tsentralnye-banki-tak-mnogo-govoryat/>

24. Крымова И.П., Дядичко С.П. Таргетирование инфляции в России: первые итоги // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2019. Т 8, № 3 (28). С. 209–213. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_39560277_35128152.pdf
25. Рябова И. Новая эпоха неопределенности: последствия для центральных банков. URL: <https://econs.online/articles/ekonomika/novaya-epokha-neopredelennosti/>
26. Assenmacher K., Glöckler G. et al. Clear, Consistent and Engaging: ECB Monetary Policy Communication in a Changing World // ECB Occasional Paper No. 2021/274. 2021. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3928296
27. Крымова И.П., Дядичко С.П. Монетарные стратегии центральных банков в условиях ограничений // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2021. Т. 10, № 3 (36). С. 199–203. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_46703452_48630349.pdf
28. Brouwer N., de Haan J. The Impact of Providing Information about the ECB's Instruments on Inflation Expectations and Trust in the ECB: Experimental Evidence // Journal of Macroeconomics. 2022. Vol. 73. Art. № 103430. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0164070422000295>
29. Урсул А.Д. Природа информации: философский очерк. 2-е изд. Челябинск, 2010. 231 с. URL: http://inion.ru/site/assets/files/1486/ursul_a_d_priroda_informacii.pdf

References

1. Blinder, A. et al. (n.d.) *Kommunikatsii tsentral'nogo banka s shirokoy obshchestvennost'yu: slozhno, no perspektivno* [Communications of the central bank with the general public: difficult, yet promising]. [Online] Available from: <https://econs.online/articles/opinions/kommunikatsii-tsentrobanka-s-shirokoy-obshchestvennostyu-slozhno-no-perspektivno/>
2. Tobias, A., Laxton, D. & Obstfeld, M. (2018) Advancing the Frontiers of Monetary Policy. *International Monetary*. April. [Online] Available from: <https://www.elibrary.imf.org/display/book/9781484325940/9781484325940.xml>
3. Krymova, I.P. & Dyadichko, S.P. (2023) [Development of communication as a tool for targeting inflation]. *Razvitie i vzaimodeystvie real'nogo i finansovogo sektorov ekonomiki v usloviyakh tsifrovoy transformatsii* [Development and interaction of the real and financial sectors of the economy in the context of digital transformation]. Proceedings of the International Conference. Orenburg. pp. 80–83. [Online] Available from: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_58804552_13711678.pdf (In Russian).
4. Evstigneeva, A. & Sidorovskiy, M. (n.d.) “*Poymite pravil'no*”: *yazyk tsentral'nogo banka* [“Get it right”: the language of the central bank]. [Online] Available from: <https://econs.online/articles/opinions/poymite-pravilno-yazyk-tsentralnogo-banka/>
5. Yudaeva, K. (2018) Granitsy monetarnoy politiki: mirovye tendentsii i rossiyskaya praktika inflyatsionnogo targetirovaniya [Boundaries of monetary policy: global trends and Russian practice of inflation targeting]. *Den'gi i kredit*. 2. pp. 95–100. [Online] Available from: https://tjmf.econs.online/upload/iblock/93e/RJMF_77-02_RUS_Yudaeva.pdf
6. Andryushin, S.A. (2020) Denezhno-kreditnaya politika tsentral'nykh bankov v usloviyakh i posle COVID-19 [Monetary policy of central banks in the conditions and after COVID-19]. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*. 14 (2). pp. 223–234. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/denezhno-kreditnaya-politika-tsentralnyh-bankov-v-usloviyah-i-posle-covid-19/viewer>
7. Zeleneva, E.S. (2019) Kommunikatsii kak instrument sovremennoy denezhno-kreditnoy politiki [Communications as a tool of modern monetary policy]. *Vestnik Evraziyskoy nauki*. 6. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikatsii-kak-instrument-sovremennoy-denezhno-kreditnoy-politiki/viewer>
8. Duflo, E. (2017) The economist as plumber. *Working Paper 23213*. March. [Online] Available from: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w23213/w23213.pdf

9. Econs.online. (n.d.) *Ekonomisty kak vodoprovodchiki, marketing dlya tsentral'nykh bankov i problemy doveriya* [Economists as plumbers, marketing for central banks and problems of trust]. [Online] Available from: <https://econs.online/articles/video/ekonomisty-kak-vodoprovodchiki-marketing-dlya-tsentralnyh-bankov/>

10. Blinder, A.S. et al. (2008) Central Bank Communication and Monetary Policy: A Survey of Theory and Evidence. *ECB Working Paper No. 898*. May. [Online] Available from: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1120764

11. Blinder, A.S. et al. (2022) Central Bank Communication with the General Public: Promise or False Hope? *Griswold Center for Economic Policy Studies Working Paper No. 291*. April. [Online] Available from: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4099997

12. Eusepi, S. (2010) Central Bank Communication and the Liquidity Trap. *Journal of Money, Credit and Banking*. 42 (2-3). pp. 373–397. [Online] Available from: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1111/j.1538-4616.2009.00291.x>

13. Man-Keung Tang & Xiangrong Yu. (2011) *Communication of Central Bank Thinking and Inflation Dynamics*. International Monetary Fund. [Online] Available from: <https://www.connectedpapers.com/search?q=Communication%20of%20Central%20Bank%20Thinking%20and%20Inflation%20Dynamics&p=1>

14. Draghi, M. (2014) Monetary policy communication in turbulent times. *Economics, Political Science*. 24 April. [Online] Available from: <https://www.bis.org/review/r140424b.pdf>

15. Drvendzija, J. (2014) The function of central bank's communication: From dogva to argumentation in the virtual times. *Bankarstvo*. Jan 1. pp. 48–59. [Online] Available from: <https://www.deepdyve.com/lp/unpaywall/the-function-of-central-bank-s-communication-from-dogva-to-lRbH30oKW?articleList=%2Fsearch%3Fquery%3DFUNKCIJA%2BKOMUNIKACIJE%2BCENTRALNE%2BBANKE%2B-%2BOD%2BDOGME%2BDO%2BARGUMENTA%2BU%2BVREMENU%2BVIRTUELNOSTI>

16. Evstigneeva, A. (2023) *Kommunikatsiya kak instrument denezhno-kreditnoy politiki* [Communication as a monetary policy tool]. [Online] Available from: https://www.cbr.ru/StaticHtml/File/146496/research_policy_notes_b_4_1.pdf

17. Zeleneva, E.S. (2022) *Strategiya i taktika komunikatsiy v strukture instrumentov sovremennoy denezhno-kreditnoy politiki* [Strategy and tactics of communications in the structure of modern monetary policy tools]. Economics Cand. Diss. Moscow. [Online] Available from: [http://www.fa.ru/org/div/uank/autorefs/dissertations/%D0%97%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B5%D0%B2%D0%B0%20%D0%95.%D0%A1.%20\(21.10.2022\)%20%D0%94%D0%B8%D1%81%D1%81%D0%B5%D1%80%D1%82%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F.pdf](http://www.fa.ru/org/div/uank/autorefs/dissertations/%D0%97%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B5%D0%B2%D0%B0%20%D0%95.%D0%A1.%20(21.10.2022)%20%D0%94%D0%B8%D1%81%D1%81%D0%B5%D1%80%D1%82%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F.pdf)

18. Masciandaro, D., Peia, O. & Romelli, D. (2023) Central bank communication and social media: From silence to Twitter. *Journal of Economic Surveys*. Feb. 9. doi: 10.1111/joes.12550. [Online] Available from: <https://www.deepdyve.com/lp/wiley/central-bank-communication-and-social-media-from-silence-to-twitter-N6PYBFE0BC?articleList=%2Fsearch%3Fquery%3DCentral%2Bbank%2Bcommunication%2Band%2Bsocial%2Bmedia%253A%2BFrom%2Bsilence%2Bto%2BTwitter>

19. *Official website of the Reserve Bank of New Zealand*. [Online] Available from: <https://www.rbnz.govt.nz/>

20. *Official website of the Bank of Canada*. [Online] Available from: <https://www.bankofcanada.ca/>

21. *Official website of the Bank of England*. [Online] Available from: <https://www.bankofengland.co.uk/>

22. *Official website of the Bank of Israel*. [Online] Available from: <https://www.boi.org.il/en/>

23. Evstigneeva, A. (n.d.) *Pochemu sovremennye tsentral'nye banki tak mnogo govoryat* [Why modern central banks talk so much]. [Online] Available from: <https://econs.online/articles/opinions/pochemu-sovremennye-tsentralnye-banki-tak-mnogo-govoryat/>

24. Krymova, I.P. & Dyadichko, S.P. (2019) Targetirovanie inflyatsii v Rossii: pervye itogi [Inflation targeting in Russia: first results]. *Azimet nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie*. 8:3 (28). pp. 209–213. [Online] Available from: https://elibrary.ru/download/elibrary_39560277_35128152.pdf

25. Ryabova, I. (n.d.) *Novaya epokha neopredelennosti: posledstviya dlya tsentral'nykh bankov* [A new era of uncertainty: consequences for central banks]. [Online] Available from: <https://econs.online/articles/ekonomika/novaya-epokha-neopredelennosti/>

26. Assenmacher, K. et al. (2021) Clear, Consistent and Engaging: ECB Monetary Policy Communication in a Changing World. *ECB Occasional Paper No. 2021/274*. [Online] Available from: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3928296

27. Krymova, I.P. & Dyadichko, S.P. (2021) Monetarnye strategii tsentral'nykh bankov v usloviyakh ogranicheniy [Monetary strategies of central banks under conditions of restrictions]. *Azimet nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie*. 10:3 (36). pp. 199–203. [Online] Available from: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_46703452_48630349.pdf

28. Brouwer, N. & de Haan, J. (2022) The Impact of Providing Information about the ECB's Instruments on Inflation Expectations and Trust in the ECB: Experimental Evidence. *Journal of Macroeconomics*. 73. Art. 103430. [Online] Available from: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0164070422000295>

29. Ursul, A.D. (2010) *Priroda informatsii: filosofskiy ocherk* [The nature of information: a philosophical essay]. 2nd ed. Chelyabinsk. [Online] Available from: http://inion.ru/site/assets/files/1486/ursul_a_d_priroda_informacii.pdf

Информация об авторах:

Крымова И.П. – кандидат экономических наук, доцент кафедры банковского дела и страхования, Оренбургский государственный университет (Оренбург, Россия). E-mail: krumova1966@mail.ru

Дядичко С.П. – кандидат экономических наук, доцент кафедры банковского дела и страхования, Оренбургский государственный университет (Оренбург, Россия). E-mail: dyadichco1@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

I.P. Krymova, Cand. Sci. (Economics), associate professor, Orenburg State University (Orenburg, Russian Federation). E-mail: krumova1966@mail.ru

S.P. Dyadichko, Cand. Sci. (Economics), associate professor, Orenburg State University (Orenburg, Russian Federation). E-mail: dyadichco1@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 05.03.2024;
одобрена после рецензирования 08.04.2024; принята к публикации 15.05.2024.*

*The article was submitted 05.03.2024;
approved after reviewing 08.04.2024; accepted for publication 15.05.2024.*

Научная статья
УДК 330.342
doi: 10.17223/19988648/66/2

Место корпоративной социальной ответственности в современном капитализме

Арсений Аркадьевич Морозов¹

¹ *Институт экономики ФИЦ Карельского научного центра РАН,
Петрозаводск, Россия, Morozov589@gmail.com*

Аннотация. В эпоху глобализации и информационных технологий, когда компании становятся все более значимыми участниками социальной жизни, вопросы социальной ответственности приобретают особую остроту. Однако, несмотря на позитивные аспекты социальной ответственности бизнеса, такие как улучшение имиджа компании, повышение лояльности сотрудников и потребителей, существуют и отрицательные стороны данной концепции, требующие тщательного анализа. Отрицательные моменты концепции социальной ответственности бизнеса заключаются не только в потенциальном снижении экономической эффективности из-за увеличения расходов на социальные программы, но и в возможности злоупотребления этой концепцией в целях маркетинга без реального вклада в социальное развитие территорий. Существует риск того, что социальная ответственность может превратиться в инструмент корпоративной пропаганды, прикрывающий неэтичные практики компаний. Это ставит под вопрос эффективность и искренность социальных инициатив бизнеса, а также поднимает проблему недостаточной прозрачности и контроля за реализацией принципов социальной ответственности. Исследование отрицательных сторон концепции социальной ответственности бизнеса позволяет выявить слабые места данного подхода, что важно для разработки более эффективных стратегий и механизмов реализации социальной ответственности. В исследовании предложены примеры для пересмотра и модернизации концепции социальной ответственности бизнеса с учётом различных экономических систем.

Ключевые слова: КСО, бизнес, менеджмент, социальная ответственность, ESG

Для цитирования: Морозов А.А. Место корпоративной социальной ответственности в современном капитализме // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2024. № 66. С. 26–41. doi: 10.17223/19988648/66/2

Original article

The place of corporate social responsibility in modern capitalism

Arseniy A. Morozov¹

¹ Institute of Economics of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk, Russian Federation, Morozov589@gmail.com

Abstract. In the era of globalization and information technology, when companies are becoming more and more important participants in public life, issues of social responsibility are becoming particularly acute. However, despite the positive aspects of business social responsibility, such as improving the company's image, increasing employee and consumer loyalty, there are also negative aspects of this concept that require careful analysis. The negative aspects of the concept of social responsibility of business are not only the potential decrease in economic efficiency due to increased spending on social programs, but also the possibility of abuse of this concept for marketing purposes without a real contribution to the social development of territories. There is a risk that social responsibility may turn into a corporate propaganda tool that covers up companies' unethical practices. This casts doubt on the effectiveness and sincerity of business social initiatives, as well as raises the problem of insufficient transparency and control over the implementation of the principles of social responsibility. The study of the negative aspects of the concept of social responsibility of business allows identifying the weaknesses of this approach, which is important for the development of more effective strategies and mechanisms for the implementation of social responsibility. The study provides examples for revising and modernizing the concept of business social responsibility, taking into account different economic systems.

Keywords: CSR, business, management, social responsibility, ESG

For citation: Morozov, A.A. (2024) The place of corporate social responsibility in modern capitalism. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 66. pp. 26–41. (In Russian). doi: 10.17223/19988648/66/2

Понятие «корпоративная социальная ответственность» (КСО) хотя и получило широкое распространение в последние три десятилетия, однако до сих пор остается многогранным и интерпретируется по-разному в зависимости от контекста. Согласно одной из трактовок понятие корпоративной социальной ответственности обозначает «продвижение практик ответственного бизнеса, которые приносят пользу как самому бизнесу, так и обществу, способствуя социальному, экономическому и экологическому устойчивому развитию» [1, с. 62], что подразумевает стремление не только к усилению полезного эффекта, производимого отдельным экономическим агентом на общественное благосостояние, но и к сокращению его отрицательного воздействия на социальную и экологическую сферы.

Л.Г. Лаптев, определяя КСО в более масштабном смысле, подразумевает «ответственность предприятия перед своими продуктами или услугами, по-

требителями, работниками, партнерами, а также активную социальную позицию предприятия, которая проявляется в гармоничном сосуществовании и постоянном диалоге с обществом, участием в решении острых социальных проблем» [2, с. 114].

Следовательно, корпоративная социальная ответственность становится «осознанным решением организации, целью которого является не только достижение экономической выгоды, но и внесение значимого вклада в социальное развитие общества» [3, с. 30]. Стоит подчеркнуть, что принятие принципов КСО осуществляется компанией на добровольной основе, в целях улучшения общественного благополучия посредством адекватного распределения и использования корпоративных ресурсов в процессе ведения деловой активности.

За последние годы исследования в области КСО, как правило, фокусируются на положительных результатах применения концепции, таких как повышение финансовых показателей, улучшение репутации и т.п. Меньше внимания уделяется тому, почему КСО часто подвергается критике. Отчасти проблема заключается в том, что немногие компании публично делятся сложностями или проблемами, возникающими при внедрении принципов КСО [4]. Возникающий в результате чрезмерный акцент на положительных эффектах концепции работает против осознания ее недостатков, которые являются реальными. Для того чтобы понять КСО, необходимо понимать и рассматривать реалии экономической системы, в которой она внедряется, а именно современный капитализм. Roth и др. [5] отмечают, что КСО формируется капитализмом и поддерживается им. Scheider [6] отмечает, что неудачи в КСО связаны с недостатками капитализма.

В то время как концепция приобрела известность и стала «модной», она потеряла доверие, поскольку ее экономическое воздействие трудно измерить, негативно настроенные менеджеры заинтересованы в искажении информации, которую они предоставляют общественности о КСО своих компаний, а корпоративные программы оказались неэффективными в обеспечении позитивными изменениями, которые КСО обещала обществу [7–9]. Это приводит к первому фундаментальному вопросу: какова основная причина того, что КСО подвергается постоянной критике и давлению в условиях современного капитализма? В то время как капитализм часто считается лучшим инструментом, созданным людьми для производства и распределения богатства [10], в капиталистических экономиках регулярно встречаются нарушения делового поведения, банкротство и скандалы, а также устойчивое неравенство, социальная изоляция, деловая и политическая коррупция, институциональный коллапс, ухудшение окружающей среды и искажение принципов конкуренции, что является хроническим побочным продуктом капиталистической системы [11–14]. Цель «максимизация акционерной стоимости» неоднократно подвергалась критике за отсутствие конкурентоспособности, устойчивости, инклюзивности, демократичности или этики [15]. Это именно те проблемы, которые КСО призвана решать путем восстановления баланса между рынком, правительством и гражданским обществом.

Тем не менее КСО, практикуемая в капиталистической системе, неизбежно подвергается влиянию тех же сил, которые приводят к описанным выше проблемам капитализма. Это вызывает второй вопрос: предполагая, что КСО нельзя отделить от капитализма, как тогда КСО можно изменить или «изобрести заново», чтобы она приносила лучшие результаты?

Инициативы КСО содействуют повышению репутации компании, укреплению её бренда и созданию доверия со стороны потребителей, инвесторов и общественности, имиджа в целом. В последние годы КСО стала важной частью стратегии устойчивого развития многих крупных и малых предприятий по всему миру. Однако, принимая во внимание культурно-исторические, политические и социально-экономические особенности различных регионов и стран, наблюдаются заметные отличия в интерпретации и практическом применении КСО. В таблице представлен анализ разнообразия подходов к КСО на примере западных стран, иллюстрирующий эти различия.

Анализ различий в определении корпоративной социальной ответственности в США и странах Европы

Признаки различий	США	Европа
Цель деятельности предприятия	Максимизация доходов и акционерной стоимости	Устойчивое развитие. Соблюдение интересов всех участников
Мотив деятельности	Личные убеждения руководителя и корпоративная культура	Общественное давление и социальная норма
Субъекты	Предприятия и НКО	Предприятия, правительственные органы, профсоюзы
Нормативно-правовая база регулирования	Корпоративные кодексы поведения и этические стандарты	Национальное законодательство, стандарты ЕС

Источник: составлено автором.

Как видно из таблицы, интерпретация и практика корпоративной социальной ответственности значительно варьируются в различных культурных и географических контекстах, особенно при сопоставлении подходов в США и Европейском союзе. Данное различие преимущественно обусловлено разной степенью вовлеченности государственных и корпоративных структур в процесс реализации КСО. В американской модели основополагающую роль играют стратегические решения управленческого и собственного аппарата компаний, подчеркивая важность корпоративной автономии. В европейском контексте на передний план выходит активное участие государственных институтов и профессиональных объединений, что отражает более коллективистский подход к социальной ответственности бизнеса.

Основы критического взгляда на КСО были заложены еще в 1958 г., когда Теодор Левитт опубликовал свою статью «Угрозы социальной ответственности» [16], положив начало дискуссии о роли и значении социальной ответственности в корпоративной среде.

Теодор Левитт в своих работах высказывал мнение, что принятие корпорациями социальных обязательств может подорвать основы капитализма.

Он утверждал, что «компаниям следует отказаться от “абсурдной” концепции широкой социальной ответственности, сосредоточившись исключительно на долгосрочной максимизации прибыли как на своей основной цели» [3, с. 32].

Милтон Фридмен, выдающийся экономист, выдвигал тезис, согласно которому концепция корпоративной социальной ответственности должна быть ограничена прямыми экономическими обязательствами. К таким обязательствам он относил уплату налогов, предоставление справедливой заработной платы сотрудникам и создание новых рабочих мест. Фридмен утверждал, что первоочередная задача высшего управленческого состава заключается в максимизации прибыли в интересах акционеров, предполагая, что удовлетворение их интересов является главной целью компании [7, с. 32]. Таким образом, он подчеркивал ограниченную роль бизнеса в решении социальных проблем, сосредотачиваясь на его экономической функции и ответственности перед владельцами.

Критика концепции корпоративной социальной ответственности в значительной степени основывается на предположении, что она противоречит главному принципу предпринимательства – максимизации прибыли. С точки зрения критиков, в краткосрочной перспективе расходы на социальные программы могут снижать доходы компании. Это ведет к дискуссии о балансе между социальной ответственностью и финансовой эффективностью в современном бизнесе [18].

Действительно, один из основных аргументов противников концепции корпоративной социальной ответственности заключается в том, что социальная активность компаний увеличивает их издержки. Это может ставить фирмы, инвестирующие в социальные программы, в менее выгодное положение по сравнению с конкурентами, которые таких затрат не несут и, следовательно, могут предлагать более низкие цены или получать большую прибыль. Критики также высказывают опасения относительно того, что «издержки на осуществление социальных программ часто оказываются перенесенными на заинтересованные стороны, включая повышение цен на товары и услуги, снижение дивидендов для акционеров или увеличение расходов на заработную плату сотрудников» [19, с. 55]. Такой подход может влиять на конкурентоспособность компании и ее финансовые показатели. Критика КСО часто исходит из рассмотрения краткосрочных перспектив компании. В этом контексте затраты на социальные программы видятся как непосредственное уменьшение прибыли. Однако такой взгляд не учитывает потенциальных долгосрочных выгод от социальной ответственности, таких как улучшение репутации компании и повышение лояльности клиентов.

Милтон Фридмен и другие критики КСО утверждали, что социальная ответственность ложится на плечи отдельных людей, а не корпораций в целом. По их мнению, решение о трате средств на социальные цели должно быть личным выбором предпринимателя, а не стратегией компании, использующей для этих целей средства акционеров и других заинтересованных сторон.

Очень интересный пример работы Кима [4], который рассматривает взаимосвязь КСО и современного капитализма на примере Азии. Азиатская КСО превосходит западную КСО потому, что капитализм и деловое поведение принимают разные формы в современной Азии. Например, капитализм с высокой степенью координации встречается в Японии, капитализм, управляемый государством, встречается в Корее, а авторитарный капитализм встречается в Китае [20]. Соответственно, выражения КСО также будут отличаться в разных странах Азии. Например, практика КСО в Корее, как правило, носит скорее нормативный, чем стратегический характер, находясь на перекрестке между неявным и явным поведением в области КСО. В Японии КСО руководствуется целью социальной сплоченности и дополняет систему ценностей корпоративного управления [21]. Таким образом, сосредоточение внимания на КСО в Азии дает возможность понять, как на динамику КСО влияют различные экономические системы и институциональное давление. Это может расширить возможности для переосмысления КСО и дать новые идеи мировым исследователям и управленцам компаний.

Ким выделяет 5 главных проблем КСО при современном капитализме [4]:

1. Неудержимый личный интерес. Если КСО действительно должна приносить пользу бизнесу и обществу, ее нельзя рассматривать как маркетинговый инструмент, как стратегию увеличения прибыли или как «показуху» для отвлечения внимания общественности от негативной информации. Чтобы КСО была успешной, предприниматели и менеджеры должны разрабатывать и внедрять целевые программы, которые интегрируют этические основы в свои бизнес-стратегии и практику. Другими словами, КСО должна быть искренней; если она не основана на сильных этических аспектах, то не может являться истинной или успешной концепцией.

2. «Ежеквартальный» капитализм ведет к ежеквартальной КСО. Краткосрочные стратегии часто преобладают в условиях ежеквартального управления. Квартальный капитализм естественным образом приводит к соответствующему квартальному подходу к КСО, когда корпорации используют КСО в качестве PR-тактики, чтобы добиться положительного освещения в СМИ и ослабить общественное давление. Краткосрочная КСО, однако, совершенно не способна достоверно решить такие проблемы, как изменение климата, бедность и экономическое неравенство. Решение этих проблем каким-либо значимым образом требует долгосрочной стратегии – на десятилетия, а не на кварталы одного года. Например, принятие корпорациями и работа над достижениями целей устойчивого развития ООН (ЦУР) затруднены, если вообще возможны, в условиях «квартального» управления [22]. Многие ведущие корпорации признали это и переориентировали себя на работу в долгосрочной перспективе в области создания общих ценностей и устойчивого развития, приняв программы и запустив такие кампании, как «Хорошая еда, хорошая жизнь» (Nestle), «Наша планета, наше здоровье» (Danone) и др. Эти примеры являются скорее исключением, а не правилом. На программы КСО в большинстве обращают мало внимания. Пока компании играют в краткосрочную, ориентированную на квартальные результаты

игру, их инициативы в области КСО неизбежно будут отражать это. Возникающие в результате узкие и специальные программы КСО не способны решить серьезные социальные, экономические и экологические проблемы.

3. Элитарная КСО. Элитарный капитализм порождает элитарные инициативы и программы КСО, движимые состоятельными людьми и людьми, занимающими руководящие посты. Попытка реализовать программу, созданную исключительно руководителями или отделом по КСО, является ошибочной. Поскольку действия бизнеса затрагивают широкий круг заинтересованных сторон, включая сотрудников, НКО и местное сообщество, с представителями этих групп следует консультироваться и привлекать их к разработке и внедрению программ КСО. КСО, разработанная элитами, вероятно, будет воспринята со скептицизмом многими заинтересованными сторонами, которые склонны сомневаться в искренности инициатив или могут интерпретировать их как признаки того, что компания что-то скрывает.

4. КСО, ориентированная на объем. Принцип «чем больше, тем лучше» часто отражается в соответствующем подходе к КСО, ориентированном на объем, когда компании оценивают свои усилия в области КСО по критерию того, сколько денег тратится. Многие крупные компании тратят большие суммы на благотворительные инициативы, потому что считают, что это тесно связано с их визуальной корпоративной идентичностью, связями и брендингом. Это серьезное непонимание того, что такое подлинная КСО. Важно не количество денег, потраченных на КСО, важен эффект, который оказывается на общество.

В системе капитализма, ориентированного на объем, нацеленного на максимизацию прибыли, КСО, как правило, объединяется с единственной целью – максимизацией прибыли. На самом деле наиболее популярное утверждение в отношении КСО среди менеджеров заключается в том, что компании могут преуспеть, делая добро. Несмотря на некоторые неубедительные результаты, академические исследования выявляют взаимосвязь между КСО и финансовыми показателями.

Совершенно другой вопрос: правильна ли КСО, ориентированная на увеличение прибыли? Появилось множество критиков, которые утверждают, что это не так. Meier, Cassar [23], например, настаивают на том, что компании не должны использовать КСО как способ увеличения прибыли, поскольку это угрожает уничтожить те самые преимущества, которые КСО призвана достичь. Johnston и др. [24] призывают компании рассматривать КСО как необходимые внутренние социальные издержки, а не как стратегический инструмент, утверждая, что КСО не следует оценивать по тому, прибыльна она или нет. Пристальное внимание к финансовому воздействию КСО привело к тому, что социальному воздействию уделялось ограниченное внимание. При таком рассмотрении есть риск упустить смысл самого существования КСО. Orlitzky [25] утверждает, что важно измерять результаты КСО с точки зрения оценки выгод, которые она приносит множеству заинтересованных сторон, а не просто анализируя затраты и выгоды или объем ресурсов, выделяемых на инициативы в области КСО.

5. Одношаблонная КСО. Hall и Soskice [26] приводят основное различие между экономикой стран с либеральной рыночной экономикой, таких как Соединенные Штаты и Великобритания, где фирмы координируют свою деятельность главным образом с помощью иерархий и конкурентных рыночных механизмов, и стран с координированной рыночной экономикой (СМЕs), таких как Германия, где корпорации в большей степени зависят от нерыночных отношений для координации своей деятельности с другими участниками и развития ключевых компетенций.

Vogel [27] описывает японскую «амбивалентную» версию акционерного капитализма, которая не сходится с американской моделью акционерного капитализма, но сохраняет характеристики традиционных японских бизнес-моделей, таких как приоритет заинтересованных сторон над акционерами и долгосрочный рост над краткосрочной прибылью. Другие азиатские страны также демонстрируют сильную напряженность между моделью капитализма свободного рынка и более закрытой азиатской культурной динамикой. Азиатская разновидность капитализма, добавляющая западному капитализму традиционные конфуцианские ценности, была движущей силой экономического развития Азии. Рынки Восточной Азии, в частности, характеризуются сетевым капитализмом с уникальными институциональными связями, такими как японские «кэйрэцу» (например, Mitsubishi и Mitsui) и южнокорейский «чеболь» (например, Samsung и Hyundai Group). Разные нации практикуют разные формы капитализма, которые различны в культурном и институциональном отношении [4].

На рис. 1 обобщен приведенный выше анализ Кима, представляющий каждый из пяти недостатков капитализма и соответствующие недостатки в инициативах КСО.

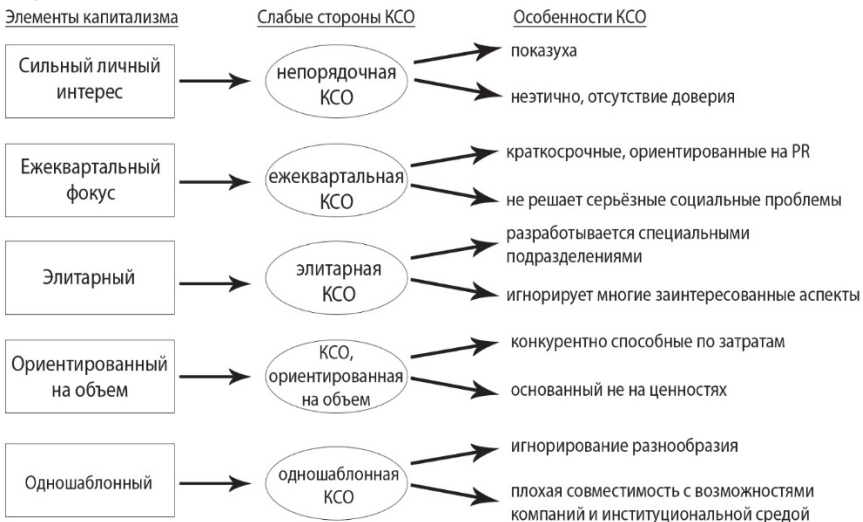

Рис. 1. Основные проблемы в области КСО в современном капитализме.

Источник: составлено автором

В литературе можно встретить и другие аргументы «против» реализации концепции корпоративной социальной ответственности в традиционном виде:

1. Недостаточно развитая система социальной отчетности: вопреки строгим стандартам финансовой отчетности, социальная отчетность еще не обладает унифицированной и четко определенной системой, что означает, что во многих случаях трудно оценить реальный вклад компаний в социальную сферу и эффективность их социальных проектов.

2. Трудность выбора приоритетов в сфере КСО: определение ключевых направлений социальной ответственности является сложным заданием. Решения в этой сфере могут различным образом влиять на интересы разных групп стейкхолдеров. Например, снижение цен на продукцию может радовать потребителей, но разочаровывать акционеров.

3. Ответственность за принятие решений в области КСО: вопросы, связанные с определением направлений и объема социальной деятельности, часто остаются на усмотрение управленческой команды или владельцев компании, что может привести к субъективности в выборе социальных инициатив и недостаточному учету мнений других заинтересованных сторон.

4. Вовлечение в «этическую гонку»: компании, стремящиеся улучшить свои отношения со стейкхолдерами, могут оказаться вовлеченными в конкуренцию с другими компаниями в плане социальной ответственности. Это может привести к необходимости постоянно повышать стандарты и увеличивать инвестиции в социальные проекты [28].

Ким [4] выделяет пять решений для переосмысления концепции КСО в современных методах управления. Проанализируем их:

1. Способ избежать неэффективной «показухи» очевиден: нужно внедрять КСО, которая является этичной. Опрос менеджеров крупных компаний по всему миру показал, что строгая этика является одной из наиболее важных лидерских компетенций [29]. Демонстрация строгого этического поведения обеспечивает компаниям определенную степень безопасности на мировом рынке. Подход к КСО исключительно как к бизнес-стратегии, без сопутствующей этической позиции, может ослабить общественное доверие к деловым людям и компаниям.

2. В последние годы бизнес подвергается растущему давлению со стороны общества, требующего заниматься социальными проблемами и вносить больший вклад в решение таких проблем, как неравенство доходов, высокий уровень безработицы, растущий дефицит бюджета и изменение климата. Правительства и международные организации также подталкивают бизнес к участию в решении социальных проблем с помощью таких инициатив, как Цели устойчивого развития ООН. На корпорации оказывается давление для обеспечения пересмотра их роли в обществе, обязанностей и ожиданий, а также активного содействия решению глобальных социальных проблем. Долгосрочные программы КСО не только помогают компании завоевывать доверие общественности, они также стимулируют внедрение инноваций и способствуют устойчивому экономическому росту.

3. Вовлечение как можно большего количества людей и точек зрения в планирование и реализацию КСО – от инициирования до обсуждения, реализации и внесения изменений – является ключом к успеху КСО. Инклюзивный процесс позволяет большему числу сотрудников компании и заинтересованным сторонам участвовать в создании программ КСО. IBM, например, предоставляет финансирование и другие ресурсы для мероприятий, связанных с КСО, через свою общественную программу «On Demand», которая поощряет сотрудников и пенсионеров предприятия быть добровольцами и вносить свой вклад в общественные дела. Это увеличивает лояльность сотрудников к IBM и расширяет их взгляды на бизнес и рынок. Giles [29] утверждает, что способность создавать чувство принадлежности и вовлеченности является одной из самых важных компетенций, которыми может обладать лидер. Аналогичным образом можно привести веские доводы в пользу того, что КСО должна быть инклюзивной, т.е. планироваться и осуществляться совместно с заинтересованными сторонами и сообществом.

4. КСО, основанная на ценностях, и КСО, основанная на бизнес-стратегии, не должны рассматриваться как взаимоисключающие. Компаниям не нужно выбирать одно или другое. Важно не воспринимать или не говорить о КСО исключительно как о способе увеличения прибыли. Инициативы и программы вполне могут способствовать росту прибыли, но только в том случае, если они также основаны на ценностях.

5. Как показывают приведенные выше примеры, КСО вида «один размер подходит всем» часто не оправдывает ожиданий. Более того, все меняется и с течением времени. Менеджеры, когда они придумывают и разрабатывают инициативы или программы в области КСО, не должны игнорировать разнообразие, существующее в конкретной бизнес-среде, в ожиданиях потребителей и в том, какой именно капитализм практикуется на тех или иных рынках.

Концепция корпоративной социальной ответственности, оказывая значительное влияние на репутацию и имидж компаний, также играет важную роль в экономической сфере их деятельности. Современный капитализм и КСО взаимодействуют, но природа их взаимоотношений все еще недостаточно изучена. Корни многих не совсем успешных действий в области КСО кроются в недостатках капитализма, а именно в способах ведения бизнеса, оторванных от экономических идей Адама Смита.

В заключение хочется отметить, что хотя стремление к социальной ответственности является важным аспектом современного бизнеса, компаниям необходимо тщательно взвешивать свои решения в этой области, учитывая как потребности различных групп стейкхолдеров, так и свои собственные долгосрочные интересы и стратегии. КСО – это практика компаний включать в свою стратегию и операционную деятельность социальные и экологические цели наряду с целями получения прибыли, что означает, что компании не только стремятся к увеличению своей прибыльности, но и учитывают влияние своей деятельности на общество и окружающую среду.

Анализ КСО показывает, что, несмотря на её позитивное влияние на образ компании и повышение лояльности сотрудников и клиентов, существуют серьёзные проблемы и риски, связанные с этой концепцией. Они включают потенциальное снижение экономической эффективности из-за увеличения расходов на социальные программы, риск использования КСО в маркетинговых целях без реального вклада в социальное развитие и опасность превращения социальной ответственности в инструмент корпоративной пропаганды.

Рис. 2. Пять решений для «переосмысления» КСО. Источник: [4], авторский перевод

Развитие корпоративной социальной ответственности может быть ключевым инструментом и конкурентным преимуществом в стратегии организации, некоторые минусы этого подхода включают увеличение затрат, потенциальное размывание бизнес-фокуса и риск получения негативной реакции общества из-за несоответствия ожиданиям. Для преодоления этих проблем рекомендуется внимательно анализировать цели и результаты КСО, интегрировать ее в основные бизнес-процессы, а также активно взаимодействовать с заинтересованными сторонами для определения приоритетов и обеспечения прозрачности. Для дальнейшего изучения КСО требуется систематизация и интеграция её в современные экономические системы управления разных регионов и стран с учётом их культурно-национальных аспектов [30].

Анализируя корпоративную социальную ответственность в рамках академического дискурса, добавим её многоаспектность и динамичное развитие в контексте разнообразных теоретических подходов. КСО охватывает не только экономическую выгоду для компании, но и вносит существенный

вклад в социальное развитие, подчеркивая важность баланса между интересами бизнеса и общества. В современной академической среде КСО рассматривается как многогранное и многоаспектное явление, подвергающееся постоянной эволюции и дискуссии. Исследование КСО имеет ключевое значение для понимания сложностей и противоречий, связанных с этой концепцией. Оно помогает выявить слабые места и разработать более эффективные стратегии для реализации социальной ответственности, что в конечном итоге способствует устойчивому развитию как компаний, так и общества в целом [31].

Для отечественной действительности, с учётом современных экономических вызовов и кризисов, санкций, культурно-национальных особенностей, России требуется модернизировать систему внедрения концепции КСО и ESG в управленческие процессы. Помимо этого, есть запрос в необходимости модернизации институциональной среды, в том числе на региональном уровне, так как страна большая и в разных регионах присутствуют свои заинтересованные стороны со своими особенностями как культурного характера, так и экономического.

Список источников

1. Котлер Ф., Ли Н. Корпоративная социальная ответственность. Как сделать как можно больше добра для вашей компании и общества / пер. с англ. К. : Стандарт, 2005.
2. Социальная ответственность бизнеса. Корпоративная отчетность – новый фактор взаимодействия бизнеса и общества : сб. лекций и выступлений / под общ. ред. Л.Г. Лаптева. М. : Деловой экспресс, 2004.
3. Криворотько И.А., Тулякова Н.А. Корпоративная социальная ответственность: мировой опыт развития // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Экономика и управление. 2022. № 3.
4. Kim R.C. Rethinking corporate social responsibility under contemporary capitalism: Five ways to reinvent CSR // Business Ethics, the Environment & Responsibility. 2022. № 31. P. 346–362. doi: 10.1111/beer.12414
5. Roth S., Valentinov V., Heidingsfelder M., Perez-Valls M. CSR beyond economy and society: A post-capitalist approach // Journal of Business Ethics. 2020. № 165. P. 411–423. doi: 10.1007/s10551-018-4068-y
6. Schneider A. Bound to fail? Exploring the systemic pathologies of CSR and their implications for CSR research // Business & Society. 2020. № 59 (7). P. 1303–1338. doi: 10.1177/0007650319856616
7. Измайлов М.К., Пупенцова С.В. Сравнительный анализ практик КСО зарубежных корпоративных структур // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. 2023. № 2. С. 103–112. doi: 10.17586/2310-1172-2023-16-2-103-112
8. Конищева Т.И. Управление КСО как формой партнерства по формированию благоприятной среды функционирования бизнеса и социума в РФ // Финансовая экономика. 2023. № 7. С. 108–113. doi: 10.25997/FIE.2023.114.7.001
9. Чебаков А.В. КСО: современное состояние и перспективы развития // Учёт и контроль. 2022. № 8. С. 31–37.
10. Bishop J.D. Ethics and capitalism. University of Toronto Press, 2000.
11. Понов Г.Г. «Патология» русского капитализма в контексте сравнения генезиса капитализма в России и на западе // Историко-экономические исследования. Байкальский государственный университет. 2008. № 3. С. 63–72.

12. Сафронов Э.Е. Трансформация капитализма в XXI веке: концепция «надзорного капитализма» Шошаны Зубофф // Социологические исследования. 2021. № 4. С. 165–172. doi: 10.31857/S013216250010848-5
13. Кондратьев В. Капитализм в кризисе или кризис капитализма? // Прямые инвестиции. Инвест медиа. 2012. № 4. С. 19–21.
14. Rocha H., Pirson M., Suddaby R. Business with purpose and the purpose of business schools: Re-imagining capitalism in a post pandemic world: A conversation with Jay Coen Gilbert, Raymond Miles, Christian Felber, Raj Sisodia, Paul Adler, and Charles Wookey // Journal of Management Inquiry. 2021. № 30. P. 354–367. doi: 10.1177/10564 92620 970279
15. Reich R. Supercapitalism: The battle for democracy in an age of big business. Alfred A. Knopf, 2007.
16. Levitt T. The Dangers of Social Responsibility // Harvard Business Review. 1958. № 36. P. 41–50. URL: <http://57ef850e78feacd47e42-3eada556f2c82b951c467be415f62411.r9.cf2.rackcdn.com/Levitt-1958-TheDangersofSR.pdf> (дата обращения: 13.02.2024).
17. Иванова Т.В. Анализ отечественных и зарубежных подходов к определению понятия «Социальная ответственность предприятия» // Вестник ВолГУ. Экономика. 2015. № 4.
18. Ветрова В.В., Щербаченко П.С. Корпоративная социальная ответственность как инструмент взаимодействия с внешней средой в период экономического кризиса // Вестник университета. 2023. № 5. С. 161–168. doi: 10.26425/1816-4277-2023-5-161-168
19. Гобозова А.З. Взгляд на концепцию КСО с позиции современных компаний в глобализированной рыночной среде // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2021. № 7-1.
20. Комаров Д.С., Терник М.А., Санталова М.С. Корпоративная социальная ответственность в Китае // Вестник Академии управления и производства. 2023. № 5. С. 28–32.
21. Силова Е.С. Азиатский опыт реализации социальной корпоративной ответственности // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 3 (449). Экономические науки. Вып. 72. С. 143–149. doi: 10.47475/1994-2796-2021-10316
22. Kim R.C. Can creating shared value (CSV) and the United Nations Sustainable Development Goals (UN SDGs) collaborate for a better world? Insights from East Asia // Sustainability. 2018. № 10 (11). Art. № 4128. doi: 10.3390/su101 14128
23. Meier S., Cassar L. Stop talking about how CSR helps your bottom line // Harvard Business Review. 2018. January 31. URL: <https://hbr.org/2018/01/stop-talking-about-how-csr-helps-your-bottom-line> (дата обращения: 13.02.2024).
24. Johnston A., Amaeshi K., Adegbite E., Osuji O. Corporate social responsibility as obligated internalisation of social costs // Journal of Business Ethics. 2021. № 170. P. 39–52. doi: 10.1007/s1055 1-019-04329-y
25. Orlitzky M. Corporate social responsibility, noise, and stock market volatility // Academy of Management Perspectives. 2013. № 27 (3). P. 238–254. doi: 10.5465/amp.2012.0097
26. Hall P.A., Soskice D. (Eds.). Varieties of Capitalism: The institutional foundations of comparative advantage. Oxford University Press, 2001.
27. Vogel S.K. Japan’s ambivalent pursuit of shareholder capitalism // Politics & Society. 2019. № 47(1). P. 117–144. doi: 10.1177/0032329218 825160
28. Лисовская И.А., Константинов К.Б. ESG-отчётность как фактор повышения инвестиционной привлекательности компании // Вестник Поволжского государственного технологического университета. Серия: Экономика и управление. 2023. № 1 (56). С. 35–44. doi: 10.25686/2306-2800.2023.1.35
29. Giles S. The most important leadership competencies, according to leaders around the world. Harvard Business Review. 2016. March 15. URL: <https://hbr.org/2016/03/the-most-important-leadership-competencies-according-to-leaders-around-the-world> (дата обращения: 13.02.2024).

30. Проказов А.П. Интегрирование религиозных традиций и норм в стратегии КСО на примере Саудовской Аравии // Управление в России: проблемы и перспективы. 2019. № 4. С. 57–66.

31. Морозов А.А. Корпоративная социальная ответственность в контексте социально-экономического развития общества // Российское предпринимательство. 2018. Т. 19, № 10. doi: 10.18334/rp.19.10.39401

References

1. Kotler, P. & Lee, N. (2005) *Corporate Social Responsibility: Doing the Most Good for Your Company and Your Cause*. Kyiv: Standart. (In Russian).

2. Laptev, L.G. (ed.) (2004) *Sotsial'naya otvetstvennost' biznesa. Korporativnaya otchetnost' – novyy faktor vzaimodeystviya biznesa i obshchestva: sb. lektsiy i vystupleniy* [Social responsibility of business. Corporate reporting – a new factor in interaction between business and society: collection of articles, lectures and speeches]. Moscow: Delovoy ekspres.

3. Krivorot'ko, I.A. & Tulyakova, N.A. (2022) Korporativnaya sotsial'naya otvetstvennost': mirovoy opyt razvitiya [Corporate social responsibility: global experience of development]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Ekonomika i upravlenie*. 3. pp. 30.

4. Kim, R.C. (2022) Rethinking corporate social responsibility under contemporary capitalism: Five ways to reinvent CSR. *Business Ethics, the Environment & Responsibility*. 31. pp. 346–362. doi: 10.1111/beer.12414

5. Roth, S. et al. (2020) CSR beyond economy and society: A post-capitalist approach. *Journal of Business Ethics*. 165. pp. 411–423. doi: 10.1007/s10551-018-4068-y

6. Schneider, A. (2020) Bound to fail? Exploring the systemic pathologies of CSR and their implications for CSR research. *Business & Society*. 59 (7). pp. 1303–1338. doi: 10.1177/0007650319856616

7. Izmaylov, M.K. & Pupentsova, S.V. (2023) Sravnitel'nyy analiz praktik KSO zarubezhnykh korporativnykh struktur [Comparative analysis of CSR practices of foreign corporate structures]. *Nauchnyy zhurnal NIU ITMO. Seriya "Ekonomika i ekologicheskyy menedzhment"*. 2. pp. 103–112. doi: 10.17586/2310-1172-2023-16-2-103-112

8. Konishcheva, T.I. (2023) Upravlenie KSO kak formoy partnerstva po formirovaniyu blagopriyatnoy sredy funktsionirovaniya biznesa i sotsiuma v RF [Managing CSR as a form of partnership to create a favorable environment for the functioning of business and society in the Russian Federation]. *Finansovaya ekonomika*. 7. pp. 108–113. doi: 10.25997/FIE.2023.114.7.001

9. Chebakov, A.V. (2022) KSO: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya [CSR: current state and development prospects]. *Uchet i kontrol'*. 8. pp. 31–37.

10. Bishop, J.D. (2000) *Ethics and capitalism*. University of Toronto Press.

11. Popov, G.G. (2008) "Patologiya" russkogo kapitalizma v kontekste sravneniya genezisa kapitalizma v Rossii i na zapade ["Pathology" of Russian capitalism in the context of comparison of the genesis of capitalism in Russia and in the West]. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya. Baykal'skiy gosudarstvennyy universitet*. 3. pp. 63–72.

12. Safronov, E.E. (2021) Transformation of Capitalism in the 21st Century: "Surveillance Capitalism" Concept by Shoshana Zuboff. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 4. pp. 165–172. (In Russian). doi: 10.31857/S013216250010848-5

13. Kondrat'ev, V. (2012) Kapitalizm v krizise ili krizis kapitalizma? [Capitalism in crisis or crisis of capitalism?]. *Pryamye investitsii. Invest media*. 4. pp. 19–21.

14. Rocha, H., Pirson, M. & Suddaby, R. (2021) Business with purpose and the purpose of business schools: Re-imagining capitalism in a post pandemic world: A conversation with Jay Coen Gilbert, Raymond Miles, Christian Felber, Raj Sisodia, Paul Adler, and Charles Wookey. *Journal of Management Inquiry*. 30. pp. 354–367. doi: 10.1177/1056492620970279

15. Reich, R. (2007) *Supercapitalism: The battle for democracy in an age of big business*. Alfred A. Knopf.

16. Levitt, T. (1958) The Dangers of Social Responsibility. *Harvard Business Review*. 36. pp. 41–50. [Online] Available from: <http://57ef850e78feacd47e42-3eada556f2c82b951c467be415f62411.r9.cf2.rackcdn.com/Levitt-1958-TheDangersofSR.pdf> (Accessed: 13.02.2024).
17. Ivanova, T.V. (2015) Analiz otechestvennykh i zarubezhnykh podkhodov k opredeleniyu ponyatiya “Sotsial’naya otvetstvennost’ predpriyatiya” [Analysis of domestic and foreign approaches to defining the concept “social responsibility of an enterprise”]. *Vestnik VolGU. Ekonomika*. 4. pp. 132.
18. Vetrova, V.V. & Shcherbachenko, P.S. (2023) Corporate social responsibility as a tool of interaction with the external environment during the economic crisis. *Vestnik universiteta*. 5. pp. 161–168. doi: 10.26425/1816-4277-2023-5-161-168
19. Gobozova, A.Z. (2021) Vzglyad na kontseptsiyu KSO s pozitsii sovremennykh kompaniy v globalizirovannoy rynochnoy srede [A look at the concept of CSR from the position of modern companies in a globalized market environment]. *Aktual’nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. 7-1.
20. Komarov, D.S., Ternik, M.A. & Santalova, M.S. (2023) Korporativnaya sotsial’naya otvetstvennost’ v Kitae [Corporate social responsibility in China]. *Vestnik Akademii upravleniya i proizvodstva*. 5. pp. 28–32.
21. Silova, E.S. (2021) Asian Experience in Implementing Social Corporate Responsibility. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3 (449). *Ekonomicheskie nauki*. 72. pp. 143–149. (In Russian). doi: 10.47475/1994-2796-2021-10316
22. Kim, R.C. (2018) Can creating shared value (CSV) and the United Nations Sustainable Development Goals (UN SDGs) collaborate for a better world? Insights from East Asia. *Sustainability*. 10 (11). Art. 4128. doi: 10.3390/su10114128
23. Meier, S. & Cassar, L. (2018) Stop talking about how CSR helps your bottom line. *Harvard Business Review*. January 31. [Online] Available from: <https://hbr.org/2018/01/stop-talking-about-how-csr-helps-your-bottom-line> (Accessed: 13.02.2024).
24. Johnston, A. et al. (2021) Corporate social responsibility as obligated internalisation of social costs. *Journal of Business Ethics*. 170. pp. 39–52. doi: 10.1007/s10551-019-04329-y
25. Orlitzky, M. (2013) Corporate social responsibility, noise, and stock market volatility. *Academy of Management Perspectives*. 27 (3). pp. 238–254. doi: 10.5465/amp.2012.0097
26. Hall, P.A. & Soskice, D. (eds) (2001) *Varieties of Capitalism: The institutional foundations of comparative advantage*. Oxford University Press.
27. Vogel, S.K. (2019) Japan’s ambivalent pursuit of shareholder capitalism. *Politics & Society*. 47(1). pp. 117–144. doi: 10.1177/0032329218825160
28. Lisovskaya, I.A. & Konstantinov, K.B. (2023) ESG Reporting as a Factor of Increasing the Investment Attractiveness of the Company. *Vestnik Povolzhskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravlenie*. 1 (56). pp. 35–44. (In Russian). doi: 10.25686/2306-2800.2023.1.35
29. Giles, S. (2016) The most important leadership competencies, according to leaders around the world. *Harvard Business Review*. March 15. [Online] Available from: <https://hbr.org/2016/03/the-most-important-leadership-competencies-according-to-leaders-around-the-world> (Accessed: 13.02.2024).
30. Prokazov, A.P. (2019) Integrirovaniye religioznykh traditsiy i norm v strategii KSO na primere Saudovskoy Aravii [Integrating religious traditions and norms into CSR strategies using the example of Saudi Arabia]. *Upravlenie v Rossii: problemy i perspektivy*. 4. pp. 57–66.
31. Morozov, A.A. (2018) Corporate Social Responsibility in the Context of Company Socio-Economic Development. *Rossiyskoe predprinimatel’stvo*. 19 (10). (In Russian). doi: 10.18334/tr.19.10.39401

Информация об авторе:

Морозов А.А. – младший научный сотрудник, Институт экономики ФИЦ Карельского научного центра РАН (Петрозаводск, Россия). E-mail: Morozov589@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.A. Morozov, junior researcher, Institute of Economics of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation). E-mail: Morozov589@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.02.2024;
одобрена после рецензирования 17.03.2024; принята к публикации 15.05.2024.*

*The article was submitted 20.02.2024;
approved after reviewing 17.03.2024; accepted for publication 15.05.2024.*

Научная статья
УДК 338.45.01
doi: 10.17223/19988648/66/3

Теоретическое осмысление феномена ESG устойчивости предпринимательской среды

Игорь Николаевич Щербаков¹

¹ Университет «Синергия», Москва, Россия, isherbakov@mail.ru

Аннотация. В статье дан обзор основных трендов в современных публикациях в высокорейтинговых зарубежных журналах по проблематике устойчивости предпринимательской среды, ориентированной на ESG трансформацию. Актуальность данной тематики для российского научного и предпринимательского сообщества обусловлена тем обстоятельством, что российский бизнес воспринимает и продвигает ESG-повестку с меньшим энтузиазмом, чем зарубежные коллеги. Важность данной темы существенно связана с необходимостью достижения Россией Целей устойчивого развития, установленных в ООН. Для того чтобы понять, какие рыночные институты и элементы рыночных и нерыночных механизмов взаимодействия бизнеса с государством и другими стейкхолдерами могут работать на продвижение ESG-повестки или, наоборот, что этому препятствует, важно рассмотреть опыт тех, кто в этом преуспел. В статье проанализированы результаты исследований проблематики устойчивого развития на предмет идентификации условий, при которых социально ответственное поведение способствует или, наоборот, препятствует достижению благоприятных экономических эффектов. Выделено несколько исследовательских кластеров: (1) Теории устойчивости конкурентных преимуществ, обусловленных обладанием ресурсами – в качестве драйверов ESG трансформации рассматриваются условия доступа к кредитным ресурсам, снижение риска и вызванное этим доверие стейкхолдеров, что в конечном счете приводит к сокращению транзакционных издержек и повышению эффективности; (2) Теории встроенности фирмы в социальную структуру общества, которые объясняют взаимное доверие и обусловленную этим легитимность фирм, проводящих социально ответственную и экологически сбалансированную политику; (3) Теории подчиненности государственным нормам, в которых демонстрируются выгоды информационной открытости и ответственности менеджмента перед стейкхолдерами по вопросам проведения политики, способствующей ESG трансформации; (4) Теории, объясняющие роль аллокации капитала, соответствующей стандартам ESG, показывают, как распределение дефицитных капитальных ресурсов между участниками рынка зависит от приверженности компаний принципам ESG. В данном обзоре главное внимание уделено комплексу нерешенных проблем и неоднозначности многих результатов, полученных в исследованиях проблематики устойчивого развития.

Ключевые слова: ESG трансформация, социально ответственное поведение, теория агентских отношений, теория сигнализации, влияние ESG на экономическую эффективность, нефинансовая отчетность

Для цитирования: Щербаков И.Н. Теоретическое осмысление феномена ESG устойчивости предпринимательской среды // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2024. № 66. С. 42–57. doi: 10.17223/19988648/66/3

Original article

Theoretical understanding of sustainability of the business environment favorable for ESG

Igor N. Shcherbakov¹

¹ *Synergy University, Moscow Russian Federation, isherbakov@mail.ru*

Abstract. The article reviews the main trends in modern publications in highly rated foreign journals on the issues of sustainability of the business environment focused on ESG transformation. The relevance of this topic for the Russian scientific and business community is due to the fact that Russian business perceives and promotes the ESG agenda with less enthusiasm than their foreign colleagues. The importance of this topic is significantly related to the need for Russia to achieve the Sustainable Development Goals established by the UN. In order to understand which market institutions and elements of market and non-market mechanisms of interaction between business and the state and other stakeholders can work to promote the ESG agenda, or, conversely, what prevents it, it is important to consider the experience of those who have succeeded in this. The article examines the results of research on sustainable development with a view to identifying the conditions under which socially responsible behavior contributes to or, conversely, hinders the achievement of favorable economic results. The article highlights several research clusters: (1) theories of sustainability of competitive advantages due to the possession of resources – the drivers of ESG transformation are considered the conditions of access to credit resources, risk reduction and the resulting trust of stakeholders, which ultimately leads to a reduction in transaction costs and an increase efficiency; (2) theories of the firm’s embeddedness in the social structure of society, which explain mutual trust and the resulting legitimacy of firms pursuing socially responsible and environmentally sustainable policies; (3) theories of subordination to government regulations, which demonstrate the benefits of information openness and management responsibility to stakeholders regarding the implementation of policies that contribute to ESG transformation; (4) theories that explain the role of ESG-compliant capital allocation show how the allocation of scarce capital resources among market participants depends on companies’ commitment to ESG principles. This review focuses on a set of unsolved problems and the ambiguity of many results obtained in research on sustainable development.

Keywords: ESG transformation, socially responsible behavior; agency theory, signaling theory, ESG impact on economic efficiency, non-financial reporting

For citation: Shcherbakov, I.N. (2024) Theoretical understanding of sustainability of the business environment favorable for ESG. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 66. pp. 42–57. (In Russian). doi: 10.17223/19988648/66/3

Введение

Концепция ESG утвердилась в начале 1970-х гг., когда социально сознательные инвесторы начали учитывать социальные и экологические аспекты в своих решениях при оценке экологической и социальной устойчивости инвестиций и их этических последствий. С момента создания Финансовой инициативы Программы ООН по окружающей среде (UNEP FI) в 1992 г. в финансовых учреждениях произошел заметный и существенный сдвиг в сторону учета факторов ESG в контекст принятия управленческих решений. В их состав входят окружающая среда (E), общество (S) и управление (G). Каждое из этих измерений определяет различные области обязательств, возложенных на фирму, а именно: охрану окружающей среды, участие в общественной жизни и корпоративное управление.

Насколько далеко продвинулась российская экономика по пути ESG трансформации? Ответить на этот вопрос не просто. Одна из причин состоит в том, что до настоящего времени в официальной российской статистике отсутствует соответствующая информация. На неофициальном уровне измерение степени прогресса осуществляется на основе инициативных работ. Можно, в частности, привести публикацию исследования Е.Д. Малевской-Малевич [1], в которой показано, что доля зеленых инвестиций в совокупном объеме валовых инвестиций в основной капитал в период 2011–2020 гг. не превышала 1,14% (в 2014 г.), а в среднем она составила 0,96% и признаков ее роста не наблюдалось.

За рубежом обстановка в чем-то похожа на нашу. Так, официальной статистики об инвестициях в ESG нет и там, однако неофициальные исследования, проводимые на уровне частных информационных агентств типа Bloomberg Intelligence (BI), говорят о быстром росте зеленой экономики и социально ориентированного предпринимательства. По данным BI¹, на мировом уровне активы ESG превысили 35 трлн долл. в 2020 г. по сравнению с 30,6 трлн долл. в 2018 г. и 22,8 трлн долл. в 2016 г., составив одну треть мировых активов, согласно данным Глобальной ассоциации устойчивого инвестирования. На долю Европы приходилась половина мировых ESG-активов, и она доминировала на рынке до 2018 г. Однако США лидировали с ростом более чем 40% за 2021 и 2022 гг.

С самого начала обсуждения концепции ESG возник и до настоящего времени нерешенным является вопрос о взаимосвязи между ESG и экономическими результатами. Некоторые эмпирические исследования показывают, что деятельность ESG не соответствует интересам акционеров. Инвесторы могут отрицательно реагировать, когда фирмы учитывают интересы многих заинтересованных сторон, кроме акционеров, и не концентрируются

---

¹ ESG May Surpass \$41 Trillion Assets in 2022, But Not Without Challenges, Finds Bloomberg Intelligence. URL: <https://www.bloomberg.com/company/press/esg-may-surpass-41-trillion-assets-in-2022-but-not-without-challenges-finds-bloomberg-intelligence/> (дата обращения: 31.01.2024).

исключительно на максимизации стоимости [2]. Существуют также исследования, поддерживающие тот взгляд на корпоративные затраты, из которого следует, что отчетность о ESG генерирует затраты, не покрываемые дополнительными выгодами, более того, нет убедительных доказательств того, что компании, раскрывающие интегрированные финансовые и ESG данные, заверенные профессиональной аудиторской фирмой, имеют более высокую рыночную стоимость, чем фирмы, раскрывающие некоторые аспекты своей ESG активности или вообще игнорирующие эти вопросы [3]. Другие исследования показывают, что взаимосвязь между ESG и корпоративными экономическими результатами сложна и неясна. Эмпирический анализ экологических, социальных, управленческих и финансовых показателей компаний дает противоречивые результаты. Гипотеза институциональных различий [4] показывает, что за такими результатами может стоять встроенная правовая, культурная, социальная и экономическая институциональная среда. Де ла Фуэнте и др. [5] обнаружили, что применение подхода ESG может при определенных условиях повысить доверие инвесторов и снизить риски, что способствует стоимости бизнеса.

Экономическая устойчивость предпринимательской среды, благоприятной для ESG трансформации, зависит от того, будет ли совокупность финансовых результатов благоприятной для тех фирм, которые привержены принципам ESG. Если охрана окружающей среды, социально ответственное управление приносят выгоду, мы вправе говорить о соблюдении необходимого условия для достижения экономической устойчивости ESG трансформации.

Цель исследования

В свете того факта, что в России прогресс ESG трансформации был, как отмечено выше, не столь заметным, как в странах развитой рыночной экономики, интерес представляет выявление институциональных условий, благоприятствующих устойчивости предпринимательской среды, ориентированной на продвижение в реализации ESG-повестки. В настоящее время проблематика экономического обоснования стратегий по реализации ESG-повестки рассматривается в российской литературе преимущественно на эмпирическом уровне, в то время как в зарубежных исследованиях накоплен значительный опыт теоретического осмысления закономерностей рыночного поведения в режиме устойчивого развития. Целью статьи является классификация основных кластеров исследований предпринимательского поведения и их институциональной среды в рамках подхода новой институциональной экономики.

Методы и материалы

В данной статье поставлена цель систематизации представленных в англоязычных публикациях реальных рыночных и квазирыночных механизмов, действующих в пользу устойчивого развития, в основном на примере

экономики США и ЕС. В качестве объекта исследования рассмотрим корпус актуальных исследовательской публикации в высокорейтинговых международных журналах. Ключом поиска литературы были термины «ESG» или «экологические, социальные и управленческие проблемы». Для сужения поиска и концентрации внимания на факторах успеха ESG трансформации в данном обзоре мы не будем затрагивать такую область исследования, как ESG инвестирование и инвестиции в контексте социальной ответственности.

Методический прием, использованный в данной работе, состоит в применении принятого в современной экономической науке подхода к классификации направления институциональных исследований. Этот прием позволяет выделить основные кластеры литературы, посвященной ESG трансформации.

Литературный обзор

Литература по интересующей нас проблематике факторов устойчивости предпринимательской среды может быть сгруппирована в несколько кластеров.

Теории устойчивости конкурентных преимуществ, обусловленных обладанием ресурсами. В исследовании [6] доказано, что фирмы, обладающие высоким социальным капиталом и демонстрирующие корпоративную социальную ответственности (КСО), показали во время потрясений мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. доходность акционерного капитала на четыре–семь процентных пунктов выше, чем в среднем. Высокий уровень КСО облегчал также доступ к кредитным ресурсам. Эти данные свидетельствуют о том, что доверие между фирмой, стейкхолдерами и инвесторами окупается, когда общий уровень доверия к корпорациям и рынкам подвергается негативному шоку. Близкий результат был получен в работе [7]. Нематериальные активы, которыми располагают фирмы с высокой КСО, обладают неожиданной особенностью: оказывается, не существует прямой связи между корпоративной ответственностью и финансовыми результатами, КСО работает в качестве ресурса, снижающего транзакционные издержки. Этот фактор концептуализируется как широкий набор стратегий и методов работы, которые компания применяет, создавая отношения с многочисленными стейкхолдерами и рыночной средой. Отсюда можно сделать вывод: расхождения в эффективности деятельности фирм возникают из-за различий в обеспеченности фирм ресурсами, прежде всего нематериальными, особенно учитывая сложность их приобретения, развития, тиражирования, накопления, а также сложности их имитации со стороны конкурентов. Этот тезис был высказан ранее [8], а теперь он получил убедительное подтверждение.

Учитывая растущую значимость экологических и социальных вопросов в сегодняшнем глобальном ландшафте, крайне важно включить эти природные и социальные соображения в модель ресурсного подхода. Интеграция этих моментов потенциально может оказаться полезной для открытия новых возможностей для конкурентного доминирования. Концепция Харта (см.

обзор [9]) о естественном происхождении конкурентных преимуществ, основанных на обладании ресурсами, обеспечивает надежную почву для устранения этого пробела. Эта модель была эмпирически подтверждена различными исследованиями, в частности [10], доказывающими, что давление окружающей среды и общества может стимулировать создание нематериальных организационных ресурсов. Эти ресурсы впоследствии могут послужить потенциальными источниками конкурентных преимуществ.

В рамках данного кластера научных работ ученые исследуют такие нематериальные ресурсы фирм, как репутация, инновационность и человеческий капитал. Во-первых, положительная репутация трактуется как краеугольный камень построения устойчивой прибыльности и выживания компании [11]. Поддержка инициатив ESG помогает компаниям улучшить свой корпоративный имидж и имидж бренда, тем самым повышая лояльность клиентов, привлекая высококлассных сотрудников и договариваясь о лучших условиях с поставщиками, и все это способствует повышению конкурентных преимуществ [12]. Во-вторых, проактивная ESG-стратегия компании может укрепить ее способность генерировать устойчивые инновации, относящиеся к новым рынкам, продуктам и технологиям [13]. В-третьих, ученые уделяют особое внимание людям как стратегическому активу фирмы [14]. Улучшение показателей ESG-компании способствует накоплению человеческого капитала или человеческих ресурсов, которые могут превратиться в источник конкурентного преимущества. Активная и проактивная ESG-стратегия компании часто связана с высокой приверженностью кадровым практикам, включая гибкие организационные структуры, с помощью которых обеспечивается поток информации, расширение прав и возможностей сотрудников и вознаграждение сотрудников [15]. Показатели ESG также способствуют повышению доверия и морального духа сотрудников, влияя на их отношение к работе.

Теория стейкхолдеров концептуализирует «устойчивость» как результат установления и поддержания прочных отношений с заинтересованными сторонами. Согласно этой теории степень устойчивости преимущественно определяется тем, насколько всесторонне фирма учитывает интересы партнеров по контрактным отношениям. Устойчивые отношения, благодаря их внутренней ценности и сложности их воспроизведения, могут выступать в качестве уникального источника устойчивого конкурентного преимущества. В отличие от теории взаимоотношения фирмы и акционеров, предложенной лауреатом Нобелевской премии по экономике Фридманом [16], которая утверждает, что деятельность по корпоративной социальной ответственности снижает финансовые результаты фирмы, Баллестерос и Дики-Коллас [17] подтвердили важность взаимодействия фирмы с различными заинтересованными сторонами. Кроме того, теория заинтересованных сторон, выдвинутая Фрименом [18], доказывает, что такие взаимодействия способствуют улучшению финансовых показателей фирмы. Применительно к сфере ESG подчеркивается, что фирма не должна сосредотачиваться исключительно на традиционных целях, таких как прибыльность, но также должна

учитывать более широкие последствия своей стратегии, включая этические, социальные, экологические и медицинские последствия.

Теория заинтересованных сторон предполагает, что интересы всех вовлеченных лиц должны рассматриваться как основная цель менеджеров [14]. Управление, осуществляемое в их пользу, по своей сути не требует жертвовать финансовыми результатами фирмы. Напротив, значительный объем исследований в области управления в кластере теории ресурсного обеспечения фирмы свидетельствует, что эффективность может быть повышена, если обеспечена активная реакция на потребности своих контрагентов.

Теории встроенности фирмы в социальную структуру общества исследуют силы, определяющие институциональную релевантность фирмы. Две теории данного кластера, теория легитимности [19] и институциональная теория [20], дают представление о мотивах соблюдения социальных конструкций в области управления ESG.

Теория легитимности подчеркивает, что компании воспринимают себя как исполнителей неявного социального контракта, что требует действовать в соответствии с общественно одобренной системой убеждений в отношении поведения в области экологической и социальной ответственности [21]. Посредством проактивных и реактивных стратегий легитимизации, таких как раскрытие информации и отчетность [22], компании стремятся построить и поддерживать себя в соответствии с передовой практикой, признанной в рамках существующего социального порядка. Это позволяет компаниям поддерживать свою легитимность как субъектов, имеющих право на участие в распределении ресурсов и поддержку со стороны стейкхолдеров и общества в целом [23]. И наоборот, институциональная теория утверждает, что компании следуют нормам и правилам, институционализированным как эффективные, рационализированные организационные конструкции и шаблоны поведения. Давление к соблюдению стандартов и законодательства в целом стимулирует корпоративную приверженность институционализированным моделям управления ESG [24]. Имитирование поведения коллег в организационной сфере также выполняет функцию принуждения к легитимности и снижению неопределенности по мере того, как наборы правил развиваются с течением времени. Таким образом, в исследованиях кластера встроенности фирмы в социальную структуру общества применение теории легитимности имеет сходство с институциональной теорией при объяснении устойчивых стратегий фирм.

Как институциональная теория, так и теория легитимности подчеркивают взаимодействие между корпоративным поведением и его социальной средой. Обе выделяют влияние социальных ожиданий на корпоративное поведение. В теории легитимности фирмам необходимо реагировать на ожидания сообщества путем соответствия общественным ценностям, чтобы сохранить свое социальное положение [25]. Аналогичным образом институциональная теория подчеркивает, что фирмам необходимо соблюдать нормы, правила и общественные убеждения, а также социальные ожидания в своей институциональной среде, чтобы поддерживать свою социальную приемлемость.

Обе теории утверждают, что фирмам необходимо сообщать о своем поведении посредством публичной отчетности, чтобы оправдать социальные ожидания и установить доверие [23]. Согласно теории легитимности компании должны соответствовать социальным ожиданиям, публикуя информацию, касающуюся их ESG-практики, в публичных отчетах [26]. Согласно институциональной теории фирмам также необходимо демонстрировать посредством публичной отчетности, как они придерживаются социальных норм и ценностей [27]. Обе теоретические конструкции подчеркивают важность приверженности компании принципам устойчивого развития. Согласно теории легитимности устойчивая практика компании может повысить ее социальный статус и имидж, обеспечить безопасность ключевых ресурсов и тем самым создать конкурентное преимущество.

В институциональной теории устойчивая практика компании рассматривается как способ соблюдения социальных норм и ценностей, улучшения имиджа фирмы в глазах стейкхолдеров; сокращение экономических, социальных, экологических и политических издержек; увеличение приобретения ключевых ресурсов, тем самым повышая операционную эффективность и финансовые показатели. Наконец, обе теории предполагают, что социально ответственное поведение корпораций может оказать положительное влияние на их нефинансовые показатели за счет ценностей, целей и корпоративных норм, соответствующих обществу.

Теории подчиненности государственным нормам отражают практику приверженности фирм действующим стандартам и нормам, и их соответствия принципам ESG. Теория агентских отношений [28] и теория сигнализации [29] дают представление о мотивах, способствующих соблюдению социальных конструкций в сфере управления ESG. Обе они доказывают, что асимметрия информации может исказить логику поведения участников рынка и потенциально привести к неэффективности рынка. Эти теории подчеркивают важность согласования практики корпоративного управления компании с ее подотчетностью перед заинтересованными сторонами. Однако эти две теории различаются по своей основной направленности. Агентская теория в первую очередь исследует механизмы защиты интересов менее информированной стороны (принципала) [30]. Напротив, теория сигнализации прежде всего занимается тем, как сторона с информационным преимуществом (сигнальщик) может передавать информацию менее информированной стороне (получатель), излучая «сигналы» [31].

Теория агентских отношений изучает отношения между принципалом, который назначает другую сторону для выполнения конкретной задачи, и агентом, который выполняет эту задачу. Теория рассматривает потенциальную агентскую проблему, которая может возникнуть из-за расхождения интересов принципалов и агентов или из-за неспособности принципала эффективно контролировать поведение агента. Далее исследуется, как эти проблемы агентств можно смягчить с помощью различных механизмов управления [32]. Фридман, один из первых сторонников агентской теории, предположил, что социально ответственное поведение менеджеров воплощает

поведение менеджеров (агентов), игнорирующих интересы владельцев бизнеса. Он утверждал, что их стремление к экологическим и социальным целям неизбежно приведет к уменьшению прибылей.

Исследование, проведенное Джо и Харджото [33], было сфокусировано на влиянии внешнего, внутреннего корпоративного управления и систем надзора на практику ESG и проверке гипотезы возможности разрешения конфликтов интересов менеджеров и акционеров. Они обнаружили положительную связь между практиками ESG и эффективными механизмами управления, если менеджеры будут нацелены на поиск компромисса.

Теория сигнализации применяет рыночные индикаторы для устранения проблем информационной асимметрии, тем самым повышая вероятность принятия обоснованных решений в транзакциях [34]. Центральной предпосылкой является передача сигналов внешним заинтересованным сторонам о потенциальных, ненаблюдаемых возможностях или характеристиках сигнализатора. Внешние заинтересованные стороны склонны искать сигналы, которые тесно связаны с ненаблюдаемыми полезными характеристиками, для анализа текущих корпоративных решений и прогнозирования будущих результатов. Хотя общественное восприятие практики ESG-компаний играет все более существенную роль в определении результатов для сотрудников и руководства, асимметричная информация ограничивает способность дифференцировать фирмы [28]. Теория сигналов предполагает, что эту информационную асимметрию можно смягчить посредством передачи различных «сигналов». Литература по теории сигналов в рассматриваемом кластере фокусируется на различных контекстах, включая корпоративные отчеты, пресс-релизы и рейтинги [35]. Согласованность сигналов является центральной темой этой литературы. Заинтересованные стороны с большей вероятностью согласятся с обязательствами по обеспечению «правильного» ESG-поведения, считая их более предсказуемыми и способствующими выгодным для всех коллективным действиям.

Теории, объясняющие аллокацию капитала, соответствующую стандартам ESG. Публикации, входящие в этот кластер, посвящены факторам, определяющим, как распределение дефицитных капитальных ресурсов между участниками рынка реагирует на приверженность компаний принципам ESG. Здесь также применяется теория заинтересованных сторон, теория легитимности и теория сигналов, пересекающаяся с рассмотренными выше кластерами [36].

Однако, в отличие от предыдущих категорий кластеров, которые подчеркивают влияние корпоративной практики ESG на ее стоимость и прибыльность, исследования аллокации капитала фокусируются на том, как практика ESG-компаний может дать ей преимущество на рынке капитальных активов. Это преимущество особенно проявляется с точки зрения доступа к финансам [37], стоимости капитала [38, 39].

Результаты и обсуждение

Влияние ESG-характеристик фирм на экономические результаты потенциально может быть положительным, отрицательным, нелинейным или неопределенным. Некоторые исследования показывают, что более активное

участие в практиках ESG может повысить эффективность деятельности компаний. Исследователи предложили различные механизмы, с помощью которых деятельность ESG может создавать ценность для компаний. Во-первых, в соответствии с теорией стейкхолдеров корпорации могут создавать ценность, внедряя практики ESG, которые приносят пользу основным заинтересованным сторонам, таким как сотрудники, клиенты, поставщики и инвесторы. Во-вторых, согласно теории асимметричной информации атрибуты ESG, входящие в состав инструментов рыночной политики, служат сигналами для рынка капитала и финансовых институтов, указывая на приверженность фирмы устойчивому развитию. Это может уменьшить информационную асимметрию и повысить доверие инвесторов, что в конечном итоге приведет к увеличению стоимости компании.

Напротив, некоторые эмпирические исследования показывают, что деятельность ESG не соответствует интересам акционеров, а вместо этого является результатом агентских проблем, что приводит к снижению стоимости компании. Инвесторы могут отрицательно реагировать, когда фирмы отдают приоритет заинтересованным сторонам, кроме акционеров, и не могут сосредоточиться исключительно на максимизации стоимости [2]. Существуют также исследования, поддерживающие точку зрения, которая воспринимает методы ESG как элементы, генерирующие затраты, а не корпоративные преимущества в бизнес-операциях [3].

К сожалению, тематика ESG не всегда продвигается на почве научной беспристрастности и объективности. В этом дискурсе явно или неявно может присутствовать корыстный мотив. Сравнительно недавно власти штата Миссисипи «пресекли *противоправные действия инвестиционного фонда BlackRock*» и наложили многомиллионный административный штраф за «мошеннические действия в инвестиционной политике компании в области ESG» (Environmental, Social, and Corporate Governance), т.е. зеленой экологической повестки¹. В частности, BlackRock навязывал своим портфельным компаниям проведение политики ESG. Как говорилось в постановлении государственного секретаря штата Миссисипи Майкла Уотсона, «BlackRock делал ложные заявления о том, что ESG приносит пользу долгосрочным финансовым перспективам компаний и способствует финансовым результатам для клиентов, что не соответствует действительности». И это был не единственный случай. В конце 2022 г. штат Флорида изъял свои активы, находившиеся под управлением BlackRock, на сумму 2 млрд долл. Поддержка BlackRock повестки ESG была квалифицирована как «проект социальной инженерии, не имеющей ничего общего с максимизацией прибыли, и является противоположностью тому, за что платят управляющему активами». BlackRock был не единственным манипулятором идеи ESG. Техас недавно изгнал британский

---

¹ BlackRock, выйди вон! В США республиканцы изгоняют поддерживающие демократов финансовые фонды и банки из своих штатов. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2024/04/01/blackrock-vuydi-von.html> (дата обращения: 18.04.2024).

банк Barclays с рынка муниципальных облигаций из-за поддержки политики ESG.

Мы приводим данные факты для того, чтобы привлечь внимание научного сообщества к сложности и неоднозначности концепции сбалансированного развития и призвать его к трезвому и неангажированному подходу к этой научной проблематике.

Направления дальнейших исследований

Предстоящие исследования должны быть направлены на дальнейшее изучение взаимосвязи между практиками ESG и экономическими результатами, принимая во внимание комплексность данных практик и различия, выявленные в обзоре литературы. Во-первых, важно изучить точные механизмы, с помощью которых деятельность ESG создает ценность для различных групп заинтересованных сторон и отраслей. Это потребует более глубокого понимания того, как теория заинтересованных сторон и теория асимметрии информации применяются в организационной практике. Во-вторых, изучение степени соответствия между обязательствами по ESG и приоритетами акционеров, а также потенциальных последствий определения приоритетов альтернативных заинтересованных сторон может предложить полезную перспективу. Это включает в себя изучение проблем агентских отношений, которые формируют связь между устойчивостью и корпоративным развитием. В-третьих, важно изучить взаимосвязь между различными показателями эффективности ESG и индикаторами экономических переменных. Наконец, было бы разумно углубить наше понимание того, как институциональные факторы, касающиеся правовой среды, защиты инвесторов, культуры и национальных обычаев, влияют на эти отношения.

Будущие исследования в области ESG и их отражения в финансовой и нефинансовой отчетности должны быть сосредоточены на влиянии давления со стороны регуляторов и требований заинтересованных сторон в соответствии с правилами отчетности об ESG и основных мотивах, направляющих их действия.

Список источников

1. *Малевская-Малевич Е.Д.* Тенденции и направления ESG трансформации по видам деятельности эмитентов зеленого финансирования // *π-Economy*. 2023. № 16 (6). P. 93–102. doi: <https://doi.org/10.18721/JE.16607>
2. *DasGupta R., Roy A.* Firm environmental, social, governance and financial performance relationship contradictions: Insights from institutional environment mediation // *Technological Forecasting and Social Change*. 2023. № 189. Art. № 122341. doi: 10.1016/j.techfore.2023.122341
3. *Landau A., Rochell J., Klein C., Zwergel B.* Integrated reporting of environmental, social, and governance and financial data: Does the market value integrated reports? // *Business Strategy and the Environment*. 2020. № 29 (4). P. 1750–1763. doi: 10.1002/bse.2467

4. Julian S.D., Ofori-dankwa J.C. Financial resource availability and corporate social responsibility expenditures in a sub-Saharan economy: The institutional difference hypothesis // *Strategic Management Journal*. 2013. № 34 (11). P. 1314–1330. doi: 10.1002/smj.2070
5. De la Fuente G., Ortiz M., Velasco P. The value of a firm's engagement in ESG practices: Are we looking at the right side? // *Long Range Planning*. 2022. № 55 (4). Art. № 102143. doi: 10.1016/j.lrp.2021.102143
6. Lins K.V., Servaes H., Tamayo A. Social capital, trust, and firm performance: The value of corporate social responsibility during the financial crisis // *The Journal of Finance*. 2017. № 72 (4). P. 1785–1824. doi: 10.1111/jofi.12505
7. Surroca J., Tribó J.A., Waddock S. Corporate responsibility and financial performance: The role of intangible resources // *Strategic management journal*. 2010. № 31 (5). P. 463–490. doi: 10.1002/smj.820
8. Barney J. Firm resources and sustained competitive advantage // *Journal of management*. 1991. № 17 (1). P. 99–120.
9. Jia F., Yin S., Chen L., Chen X. The circular economy in the textile and apparel industry: A systematic literature review // *Journal of Cleaner Production*. 2020. № 259. Art. № 120728. doi: 10.1016/j.jclepro.2020.120728
10. González-Ramos M.I., Guadamillas F., Donate M.J. The relationship between knowledge management strategies and corporate social responsibility: Effects on innovation capabilities // *Technological Forecasting and Social Change*. 2023. № 88. Art. № 122287. doi: 10.1016/j.techfore.2022.122287
11. Krüger P. Corporate goodness and shareholder wealth // *Journal of financial economics*. 2015. № 115 (2). P. 304–329. doi: 10.1016/j.jfineco.2014.09.008
12. Saha R., Shashi Cerchione R., Singh R., Dahiya R. Effect of ethical leadership and corporate social responsibility on firm performance: A systematic review // *Corporate Social Responsibility and Environmental Management*. 2020. № 27 (2). P. 409–429. doi: 10.1002/csr.1824
13. Kraus S., Rehman S.U., García F.J.S. Corporate social responsibility and environmental performance: The mediating role of environmental strategy and green innovation // *Technological forecasting and social change*. 2020. № 160. Art. № 120262. doi: 10.1016/j.techfore.2020.120262
14. Freeman R.E., Dmytriyev S.D., Phillips R.A. Stakeholder theory and the resource-based view of the firm // *Journal of Management*. 2021. № 47 (7). P. 1757–1770. doi: 10.1177/0149206321993576
15. Edmans A. Does the stock market fully value intangibles? Employee satisfaction and equity prices // *Journal of Financial economics*. 2011. № 101 (3). P. 621–640. doi: 10.1016/j.jfineco.2011.03.021
16. Friedman M. A theoretical framework for monetary analysis // *Journal of Political Economy*. 1970. № 78 (2). P. 193–238.
17. Ballesteros M., Dickey-Collas M. Managing participation across boundaries: a typology for stakeholder engagement in the International Council for the Exploration of the Sea // *Marine Policy*. 2023. № 147. Art. № 105389. doi: 10.1016/j.marpol.2022.105389
18. Freeman R.E. *Strategic Management: A Stakeholder Approach*. Cambridge, UK : Cambridge University Press, 2010.
19. Christensen H.B., Hail L., Leuz C. Mandatory CSR and sustainability reporting: Economic analysis and literature review // *Review of Accounting Studies*. 2021. № 26 (3). P. 1176–1248. doi: 10.1007/s11142-021-09609-5
20. Kocabasoglu-Hillmer C., Roden S., Vanpoucke E., Son B.G., Lewis M.W. Radical innovations as supply chain disruptions? A paradox between change and stability // *Journal of Supply Chain Management*. 2023. № 59 (3). P. 3–19. doi: 10.1111/jscm.12299
21. Sitopu Y.B., Sitinjak K.A., Marpaung F.K. The influence of motivation, work discipline, and compensation on employee performance // *Golden Ratio of Human Resource Management*. 2021. № 1 (2). P. 72–83. doi: 10.52970/grhrm.v1i2.79

22. Kim E.H., Lyon T.P. Greenwash vs. brownwash: Exaggeration and undue modesty in corporate sustainability disclosure // *Organization Science*. 2015. № 26 (3). P. 705–723.
23. Baldini M., Maso L.D., Liberatore G., Mazzi F., Terzani S. Role of country-and firm-level determinants in environmental, social, and governance disclosure // *Journal of Business Ethics*. 2018. № 150. P. 79–98. doi: 10.1007/s10551-016-3139-1
24. Campbell J.L. Why would corporations behave in socially responsible ways? An institutional theory of corporate social responsibility // *Academy of management Review*. 2007. № 32 (3). P. 946–967.
25. Terán-Yépez E., Marín-Carrillo G.M., del Pilar Casado-Belmonte M., de las Mercedes Capobianco-Uriarte M. Sustainable entrepreneurship: Review of its evolution and new trends // *Journal of Cleaner Production*. 2020. № 252. Art. № 119742. doi: 10.1016/j.jclepro.2019.119742
26. Dremptic S., Klein C., Zwergel B. The influence of firm size on the ESG score: Corporate sustainability ratings under review // *Journal of business ethics*. 2020. № 167. P. 333–360. doi: 10.1007/s10551-019-04164-1
27. Reid E.M., Toffel M.W. Responding to public and private politics: Corporate disclosure of climate change strategies // *Strategic management journal*. 2009. № 30 (11). P. 1157–1178. doi: 10.1002/smj.796
28. Yu E.P.Y., Guo C.Q., Luu B.V. Environmental, social and governance transparency and firm value // *Business Strategy and the Environment*. 2018. № 27 (7). P. 987–1004. doi: 10.1002/bse.2047
29. Aouadi A., Marsat S. Do ESG controversies matter for firm value? Evidence from international data // *Journal of Business Ethics*. 2018. № 151. P. 1027–1047. doi: 10.1007/s10551-016-3213-8
30. Eisenhardt K.M. Agency theory: An assessment and review // *Academy of management review*. 1989. № 14 (1). P. 57–74. doi: 10.5465/amr.1989.4279003
31. Connelly B.L., Certo S.T., Ireland R.D., Reutzel C.R. Signaling theory: A review and assessment // *Journal of management*. 2011. № 37 (1). P. 39–67. doi: 10.1177/0149206310388419
32. Eisenhardt K.M. Control: Organizational and economic approaches // *Management science*. 1985. № 31 (2). P. 134–149.
33. Jo H., Harjoto M.A. Corporate governance and firm value: The impact of corporate social responsibility // *Journal of business ethics*. 2011. № 103. P. 351–383. doi: 10.1007/s10551-011-0869-y
34. Bafera J., Kleinert S. Signaling theory in entrepreneurship research: A systematic review and research agenda // *Entrepreneurship Theory and Practice*. 2023. № 47 (6). P. 2419–2464. doi: 10.1177/10422587221138489
35. Mervelskemper L., Streit D. Enhancing market valuation of ESG performance: is integrated reporting keeping its promise? // *Business Strategy and the Environment*. 2017. № 26 (4). P. 536–549. doi: 10.1002/bse.1935
36. Tsang A., Frost T., Cao H. Environmental, social, and governance (ESG) disclosure: A literature review // *The British Accounting Review*. 2023. № 55 (1). Art. № 101149. doi: 10.1016/j.bar.2022.101149
37. Cheng B., Ioannou I., Serafeim G. Corporate social responsibility and access to finance // *Strategic management journal*. 2014. № 35 (1). P. 1–23. doi: 10.1002/smj.2131
38. El Ghouli S., Guedhami O., Kwok C.C., Mishra D.R. Does corporate social responsibility affect the cost of capital? // *Journal of banking finance*. 2011. № 35 (9). P. 2388–2406. doi: 10.1016/j.jbankfin.2011.02.007
39. Ng A.C., Rezaee Z. Business sustainability performance and cost of equity capital // *Journal of Corporate Finance*. 2015. № 34. P. 128–149. doi: 10.1016/j.jcorpfin.2015.08.003

References

1. Malevskaya-Malevich, E.D. (2023) Trends and Directions of Esg Transformation by Type of Activity of Green Bond Issuers. *π-Economy*. 16 (6). pp. 93–102. doi: 10.18721/JE.166607
2. DasGupta, R. & Roy, A. (2023) Firm environmental, social, governance and financial performance relationship contradictions: Insights from institutional environment mediation. *Technological Forecasting and Social Change*. 189. Art. 122341. doi: 10.1016/j.techfore.2023.122341
3. Landau, A. et al. (2020) Integrated reporting of environmental, social, and governance and financial data: Does the market value integrated reports? *Business Strategy and the Environment*. 29 (4). pp. 1750–1763. doi: 10.1002/bse.2467
4. Julian, S.D. & Ofori-dankwa, J.C. (2013) Financial resource availability and corporate social responsibility expenditures in a sub-Saharan economy: The institutional difference hypothesis. *Strategic Management Journal*. 34 (11). pp. 1314–1330. doi: 10.1002/smj.2070
5. De la Fuente, G., Ortiz, M. & Velasco, P. (2022) The value of a firm's engagement in ESG practices: Are we looking at the right side? *Long Range Planning*. 55 (4). Art. 102143. doi: 10.1016/j.lrp.2021.102143
6. Lins, K.V., Servaes, H. & Tamayo, A. (2017) Social capital, trust, and firm performance: The value of corporate social responsibility during the financial crisis. *The Journal of Finance*. 72 (4). pp. 1785–1824. doi: 10.1111/jofi.12505
7. Surroca, J., Tribó, J.A. & Waddock, S. (2010) Corporate responsibility and financial performance: The role of intangible resources. *Strategic Management Journal*. 31 (5). pp. 463–490. doi: 10.1002/smj.820
8. Barney, J. (1991) Firm resources and sustained competitive advantage. *Journal of Management*. 17 (1). pp. 99–120.
9. Jia, F. et al. (2020) The circular economy in the textile and apparel industry: A systematic literature review. *Journal of Cleaner Production*. 259. Art. 120728. doi: 10.1016/j.jclepro.2020.120728
10. González-Ramos, M.L., Guadamillas, F. & Donate, M.J. The relationship between knowledge management strategies and corporate social responsibility: Effects on innovation capabilities. *Technological Forecasting and Social Change*. 20231. 88. Art. 122287. doi: 10.1016/j.techfore.2022.122287
11. Krüger, P. (2015) Corporate goodness and shareholder wealth. *Journal of Financial Economics*. 115 (2). pp. 304–329. doi: 10.1016/j.jfineco.2014.09.008
12. Saha, R. et al. (2020) Effect of ethical leadership and corporate social responsibility on firm performance: A systematic review. *Corporate Social Responsibility and Environmental Management*. 27 (2). pp. 409–429. doi: 10.1002/csr.1824
13. Kraus, S., Rehman, S.U. & García, F.J.S. (2020) Corporate social responsibility and environmental performance: The mediating role of environmental strategy and green innovation. *Technological Forecasting and Social Change*. 160. Art. 120262. doi: 10.1016/j.techfore.2020.120262
14. Freeman, R.E., Dmytriiev, S.D. & Phillips, R.A. (2021) Stakeholder theory and the resource-based view of the firm. *Journal of Management*. 47 (7). pp. 1757–1770. doi: 10.1177/0149206321993576
15. Edmans, A. (2011) Does the stock market fully value intangibles? Employee satisfaction and equity prices. *Journal of Financial Economics*. 101 (3). pp. 621–640. doi: 10.1016/j.jfineco.2011.03.021
16. Friedman, M. (1970) A theoretical framework for monetary analysis. *Journal of Political Economy*. 78 (2). pp. 193–238.
17. Ballesteros, M. & Dickey-Collas, M. (2023) Managing participation across boundaries: a typology for stakeholder engagement in the International Council for the Exploration of the Sea. *Marine Policy*. 147. Art. 105389. doi: 10.1016/j.marpol.2022.105389

18. Freeman, R.E. (2010) *Strategic Management: A Stakeholder Approach*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
19. Christensen, H.B., Hail, L. & Leuz, C. (2021) Mandatory CSR and sustainability reporting: Economic analysis and literature review. *Review of Accounting Studies*. 26 (3). pp. 1176–1248. doi: 10.1007/s11142-021-09609-5
20. Kocabasoglu-Hillmer, C. et al. (2023) Radical innovations as supply chain disruptions? A paradox between change and stability. *Journal of Supply Chain Management*. 59 (3). pp. 3–19. doi: 10.1111/jscm.12299
21. Sitopu, Y.B., Sitingjak, K.A. & Marpaung, F.K. (2021) The influence of motivation, work discipline, and compensation on employee performance. *Golden Ratio of Human Resource Management*. 1 (2). pp. 72–83. doi: 10.52970/grhrm.v1i2.79
22. Kim, E.H. & Lyon, T.P. (2015) Greenwash vs. brownwash: Exaggeration and undue modesty in corporate sustainability disclosure. *Organization Science*. 26 (3). pp. 705–723.
23. Baldini, M. et al. (2018) Role of country-and firm-level determinants in environmental, social, and governance disclosure. *Journal of Business Ethics*. 150. pp. 79–98. doi: 10.1007/s10551-016-3139-1
24. Campbell, J.L. (2007) Why would corporations behave in socially responsible ways? An institutional theory of corporate social responsibility. *Academy of Management Review*. 32 (3). pp. 946–967.
25. Terán-Yépez, E. et al. (2020) Sustainable entrepreneurship: Review of its evolution and new trends. *Journal of Cleaner Production*. 252. Art. 119742. doi: 10.1016/j.jclepro.2019.119742
26. Drempetic, S., Klein, C. & Zwergel, B. (2020) The influence of firm size on the ESG score: Corporate sustainability ratings under review. *Journal of Business Ethics*. 167. pp. 333–360. doi: 10.1007/s10551-019-04164-1
27. Reid, E.M. & Toffel, M.W. (2009) Responding to public and private politics: Corporate disclosure of climate change strategies. *Strategic Management Journal*. 30 (11). pp. 1157–1178. doi: 10.1002/smj.796
28. Yu, E.P.Y., Guo, C.Q. & Luu, B.V. (2018) Environmental, social and governance transparency and firm value. *Business Strategy and the Environment*. 27 (7). pp. 987–1004. doi: 10.1002/bse.2047
29. Aouadi, A. & Marsat, S. (2018) Do ESG controversies matter for firm value? Evidence from international data. *Journal of Business Ethics* 151. pp. 1027–1047. doi: 10.1007/s10551-016-3213-8
30. Eisenhardt, K.M. (1989) Agency theory: An assessment and review. *Academy of Management Review*. 14 (1). pp. 57–74. doi: 10.5465/amr.1989.4279003
31. Connelly, B.L. et al. (2011) Signaling theory: A review and assessment. *Journal of Management*. 37 (1). pp. 39–67. doi: 10.1177/0149206310388419
32. Eisenhardt, K.M. (1985) Control: Organizational and economic approaches. *Management Science*. 31 (2). pp. 134–149.
33. Jo, H. & Harjoto, M.A. (2011) Corporate governance and firm value: The impact of corporate social responsibility. *Journal of Business Ethics*. 103. pp. 351–383. doi: 10.1007/s10551-011-0869-y
34. Bafera, J. & Kleinert, S. (2023) Signaling theory in entrepreneurship research: A systematic review and research agenda. *Entrepreneurship Theory and Practice*. 47 (6). pp. 2419–2464. doi: 10.1177/10422587221138489
35. Mervelskemper, L. & Streit, D. (2017) Enhancing market valuation of ESG performance: is integrated reporting keeping its promise? *Business Strategy and the Environment*. 26 (4). pp. 536–549. doi: 10.1002/bse.1935
36. Tsang, A., Frost, T. & Cao, H. (2023) Environmental, social, and governance (ESG) disclosure: A literature review. *The British Accounting Review*. 55 (1). Art. 101149. doi: 10.1016/j.bar.2022.101149

37. Cheng, B., Ioannou, I. & Serafeim, G. (2014) Corporate social responsibility and access to finance. *Strategic management Journal*. 35 (1). pp. 1–23. doi: 10.1002/smj.2131

38. El Ghouli, S. et al. (2011) Does corporate social responsibility affect the cost of capital? *Journal of Banking Finance*. 35 (9). pp. 2388–2406. doi: 10.1016/j.jbankfin.2011.02.007

39. Ng, A.C. & Rezaee, Z. (2015) Business sustainability performance and cost of equity capital. *Journal of Corporate Finance*. 34. pp. 128–149. doi: 10.1016/j.jcorpfin.2015.08.003

Информация об авторе:

Щербаков И.Н. – аспирант, Университет «Синергия» (Москва, Россия). E-mail: isherbakov@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.N. Shcherbakov, postgraduate student, Synergy University, Moscow Russian Federation, isherbakov@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 09.04.2024;
одобрена после рецензирования 02.05.2024; принята к публикации 15.05.2024.*

*The article was submitted 09.04.2024;
approved after reviewing 02.05.2024; accepted for publication 15.05.2024.*

Научная статья
УДК 334.7:330.354:070.1
doi: 10.17223/19988648/66/4

Факторы возобновляемого роста фирмы: теоретические подходы и анализ новостного контента

Владислав Владимирович Спицын¹,
Марина Вячеславовна Рыжкова^{2,3},
Виктория Александровна Леонова⁴,
Александр Дмитриевич Брагин⁵, Любовь Юрьевна Спицына⁶

*1, 2, 4, 5 Национальный исследовательский Томский политехнический университет,
Томск, Россия*

*3 Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

¹ spitsin_vv@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8360-7590>

^{2,3} marybox@inbox.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0107-8016>

⁴ vap60@tpu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9660-4356>

⁵ lflenyol@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-4148-4980>

⁶ spicyna@tpu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3923-984X>

Аннотация. Цель представленной статьи – систематизация факторов, способствующих переходу фирмы к возобновляемому росту после длительной стагнации или падения продаж. На основе систематизации факторов возобновления роста, задокументированных в мировой экономической литературе, и анализа новостного контента веб-сайтов российских предприятий и открытых интернет-ресурсов выявляются факторы возобновления роста российских предприятий. В качестве методов исследования используются систематизация, группировка, расчет экономических коэффициентов, вероятностный анализ, корреляционный анализ, сравнение частот с помощью критерия согласия Пирсона. В процессе исследования была составлена база новостного контента по 139 российским предприятиям, которые в 2016–2021 гг. демонстрировали быстрый возобновляемый рост. Основываясь на теоретическом обзоре идей, имеющихся в научной литературе, и эмпирическом анализе новостного контента, были выявлены пять основных групп факторов возобновляемого роста фирмы (Организационные факторы, Технологические инновации и совершенствование производственных процессов, Маркетинговые факторы, Реализация крупных проектов, Участие в выставках/конкурсах, получение наград/медалей). При анализе новостного контента российских предприятий установлено, что возобновившие рост предприятия с наибольшей частотой упоминают в новостной повестке организационные изменения, реже маркетинговые и инновационные факторы. Корреляционный анализ и анализ частот выявили нетривиальные взаимосвязи совместных упоминаний групп факторов роста в новостях фирм. Выявлены также закономерности частотности комбинации факторов по сравнению со случаями независимого их проявления. Изложенные в представленной читателю статье результаты анализа, систематизации и проверки значимости факторов на возобновление роста фирмы помогут инвесторам принимать решения о вложении средств в перспективные предприятия, способные перейти к росту после длительной стагнации или падения продаж.

Специфика данных, на основе которых произведено выделение факторов (новостной контент), позволит инвесторам использовать опережающие индикаторы возобновления роста, не дожидаясь публикации фирмой финансовой отчетности.

Ключевые слова: быстрорастущие компании, постстагнационное развитие, факторы возобновления роста, возобновляемый рост, стагнация, анализ новостного контента, Россия

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01404, <https://rscf.ru/project/23-28-01404/>

Для цитирования: Спицын В.В., Рыжкова М.В., Леонова В.А., Брагин А.Д., Спицына Л.Ю. Факторы возобновляемого роста фирмы: теоретические подходы и анализ новостного контента // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2024. № 66. С. 58–77. doi: 10.17223/19988648/66/4

Original article

Factors of restarting company growth: Theoretical approaches and news content analysis

**Vladislav V. Spitsin¹, Marina V. Ryzhkova^{2,3}, Victoria A. Leonova⁴,
Alexander D. Bragin⁵, Lyubov Yu. Spitsina⁶**

^{1, 2, 4, 5} *National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation*

³ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *spitsin_vv@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8360-7590>*

^{2, 3} *marybox@inbox.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0107-8016>*

⁴ *vap60@tpu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9660-4356>*

⁵ *lflenyol@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-4148-4980>*

⁶ *spicyna@tpu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3923-984X>*

Abstract. The aim of this paper is to systematize factors that contribute to a company's transition to restarting growth after long-term stagnating or falling sales. Based on the systematization of factors for the growth restart documented in the world economic literature and the analysis of the news content from Russian enterprises' websites and open Internet resources, factors for the restart of growth of Russian enterprises are identified. The research methods include systematization, grouping, calculation of economic coefficients, probabilistic analysis, correlation analysis, comparison of frequencies using the Pearson chi-square test. During the research process, a database of news content was compiled for 139 Russian enterprises that demonstrated rapid, renewable growth in 2016–2021. Based on a literature review and an empirical analysis of news content, five main groups of factors for the restarting growth of a company were identified (organizational factors; technological innovation and improvement of production processes; marketing factors; implementation of large projects; participation in exhibitions/competitions and receiving of awards/medals). The analysis of the news content of Russian enterprises shows that enterprises that have restarted growth most often mention organizational changes in the news agenda, and less often marketing and innovation factors. The correlation and frequency analysis revealed non-trivial relationships between joint mentions of groups of growth factors in firm news. Patterns of frequency of combinations of factors in comparison with cases of their independent manifestation were also revealed. The results of the analysis, systematization and verification of the

significance of factors for company's restarting growth will help investors make decisions about investing in promising enterprises that are capable of transitioning to growth after a long stagnation or decline in sales. The specificity of the data on which the factors are identified (news content) will allow investors to use leading indicators of restarting growth without waiting for the company to publish financial statements. Firstly, a description and comprehensive study of a new concept is carried out – renewed growth of enterprises after long-term stagnation or falling sales. The phenomenon of renewable growth of enterprises has not been comprehensively studied before. In the world literature there are observations of individual examples of similar dynamics at the macro-level and in regional studies. However, at the enterprise level, there are only works that describe individual factors of renewable growth. Secondly, factors of renewable growth described in the world literature are systematized. Thirdly, based on the authors' approach, a sample of Russian enterprises with renewable growth is formed, growth factors are identified based on the analysis of news content on these enterprises, and their research is carried out using economic and mathematical methods.

Keywords: fast-growing companies, post-stagnation development, restarting growth, restarting growth factors, stagnation, news content analysis, Russia

Acknowledgments. This work has been supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-01404, <https://rscf.ru/project/23-28-01404/>

For citation: Spitsin, V.V., Ryzhkova, M.V., Leonova, V.A., Bragin, A.D. & Spitsina, L.Yu. (2024) Factors of restarting company growth: Theoretical approaches and news content analysis. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 66. pp. 58–77. (In Russian). doi: 10.17223/19988648/66/4

Введение

Несмотря на то, что концепция устойчивого развития продвигается в мировой повестке шесть десятилетий, в современной парадигме развития количественный рост экономических показателей все еще остается основной мерой успешности деятельности. Это касается как микроуровневых явлений (благополучие домашних хозяйств, успешность фирм), так и мезо- и макроэкономических индикаторов (рост доли отраслей в совокупном выпуске, рост ВВП). Фирмы внутри своей отрасли растут неравномерно. Отраслевые темпы роста складываются как средняя из высоких показателей отдельных фирм и спада и даже исчезновения их конкурентов. Научный интерес вызывают оба полюса. Однако для будущего развития экономики и ее отраслей важнее не отмирающие ее представители, а те, которые благодаря качественному прорыву растут аномальными темпами. Речь идет о так называемых компаниях роста, газелях, скейлапах и аналогичных феноменах [1]. Высокий рост показателей в течение отдельно взятого периода может стать результатом стечения внешних обстоятельств. А вот двузначные темпы роста на протяжении нескольких периодов, когда исчезает эффект низкой базы, уже требуют пристального внимания.

Общей потребностью является экономический рост, а не рецессии и кризисы, наблюдаемые с начала XXI в. во многих странах. Финансовые кризисы, политическая напряженность и экономические санкции, пандемия

COVID-19 и прочие внешние шоки оказывают негативное влияние на экономическое развитие [2, 3]. Решить системную проблему только при помощи государственного вмешательства и раздачей государственных субсидий не получится. Нужно искать закономерности в деятельности тех фирм, которым удалось в неблагоприятных условиях после длительного периода стагнации найти возможности для опережающего роста [4]. Это требует смещения фокуса экономических исследований от факторов роста к анализу особого типа динамики фирм, когда после стагнационных процессов происходит переход к периоду с высокими годовыми темпами основных показателей фирмы (далее – возобновляемый рост).

Тем самым в фокусе внимания появляется уже не сам рост фирмы, а его тип [5]. Обычно быстрый рост рассматривают как типичную черту новых фирм, которые постепенно замедляются вплоть до стагнации или даже закрытия (organizational life cycle – [6]). В этой связи особый интерес вызывают фирмы, которым удалось преодолеть ограничения роста на поздних этапах своего развития. Малоизученной сферой экономической динамики являются механизмы и факторы возобновления роста компании после длительной стагнации.

Аспект проблемы, который стал центральным в представленном исследовании, сводится к выявлению закономерностей перехода к возобновляемому росту после длительной стагнации или падения продаж. На основе систематизации факторов возобновления роста, задокументированных в мировой экономической литературе, и анализа новостного контента вебсайтов российских предприятий и открытых интернет-ресурсов выявляются факторы возобновления роста российских предприятий. В качестве методов исследования используются систематизация, группировка, расчет экономических коэффициентов, вероятностный анализ, корреляционный анализ, сравнение частот с помощью критерия согласия Пирсона.

Результаты исследования излагаются ниже в определенной последовательности. В разделе «Обзор исследований» статьи будет определено вводимое авторами статьи понятие «возобновляемый рост», показана его связь с существующими понятиями, проведена систематизация факторов возобновляемого роста на основе анализа мировой экономической литературы. В разделе «Постановка задачи» описываются процесс формирования выборки предприятий с быстрым возобновляемым ростом, методика анализа новостного контента с применением методов вероятностного анализа, корреляционного анализа и сравнение частот. В разделе «Результаты исследования» рассматриваются полученные результаты эмпирического анализа факторов роста российских предприятий и проводится их сопоставление с теоретическими подходами. В последнем разделе подводятся итоги работы, обобщаются полученные теоретические и эмпирические результаты, определяются новизна и возможность их практического использования и направления дальнейших исследований.

Обзор исследований

Быстрорастущие фирмы. В научном дискурсе имеется такое понятие, как быстрорастущие предприятия (high growth firms – HGF) [7]. «Зоопарк» названий таких фирм насчитывает «газелей» в противовес «мышам» и «слонам» [8], а также «маппеты» («muppets») [9]. Выделяют и «газиллы» («gazillas») [10] – быстрорастущие фирмы, дающие существенный прирост рабочих мест. Быстрорастущие крупные стартапы также выделены в отдельную категорию – «единороги» («unicorns») [11]. Выделяют «скейлапы» – зрелые компании, демонстрирующие устойчивый рост свыше 20% в год на протяжении трех и более лет [12]. Предметом анализа представленного исследования стала не уже имеющаяся категория HGF, а особого рода динамика фирмы без априорного описания качественных характеристик ее роста.

Чаще всего быстрый рост исследователи связывают с новыми фирмами, у которых постепенно рост замедляется или вообще исчезает и следует длительный период стагнации или снижения продаж. Исследователи компаний-газелей [13] подробно выясняют факторы их роста, в том числе в территориальном и отраслевом разрезе. Однако ученые часто выделяют компании-газели из числа молодых предприятий [14], но редко продолжают отслеживать «газели» спустя долгое время после их бурного роста, списывают со счетов, когда «газели перестают бежать». Возобновление или перезапуск роста предприятий как самостоятельная научная проблема в рамках этого направления, по сути, не исследуется.

Возобновляемый рост фирм. Представленное исследование предлагает к изучению новую экономическую категорию – возобновляемый рост, т.е. устойчивый рост предприятия после затяжной стагнации.

На наш взгляд, методически следует различать возобновляемый (restarting) и возобновившийся (restarted) рост. Изучения роста второго рода имеет целью анализ дальнейшей динамики роста компании спустя несколько лет после ее возобновления. Первый подход нацелен на поиск факторов, которые повышают вероятность перехода компаний к возобновляемому росту после долгосрочной стагнации или спада производства. Мы стоим на позиции первого подхода, поэтому в дальнейшем будет использоваться термин «возобновляемый рост».

Для понимания процессов роста следует выбрать показатель, динамика которого непротиворечиво будет свидетельствовать о прекращении стагнации. Есть несколько вариантов.

1. Прибыль (Revenue). Данный показатель отражает не только стабильную ситуацию фирмы, но и благоприятную рыночную конъюнктуру, которая вне контроля фирмы и может быстро измениться. Изучать факторы роста по этому показателю сложно. Более того, связь роста и прибыльности – предмет отдельного изучения [15].

2. Количество работников на предприятии или динамика основных фондов. Этот показатель зависит от отраслевой специфики, имеет долгосроч-

ный характер и некую инерцию в изменении при начале стагнационных процессов. Скорее рост компаний ведет к росту рабочих мест [16]. К тому же есть исследования, доказывающие, что динамика рабочих мест может идти в обратном направлении к расширению компании [17].

3. Выпуск продукции (Output). Показатели деятельности, выраженные в физических величинах, сложно сопоставлять. Даже одно предприятие выпускает большой спектр продукции, который может иметь разную динамику выпуска. Сопоставление физических объемов выпуска показывает не столько динамику роста компаний, сколько динамику рынков отдельных товаров. Такой подход также выявляет рост предприятий в результате изменения производительности и выбора масштаба производства [18].

4. Выручка (Sales). Данный показатель является основным в оценке роста компаний, он не содержит в себе противоречий динамики. С помощью него можно различить типы компаний по соотношению с другими индикаторами [19], но при предварительном анализе, который предусмотрен сформулированными ниже гипотезами и нашей программой исследования, это и не требуется.

В качестве индикаторов могут использоваться как абсолютные оценки (длительность, темп роста), так и относительные оценки (компании, входящие в верхние перцентили фирм в распределении занятости, роста доходов [20], индекс Бирча (Birch index) [21]), закономерности в динамике распределения роста компаний [22], некие комплексные индексы из индикаторов деятельности компаний [23].

Постановка задачи

Исследование включает с себя следующие этапы.

1. *Формирование выборки предприятий, демонстрирующих возобновляемый рост после длительного периода стагнации и падения продаж.* Стагнация и быстрый рост фирм в настоящем исследовании определяются по динамике выручки (на основе системы СПАРК¹, N = 10909 предприятий, добывающие и обрабатывающие отрасли). Отсекающим признаком мелких предприятий стало получение ежегодной выручки в размере не менее 20 млн руб. (для выборки 2012–2016 гг.) и не менее 50 млн руб. (для выборки 2017–2021 гг.). Показатели выручки были дефлированы и приведены к уровню 2012 г. Требуемую динамику выручки за 2012–2017 гг., когда на протяжении 3 лет подряд имел отрицательный темп прироста выручки, продемонстрировали 2 887 фирм (26,5% от первоначальной выборки).

Далее была выбрана группа фирм с возобновляемым ростом. Критерий отнесения определяется по аналогии с выявлением быстрорастущих компаний. ОЭСР² характеризует фирмы как быстрорастущие при условии, что их

---

¹ СПАРК. Система сервисов по оценке рисков и обеспечению экономической безопасности бизнеса. URL: <http://www.spark-interfax.ru/> (дата обращения: 19.12.2022).

² High-growth enterprises / NACE. OECD. URL: <https://www.oecd.org/sdd/39974588.pdf> (дата обращения: 21.02.2024).

выручка растет ежегодно более чем на 20% в течение 3 лет подряд. С учетом того, что на период выявления роста приходится пандемия COVID-19, указанный выше критерий в нашем исследовании был немного смягчен и сформулирован следующим образом: фирма стагнировала до периода наблюдения, далее за 4 года общий прирост выручки составил более 60% и 3 из 4 лет ежегодный прирост выручки был более 20%.

Исходная выборка для исследования факторов возобновляемого роста, удовлетворяющая этому критерию, составила 139 предприятий.

2. *Выявление и систематизация факторов роста на основе анализа новостного контента.* По каждому предприятию исходной выборки проводился поиск информации, которая могла бы объяснить наблюдаемый возобновляемый рост после стагнации и падения продаж. Информация собиралась с интернет-сайта предприятия, а также из других открытых интернет-источников за два года: последний год периода стагнации или падения продаж и первый год периода роста. Такой подход позволяет своевременно выявить факторы роста, чтобы они представляли интерес для инвесторов и других заинтересованных субъектов. Действительно, факторы роста выявляются в нулевой или первый год периода роста и затем предприятие продолжает свой рост, что приводит к окупаемости инвестиций.

После выявления факторов роста оценивалась интенсивность реализации этих факторов в выборке, а также проводилась систематизация факторов и повторная оценка интенсивности реализации групп факторов роста в выборке. Выполнено сопоставление полученных групп факторов роста с теоретическими подходами (см. табл. 1).

3. *Исследование взаимосвязей между группами факторов роста.* В ходе предварительного анализа было обнаружено, что значительная часть предприятий одновременно характеризуется несколькими факторами роста, что делает актуальным исследование взаимосвязей между факторами роста. Проблема рассмотрена на примере укрупненных групп факторов роста.

Рассчитана матрица корреляций (метод ранговой корреляции Спирмена) между группами факторов роста и определена значимость корреляций. Однако необходимо учитывать, что корреляции отражают не только совпадение признаков (совпадение «1»), но и совпадение отсутствия признаков («0»). Второй случай вряд ли интересен инвесторам и результаты корреляций могут оказаться завышенными. Поэтому был проведен дополнительный анализ этих обстоятельств.

Показатели интенсивности взаимосвязей между группами факторов роста рассчитаны как

$$D_{\text{фх}} = (X \cap Y) / X, \quad (1)$$

где $D_{\text{фх}}$ – доля фирм с фактором X , у которых выявлен второй фактор Y ; X – доля фирм с фактором X ; Y – доля фирм с фактором Y .

$$D_{\text{ф}} = (X \cap Y) / N, \quad (2)$$

где $D_{\text{ф}}$ – доля фирм, у которых выявлено два фактора роста; N – общее количество фирм в исходной выборке.

На основе второго показателя проведена оценка взаимосвязей между факторами X и Y . Для этого с помощью теории вероятностей рассчитывается ожидаемая доля фирм, имеющих оба фактора, при условии, что факторы X и Y – это независимые признаки:

$$D_{ож} = (X/N) * (Y/N), \quad (3)$$

где $D_{ож}$ – ожидаемая доля фирм с факторами X и Y .

Далее проводится анализ частот – сравниваются $D_{ф}$ и $D_{ож}$. Для сравнения частот в математической статистике применяется критерий согласия Пирсона. Расчеты выполнялись на R и в MSExcel.

Результаты исследования

1. *Факторы возобновляемого роста.* В теории жизненного цикла организации (organizational life cycle, corporate life cycle) есть два подхода к последним фазам существования организации. Один из них утверждает, что цикл заканчивается распадом организации [24, 25]. Второй дает шанс фирмам возобновить рост (табл. 1).

Таблица 1. Подходы к возобновлению роста в теории жизненного цикла организации

№ п/п	Название направления/подхода	Краткое содержание
1	Личность предпринимателя	Рост компании связан с личностью ее руководителя (его человеческим капиталом, business failure experience), однако влияние опыта руководителя исчезает с возрастом компании [26]
2	Создание новой фирмы или реорганизация старой	Опытные предприниматели подходят к возобновлению роста фирмы двумя способами: организация новой фирмы наряду с существующей (т.н. портфельные предприниматели «portfolio entrepreneurs») и выход из старого бизнеса для организации нового (т.н. рестартеры – «restarters») [27]
3	Изменение бизнес-процессов	Рост происходит за счет изменения бизнес-процессов, их моделирования и апробации в контролируемых экспериментах. Варианты изменения бизнес-модели разные. Акцент в современных условиях принято ставить скорее на сервисном, чем продуктивном подходе (в условия создания устойчивых бизнес-моделей SBM [28]), бизнес-моделях закрытого цикла [29], продуктово-сервисных системах [30]
4	Реинвестирование прибыли в развитие производства	Источник возобновления роста – изменение решения о реинвестировании нераспределенной прибыли. При этом предлагается использовать специальные модели, в которых выручка реагирует на вложение с некоторым лагом [31], реинвестирование представляет собой сложное политическое решение внутри компании [32]
5	Рыночная экспансия	Создание новых рынков, новых видов продукции, выход на существующий рынок и вытеснение устоявшихся лидирующих на рынке фирм и продуктов. Это возможно лишь при прорывных инновациях, которые могут производиться не только на элитных

№ п/п	Название направления/подхода	Краткое содержание
		сегментах рынков, поистине впечатляющий успех может быть и на массмаркете, и в эконо-сегменте [33]. Рост также могут дать стратегия географической экспансии на региональные рынки [34], расширение продуктовой линейки [35] и выведение новых продуктов [36]. Системный эффект также дает развитие в альянсах, а не в отдельных компаниях, конкурирующих в изоляции [37]
6	Коллаборации	Коллаборации могут быть созданы с государством, при участии в крупных системообразующих коммерческих и социальных проектах. Так, после ковид-кризиса было организовано системное взаимодействие государственных локальных структур и экосистем SME [38]. Системный эффект для рестарта роста не только для государства, но и для участвующих фирм имеют мегапроекты [39]. Проявление компанией в своей деятельности корпоративной социальной ответственности также способствует увеличению показателей роста компании [40]
7	Предпринимательские социальные сети	Включенность компании в региональные и федеральные предпринимательские сети улучшает способность компании к восстановлению [41]. Эффективные сети создают межличностное и межорганизационное доверие, обычно взаимодействие в них строится с помощью посредников с высокой репутацией (конкурсы, выставки, отраслевые конференции)
8	Стечение обстоятельств	Быстрый рост не всегда возможен: рынки ригидные, инфраструктура не всегда позволяет расти быстро, в погоне за большими темпами роста компания сталкивается с повышенными рисками бизнеса, поэтому быстрый рост – это сочетание действий компании и удачи [42]. Для избегания неудачного роста не следует гнаться за высокими его темпами

Источник: составлено авторами.

Таким образом, причины возобновления роста могут быть разноплановыми и данный перечень содержит основной, но далеко не полный их спектр. Выделение в развитии фирмы периода возобновления роста является существенным приращением знаний о возможностях реализации возобновления роста у молодых и зрелых компаний и реанимации фирм на поздних стадиях их жизненного цикла.

2. *Выявление и систематизация нефинансовых факторов роста.* Выявленные факторы, которые могли обусловить наблюдаемый возобновляемый рост предприятий, и частоты их реализации представлены в табл. 2.

Согласно проведенным расчетам, лидирующими факторами, которые могли обусловить рост, являются:

- организационные изменения (смена учредителя, смена генерального директора);
- маркетинговые факторы (расширение ассортимента продукции);
- инновационные факторы (новые технологии в производстве);
- участие в выставках/конкурсах, получение наград/медалей.

Указанные в табл. 1 факторы могут быть сгруппированы в пять укрупненных групп факторов роста (табл. 3).

Таблица 2. Факторы возобновляемого роста и частоты их реализации

Группа	Факторы	Количество фирм, единиц	Доля фирм в выборке, %
1	Смена генерального директора	28	20
1	Смена учредителя	24	17
1	Смена организационной формы	3	2
1	Находилось в процессе реорганизации в форме присоединения к нему других ЮЛ/ в форме выделения	5	4
1	Изменения в структуре организации	4	3
2	Модернизация оборудования	18	13
2	Мероприятия по повышению качества продукции	3	2
2	Новые технологии в производстве	15	11
2	Расширение производства за счет нового оборудования	10	7
3	Выход на новые географические рынки	6	4
3	Открытие филиалов и (или) представительств	7	5
3	Расширение ассортимента продукции	28	20
3	Расширение клиентской базы	8	6
4	Крупный государственный проект	5	4
4	Крупный(е) проект(ы)	11	8
4	Участие в благотворительном проекте	6	4
5	Участие в выставках/конкурсах, получение наград/медалей	25	18
–	Другие факторы	19	14
–	Итого фирм с факторами роста	82	59
–	Не выявлено причин роста	57	41
–	Из них нет интернет-сайта	13	9

Примечание. Общее количество фирм в выборке – 139. Однако по многим фирмам одновременно выявлено несколько факторов роста. Поэтому суммирование по столбцам проводить некорректно (например, суммарная доля будет больше 100%).

Источник: составлено авторами.

Таблица 3. Группы факторов возобновляемого роста и частоты их реализации

Группа	Факторы	Количество фирм, единиц	Доля фирм в выборке, %
1	Организационные факторы	51	37
2	Технологические инновации и совершенствование производственных процессов	38	28
3	Маркетинговые факторы	35	25
4	Реализация крупных проектов	17	12
5	Участие в выставках/конкурсах, получение наград/медалей	25	18

Примечание. Общее количество фирм в выборке – 139. По многим фирмам одновременно выявлено несколько факторов роста. Поэтому суммирование (например, по данным предыдущей таблицы) проводить некорректно.

Источник: составлено авторами.

Лидирующими вновь оказываются организационные факторы (более 1/3 от всей выборки из 139 фирм, показавших быстрый возобновляемый рост). За ними следуют маркетинговые (1/4 выборки) и инновационные факторы (1/6 выборки). Также значительную долю занимает фактор «Участие в выставках/конкурсах, получение наград/медалей».

Соответствие выявленных факторов возобновляемого роста и теоретических подходов к возобновляемому росту представлено в табл. 4.

Таблица 4. Теоретические и эмпирические факторы возобновляемого роста фирм

Теоретические факторы	Группы эмпирических факторов	Эмпирические факторы
Личность предпринимателя	1. Организационные факторы	Смена генерального директора
Создание новой фирмы или реорганизация старой		Смена учредителя
		Смена организационной формы
		Находилось в процессе реорганизации в форме присоединения к нему других ЮЛ/в форме выделения
		Изменения в структуре организации
Изменение бизнес-процессов	2. Технологические инновации и совершенствование производственных процессов	Модернизация оборудования
Реинвестирование прибыли в развитие производства		Мероприятия по повышению качества продукции
		Новые технологии в производстве
Рыночная экспансия	3. Маркетинговые факторы	Расширение производства за счет нового оборудования
		Выход на новые географические рынки
		Открытие филиалов и (или) представительств
		Расширение ассортимента продукции
Коллаборации	4. Реализация крупных проектов	Расширение клиентской базы
		Крупный государственный проект
		Крупный(е) проект(ы)
Предпринимательские социальные сети	5. Участие в выставках/конкурсах, получение наград/медалей	Участие в благотворительном проекте
		Участие в выставках/конкурсах, получение наград/медалей

Источник: составлено авторами.

Факторы возобновляемого роста, выявленные нами путем анализа новостного контента российских предприятий, согласуются с теоретическими подходами к объяснению феномена возобновляемого роста в мировой литературе. Не подлежит обобщению только множество случайных факторов («Стечение обстоятельств», см. табл. 1), которые в табл. 2 также выделяются как «Другие факторы».

3. *Исследование взаимосвязей между укрупненными факторами роста.* Матрица значений корреляционного коэффициента Спирмена и их значимости представлена ниже (табл. 5).

Корреляционный анализ показывает значимые позитивные взаимосвязи между факторами 2, 3, 4 и 5 групп. При этом высоко значимые (***) взаимосвязи наблюдаются между 2 и 3, 2 и 4, 3 и 4, 3 и 5, 4 и 5 группами. Однако,

как было отмечено в разделе «Постановка задачи», эти показатели могут быть завышены для инвесторов, поскольку учитывают совпадение не только признака («1»), но и совпадение отсутствия признака («0»). Отметим также, что первая группа (организационные факторы) не коррелирует ни с одной из других групп.

Таблица 5. Корреляционный анализ факторов возобновляемого роста (коэффициент Спирмена)

Группа	1	2	3	4	5
1	1,00				
2	0,04	1,00			
3	0,07	0,43***	1,00		
4	0,13	0,37***	0,29***	1,00	
5	0,11	0,23**	0,38***	0,45***	1,00

*** $p < 0,001$ – высоко значимые различия; ** $p < 0,01$ – сильно значимые различия.

Источник: составлено авторами.

Показатели интенсивности взаимосвязей между факторами роста представлены в табл. 6, 7.

Таблица 6. Доля фирм с фактором X, у которых выявлен второй фактор Y (Дфх), %

Группа с фактором X	Группа с фактором Y				
	1	2	3	4	5
1	–	25	29	18	24
2	41	–	53	34	34
3	43	54	–	29	43
4	53	65	59	–	65
5	48	44	60	44	–

Источник: составлено авторами.

Высокие доли (существенно выше 50%) мы наблюдаем в четырех случаях:

- группы 4 и 2 (65%) – у 65% фирм, реализующих крупные проекты, выявлены также признаки технологических инноваций;
- группы 4 и 3 (59%) – у 59% фирм, реализующих крупные проекты, выявлены также маркетинговые факторы роста;
- группы 5 и 3 (60%) – у 60% фирм, участников выставок/конкурсов, выявлены также маркетинговые факторы роста;
- группы 4 и 5 (65%) – у 65% фирм, реализующих крупные проекты, выявлено также участие в выставках/конкурсах.

Отметим, что очень низкий процент фирм группы 1 (организационные факторы) показывают одновременно другие факторы роста.

Далее мы рассчитываем фактические и ожидаемые доли предприятий с двумя факторами роста для случая полной выборки (табл. 7).

Таблица 7. Фактические и ожидаемые доли предприятий с двумя факторами роста в полной выборке, %

Группы фирм с факторами X и Y	Фактические доли фирм с двумя факторами (ДФ)					
	1	2	3	4	5	
Ожидаемые доли фирм с двумя факторами (Дожд)	1	–	9	11	6	9
	2	8	–	14*	8 ^λ	8
	3	9	6*	–	7	11 ^λ
	4	4	3 ^λ	3	–	8*
	5	7	4	5 ^λ	2*	–

* $p < 0,05$ – статистически значимые различия; ^λ $p < 0,1$ – слабо значимые различия.

Источник: составлено авторами.

На уровне общей выборки доли фирм с двумя факторами оказываются достаточно низкими, однако для ряда факторов они в 2–4 раза выше ожидаемых значений, рассчитанных для случая независимых признаков. Например, фирмы с факторами групп 4 и 5 занимают 8% в полной выборке (см. верхнюю правую часть табл. 7), а их ожидаемая доля – только 2% (см. нижнюю левую часть табл. 7). Анализ частот (долей) с помощью критерия согласия Пирсона выявляет значимые различия в четырех случаях:

- доля фирм, одновременно принадлежащих группам 2 и 3 (технологические инновации и маркетинг);
- доля фирм, одновременно принадлежащих группам 2 и 4 (технологические инновации и крупные проекты);
- доля фирм, одновременно принадлежащих группам 3 и 5 (маркетинг и участие в выставках/конкурсах);
- доля фирм, одновременно принадлежащих группам 4 и 5 (крупные проекты и участие в выставках/конкурсах).

Во всех этих случаях фактическая доля выше ожидаемой, а значит эти комбинации факторов встречаются чаще по сравнению со случаями, в которых эти признаки были бы независимыми.

Эти четыре случая представляют собой консервативные оценки значимых взаимосвязей между факторами роста. Они соответствуют четырем самым высоким значениям коэффициента корреляции Спирмена (см. табл. 2).

Выводы

Исследование возобновляемого роста имеет большое значение для российских предприятий и российских инвесторов. Как показано в этой работе, более ¼ промышленных предприятий России демонстрировали длительную стагнацию или падение объемов продаж в 2013–2017 гг. Только незначительный процент предприятий смог показать быстрый долгосрочный рост после периода стагнации. В этих условиях выявление факторов возобновляемого роста позволит определить перспективные предприятия, способные преодолеть период стагнации или падения продаж и перейти к росту.

В настоящей работе показано, что феномен возобновляемого роста является малоисследованным в мировой науке по сравнению с феноменом быстрорастущих компаний. В рамках теории жизненного цикла организации предполагается, что цикл заканчивается распадом организации, хотя ряд работ рассматривает отдельные причины возобновления роста. В статье проведена систематизация возможных причин роста, описанных в мировой литературе, и выделены восемь основных факторов роста.

В эмпирической части работы выявлены факторы возобновляемого роста для выборки российских предприятий на основе анализа новостного контента веб-сайтов российских предприятий и открытых интернет-ресурсов. Проведена группировка этих факторов роста и их сопоставление с теоретическими подходами. Выявлены отдельные закономерности по факторам роста российских предприятий:

– установлено, что с наибольшей частотой встречается фактор, связанный с организационными изменениями;

– обнаружено, что новостной контент российских фирм часто характеризуется одномерным упоминанием нескольких групп факторов (технологические инновации и маркетинг; технологические инновации и участие в крупных проектах; маркетинг и участие в выставках/конкурсах; крупные проекты и участие в выставках/конкурсах).

Научная новизна исследования состоит в следующем:

– проводится описание и комплексное исследование нового понятия – возобновляемый рост предприятий после длительной стагнации или падения продаж. Явление возобновляемого роста предприятий ранее комплексно не исследовалось. В мировой литературе есть наблюдения над отдельными образцами аналогичной динамики на макроуровне и в региональных исследованиях. Однако на уровне предприятий встречаются только работы, в которых описываются отдельные факторы возобновляемого роста;

– систематизируются факторы возобновляемого роста, описанные в мировой литературе;

– на основе авторского подхода формируется выборка российских предприятий с возобновляемым ростом, выявляются факторы роста на основе анализа новостного контента по этим предприятиям и проводится их исследование с применением экономико-математических методов.

Проведенные в настоящем исследовании анализ и систематизация факторов возобновляемого роста помогут инвесторам принимать решения о вложении средств в перспективные предприятия, способные перейти к росту после длительной стагнации или падения продаж. Выявленные факторы роста на основе анализа новостного контента позволят инвесторам принимать оперативные решения о вложении средств при появлении соответствующих новостей, не дожидаясь публикации фирмой финансовой отчетности.

Ограничения исследования. В представленном исследовании анализировалась большая выборка в размере 10 909 предприятий различных отраслей экономики России. Одним из обязательных критериев включения предприятия в выборку было наличие данных о выручке ежегодно за период 2012–

2021 г. При этом многие российские предприятия не представляют отчетность в органы статистики за отдельные годы. Это сокращает объемы анализируемой выборки предприятий и влияет на результаты исследований. Проблема стала особенно актуальной по отчетности за 2022 г.: фирмам официально разрешено ее не публиковать, что разрушает единство статистических данных по составу единиц наблюдения. Однако подобные методологические новшества проводятся в отечественной статистике регулярно, основной состав единиц наблюдения с ходом времени остается стабильным.

Список источников

1. *Savin I., Novitskaya M.* Data-driven definitions of gazelle companies that rule out chance: application for Russia and Spain // *Eurasian Business Review*. 2023. Vol. 13, Is. 3. P. 507–542. doi: 10.1007/s40821-023-00239-2
2. *Kohler K., Stockhammer E.* Growing differently? Financial cycles, austerity, and competitiveness in growth models since the Global Financial Crisis // *Review of International Political Economy*. 2021. Vol. 29, Is. 4. P. 1314–1341. doi: 10.1080/09692290.2021.1899035
3. *Halmi P.* COVID-crisis and economic growth: Tendencies on potential growth in the European Union // *Acta Oeconomica*. 2021. Vol. 71, Is. S1. P. 165–186. doi: 10.1556/032.2021.00034
4. *Knowles J., Ettenson R., Lynch P., Dollens J.* Growth opportunities for brands during the COVID-19 crisis // *MIT Sloan Management Review*. 2020. Vol. 61, Is. 4. P. 2–6. URL: <https://sloanreview.mit.edu/article/growth-opportunities-for-brands-during-the-covid-19-crisis/> (дата обращения: 21.02.2024).
5. *McKelvie A., Wiklund J.* Advancing firm growth research: A focus on growth mode instead of growth rate // *Entrepreneurship Theory and Practice*. 2010. Vol. 34, Is. 2. P. 261–288. doi: 0.1111/j.1540-6520.2010.00375.x
6. *Adizes I.* Organizational passages – diagnosing and treating lifecycle problems of organizations // *Organizational dynamics*. 1979. Vol. 8, Is. 1. P. 3–25. doi: 0.1016/0090-2616(79)90001-9
7. *Grover Goswami A., Medvedev D., Olafsen E.* High-growth firms: facts, fiction, and policy options for emerging economies. Washington, DC : World Bank, 2019. 193 p. doi: 10.1596/978-1-4648-1368-9
8. *Acs Z.J., Mueller P.* Employment effects of business dynamics: mice, gazelles and elephants // *Small Business Economics*. 2007. Vol. 30, Is. 1. P. 85–100. doi: 10.1007/s11187-007-9052-3
9. *Nightingale P., Coad A.* Muppets and gazelles: political and methodological biases in entrepreneurship research // *Industrial and Corporate Change*. 2014. Vol. 23, Is. 1. P. 113–143. doi: 10.1093/icc/dtt057
10. *Ferrantino M.J., Mukim M., Pearson A., Snow N.D.* Gazelles and gazillas in China and India // *SSRN Electronic Journal*. 2012. № 2167303. doi: 10.2139/ssrn.2167303
11. *Casnici C.V.C.* The rise of unicorn companies: a magical growth? // *The Palgrave handbook of corporate sustainability in the digital era* / ed. by S.H. Park, M.A. Gonzalez-Perez, D.E. Floriani. Cham : Palgrave Macmillan, 2021. doi: 10.1007/978-3-030-42412-1_29
12. *Ambrosio F., Brasili A., Niakaros K.* European scale-up gap: too few good companies or too few good investors // *R&I Paper Series of European Commission*. 2021. Vol. 2. 28 p. doi: 0.2777/886042
13. *Gonzalez-Uribe J., Reyes S.* Identifying and boosting «gazelles»: evidence from business accelerators // *Journal of Financial Economics*. 2021. Vol. 139, Is. 1. P. 260–287. doi: 10.1016/j.jfineco.2020.07.012

14. *Henrekson M., Johansson D.* firm growth, institutions and structural transformation // SSRN Electronic Journal. 2010. № 1539446. URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1539446>
15. *Markman G.D., Gartner W.B.* Is extraordinary growth profitable? A study of Inc. 500 high-growth companies // *Entrepreneurship Theory and Practice*. 2002. Vol. 27, Is. 1. P. 65–75. doi: 10.1111/1540-8520.271004
16. *Davidsson P., Delmar F.* Hunting for new employment: The role of high growth firms // *Small firms and economic development in developed and transition economies: a reader* / ed. by D.A. Kirby, A. Watson. London : Routledge, 2017. P. 7–19. doi: 10.4324/9781315192451-2
17. *Brouwer E., Kleinknecht A., Reijnen J.O.* Employment growth and innovation at the firm level: an empirical study // *Journal of Evolutionary Economics*. 1993. Vol. 3, Is. 2. P. 153–159. doi: 10.1007/bf01213832
18. *Aiello F., Mastromarco C., Zago A.* Be productive or face decline. On the sources and determinants of output growth in Italian manufacturing firms // *Empirical Economics*. 2010. Vol. 41, Is. 3. P. 787–815. doi: 10.1007/s00181-010-0405-4
19. *Delmar F., Davidsson P., Gartner W.B.* Arriving at the high-growth firm // *Journal of Business Venturing*. 2003. Vol. 18, Is. 2. P. 189–216. doi: 10.1016/s0883-9026(02)00080-0
20. *Haltiwanger J., Jarmin R.S., Kulick R., Miranda J.* High growth young firms: contribution to job, output, and productivity growth // *Measuring entrepreneurial businesses: current knowledge and challenges* / ed. by J. Haltiwanger, E. Hurst, J. Miranda, A. Schoar. Chicago : University of Chicago Press, 2017. P. 11–62. doi: 10.7208/chicago/9780226454108.003.0001
21. *Birch D.G.W.* Job creation in America: how our smallest companies put the most people to work. University of Illinois at Urbana-Champaign's Academy for Entrepreneurial Leadership Historical Research Reference in Entrepreneurship, 1987. URL: <https://ssrn.com/abstract=1496185> (дата обращения: 22.02.2024).
22. *Coad A., Daunfeldt S.O., Halvarsson D.* Bursting into life: firm growth and growth persistence by age // *Small Business Economics*. 2018. Vol. 50, Is. 1. P. 55–75. doi: 10.1007/s11187-017-9872-8
23. *Hangstefer J.B.* Revenue margin: A better way to measure company growth // *Strategic Finance*. 2000. Vol. 82, Is. 1. P. 40–44. URL: <https://www.proquest.com/scholarly-journals/revenue-margin-better-way-measure-company-growth/docview/229768008/se-2> (дата обращения: 21.02.2024).
24. *Adizes I.* Managing corporate lifecycles. Santa-Barbara : The Adizes Institute Publishing, 2004. 460 p.
25. *Hanks S.H.* The organization life cycle: Integrating content and process // *Journal of Small Business Strategy*. 1990. Vol. 1, Is. 1. P. 1–12. URL: <https://libjournals.mtsu.edu/index.php/jsbs/article/view/218> (дата обращения: 21.02.2024).
26. *Hegarty C., Gallagher P., Cunningham I., Stephens S.* ReSTART: Developing entrepreneurial competencies for second chance entrepreneurs // *Developing Entrepreneurial Competencies for Start-Ups and Small Business* / ed. by J. Šebestová. IGI Global, 2020. P. 253–270. doi: 10.4018/978-1-7998-2714-6.ch016
27. *Metzger G.* Once bitten, twice shy? The performance of entrepreneurial restarts // *ZEW Discussion Paper*. 2006. № 06-083. 20 p. URL: <https://madoc.bib.uni-mannheim.de/1466/1/dp06083.pdf> (дата обращения: 21.02.2024).
28. *Süß A., Höse K., Götz U.* Sustainability-oriented business model evaluation – a literature review // *Sustainability*. 2021. Vol. 13, Is. 19. № 10908. doi: 10.3390/su131910908
29. *Linder M., Williander M.* Circular business model innovation: inherent uncertainties // *Business Strategy and the Environment*. 2017. Vol. 26, Is. 2. P. 182–196. doi: 10.1002/bse.1906
30. *Nyvall M., Zobel T., Mark-Herbert C.* Use-oriented business model // *Corporate Social Responsibility and Environmental Management*. 2023. Vol. 30, Is. 3. P. 1314–1324. doi: 10.1002/csr.2421
31. *Яшин С.Н., Трифионов Ю.В., Кошелев Е.В.* Прогнозирование темпов роста компании на основе нормы реинвестирования, нормы прибыли и оборачиваемости капитала // *Финансы и кредит*. 2016. № 1. С. 38–51. URL: <https://elibrary.ru/vealml>

32. Pokorná P. Financial Sources for Company Scale-Up // *Advances in Business Strategy and Competitive Advantage*. 2020. P. 97–108. doi: 10.4018/978-1-7998-2714-6.ch007
33. Christensen C., Raynor M. The innovator's solution: Creating and sustaining successful growth. Boston : Harvard Business Review Press, 2013. 138 p.
34. Vertakova Y.V., Rudakova O.V., Shadrina V.V., Kobersy I.S., Belova I.N. Strategy of disruptive innovation in emerging regional markets: Factors of success and failure // *International Journal of Economics and Financial Issues*. 2016. Vol. 6, Is. 8. P. 274–279. URL: <https://www.econjournals.com/index.php/ijefi/article/view/3750/pdf> (дата обращения: 21.02.2024).
35. Mishina Y., Pollock T.G., Porac J.F. Are more resources always better for growth? Resource stickiness in market and product expansion // *Strategic Management Journal*. 2004. Vol. 25, Is. 12. P. 1179–1197. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/smj.424> (дата обращения: 21.02.2024).
36. Cooper R.G. The drivers of success in new-product development // *Industrial Marketing Management*. 2019. Vol. 76. P. 36–47. doi: 10.1016/j.indmarman.2018.07.005
37. Kiron D., Kruschwitz N., Haanaes K., Reeves M., Fuisz-Kehrbach S.K., Kell G. Joining forces: Collaboration and leadership for sustainability // *MIT Sloan Management Review*. 2015. Jan. № 56380. URL: https://d306pr3pise04h.cloudfront.net/docs/publications%2FJoining_Forces_MITSMR_BCG_UNGlobalCompact_Report.pdf (дата обращения: 22.02.2024).
38. Albaz A. Mansour T., Rida T., Schubert J. Setting up small and medium-size enterprises for restart and recovery. McKinsey & Company, 2020. URL: <http://dl.n.jaipuria.ac.in:8080/jspui/bitstream/123456789/10866/1/Setting-up-small-and-medium-size-enterprises-for-restart-and-recovery.pdf> (дата обращения: 21.02.2024).
39. Beria P. Mobility: Developing Countries Through the Lens of Megaprojects, Equity, Sustainability, and Development // *Territorial Development and Water-Energy-Food Nexus in the Global South: A Study for the Maputo Province, Mozambique* / ed. by L. Montedoro, A. Buoli, A. Frigerio. Springer Nature Switzerland AG, 2022. P. 223–236. doi: 10.1007/978-3-030-96538-9_16
40. Gregory A., Tharyan R., Whittaker J. Corporate social responsibility and firm value: Disaggregating the effects on cash flow, risk and growth // *Journal of Business Ethics*. 2014. Vol. 124. P. 633–657. doi: 10.1007/s10551-013-1898-5
41. Casson M., Giusta M.D. Entrepreneurship and social capital: Analyzing the impact of social networks on entrepreneurial activity from a rational action perspective // *International Small Business Journal*. 2007. Vol. 25, Is. 3. P. 220–244. doi: 10.1177/0266242607076524
42. Campbell A., Park R., Hamel G. The growth gamble. London : Nicholas Brealey International, 2005. URL: [https://questionnaire.app.co.id/portal.nsf/7071d3d6f7f1af93472571b60034412b/58264d4e727d26aa4725709a002e1cba/\\$FILE/The%20Growth%20Gamble.pdf](https://questionnaire.app.co.id/portal.nsf/7071d3d6f7f1af93472571b60034412b/58264d4e727d26aa4725709a002e1cba/$FILE/The%20Growth%20Gamble.pdf) (дата обращения: 21.02.2024).

References

1. Savin, I. & Novitskaya, M. (2023) Data-driven definitions of gazelle companies that rule out chance: application for Russia and Spain. *Eurasian Business Review*. 13 (3). pp. 507–542. doi: 10.1007/s40821-023-00239-2
2. Kohler, K. & Stockhammer, E. (2021) Growing differently? Financial cycles, austerity, and competitiveness in growth models since the Global Financial Crisis. *Review of International Political Economy*. 29 (4). pp. 1314–1341. doi: 10.1080/09692290.2021.1899035
3. Halmi, P. (2021) COVID-crisis and economic growth: Tendencies on potential growth in the European Union. *Acta Oeconomica*. 71 (S1). pp. 165–186. doi: 10.1556/032.2021.00034
4. Knowles, J. et al. (2020) Growth opportunities for brands during the COVID-19 crisis. *MIT Sloan Management Review*. 61 (4). pp. 2–6. [Online] Available from: <https://sloanreview.mit.edu/article/growth-opportunities-for-brands-during-the-covid-19-crisis/> (Accessed: 21.02.2024).

5. McKelvie, A. & Wiklund, J. (2010) Advancing firm growth research: A focus on growth mode instead of growth rate. *Entrepreneurship Theory and Practice*. 34 (2). pp. 261–288. doi: 0.1111/j.1540-6520.2010.00375.x
6. Adizes, I. (1979) Organizational passages – diagnosing and treating lifecycle problems of organizations. *Organizational dynamics*. 8 (1). pp. 3–25. doi: 0.1016/0090-2616(79)90001-9
7. Grover Goswami, A., Medvedev, D. & Olafsen, E. (2019) *High-growth firms: facts, fiction, and policy options for emerging economies*. Washington, DC: World Bank. doi: 10.1596/978-1-4648-1368-9
8. Acs, Z.J. & Mueller, P. (2007) Employment effects of business dynamics: mice, gazelles and elephants. *Small Business Economics*. 30 (1). pp. 85–100. doi: 10.1007/s11187-007-9052-3
9. Nightingale, P. & Coad, A. (2014) Muppets and gazelles: political and methodological biases in entrepreneurship research. *Industrial and Corporate Change*. 23 (1). pp. 113–143. doi: 10.1093/icc/dtt057
10. Ferrantino, M.J. et al. (2012) Gazelles and gazillas in China and India. *SSRN Electronic Journal*. 2167303. doi: 10.2139/ssrn.2167303
11. Casnici, C.V.C. (2021) The rise of unicorn companies: a magical growth? Park, S.H. et al. (eds) *The Palgrave handbook of corporate sustainability in the digital era*. Cham: Palgrave Macmillan, doi: 10.1007/978-3-030-42412-1_29
12. Ambrosio, F., Brasili, A. & Niakaros, K. (2021) European scale-up gap: too few good companies or too few good investors. *R&I Paper Series of European Commission*. 2. doi: 0.2777/886042
13. Gonzalez-Uribe, J. & Reyes, S. (2021) Identifying and boosting “gazelles”: evidence from business accelerators. *Journal of Financial Economics*. 139 (1). pp. 260–287. doi: 10.1016/j.jfineco.2020.07.012
14. Henrekson, M. & Johansson, D. (2010) firm growth, institutions and structural transformation. *SSRN Electronic Journal*. 1539446. [Online] Available from: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1539446>
15. Markman, G.D. & Gartner, W.B. (2002) Is extraordinary growth profitable? A study of Inc. 500 high-growth companies. *Entrepreneurship Theory and Practice*. 27 (1). pp. 65–75. doi: 10.1111/1540-8520.271004
16. Davidsson, P. & Delmar, F. (2017) Hunting for new employment: The role of high growth firms. In: Kirby, D.A. & Watson, A. (eds) *Small firms and economic development in developed and transition economies: a reader*. London: Routledge. pp. 7–19. doi: 10.4324/9781315192451-2
17. Brouwer, E., Kleinknecht, A. & Reijnen, J.O. (1993) Employment growth and innovation at the firm level: an empirical study. *Journal of Evolutionary Economics*. 3 (2). pp. 153–159. doi: 10.1007/bf01213832
18. Aiello, F., Mastromarco, C. & Zago, A. (2010) Be productive or face decline. On the sources and determinants of output growth in Italian manufacturing firms. *Empirical Economics*. 41 (3). pp. 787–815. doi: 10.1007/s00181-010-0405-4
19. Delmar, F., Davidsson, P. & Gartner, W.B. (2003) Arriving at the high-growth firm. *Journal of Business Venturing*. 18 (2). pp. 189–216. doi: 10.1016/s0883-9026(02)00080-0
20. Haltiwanger, J. et al. (2017) High growth young firms: contribution to job, output, and productivity growth. In: Haltiwanger, J. et al. (eds) *Measuring entrepreneurial businesses: current knowledge and challenges*. Chicago: University of Chicago Press. pp. 11–62. doi: 10.7208/chicago/9780226454108.003.0001
21. Birch, D.G.W. (1987) *Job creation in America: how our smallest companies put the most people to work*. University of Illinois at Urbana-Champaign’s Academy for Entrepreneurial Leadership Historical Research Reference in Entrepreneurship, [Online] Available from: <https://ssrn.com/abstract=1496185> (Accessed: 22.02.2024).
22. Coad, A., Daunfeldt, S.O. & Halvarsson, D. (2018) Bursting into life: firm growth and growth persistence by age. *Small Business Economics*. 50 (1). pp. 55–75. doi: 10.1007/s11187-017-9872-8

23. Hangstefer, J.B. (2000) Revenue margin: A better way to measure company growth. *Strategic Finance*. 82 (1). pp. 40–44. [Online] Available from: <https://www.proquest.com/scholarly-journals/revenue-margin-better-way-measure-company-growth/docview/229768008/se-2> (Accessed: 21.02.2024).

24. Adizes, I. (2004) *Managing corporate lifecycles*. Santa-Barbara: The Adizes Institute Publishing.

25. Hanks, S.H. (1990) The organization life cycle: Integrating content and process. *Journal of Small Business Strategy*. 1 (1). pp. 1–12. [Online] Available from: <https://libjournals.mtsu.edu/index.php/jsbs/article/view/218> (Accessed: 21.02.2024).

26. Hegarty, C. et al. (2020) ReSTART: Developing entrepreneurial competencies for second chance entrepreneurs. In: Šebestová, J. (ed.) *Developing Entrepreneurial Competencies for Start-Ups and Small Business*. IGI Global. pp. 253–270. doi: 10.4018/978-1-7998-2714-6.ch016

27. Metzger, G. (2006) Once bitten, twice shy? The performance of entrepreneurial restarts. *ZEW Discussion Paper*. 06-083. [Online] Available from: <https://madoc.bib.uni-mannheim.de/1466/1/dp06083.pdf> (Accessed: 21.02.2024).

28. Süß, A., Höse, K. & Götze, U. (2021) Sustainability-oriented business model evaluation – a literature review. *Sustainability*. 13 (19). 10908. doi: 10.3390/su131910908

29. Linder, M. & Willander, M. (2017) Circular business model innovation: inherent uncertainties. *Business Strategy and the Environment*. 26 (2). pp. 182–196. doi: 10.1002/bse.1906

30. Nyvall, M., Zobel, T. & Mark-Herbert, C. (2023) Use-oriented business model. *Corporate Social Responsibility and Environmental Management*. 30 (3). pp. 1314–1324. doi: 10.1002/csr.2421

31. Yashin, S.N., Trifonov, Yu.V. & Koshelev, E.V. (2016) Prognozirovanie tempov rosta kompanii na osnove normy reinvestirovaniya, normy pribyli i oborachivaemosti kapitala [Forecasting the growth rate of a company based on the reinvestment rate, profit rate and capital turnover]. *Finansy i kredit*. 1. pp. 38–51. [Online] Available from: <https://elibrary.ru/vealml>

32. Pokorná, P. (2020) Financial Sources for Company Scale-Up. *Advances in Business Strategy and Competitive Advantage*. pp. 97–108. doi: 10.4018/978-1-7998-2714-6.ch007

33. Christensen, C. & Raynor, M. (2013) *The innovator's solution: Creating and sustaining successful growth*. Boston: Harvard Business Review Press.

34. Vertakova, Y.V. et al. (2016) Strategy of disruptive innovation in emerging regional markets: Factors of success and failure. *International Journal of Economics and Financial Issues*. 6 (8). pp. 274–279. [Online] Available from: <https://www.econjournals.com/index.php/ijefi/article/view/3750/pdf> (Accessed: 21.02.2024).

35. Mishina, Y., Pollock, T.G. & Porac, J.F. (2004) Are more resources always better for growth? Resource stickiness in market and product expansion. *Strategic Management Journal*. 25 (12). pp. 1179–1197. [Online] Available from: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/smj.424> (Accessed: 21.02.2024).

36. Cooper, R.G. (2019) The drivers of success in new-product development. *Industrial Marketing Management*. 76. pp. 36–47. doi: 10.1016/j.indmarman.2018.07.005

37. Kiron, D. et al. (2015) Joining forces: Collaboration and leadership for sustainability. *MIT Sloan Management Review*. Jan. 56380. [Online] Available from: https://d306pr3pise04h.cloudfront.net/docs/publications%2FJoining_Forces_MITSMR_BCG_UNGlobalCompact_Report.pdf (Accessed: 22.02.2024).

38. Albaz, A. et al. (2020) *Setting up small and medium-size enterprises for restart and recovery*. McKinsey & Company, [Online] Available from: <http://dln.jaipuria.ac.in:8080/jspui/bitstream/123456789/10866/1/Setting-up-small-and-medium-size-enterprises-for-restart-and-recovery.pdf> (Accessed: 21.02.2024).

39. Beria, P. (2022) Mobility: Developing Countries Through the Lens of Megaprojects, Equity, Sustainability, and Development. In: Montedoro, L., Buoli, A. & Frigerio, A. (eds) *Territorial Development and Water-Energy-Food Nexus in the Global South: A Study for the*

Maputo Province, Mozambique. Springer Nature Switzerland AG. pp. 223–236. doi: 10.1007/978-3-030-96538-9_16

40. Gregory, A., Tharyan, R. & Whittaker, J. (2014) Corporate social responsibility and firm value: Disaggregating the effects on cash flow, risk and growth. *Journal of Business Ethics*. 124. pp. 633–657. doi: 10.1007/s10551-013-1898-5

41. Casson, M. & Giusta, M.D. (2007) Entrepreneurship and social capital: Analyzing the impact of social networks on entrepreneurial activity from a rational action perspective. *International Small Business Journal*. 25 (3). pp. 220–244. doi: 10.1177/0266242607076524

42. Campbell, A., Park, R. & Hamel, G. (2005) *The growth gamble*. London: Nicholas Brealey International, [Online] Available from: [https://questionnaire.app.co.id/portal.nsf/7071d3d6f7f1af93472571b60034412b/58264d4e727d26aa4725709a002e1cba/\\$FILE/The%20Growth%20Gamble.pdf](https://questionnaire.app.co.id/portal.nsf/7071d3d6f7f1af93472571b60034412b/58264d4e727d26aa4725709a002e1cba/$FILE/The%20Growth%20Gamble.pdf) (Accessed: 21.02.2024).

Информация об авторах:

Спицын В.В. – кандидат экономических наук, доцент Бизнес-школы, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (Томск, Россия). E-mail: spitsin_vv@mail.ru

Рыжкова М.В. – доктор экономических наук, профессор Бизнес-школы, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (Томск, Россия), профессор кафедры экономики, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия). E-mail: marybox@inbox.ru

Леонова В.А. – ассистент Бизнес-школы, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (Томск, Россия). E-mail: vap60@tpu.ru

Брагин А.Д. – старший преподаватель Отделения информационных технологий Инженерной школы информационных технологий и робототехники, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (Томск, Россия). E-mail: lflenylol@gmail.com

Спицына Л.Ю. – кандидат экономических наук, доцент Бизнес-школы, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (Томск, Россия). E-mail: spicsyna@tpu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

V.V. Spitsin, Cand. Sci. (Economics), associate professor, Business School, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: spitsin_vv@mail.ru

M.V. Ryzhkova, Dr. Sci. (Economics), professor, Business School, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation); professor, Economics Department, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: marybox@inbox.ru

V.A. Leonova, teaching assistant, Business School, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vap60@tpu.ru

A.D. Bragin, senior lecturer, School of Computer Science & Robotics, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lflenylol@gmail.com

L.Yu. Spitsina, Cand. Sci. (Economics), associate professor, Business School, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: spicsyna@tpu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 10.05.2024;
одобрена после рецензирования 13.05.2024; принята к публикации 15.05.2024.*

*The article was submitted 10.05.2024;
approved after reviewing 13.05.2024; accepted for publication 15.05.2024.*

Научная статья

УДК 336.71

doi: 10.17223/19988648/66/5

Практика применения инструментов макроprudенциального регулирования Банка России

Марина Борисовна Тершукова¹, Виталий Сергеевич Абрамов²

^{1,2} Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия

¹ marinatershukova@yandex.ru

² abramov1998@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены виды, классификации инструментов макроprudенциального регулирования Банка России, их назначение в поддержании финансовой стабильности государства, снижении системных рисков. Проанализированы показатели функционирования банковского сектора России, отражающие результаты использования инструментов макроprudенциального регулирования Центрального банка Российской Федерации. Сформулированы авторские выводы о направлениях развития макроprudенциального регулирования Банка России применительно к банковскому сектору страны.

Ключевые слова: макроprudенциальное регулирование Банка России, системный риск, достаточность капитала банков, инструменты макроprudенциального регулирования, стресс-тестирование банков

Для цитирования: Тершукова М.Б., Абрамов В.С. Практика применения инструментов макроprudенциального регулирования Банка России // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2024. № 66. С. 78–87. doi: 10.17223/19988648/66/5

Original article

The Bank of Russia's macroprudential regulation tools: Content, types and practice of application

Marina B. Tershukova¹, Vitaly S. Abramov²

^{1,2} Samara State University of Economics, Samara, Russian Federation

¹ marinatershukova@yandex.ru

² abramov1998@mail.ru

Abstract. The types and classifications of tools of macroprudential regulation of the Bank of Russia, their purpose in maintaining the financial stability of the state and reducing systemic risks are considered. The performance indicators of the Russian banking sector are analyzed, reflecting the results of using macroprudential regulation tools of the Central Bank of the Russian Federation. The authors' conclusions are formulated on the directions of development of macroprudential regulation of the Bank of Russia in relation to the country's banking sector.

Keywords: Bank of Russia's macroprudential regulation, systemic risk, capital adequacy of banks, instruments of macroprudential regulation, stress testing of banks

For citation: Tershukova, M.B. & Abramov, V.S. (2024) The Bank of Russia's macroprudential regulation tools: Content, types and practice of application. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 66. pp. 78–87. (In Russian). doi: 10.17223/19988648/66/5

Введение

От эффективности использования Банком России инструментов макропруденциального регулирования банковского сектора непосредственно зависит финансовая стабильность государства и, в частности, стабильность банковской системы Российской Федерации.

Целью настоящего исследования является выявление перспективных направлений совершенствования макропруденциального регулирования по отдельным направлениям деятельности кредитных организаций.

В процессе осуществления макропруденциального регулирования Банк России, используя различные инструменты, стремится обеспечить финансовую стабильность банковской системы Российской Федерации.

Материалы и методы

В ходе исследования были рассмотрены классификации инструментов макропруденциального регулирования, предлагаемые Е.О. Даниловой и Н.Б. Елизаровой, М.Б. Тершуковой и И.П. Радаевым, были изучены статистические и аналитические материалы Банка России.

В процессе исследования проблем макропруденциально регулирования применены общие и частные научные методы. Системный метод позволил раскрыть содержание понятия макропруденциального регулирования комплексно, включая цель – обеспечение стабильности финансовой системы, в целом, объект – финансовый рынок государства.

Используются общенаучные методы анализа и синтеза в процессе обобщения позиций различных авторов по вопросу содержания макропруденциального регулирования и классификации инструментов макропруденциального регулирования. Сравнительно-сопоставимый анализ позволил проанализировать и выявить отличительные особенности различных позиций ученых-экономистов, сопоставить подходы авторов по исследуемому вопросу.

Изучены теоретические концепции сущности и целей макропруденциального регулирования, а также классификации инструментов макропруденциального регулирования.

Результаты

Развитие инструментов макропруденциального регулирования происходит параллельно с внедрением стандартов Базельского комитета по банков-

скому надзору. Инструменты (методы) макропруденциального регулирования банковской деятельности центральными банками в экономической литературе классифицируются по-разному.

М.Б. Тершукова и И.П. Радаев выделяют следующие группы инструментов макропруденциального регулирования:

– административные методы, это издание регулятором указаний, положений, инструкций, методик, являющихся основой функционирования банковской системы;

– экономические методы, это установление экономических нормативов достаточности капитала, концентрации кредитных рисков, нормативов обязательных резервов [1, с. 70–72].

Достоинством данной классификации можно считать указание на аналогию с инструментами денежно-кредитного регулирования, что подчеркивает и подтверждает взаимосвязь различных направлений и всеобъемлющую системность деятельности Банка России.

Недостатком является отсутствие конкретизации инструментов макропруденциального регулирования.

Е.О. Данилова и Н.Б. Елизарова более детально проводят классификацию инструментов макропруденциальной политики. Они выделяют инструменты общего характера, влияющие на капитал и резервы банков; ограничения на вложения в отдельные сектора экономики; инструменты, связанные с регулированием риска ликвидности, валютного риска; лимиты на прирост высоко рискованного кредитования и другие [2].

Банк России подразделяет инструменты макропруденциальной политики на циклические и структурные. Циклические инструменты используются для регулирования кредитного цикла в экономике, а структурные инструменты для снижения рисков повышенной волатильности курсов иностранной валюты [3].

Достоинством классификации мегарегулятора можно считать, что все инструменты полностью соответствуют содержанию и целям макропруденциального регулирования Банка России.

Проанализируем практику применения отдельных инструментов макропруденциального регулирования Банка России применительно к банковскому сектору страны. Но прежде всего, рассмотрим показатели состояния рынка потребительского кредитования с использованием статистических показателей кредитования и аналитических обследований Банка России за 2018–2022 гг. Это, на наш взгляд необходимо в целях обоснования целесообразности введения с недавнего периода Банком России макропруденциальных лимитов по потребительским кредитам для банков с универсальной лицензией.

Потребительские кредиты выдаются банками на приобретение жилья, на обучение, на лечение и личные нужды. Это основной источник для улучшения жизненных условий населения. В настоящее время потребительскими кредитами пользовались 47 млн заемщиков. За 2023 г. предоставлено потребительских кредитов на сумму 27,09 трлн руб., что на 2,5 трлн руб. больше

аналогичного показателя прошлого года. Стабильность на рынке потребительского кредитования – важная составляющая стабильности финансовой системы, в целом, что обуславливает применение Банком России инструментов макропруденциального регулирования деятельности кредитных организаций в области потребительского кредитования, направленных на минимизацию системных рисков.

Динамика показателей рынка банковского кредитования физических лиц представлена на рис. 1.

Рис. 1. Динамика показателей рынка банковского кредитования физических лиц в Российской Федерации [4]

Следует отметить, что в анализируемом периоде происходил процесс активного кредитования банками физических лиц за счет предложенных заемщикам различных форм автокредитования, выдачи кредитных карт, внедрения Банком России в 2020–2021 гг. льготных программ ипотечного кредитования, роста объемов предоставляемых жилищных кредитов за счет расширения строительства жилья, все это способствовало улучшению благосостояния населения.

За 2022 г. задолженность по кредитам, предоставленным физическим лицам, составила 27,4 трлн руб. против 14,9 трлн руб. (на 01.01.2019 г.).

Объем выданных кредитов физическим лицам сложился в размере 17,0 трлн руб. против 12,4 трлн руб. (на 01.01.2019 г.).

Анализ состояния рынка банковского кредитования населения показал и ряд отрицательных моментов. Это, прежде всего, рост объемов просроченной задолженности физических лиц. За 2022 г. долг по кредитам физических

лиц достиг свыше 1,1 трлн руб. Удельный вес просроченной задолженности в общем кредитном портфеле физических лиц на 01.11.2022 г. составляет 4,2% против 5,4% (на 01.01.2019 г.), что объясняется увеличением объемов предоставляемых кредитов, а не погашением просроченных долгов.

Обследование, проведенное АО ВТБ, показало, что 27% от всех потребительских кредитов приходится на ремонт, 14% – на ипотеку, 14% – на приобретение машин, 14% – на перекредитование ранее полученных и обслуживаемых кредитов [5].

За отчетный год на 2 млн заемщиков возросло число физических лиц, имеющих по три кредита и больше. Общее число таких заемщиков составило 11,2 млн человек.

На 1 января 2024 г. просроченная задолженность составила 3 трлн руб. За девять месяцев 2023 г. просроченная задолженность составила 1,9 трлн руб. [6]. В последние три месяца 2023 г. просроченная задолженность возросла на 1,1 трлн руб.

Банк России, анализируя ситуацию на рынке потребительского кредитования, отмечает изменения настроения заемщиков – более осторожно и взвешенно стали подходить к решению вопросов о получении потребительского кредита.

Наличие неплатежей у заемщиков создает для банка системные риски, покрываемых за счет дополнительных отчислений в резервы на возможные потери, что ведет к уменьшению прибыли банков и удлиняет сроки пользования кредитом, что задерживает возможность прокредитования новых кредитоспособных заемщиков.

Банком России обращено внимание на значительный рост долговой нагрузки на заемщиков – образование недостатка доходов для обеспечения своевременности погашения населением предоставленных кредитов.

В сложившейся ситуации Банком России справедливо принимается решение использовать с начала 2022 г. в банковском макропруденциальном регулировании ограничительные инструменты, в виде лимитов на потребительское кредитование физических лиц с высокой долговой нагрузкой и лимитов по необеспеченным кредитам, несущим повышенные риски.

Важным инструментом макропруденциального регулирования, является установление Банком России повышенных требований к капиталу банков за счет увеличения надбавок к коэффициентам кредитного риска активов.

Рассмотрим динамику капитала и уровень достаточности капитала банков в нашей стране за последние годы.

Положительным моментом развития банковской системы за последние пять лет является постепенное увеличение совокупного капитала и прибыли, что прослеживается на рис. 2.

За рассматриваемый период (2017–2021 гг.) наблюдается положительная динамика постепенного возрастания капитала кредитных организаций, возрос с 9,4 трлн руб. (01.01.2018 г.) до 12,6 трлн руб. (01.01.2022 г.), прирост составил в размере 3,2 трлн руб., или 34,1%.

Одна из причин роста капитала банков – это действующие надбавки к коэффициентам риска активов, которые применялись регулятором с 2013 г. вплоть до 2022 г., как важный инструмент макропруденциальной политики циклического характера. Данный инструмент способствовал накоплению запаса капитала банков на последующий кризисный период для покрытия рисков, убытков.

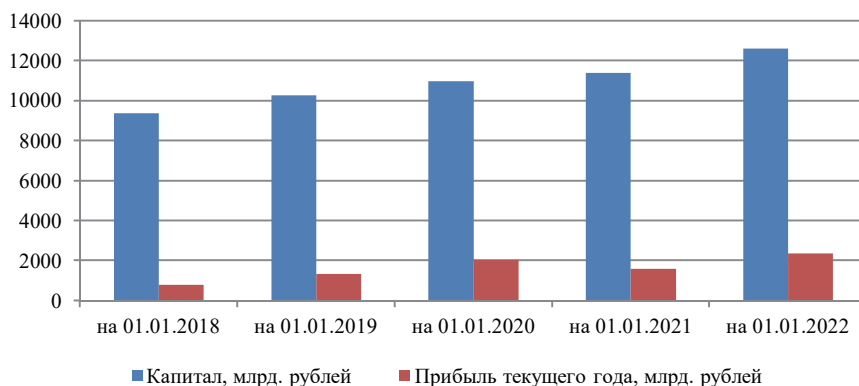

Рис. 2. Изменение капитала и прибыли банков Российской Федерации, млрд руб.

Другими словами, данный инструмент позволил осуществлять регулирование кредитного цикла банков в экономике.

Роспуск накопленного буфера капитала банками, благодаря снижения надбавок к коэффициентам риска активов с марта 2022 г., важен для поддержания кредитной активности банков в условиях негативного влияния внешних факторов и ухудшения ситуации на финансовых рынках.

Следует отметить, что прибыль банков за 2021 г. сложилась в сумме 2,36 трлн руб. – самый высокий уровень за последние пять лет. В дальнейшем наблюдалось ее снижение по причине неблагоприятных внешних факторов, усилившихся в 2022 г. и, как следствие, значительного роста кредитного риска и расходов по формированию страховых резервов на возможные потери банков. На данный момент снижение сменилось ростом прибыли, за 2023 г., согласно прогнозам, прибыль ожидается свыше 3 трлн руб.

Качество банковского капитала отражается в показателях его достаточности для покрытия рисков и предотвращения снижения стабильности функционирования банковского сектора страны.

Уровень достаточности капитала банков также возрастает (на 01.01.2018 – 12%, на 01.01.2022 – 12,3%) [7], он намного ниже, чем у банков развитых стран, что затрудняет привлечение внешнего финансирования и способствует накоплению рисков в российской банковской системе.

Проанализируем состояние отдельных сегментов деятельности банковской системы за 2017–2021 гг., сложившихся в результате применения Банком России инструментов макропруденциального регулирования, на рис. 3.

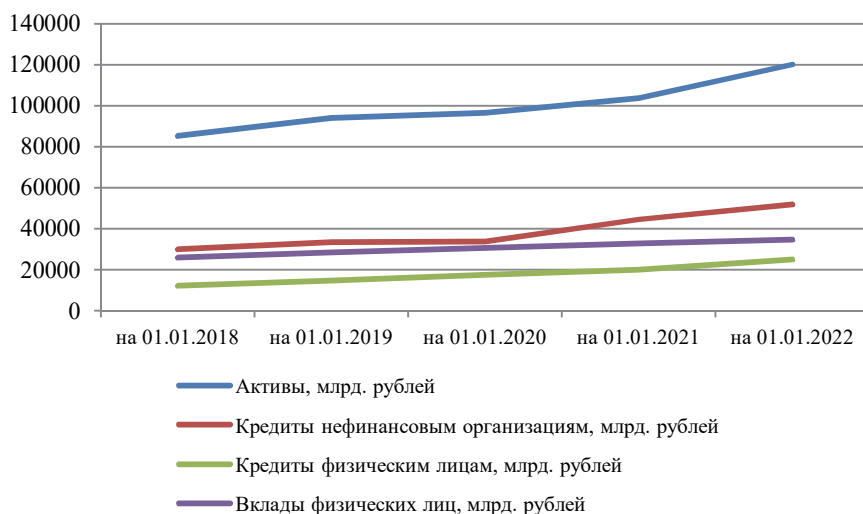

Рис. 3. Основные показатели развития банковской системы Российской Федерации, млрд руб.

На рис. 3 прослеживается тенденция роста объема привлекаемых вкладов от населения возрос с 26 трлн руб. (на 01.01.2018 г.) до 34,7 трлн руб. (на 01.01.2022 г.), а также увеличение объемов ипотечного кредитования.

Банк России оценивает эффективность применяемых инструментов макроprudенциального регулирования через оценку эффективности принятых мер в предотвращении роста системного риска и оценку создания буфера «безопасности» и возможности использования для поддержки банков.

Макроprudенциальное регулирование Банком России, на наш взгляд, следует рассматривать комплексно, как систему, включающую не только инструменты, рассмотренные выше, но и цели, субъекты, объект воздействия регулятора, совокупность нормативно-правовых актов, регламентирующих порядок применения различных инструментов Банком России.

На рис. 4 представлена карта-схема макроprudенциального регулирования банков в Российской Федерации.

На представленном рисунке отражены составляющие элементы макроprudенциального регулирования: цели, субъект, объект, инструменты макроprudенциального регулирования, с помощью которых Банк России осуществляет контроль за состоянием отдельных аспектов банковской деятельности, предполагающих высокую вероятность накопления избыточных рисков, обеспечивая ее финансовую стабильность и, в конечном итоге, финансовую стабильность государства.

В целом макроprudенциальное регулирование представляет собой единую систему, составляющие элементы которой тесно взаимосвязаны друг с другом.

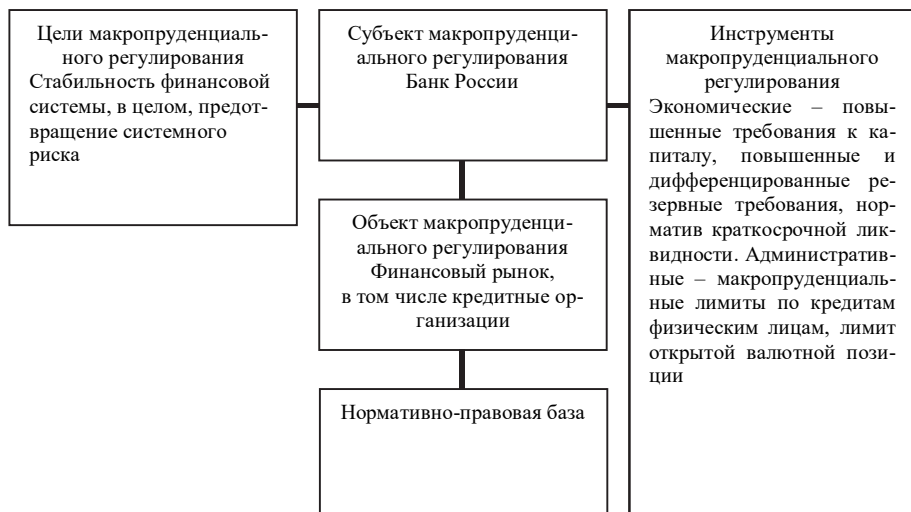

Рис. 4. Карта-схема макропруденциального регулирования банков в Российской Федерации

Банк России продолжает совершенствовать макропруденциальное регулирование, повышая эффективность и результативность, что позволяет мегарегулятору укреплять национальную банковскую систему и воздействовать на финансовую стабильность в целом.

Банк России на основании накопленной информации расширяет макропруденциальный анализ эффективности применяемых инструментов макропруденциального регулирования в той или иной сложившейся ситуации, совершенствует инструменты анализа, важное место отводится макропруденциальному стресс-тестированию. В алгоритмах стресс-тестирования в Российской Федерации необходимо усилить роль макросоставляющей, расширить степень вовлеченности и сферы ответственности за его результаты ключевых институциональных единиц системы государственного управления, не ограничиваясь только надзорным стресс-тестированием.

В настоящий момент стресс-тестирование стало частью консультативного надзора. Результаты проведенных надзорных мероприятий не являются определяющими при назначении индивидуальных регуляторных мер конкретной кредитной организации.

Для дальнейшего повышения эффективности и результативности макропруденциального стресс-тестирования необходимо, чтобы Банк России в порядке, определенном российским законодательством, был наделен полномочиями по осуществлению макропруденциального стресс-тестирования и использованию результатов указанных регуляторных мероприятий при принятии индивидуальных регуляторных мер в отношении конкретной кредитной организации.

На наш взгляд, перспективным направлением совершенствования макропруденциального регулирования может стать разработка рекомендаций

по выдаче кредитов заемщикам, имеющим просроченные платежи, просроченную задолженность, на более жестких условиях с позиции обеспечения, уровня процентной ставки, суммы и другое.

Углубление взаимодействия с Национальным бюро кредитных историй могло бы позволить получать дополнительную информацию о конкретном заемщике, имеющем просроченную задолженность, а также на основе сценарных методов попытаться спрогнозировать вероятное дальнейшее поведение заемщика. Это могло бы позволить повысить эффективность и результативность мер, выдвигаемых условий и требований в отношении заемщиков, имеющих просроченную задолженность.

Заключение

Таким образом, Банк России, совершенствуя инструменты макроprudенциального регулирования, эффективно укрепляет банковскую систему Российской Федерации, что влияет на поддержание финансовой стабильности государства.

В дальнейшем Банку России необходимо продолжать развивать инструменты анализа, прежде всего макроprudенциальное стресс-тестирование, расширять и повышать эффективность информации о рисках, использовать многофакторные сценарии, включая и риски (рыночные, кредитные, риск ликвидности, риск инвестиционной активности и другие).

Список источников

1. Тершукова М.Б., Радаев И.П. Макроprudенциальное регулирование Банка России деятельности кредитных организаций в современных условиях // Экономика и предпринимательство. 2023. № 1 (150). С. 70–72. doi: 10.34925/EIP.2023.150.1.011
2. Данилова Е.О., Елизарова Н.Б. Макроprudенциальная политика: теоретические аспекты и практический опыт Банка России // Деньги и кредит. 2017. № 6. С. 5–17.
3. Макроprudенциальная политика Банка России: концепция проведения и планируемые решения. Информационно-аналитический материал. Москва, сентябрь 2022 г. С. 3–27. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/140208/material_20220920.pdf
4. «Статистические показатели банковского сектора Российской Федерации» Банка России. URL: https://cbr.ru/statistics/bank_sector/review/ (дата обращения: 10.03.2023).
5. ВТБ ждет увеличения розничных кредитов в 2023 году на 11% // Информационно-аналитический ресурс Interfax.ru. URL: <https://www.interfax.ru/business/88604>
6. Сведения о размещенных и привлеченных средствах // Статистический бюллетень Банка России. URL: https://cbr.ru/statistics/bank_sector/sors/#a_112227
7. Отдельные показатели деятельности кредитных организаций, сгруппированных по величине активов // Официальный сайт Банка России. URL: <http://www.cbr.ru>

References

1. Tershukova, M.B. & Radaev, I.P. (2023) Makroprudentsial'noe regulirovanie Banka Rossii deyatel'nosti kreditnykh organizatsiy v sovremennykh usloviyakh [Macroprudential regulation by the Bank of Russia of the activities of credit institutions in modern conditions]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo*. 1 (150). pp. 70–72. (In Russian). doi: 10.34925/EIP.2023.150.1.011

2. Danilova, E.O. & Elizarova, N.B. (2017) Makroprudentsial'naya politika: teoreticheskie aspekty i prakticheskiy opyt Banka Rossii [Macroprudential policy: theoretical aspects and practical experience of the Bank of Russia]. *Den'gi i kredit*. 6. pp. 5–17.

3. Bank of Russia. (2022) *Makroprudentsial'naya politika Banka Rossii: kontseptsiya provedeniya i planiruemye resheniya*. *Informatsionno-analiticheskiy material* [Macroprudential policy of the Bank of Russia: concept of implementation and planned decisions. Informational analytical material]. Moscow. September 2022. pp. 3–27. [Online] Available from: https://cbr.ru/Content/Document/File/140208/material_20220920.pdf

4. Bank of Russia. (2023) “*Statisticheskie pokazateli bankovskogo sektora Rossiyskoy Federatsii*” *Banka Rossii* [Statistical indicators of the banking sector of the Russian Federation of the Bank of Russia]. [Online] Available from: https://cbr.ru/statistics/bank_sector/review/ (Accessed: 10.03.2023).

5. Interfax.ru. (2023) *VTB zhdet uvelicheniya roznichnykh kreditov v 2023 godu na 11%* [VTB expects an increase in retail loans in 2023 by 11%]. [Online] Available from: <https://www.interfax.ru/business/88604>

6. Bank of Russia. (n.d.) Svedeniya o razmeshchennykh i privlechennykh sredstvakh [Information on placed and attracted funds]. *Statisticheskiy byulleten' Banka Rossii* [Statistical Bulletin of the Bank of Russia]. [Online] Available from: https://cbr.ru/statistics/bank_sector/sors/#a_112227

7. Bank of Russia. (n.d.) *Otdel'nye pokazateli deyatel'nosti kreditnykh organizatsiy, sgruppirovannykh po velichine aktivov* [Selected performance indicators of credit institutions grouped by asset size]. [Online] Available from: <http://www.cbr.ru>

Информация об авторах:

Тершукова М.Б. – доцент, кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов, Самарский государственный экономический университет (Самара, Россия). E-mail: marinatershukova@yandex.ru

Абрамов В.С. – аспирант кафедры финансов, Самарский государственный экономический университет (Самара, Россия). E-mail: abramov1998@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

M.B. Tershukova, Cand. Sci. (Economics), docent, associate professor of the Department of Finance, Samara State University of Economics (Samara, Russian Federation). E-mail: marinatershukova@yandex.ru

V.S. Abramov, postgraduate student of the Department of Finance, Samara State University of Economics (Samara, Russian Federation). E-mail: abramov1998@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 23.10.2024;
одобрена после рецензирования 02.05.2024; принята к публикации 15.05.2024.*

*The article was submitted 23.10.2024;
approved after reviewing 02.05.2024; accepted for publication 15.05.2024*

Научная статья
УДК 330.101.2
doi: 10.17223/19988648/66/6

Проблематика теории и практики налога на сверхприбыль в России и за рубежом

Александр Анатольевич Шаров¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, sharov.aleksandr89@ya.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы введения в Российской Федерации в 2023 г. налога на сверхприбыль. В нашей стране такой налог был введен впервые, поэтому были проанализированы работы зарубежных экономистов, представлены его положительные и отрицательные аспекты. Показана и обоснована необходимость введения такого налога в нашей стране, отмечены его особенности. Сфокусировано внимание читателя на том, что из сферы действия налога выведен нефтегазовый сектор, который во всем мире несет главную нагрузку при уплате налога на сверхприбыль.

Ключевые слова: налог на сверхприбыль, налог на непредвиденную (чрезвычайную) прибыль, средняя чистая прибыль, нефтегазовый сектор

Для цитирования: Шаров А.А. Проблематика теории и практики налога на сверхприбыль в России и за рубежом // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2024. № 66. С. 88–99. doi: 10.17223/19988648/66/6

Original article

Problems of the theory and practice of excess profit tax in Russia and abroad

Alexander A. Sharov¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation,
sharov.aleksandr89@ya.ru*

Abstract. The article deals with the problems of introducing a tax on excess profits in the Russian Federation in 2023. The excess profit tax is not a novelty of Russian lawmakers. The first such tax was introduced in the UK in 1915 during the First World War. The article examines the foreign experience of introducing the tax. The world practice indicates that the tax is introduced in emergency situations. Foreign countries have repeatedly resorted to replenishing their budgets through taxes on excess profits. The article highlights the experience in Denmark and Sweden, which introduced a tax on excess profits from the sale of weapons. It provides a brief historical background on the introduction of the tax in Australia and Norway for industrialists working in the oil and gas industry, mining, technology and pharmaceutical sectors. The historical documents of the US Congress are considered, and the speeches of leading economists and

politicians who advocated and opposed the introduction of a tax in the United States in 1980. Further, based on the analysis of the revenues of the Russian budget, the need to introduce such a tax in the Russian Federation is justified. A forecast is made of the possible size of budget replenishment when this tax is introduced. The forecast is based on the analysis of annual reports of leading Russian companies for 2020 and 2021, published in open sources. The analysis made it possible to highlight the negative and positive aspects of the introduction of a tax on excess profits in our country. Separately, the author of the article considers the issue of the specifics of introducing a tax on excess profits in the Russian Federation, focusing on the fact that the oil and gas sector has been removed from the scope of the tax, which in the experience of foreign countries bears the main burden when paying the tax on excess profits. Analytical calculations are given, based on open annual reports of oil and gas companies, on the payment of tax if the oil and gas sector were included in the law on tax on excess profits. The arguments of opponents and supporters of the exclusion of the oil and gas sector are considered. The argument of official sources is given. The conclusion states that the possibility of making an interim payment for enterprises actually reduces the tax to 5 percent, instead of the declared 10 percent. And world experience shows that the tax rates on excess profits are significantly higher from 35 to 80 percent. Perhaps more attention should be paid to world experience, and the tax rate on excess profits should be increased.

Keywords: excess profit tax, windfall tax, average net profit, oil and gas sector

For citation: Sharov, A.A. (2024) Problems of the theory and practice of excess profit tax in Russia and abroad. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 66. pp. 88–99. (In Russian). doi: 10.17223/19988648/66/6

Одним из нововведений 2023–2024 гг. для бизнеса в Российской Федерации является налог на сверхприбыль, в соответствии с Федеральным законом от 04.08.2023 г. № 414-ФЗ «О налоге на сверхприбыль». Как следует из ст. 1 названного закона, налог на сверхприбыль является разовым [1].

Мировая практика введения налога на сверхприбыль свидетельствует, что такой налог вводится в условиях чрезвычайных ситуаций. История налога на сверхприбыль началась в Великобритании в условиях Первой мировой войны, когда крупнейшие британские компании получали колоссальные прибыли от продажи боеприпасов. Аналогичные законы на сверхприбыль от продажи вооружения были введены в Дании и Швеции, которые продавали его Германии. Как отмечается в статье George Douglas [2], в течение 1915 г. опыт взимания налога на сверхприбыль имели семнадцать государств.

Действовал такой налог с 1915 по 1921 г., и его ставка колебалась от 40 до 80%. И это далеко не единственный пример. Так, в XX в. такие страны, как Австралия, Норвегия и ряд других, ввели налог на непредвиденные доходы для промышленников, работающих в нефтегазовой промышленности, горнодобывающем секторе, технологической и фармацевтической сфере.

В конце XX в. для Великобритании windfall tax был установлен правительством во главе с Тони Блэром для тех владельцев, кто приватизировал ряд государственных компаний в период с 1982 по 1993 г., в число данных предприятий вошли такие гиганты, как British Airport Authority, British

Gas, British Telecom. Для расчета была принята средняя чистая прибыль за первые четыре года после приватизации, и налог начислялся на разницу между этой суммой и рыночной капитализацией. Введение такого налога позволило пополнить казну более чем на 5,2 млрд фунтов стерлингов.

Об интересной ситуации с налогом на сверхприбыль рассказывается в статье Simon Berset и Mark Schelker [3]. Авторы обращают внимание на то, что налог на сверхприбыль был введен в Швейцарии – в стране со стабильной экономикой и сильными финансовыми институтами. Это произошло из-за IPO Glencore на Лондонской фондовой бирже в 2011 г. В результате ее генеральный директор заплатил чрезвычайный налог на прибыль на сумму около 360 млн швейцарских франков. Около 238 млн швейцарских франков из этих дополнительных налоговых начислений поступило в схему выравнивания муниципальных ресурсов и обрушилось на муниципалитеты кантона Цюрих. Далее авторы отмечают, что такое дополнительное вливание в бюджет Швейцарии ни к чему хорошему не привело – произошло увеличение расходов, ориентированных на конкретные группы (в основном государственных служащих), одновременно с общим снижением налогов и повышением сборов с пользователей. Возникший в результате дисбаланс привел к 7,5-кратному увеличению валового долга по сравнению с непредвиденными доходами. Далее авторы делают выводы о том, что налог на сверхприбыль не всегда приводит к положительному эффекту, называют эти «нечаянные» деньги «финансовым проклятием» даже в условиях таких сильных финансовых институтов, какие имеют место в Швейцарии [2].

Однако это скорее исключение, чем правило. Такой вывод строится на следующей информации. В США налог на сверхприбыль вводился несколько раз, последний из которых был в 1980 г., тогда Конгресс ввел налог на непредвиденную прибыль от сырой нефти, данный налог просуществовал до 1988 г. До октября 2022 г. в США вопрос о налоге на сверхприбыль не поднимался, однако выступление президента США Джо Байдена с критикой предприятий, которые за счет сверхприбыли выкупают обратно свои акции, а не вкладывают их в производство, заставило компании начать снижение цен на производимую продукцию для потребителей, и вопрос временно был закрыт.

Практика взимания налога на сверхприбыль наблюдается в европейских странах и в настоящее время. В мае 2022 г. Риши Сунак, являясь канцлером британского казначейства, объявил о введении налога на сверхприбыль, который коснулся крупнейших нефтяных и газовых компаний и составил высокую планку 25%, к январю 2023 г. этот процент существенно повысился – до 35%, и действовать он будет до 2028 г. Данный налог касается только добычи нефти на территории Великобритании, но не касается таких видов деятельности, как переработка и продажа нефтепродуктов на АЗС. По предварительным подсчетам, введенный налог позволит пополнить казну на сумму более 40 млн фунтов стерлингов [4, с. 58].

Санкционный кризис на рынке энергоносителей подвиг Еврокомиссию на принятие ряда мер, в том числе в 2022 г. был введен «временный взнос

солидарности» сверх остальных налогов, которые уплачиваются отдельно странами-участниками ЕС. Еврокомиссия объяснила такой шаг тем, что сбор основан на «налогооблагаемой положительной прибыли, полученной в 2022 финансовом году по энергетическим предприятиям в нефтяном, газовом, угольном и нефтеперерабатывающих секторах стран Евросоюза». Введение такого налога, по словам председателя ЕК, позволит Европе «смягчить последствия устойчиво высоких цен на энергоносители, сократить потребление энергии и повысить энергетическую автономию ЕС».

Итак, проведенный обзор позволяет сделать вывод о том, что налог на сверхприбыль не новое явление в налоговых системах стран мира, при этом он актуален на современном этапе развития мировой экономики.

Иностранную литературу о практике введения налога на сверхприбыль можно обобщить следующим образом: такой налог может быть двух видов: windfall tax (с англ.: «принесенный ветром») и excess profit tax (чрезвычайный налог, вводимый в периоды острого бюджетного дефицита).

В статье Manon Fran, Carlos Oliveira, Bluebery Planterose, Gabriel Zucman [5] обосновывают необходимость введения налога на сверхприбыль европейских компаний. В частности, авторы указывают, что, по их данным, налогообложение прироста стоимости энергетических компаний за период с января 2022 по сентябрь 2022 г. по ставке 33% принесет Европейскому союзу около 80 млрд долл. дохода (0,4% ВВП). Если обложить налогом рост капитализации фондового рынка компаний, которые извлекают выгоду из чрезвычайных обстоятельств, таких как энергетические компании после событий в Украине с февраля 2022 г., то это существенно пополнит бюджет европейских государств.

О том, что налог на сверхприбыль тесно связан с войной и военной экономикой, рассуждает George Douglas [2]. При введении налога на сверхприбыль акцент делается на «извлечении прибылей из войны».

Таким образом, вариант налога на сверхприбыль (excess profit tax) в большинстве исследованных нами работ зарубежных авторов, вводится чаще всего в условиях, когда ведутся активные военные действия и крупнейшие компании получают колоссальные прибыли на военных поставках либо на санкциях и ограничениях, вызванных войной.

Вариант налога на сверхприбыль windfall tax рассматривается в статье Fernando Antonio, Slaibe Postali [6], в которой рассчитывают, теряют ли бразильские муниципалитеты эффективность при сборе местных налогов в ответ на непредвиденные доходы от нефти. В статье отмечается, что муниципалитеты, получающие прибыль от нефтяных доходов (роялти), снижают эффективность сбора налогов в ответ на такие поступления, что свидетельствует о том, что они создают определенный тип X-неэффективности в муниципальном государственном управлении. Такой вывод строится на двухступенчатом анализе. Сначала были рассчитаны показатели эффективности сбора налогов, используя метод анализа оболочки данных (DEA). На втором

этапе показатели эффективности используются в качестве зависимой переменной в модели квантильной регрессии для оценки влияния нефтяной ренты на этот показатель.

В статье Thomas Baunsgaard and Nate Vernon [7] отмечено, что увеличение доходов обусловлено сочетанием факторов, в том числе несоответствием между спросом и предложением энергии во время восстановления экономики после COVID-19, которое еще больше усугубляется войной России и Украины.

Рост цен на ископаемое топливо принес значительные непредвиденные прибыли в энергетическом секторе. От этого выиграли в основном компании, добывающие ископаемое топливо, но в некоторых случаях прибыль увеличилась и в других отраслях энергетического сектора, например у нефтеперерабатывающих заводов и производителей электроэнергии на основе возобновляемых источников энергии. В заключении авторы предупреждают, что все это обостряет необходимость сдерживания инфляции, поддержания энергетической безопасности и перехода на возобновляемые источники энергии.

Вводимый в РФ и подлежащий уплате до 28 января 2024 г. налог на сверхприбыль характеризуется как налог windfall tax в статье преподавателей кафедры антикризисного управления Уральского государственного горного университета А.Н. Семина, А.Н. Романова, С.В. Слукина, Н.В. Мальцева [4, с. 56]. Н.А. Терещенко интерпретирует российский налог на сверхприбыль как excess profit tax [8].

Введение и продвижение любых налоговых инициатив традиционно находят как своих сторонников, так и противников. Если резюмировать мнения аналитиков, то к преимуществам налога на сверхприбыль относят повышение справедливости в обществе, так как крупные корпорации получают сверхприбыли, введение налога позволяет изъять у компаний их «долю ответственности» за удовлетворение общественных нужд, что в свою очередь ведет к уменьшению неравенства и возможности вливания средств в государственные программы на образование, социальное обеспечение и здравоохранение. В качестве отдельного преимущества аналитики выделяют возможность стимулирования инновационной деятельности и развития научного потенциала, что в условиях текущих санкционных мер в отношении предприятий оборонно-промышленного высокотехнологического сектора РФ выходит на одну из ведущих позиций.

Сложившаяся практика показала, что зачастую компании, получающие сверхприбыль, не вкладываются в развитие новых технологий или улучшение продуктов.

К недостаткам и рискам практики взимания налога на сверхприбыль относят, прежде всего, вероятность ухода компаний за границу в поисках более выгодного налогового климата. Дальнейший возможный рост налогового процента по ставке налога на сверхприбыль может привести к тому, что компании примут решение о переносе своих операций в страны с более низкой процентной ставкой, что в свою очередь ведет к потере рабочих

мест, экономической стагнации. Очевидным недостатком и риском называют неправильную реализацию практики взимания налога на сверхприбыль и злоупотребления, так как введение налога требует тщательного просчета и определения базы налогообложения. Некорректное распределение и использование различных схем может привести к подрыву доверия корпораций и, как следствие, к негативным последствиям как для бизнес-сектора, так и для государства.

И одним из последних, но не менее важным фактором риска называют отрицательный фактический опыт налогообложения, когда реальный финансовый результат нередко не совпадал с прогнозируемым. Так, в Италии введение такого налога в 2022 г. составило лишь пятую часть от планируемого, а в США отчет Конгресса показал, что за период с 1980 по 1988 г. введение налога принесло в казну государства 80 млрд долл., когда по прогнозу эта сумма должна была составить около 393 млрд долл.

Почему Российская Федерация пошла по пути введения дополнительного разового налога на сверхприбыль в 2024 г.?

Прежде всего, это объясняется геополитическими событиями – специальной военной операцией на Украине и санкциями других стран, в Российской Федерации наблюдается дефицит бюджетных средств. В 2023 г. в федеральном бюджете России бюджетные расходы превысили доходы на 2,6 трлн руб.

Для понимания предпосылок введения закона на сверхприбыль обратимся к краткой информации об исполнении федерального бюджета РФ за последние 5 лет.

Таблица 1. Краткая информация об исполнении федерального бюджета РФ за последние 5 лет [9]

	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
РАЗДЕЛ I						
Доходы, всего	19 454,4	20 188,8	18 719,1	25 286,4	27 824,4	29 124,1
Нефтегазовые доходы	9 017,8	7 924,3	5 235,2	9 056,5	11 586,2	8 822,3
Ненефтегазовые доходы	10 436,6	12 264,5	13 483,8	16 229,9	16 238,2	20 301,8
Налог на прибыль	995,5	1 185,0	1 091,4	1 552,4	1 669,5	1 918,6
РАЗДЕЛ II						
Расходы, всего	16 713,0	18 214,5	22 821,6	24 762,1	31 119,0	32 353,7
РАЗДЕЛ III						
Дефицит (-) / Профицит (+)	2 741,4	1 974,3	-4 102,5	524,3	-3 295,0	-3 229,7
<i>Ненефтегазовый дефицит</i>	-6 276,4	-5 950,0	-9 337,7	-8 532,2	-14 881,2	-12 051,9
РАЗДЕЛ IV						
Источники финансирования дефицита федерального бюджета – всего	-2 741,4	-1 974,3	4 102,5	-524,3	3 295,0	3 229,7

Из табл. 1 видно, что, во-первых, за последние два года на начало нового года бюджет сталкивается с серьезным дефицитом. По итогам января – июня бюджетные расходы превысили доходы на 2,6 трлн руб., а согласно плану годового дефицита он должен был достигнуть 2,9 трлн руб. (на декабрь 2024 г.). Сложившаяся ситуация связана со снижением доходов от экспорта нефти и газа, санкционной политикой в отношении РФ, падением цен на энергоносители. Все это привело к необходимости в применении экстренных мер по сокращению сложившегося разрыва.

Во-вторых, по состоянию на 22 марта 2024 г. против России введено 14 пакетов санкций [10].

До 2023 г. в российском законодательстве отсутствовала дефиниция сверхприбыли. Как подчеркивал С.Л. Санджиев, «большую часть бюджетного дефицита планируется покрыть увеличением государственного долга» [11].

С принятием Федерального закона «О налоге на сверхприбыль» от 4 августа 2023 г. № 414-ФЗ «под сверхприбылью стоит понимать превышение средней арифметической величины прибыли за 2021 год и прибыли за 2022 год над средней арифметической величиной прибыли за 2018 год и прибыли за 2019 год» [1].

Приведем формулу для расчета суммы налога на сверхприбыль:

$$\text{СвП} = \left(\frac{\text{П}2021 + \text{П}2022}{2} \right) - \left(\frac{\text{П}2018 + \text{П}2019}{2} \right).$$

Объектом налогообложения, как следует из ст. 3 ФЗ «О налоге на сверхприбыль», является сверхприбыль, которую получил налогоплательщик. Как отмечает А.С. Олисейчик, 2020 г., ознаменовавшийся пандемией COVID-19, не был включен в период для расчета прибыли [12, с. 132].

В ст. 2 ФЗ «О налоге на сверхприбыль» [1] дается перечень налогоплательщиков данного налога и тех, кто таковыми не являются. Вызывает некоторые вопросы исключение из числа налогоплательщиков организаций, которые добывают и перерабатывают нефть, газ и уголь. Хотя в подавляющем большинстве изученных нами трудов зарубежных авторов речь идет именно о налогах на сверхприбыль данных отраслей экономики.

Предлагаем рассмотреть данный вопрос, приняв налоговую ставку 10%, закрепленную в законе.

Далее обратимся к компаниям, сфера деятельности которых относится именно к добыче нефти, газа, угля. Сфокусируем внимание на прибыли за период времени из четырех лет, принимаемый в ФЗ о «Налог на сверхприбыль».

С одной стороны, ситуация понятна – именно нефтегазовые компании прежде всего попали под антироссийские санкции, резко сокращен экспорт нефти и газа в страны Евросоюза, следовательно, эти компании должны были недополучить возможные прибыли. Но это совсем не означает, что таких прибылей в итоге у названных компаний нет! Тем более, что происходит перераспределение экспортных потоков нефти, газа и угля в страны Юго-Восточной Азии и иные рынки сбыта (табл. 2, 3).

Таблица 2. Спрогнозированные на 2024 г. поступления по «налогу на сверхприбыль» крупных компаний РФ

Компания	Отрасль	Сумма чистой прибыли, млрд руб.		Налогооблагаемая база	Прогноз налоговых поступлений от сверхприбыли на 2024 г. по налоговой ставке 10%, млрд руб.
		2021–2022 гг.	2018–2019 гг.		
ПАО «Сбербанк»	Финансы	1996,4	1676,7	319,7	31,97
Газпромбанк	Финансы	104,9	84,1	20,8	2,08
ВТБ	Финансы	–537,3	382,7	0,0	0,0
Тинькофф	Финансы	84,2	63,2	21,0	2,1
ПАО «Интер РАО»	Электроэнергетика	110,0	153,6	0,0	0,0
ПАО «НорНикель»	Цветная металлургия	942,2	575,4	366,8	36,68
Полус	Цветная металлургия	279,2	154,2	125,0	12,5
Северсталь	Черная металлургия	374,5	243,1	131,4	13,14
Мечел	Черная металлургия	84,7	17,8	66,9	6,69
Сибур Холдинг	Химическая промышленность	487,0	252,2	234,8	23,48
Еврохим	Химическая промышленность	254,5	99,8	154,7	15,47
Атомэнергопром	Атомная промышленность	363,5	353,7	9,8	0,98
Росатом	Атомная промышленность	17,6	5,3	12,3	1,23
Алроса	Добыча алмазов	147,9	153,1	0,0	0,0
Мегафон	Телекоммуникации	109,3	31,4	77,9	7,79
МТС	Телекоммуникации	97,7	62,9	34,8	3,48
ПАО «Вымпелком (билайн)»	Телекоммуникации	30,1	17,1	13,0	1,3
Теле 2	Телекоммуникации	17,6	–9,2	0,0	0,0
Российские железные дороги	Транспорт	276,9	191,1	85,8	8,58

Таблица 3. Прогнозируемая сверхприбыль компаний нефтегазового сектора

Компания	Отрасль	Сумма чистой прибыли, млрд руб.		Налогооблагаемая база	Прогноз налоговых поступлений от сверхприбыли на 2024 г. по налоговой ставке 10%, млрд руб.
		2021–2022 гг.	2018–2019 гг.		
Лукойл	Нефтяная	790,1	619,2	170,9	17,09
Башнефть	Нефтяная	167,4	67,3	100,1	10,01
Роснефть	Нефтяная	813,2	805,1	8,1	0,81
Газпром	Нефтегазовая	1300	1200	100	10
Татнефть	Нефтяная	284,6	192,2	92,4	9,24
Руснефть	Нефтяная	8,4	15,8	0,0	0,0
Транснефть	Нефтяная	117,2	39,4	77,8	7,78
Новатэк	Газовая	433,3	450,9	0,0	0,0
Сургутнефтегаз	Газовая	60,7	106,2	0,0	0,0
СУЭК	Угольная	0,25	0,62	0,0	0,0
Кузбассразрезуголь	Угольная	0,56	0,24	0,32	0,03

Источник: составлено автором на основании открытых данных годового отчета компаний.

Сложившаяся ситуация связана с политикой российского государства, направленной на сдерживание цен, ведь «дополнительная нагрузка, которая ляжет на нефтяные компании, лишь подхлестнет рост цен на топливо, поскольку производители нефтепродуктов будут закладывать в цены свои возросшие издержки». «Удорожание бензина и других горюче-смазочных материалов обязательно повлечет за собой новый виток разгона инфляции, так как вырастут транспортные расходы. Для российского фондового рынка данная идея законодателей – это не лучшая новость» [12, с. 131].

Обратим внимание на еще один аспект – Конституция РФ ограничивает возможность введения налогов задним числом. Однако это не смутило наших законодателей. Правда, они обосновали свою позицию тем, что у компаний есть возможность сделать «обеспечительный платеж» на льготных условиях уже в 2023 г. по ставке не 10%, а 5%.

Рассмотрим пример ПАО «Сбербанк». Так, согласно закону «О налоге на сверхприбыль» [1] расчет по стандартной ставке 10% (см. табл. 1) и льготной ставке 5% будет иметь вид, представленный в табл. 4.

Таблица 4. Пример ПАО «Сбербанк» (рассчитано автором)

10%	5%
Уплата налога на сверхприбыль не позднее 28.01.2024 г. Налог к уплате = НБ × 10% (319,7 × 10% = 31,97 млн руб.)	Уплата налога на сверхприбыль с 01.10.2023 г. по 30.11.2023 г. Налог к уплате = (НБ × 10% – Обеспечительный платеж – Налоговый вычет) (31,97 – 15,985 – 0 = 15,985)

Таким образом, фактически предполагаемый налог, который предприятия должны были уплатить в размере 10%, превращается в 5%-ный. Крупные предприятия стали широко заявлять о том, что используют обеспечительный платеж, в их числе и приведенный нами ПАО «Сбербанк». Получается, что смысл в установлении налога на сверхприбыль утрачивается, т.е. налог вводился для того, чтобы покрыть дефицит бюджета, а по факту часть предприятий от данного платежа освободили законодатели, часть предприятий воспользуются обеспечительным платежом. Дефицит бюджета скорее всего налог на сверхприбыль в размере 10% (а по факту 5%) не покроет. Возможно, следовало бы обратить более пристальное внимание на мировой опыт и ввести более высокую ставку для такого налога.

Итак, подведем итоги. Во-первых, мировой опыт введения налога на сверхприбыль говорит о том, что это может быть эффективным и действенным механизмом наполнения государственного бюджета в условиях его дефицита. Во-вторых, ставка налога на сверхприбыль в размере 10% не является самой высокой, история знает и 60%, и 80%, а значит ставка налога на сверхприбыль в РФ относительно низкая. В-третьих, налог на сверхприбыль, введенный в Российской Федерации, имеет ряд отличительных особенностей: он обозначен как разовый; из перечня налогоплательщиков исключен нефтегазовый сектор экономики (добыча и переработка) и угледобыча. Как чрезвычайная мера введение такого налога оправдано, но в последующем такая схема налогообложения может привести к тому, что организации-налогоплательщики могут уводить свои прибыли в тень, избегая двойного налогообложения в виде налога на сверхприбыль.

Список источников

1. *Федеральный закон от 04.08.2023 № 414-ФЗ «О налоге на сверхприбыль»* // Официальный портал правовой информации (pravo.gov.ru). 04.08.2023. № 00012023080040036.
2. *Douglas G. Excess profits taxation and the taxpayer* // Joint Hearings Before the Committee on Ways and Means, House of Representatives, and the Committee on Finance, United States Senate, Seventy-sixth Congress, Third Session, on Excess Profits Taxation, Amortization, and Suspension of Vinson-Trammel Act. August 9, 10, 12, 13, and 14. 1940. 434 p.
3. *Berset S., Schelker M. Fiscal Windfall* // CESifo Working Papers. Munich Society for the Promotion of Economic Research – CESifo GmbH, 2021. 41 p.
4. *Сёмин А.Н., Романов А.Н., Слукин С.В., Мальцев Н.В.* Перспективы и последствия введения в России налога на сверхприбыль // *Международный правовой курьер*. 2024. № 1. С. 55–59.
5. *Fran M., Oliveira C., Planterose B., Zucman G.* A Modern Excess Profit Tax // *EU Tax Observatory Working Paper*. 2022. № 5 P. 2–20.
6. *Antonio F., Postali S.* Oil windfalls and tax inefficiency: evidence from Brazil // *Journal of Economic Studies*. 2016. № 43 P. 699–718.
7. *Baunsgaard T., Vernon N.* Taxing Windfall Profits in the Energy Sector // *International monetary fund*. 2022. № 2022 / 002.
8. *Терещенко Н.А.* Введение налога на сверхприбыль, как налога чрезвычайного характера. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vvedenie-naloga-na-sverhprybyl-kak-naloga-chrezvychaynogo-haraktera> (дата обращения: 08.09.2024).

9. Министерство финансов Российской Федерации : официальный сайт. URL: https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=80041-kratkaya_ezhegodnaya_informatsiya_ob_ispolnenii_federalnogo_byudzhet_mlrd_rub

10. Дзен // 14-й пакет имени Навального опубликуют 22 марта. URL: https://dzen.ru/a/Zfr7XkY_OUnJcqL6 (дата обращения: 08.04.2024).

11. Санджиев С.Л. Налог на сверхприбыль как один из источников покрытия дефицита бюджета России // Вестник науки. 2023. Т. 3, № 9. С. 46–53.

12. Олисейчик А.С. Налог на сверхприбыль: особенности нового законопроекта // Образование и наука без границ: социально-гуманитарные науки. 2023. № 21. С. 130–134.

References

1. Pravo.gov.ru. (2023) *Federal Law of August 4, 2023, No. 414-FZ “On Excess Profit Tax”*. No. 00012023080040036. (In Russian).

2. Douglas, G. (1940) Excess profits taxation and the taxpayer. *Joint Hearings Before the Committee on Ways and Means, House of Representatives, and the Committee on Finance, United States Senate, Seventy-sixth Congress, Third Session, on Excess Profits Taxation, Amortization, and Suspension of Vinson-Trammel Act*. August 9, 10, 12, 13, and 14.

3. Berset, S. & Schelker, M. (2021) Fiscal Windfall. *CESifo Working Papers*. Munich Society for the Promotion of Economic Research – CESifo GmbH.

4. Semin, A.N. et al. (2024) Perspektivy i posledstviya vvedeniya v Rossii naloga na sverkhpribyl' [Prospects and consequences of the introduction of excess profit tax in Russia]. *Mezhdunarodnyy pravovoy kur'er*: 1. pp. 55–59.

5. Fran, M. et al. (2022) A Modern Excess Profit Tax. *EU Tax Observatory Working Paper*. 5 pp. 2–20.

6. Antonio, F. & Postali, S. (2016) Oil windfalls and tax inefficiency: evidence from Brazil. *Journal of Economic Studies*. 43 pp. 699–718.

7. Baunsgaard, T. & Vernon, N. (2022) *Taxing Windfall Profits in the Energy Sector*. NOTE 2022 / 002. International Monetary Fund.

8. Tereshchenko, N.A. (2024) *Vvedenie naloga na sverkhpribyl', kak naloga chrezvychaynogo kharaktera* [Introduction of an excess profit tax as an emergency tax]. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/vvedenie-naloga-na-sverhpribyl-kak-naloga-chrezvychaynogo-harakter> (Accessed: 08.09.2024).

9. *Ministry of Finance of the Russian Federation: official website*. [Online] Available from: https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=80041-kratkaya_ezhegodnaya_informatsiya_ob_ispolnenii_federalnogo_byudzhet_mlrd_rub

10. Dzen. (2024) *14-y paket imeni Naval'nogo opublikuyut 22 marta* [The 14th “Navalny” package will be published on March 22]. [Online] Available from: https://dzen.ru/a/Zfr7XkY_OUnJcqL6 (Accessed: 08.04.2024).

11. Sandzhiyev, S.L. (2023) Nalog na sverkhpribyl' kak odin iz istochnikov pokrytiya defitsita byudzhet Rossii [Excess profit tax as one of the sources of covering the Russian budget deficit]. *Vestnik nauki*. 3 (9). pp. 46–53.

12. Oliseychik, A.S. (2023) Nalog na sverkhpribyl': osobennosti novogo zakonoproekta [Excess profit tax: features of the new bill]. *Obrazovanie i nauka bez granits: sotsial'no-gumanitarnye nauki*. 21. pp. 130–134.

Информация об авторе:

Шаров А.А. – соискатель ИЭМ, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия). E-mail: sharov.aleksandr89@ya.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.A. Sharov, external postgraduate student at the Institute of Economics and Management, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sharov.alexandr89@ya.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 22.04.2024;
одобрена после рецензирования 02.05.2024; принята к публикации 15.05.2024.*

*The article was submitted 22.04.2024;
approved after reviewing 02.05.2024; accepted for publication 15.05.2024*

Макрорегион Сибирь

Научная статья
УДК 331.5; 332.05; 332.1
doi: 10.17223/19988648/66/7

Особенности социально-трудовых отношений в регионах с разным уровнем диверсификации экономики

Ирина Викторовна Рощина¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, riv58@yandex.ru*

Аннотация. В статье обоснована актуальность анализа влияния факторов (географии, демографии и структуры экономики с урбанизационной окраской) на социально-трудовые отношения. Цель данного исследования – выявление особенностей социально-трудовых отношений на территориях с разным уровнем диверсифицированности экономики (на примере региона с моногородами и слабоурбанизированного региона). Выделены особенности социально-трудовых отношений для экономики Кемеровской области и Республики Тыва.

Ключевые слова: социально-трудовые отношения, градообразующее предприятие, монопрофильное муниципальное образование, слабоурбанизированный регион

Для цитирования: Рощина И.В. Особенности социально-трудовых отношений в регионах с разным уровнем диверсификации экономики // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2024. № 66. С. 100–114. doi: 10.17223/19988648/66/7

Siberia macro-region

Original article

Features of social and labor relations in regions with different levels of economic diversification

Irina V. Roshchina¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, riv58@yandex.ru*

Abstract. The relevance of solving the problem of sustainable development of regions with different levels of diversification of the economy is due to the current situation in the entire world economy, the aggravation of social and economic contradictions. The aim of this study is to identify the peculiarities of social and labor relations in the territories with different levels of economic diversification (on the example of a region with

monotowns and a weakly urbanized region). The necessity of studying the state of social and labour relations to ensure sustainable development of the regional economy is substantiated. The following conclusions were obtained. 1. A comparative analysis of the main socio-economic indicators of the economy's functioning and indicators of social and labor relations of single-industry and weakly urbanized territorial entities was carried out. 2 The multivariate impact on social and labor relations was studied, primarily from the standpoint of geography and economic structure, taking into account the peculiarities of urbanization processes. 3. Features of social and labor relations of single-industry and weakly urbanized regions were identified under the influence of the triune group of factors. 4. The choice of Kemerovo Oblast is due to the fact that almost half of municipalities are monotowns. The Republic of Tuva was chosen as a weakly urbanized territory, supplemented by information on Altai Krai for comparative analysis. 5. The level of urbanization in Kemerovo Oblast is about 1.5 times higher than the corresponding figure in the Republic of Tuva and Altai Krai. 6. With an equal or significantly smaller area of the compared territories, the population of Altai Krai and Kemerovo Oblast is 7–8 times higher than that of the Republic of Tuva. In the latter, over the past 15 years, there have been positive changes in the gradual increase in numbers, while in the former there is a steady trend of population decline. The number continues to decline in almost all monotowns of Kemerovo Oblast (with extremely rare exceptions). 7. The demographic burden in Altai Krai and the Republic of Tuva has been growing over a 15-year period, with a tendency to gradually equalize the number of people in disabled and working age, thereby exacerbating the situation on the labor market and limiting the opportunities for sustainable economic development. 8. The Republic of Tuva is at the end of the hierarchy of the subjects of the Russian Federation in terms of employment, unemployment rate and tension coefficient. 9. One of the main factors determining the specifics and development of social and labor relations of single-industry municipalities is the activities of the city-forming enterprise and its interaction with other subjects of social and labor relations.

Keywords: social and labor relations, city-forming enterprise, single-industry municipal formation, weakly urbanized region

For citation: Roshchina, I.V. (2024) Features of social and labor relations in regions with different levels of economic diversification. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 66. pp. 100–114. (In Russian). doi: 10.17223/19988648/66/7

Функционирование территории подвержено влиянию разнообразных и многочисленных факторов, от которых зависят перспективы ее социально-экономического развития.

Структура экономики определяется технологическими процессами и связанными с этим процессами специализации и кооперации, мобильностью трудовых ресурсов, их концентрацией в одном месте. Различия между городскими и сельскими муниципальными образованиями характеризуются разными видами хозяйственной деятельности, формами расселения и укладом жизни. В связи с этим города, с одной стороны, результат обозначенных процессов, а с другой – их катализатор. При этом следует учитывать, что данные процессы проходят по-разному в городах различной размерности. По официальным данным, две трети россиян (75%) живут в городах. В зависимости от уровня диверсифицированности экономики территориальных образований выделяются диверсифицированные (многопрофильные) и монопрофильные.

В настоящее время насчитывается 321 моногород¹, в которых проживают 9% россиян (12,7 млн чел.), т.е. практически каждый десятый. Проблема монопрофильных территорий касается всех федеральных округов без исключения, охватывая практически 70% субъектов РФ. Больше всего моногородов в Кемеровской области (24), в Свердловской области – 17 и в Челябинской области – 16. Две трети жителей моногородов живут в городах со сложным социально-экономическим положением и (или) рисками его ухудшения. Лишь 7% всех действующих градообразующих организаций моногородов в середине 2022 г. нашли новые производственные ниши [1, с. 6]. Для поддержки моногородов применяются разнообразные механизмы², в частности, в 2022 г. насчитывалось 89 моногородов со статусом территорий опережающего развития³ [2].

С учетом территориально-географической структуры выделяются территориальные образования, отличающиеся самостоятельным ведением хозяйства на малочисленных территориях, включая кочевой образ жизни.

Поскольку экономика любых территориальных образований антропоцентрична, то важно их анализировать с точки зрения социально-трудовых отношений [3–9].

Рассмотрим многофакторность воздействия на социально-трудовые отношения, прежде всего с точки зрения географии (природно-климатические условия, протяженность, расположение, др.), демографии (численность населения, его структура по различным признакам) и структуры экономики с учетом особенностей процессов урбанизации (разноразмерность городов, характер их функционирования, др.). При этом следует учитывать и взаимное влияние данных факторов, которое проявляется, в частности, в разной плотности населения, его расселении, в «ложной урбанизации», в моногородах и др. [10–13].

Целью данной статьи послужило выявление особенностей социально-трудовых отношений на территориях с недиверсифицированной экономикой на примере региона с моногородами (Кемеровская область) и слабоурбанизированного региона (Республика Тыва).

Анализ по выявлению особенностей социально-трудовых отношений монопрофильных и слабоурбанизированных территориальных образований под влиянием обозначенной триединой группы факторов выполнен по следующим направлениям:

---

¹ Моногород – это муниципальное монопрофильное образование, где 20% трудоспособного населения работают на градообрабатывающем предприятии, или муниципальное образование включено в перечень монопрофильных (распоряжение Правительства РФ от 29.07.2014, № 1398-р).

² В 2009 г. была образована профильная рабочая группа, выделены дотации из федерального бюджета на поддержку моногородов. В 2014 г. учреждена некоммерческая организация «Фонд развития моногородов» при Внешэкономбанке. Программа «Комплексное развитие моногородов», рассчитанная до декабря 2025 г., была досрочно закрыта в начале 2019 г. и ликвидирован «Фонд развития моногородов». Функции фонда переданы Внешэкономбанку. В 2022 г. разработан новый пакет поддержки моногородов.

³ Это условные территориальные образования, обычно совпадающие с границами моногорода, в рамках которых резиденты, являющиеся субъектами малого и среднего предпринимательства, получают ряд финансовых преференций.

1) сравнительный анализ основных социально-экономических показателей функционирования экономики и показателей социально-трудовых отношений монопрофильных и слабоурбанизированных территориальных образований;

2) выявление общих и специфических характеристик социально-трудовых отношений монопрофильных и слабоурбанизированных территориальных образований.

Выбор Кемеровской области обусловлен тем, что к моногородам относится почти половина муниципальных образований (24 из 50). В качестве слабоурбанизированной территории выбрана Республика Тыва, для сравнительного анализа дополненная информацией по Алтайскому краю.

При равной площади территорий Республики Тыва и Алтайского края данные регионы существенно различаются почти семикратным разрывом по численности проживающего населения (табл. 1).

Таблица 1. Основные характеристики субъектов РФ в 2021 г.

№	Наименование показателей	Кемеровская область	Республика Тыва	Алтайский край
1	Площадь территории, тыс. км ²	95,7	168,6	168,6
	Уд. вес субъекта в общероссийских основных показателях в 2021 г., %	0,6	1,0	1,0
2	Численность населения на 01.01.2022 г., тыс. чел.	2604,3	332,6	2268,2
	Уд. вес субъекта в общероссийских основных показателях в 2021 г., %	1,79	0,23	1,56
3	Среднегодовая численность занятых, тыс. чел.	1156,6	103,7	1006,3
	Уд. вес субъекта в общероссийских основных показателях в 2021 г., %	1,6	0,1	1,4
4	Среднедушевые денежные доходы (в месяц), руб.	28048	20652	26010
5	Среднемесячная номинальная заработная плата работников организаций, руб.	48313	46084	33872
6	Уровень безработицы, %			
	2019 г.	5,5	11,0	6,0
	2021 г.	5,4	12,0	6,4
7	Уровень зарегистрированной безработицы (на конец года), %			
	2019 г.	1,4	4,3	1,5
	2021 г.	1,0	8,6	1,5

Источник: [14, с. 22, 30, 151, 163].

При территории Кемеровской области, составляющей чуть больше половины площади Республики Тыва, численность ее населения больше почти в 8 раз (точнее в 7,8 раза). То есть при равной или существенно меньшей площади сравниваемых территорий численность населения Алтайского края и Кемеровской области в 7–8 раз превышает численность населения Республики Тыва.

Если сравнивать по удельному весу среднегодовой численности занятых в общероссийских показателях Кемеровскую область и Алтайский край, то они занимают примерно одинаковые позиции. В то время как их разрыв с Республикой Тыва 14–16-кратный или, другими словами, Республика Тыва по данному показателю достигает от их уровня лишь порядка 6–7%. Кроме того, уровень безработицы в Республике Тыва примерно в два раза превышает соответствующий показатель в этих двух регионах. Все это, безусловно, накладывает отпечаток на социально-трудовые отношения Республики Тыва: на распределение трудового потенциала по территории, на характер функционирования экономики, на ее структуру.

Однако анализ динамики численности населения в сравниваемых субъектах РФ (табл. 2) вселяет некоторые надежды на намечающиеся позитивные изменения на рынке труда Республики Тыва. В Республике Тыва – рост примерно на 10% в сравнении с 2005 г.

Таблица 2. Динамика численности населения (оценка на конец года), тыс. чел.

Год	Кемеровская область	Республика Тыва	Алтайский край
2005	2806	303	2 503
2010	2761	308	2 417
2015	2718	316	2 377
2019	2658	327	2 317
2020	2634	330	2 296
2021	2604	333	2 268
Темп роста (2021 к 2005 г.), %	92,8	109,9	90,6

Источник: составлено автором по материалам: [14, с. 44].

В то время как в Кемеровской области и Алтайском крае наблюдается устойчивая тенденция сокращения численности населения (причем в Алтайском крае более выраженная).

Уровень урбанизации в Кемеровской области примерно в 1,5 раза превышает соответствующий показатель в Республике Тыва и Алтайском крае (табл. 3).

Об уровне урбанизации в сравниваемых субъектах РФ можно судить не только по численности населения, но и по типам муниципальных образований. В этом случае доля сельских поселений в Кемеровской области составляет 20%, в Республике Тыва – 84%, а в Алтайском крае еще выше – 89%. Соответственно доля территориальных образований, не относящихся к сельским, составляет в Кемеровской области 80%, в Республике Тыва – 16%, в Алтайском крае – 11%. Таким образом, можно говорить о том, что Кемеровская область обладает высоким уровнем урбанизации, а Республика Тыва и Алтайский край – низким. В Республике Тыва и Алтайском крае доля сельского населения почти в 3 раза выше, чем в Кемеровской области.

Таблица 3. Типы муниципальных образований и динамика структуры населения (оценка на конец года), %

	Кемеровская область	Республика Тыва	Алтайский край
Муниципальные образования – всего	50	143	708
В том числе по типам:			
Сельские поселения	10	120	632
<i>Городское население:</i>			
2005 г.	85,1	51,9	54,0
2010 г.	85,4	53,1	54,8
2015 г.	85,8	54,2	56,2
2019 г.	86,1	54,3	56,9
2020 г.	86,1	54,3	57,2
2021 г.	86,1	54,9	57,4
Уровень безработицы (2021 г.), %	5,4	11,1	3,6
<i>Сельское население:</i>			
2005 г.	14,9	48,1	46,0
2010 г.	14,6	46,9	45,2
2015 г.	14,2	45,8	43,8
2019 г.	13,9	45,7	43,1
2020 г.	13,9	45,7	42,8
2021 г.	13,9	45,1	42,6
Уровень безработицы (2021 г.), %	5,3	21,4	8,4

Источник: [14, с. 41, 47–48, 165].

Примечательно, что уровень безработицы в Кемеровской области примерно одинаков и для городского, и для сельского населения. В то время как в Республике Тыва, так и в Алтайском крае в сельской и городской местности двукратный разрыв в уровне безработицы. Более того, уровень безработицы среди городского населения в Республике Тыва в 2-3 раза выше, чем в сравниваемых субъектах РФ, а для сельского населения еще существеннее – до 4 раз. Этот уровень безработицы на фоне низких показателей численности населения в Республике Тыва не может не сказываться на состоянии социально-трудовых отношений.

Получить более детальное представление о состоянии рынка труда на анализируемых субъектах РФ можно с помощью информации, характеризующей структуру населения с точки зрения трудоспособного возраста (табл. 4).

Демографическая нагрузка в Алтайском крае и Республике Тыва растет в течение 15-летнего периода с тенденцией постепенного выравнивая количества лиц в нетрудоспособном и трудоспособном возрасте, тем самым обостряя ситуацию на рынке труда и ограничивая возможности для устойчивого развития экономики. Правда, коэффициент демографической нагрузки в Алтайском крае рос несколько более высокими темпами, чем в Республике Тыва. В Кемеровской области в 2021 г. намечилось некоторое улучшение: на 1000 чел. трудоспособного возраста приходится 770 чел. нетрудоспособного возраста, вместо 812 чел. в 2020 г.

Таблица 4. Динамика структуры населения с учётом границ трудоспособного возраста¹

	Кемеровская область	Республика Тыва	Алтайский край
<i>Коэффициенты демографической нагрузки (оценка на конец года; на 1000 чел. трудоспособного возраста приходится лиц нетрудоспособного возраста)</i>			
2005 г.	574	633	580
2010 г.	639	681	650
2015 г.	781	814	807
2019 г.	808	825	846
2020 г.	812	828	852
2021 г.	770	802	810
<i>Моложе трудоспособного возраста</i>			
2005 г.	263	372	258
2010 г.	283	419	273
2015 г.	343	514	337
2019 г.	353	516	351
2020 г.	351	511	350
2021 г.	340	493	341
<i>Старше трудоспособного возраста</i>			
2005 г.	311	151	322
2010 г.	356	165	377
2015 г.	438	197	470
2019 г.	455	201	495
2020 г.	461	205	502
2021 г.	430	190	469
<i>Численность занятых на одного пенсионера (в среднем за год), чел.</i>			
2005 г.	1,61	1,3	1,61
2010 г.	1,55	1,32	1,56
2015 г.	1,43	1,23	1,42
2019 г.	1,37	1,21	1,34
2020 г.	1,36	1,23	1,30
2021 г.	1,40	1,26	1,37

Источник: [14, с. 57–62, 223].

Об ухудшении ситуации на рынках труда рассматриваемых субъектов РФ можно судить по динамике численности занятых на одного пенсионера. В Кемеровской области начиная с 2005 г. наблюдалось устойчивое ухудшение данного показателя и только в 2021 г. ситуация несколько улучшилась. В Алтайском крае с 1,61 чел. в 2005 г. численность занятых на одного пенсионера снизилась до 1,37 чел. И только в Республике Тыва не наблюдается резких изменений: 1,3 чел. в 2005 г. и 1,26 чел. в 2021 г.

В течение 15-летнего периода рост лиц моложе трудоспособного возраста одинаков для анализируемых субъектов РФ и составляет примерно

¹ На конец 2005–2015 гг.: мужчины 16–59 лет, женщины 16–54 года; на конец 2019–2020 гг.: мужчины 16–60 лет, женщины 16–55 лет; на конец 2021 г.: мужчины 16–61 лет, женщины 16–56 лет.

30%. В то время как темп роста лиц старше трудоспособного возраста в Алтайском крае (1,46) несколько выше, чем в Кемеровской области (1,38), что позволяет судить о темпах старения населения в этих регионах. Следствием чего является ухудшение ситуации на рынке труда, снижение численности занятых на одного пенсионера. В Республике Тыва ситуация на рынке труда может стабилизироваться, поскольку темп роста лиц моложе трудоспособного возраста несколько выше темпа роста лиц старше трудоспособного возраста (соответственно 1,3 и 1,26).

В целом ситуацию на рынке труда на сравниваемых территориях можно охарактеризовать с помощью табл. 5.

**Таблица 5. Напряженность на рынке труда в 2021 г.
(по данным выборочных обследований рабочей силы)**

	Кемеровская область	Республика Тыва	Алтайский край
1. Место, занимаемое в РФ:			
по уровню занятости	71	84	69
по уровню безработицы	56	83	57
по коэффициенту напряженности	44	81	69
по среднему времени поиска работы безработными	58	68	36
по уд. весу безработных, ищущих работу 12 месяцев и более	63	77	40
2. Нагрузка незанятого населения, состоящего на регистрационном учете в органах службы занятости населения, в расчете на одну заявленную вакансию (на конец года), чел.:			
2005 г.	2,1	37,3	15,4
2021 г.	0,3	11,3	0,8

Источник: [14, с. 169, 173].

По уровню занятости, уровню безработицы и коэффициенту напряженности Республика Тыва находится в конце иерархии субъектов РФ. Несколько лучшие позиции занимают в этом перечне Кемеровская область (в шестом и седьмом десятке мест). Самый высокий уровень нагрузки незанятого населения на одну заявленную вакансию был в Республике Тыва в 2005 г. (почти 38 чел.), немного лучше ситуация была в Алтайском крае (16 чел.). К 2021 г. ситуация улучшилась: почти в 3 раза сократилось количество претендующих на одну заявленную вакансию в Республике Тыва, а в Алтайском крае – почти до 1 чел. на вакансию. Значительно лучше ситуация в Кемеровской области – менее 1 чел. на заявленную вакансию. Тем не менее по среднему времени поиска работы безработными и по удельному весу безработных, ищущих работу 12 месяцев и более, Кемеровская область и Республика Тыва находятся в шестом-седьмом десятке среди всех субъектов РФ. Судя по месту, занимаемому регионом в РФ, более благоприятные условия по трудоустройству имеются в Алтайском крае.

При анализе состояния рынка труда в Кемеровской области необходимо учитывать специфику социально-трудовых отношений, определяемую среди прочих факторов наличием значительной доли моногородов: почти 50% в составе всех типов муниципальных образований области (табл. 3) и более 7% в численности моногородов России (табл. 6).

Таблица 6. Категории моногородов Кемеровской области

Категория	Кемеровская область	В целом по России
Моногорода с наиболее сложным социально-экономическим положением	9	94
Моногорода, в которых имеются риски ухудшения социально-экономического положения	11	154
Моногорода со стабильной социально-экономической ситуацией	4	73
Всего	24	321

Источник: составлено автором по Перечню моногородов [15].

В моногородах Кемеровской области проживает 60% населения. В 2023 г. более 83% моногородов Кемеровской области находятся в сложном положении и/или имеют риски ухудшения социально-экономического положения, и только 4 моногорода со стабильной социально-экономической ситуацией (пос. Шерегеш, пос. Краснобродский, пос. Белогорск и г. Новокузнецк). В 2015 г. в группе моногородов с наиболее сложным социально-экономическим положением было 8 моногородов, а в группе моногородов с рисками ухудшения социально-экономического положения – 12. Таким образом, за истекший период ситуация в моногородах Кемеровской области ухудшилась.

За последние 15 лет, как видно из табл. 2, наблюдается устойчивое сокращение численности населения, за исключением Республики Тыва. Продолжается и сокращение численности практически по всем моногородам Кемеровской области (табл. 7), даже в монопрофильных муниципальных образованиях со стабильной социально-экономической ситуацией (г. Новокузнецк, пос. Белогорск) за крайне редким исключением (г. Калтан, пос. Мундыбаш, г. Мариинск, г. Междуреченск, г. Полысаево).

Одним из главных факторов, определяющих специфику и развитие социально-трудовых отношений монопрофильных муниципальных образований, является деятельность градообразующего предприятия и его взаимодействие с другими субъектами социально-трудовых отношений. Это обусловлено тем, что градообразующее предприятие является бюджетообразующим, социообразующим, имиджеобразующим. Влияние отраслевой специализации градообразующего предприятия проявляется также в формировании замкнутой структуры рынка труда с ограниченными стимулами для развития трудового потенциала. Более детально особенности социально-трудовых отношений монопрофильного и слабоурбанизированного территориальных образований представлены в табл. 8.

Таблица 7. Монопрофильные муниципальные образования Кемеровской области

Административный центр монопрофильного муниципального образования	Численность населения на 01.01.2022, чел.	Численность населения на 01.01.2023, чел.	Административный центр монопрофильного муниципального образования	Численность населения на 01.01.2022, чел.	Численность населения на 01.01.2023, чел.
Категория 1. Монопрофильные муниципальные образования Российской Федерации (моногорода) с наиболее сложным социально-экономическим положением (в том числе во взаимосвязи с проблемами функционирования градообразующих организаций)					
г. Анжеро-Судженск	65 732	65 320	г. Гурьевск	21 836	21 801
г. Прокопьевск	184 856	174 859	г. Калтан	19 884	21 334
г. Киселевск	83 668	81 887	пос. Мундыбаш	3 986	4 059
г. Юрга	79 705	78 494	г. Салаир	7 049	6 939
г. Таштагол	22 341	21 670			
Категория 2. Монопрофильные муниципальные образования Российской Федерации (моногорода), в которых имеются риски ухудшения социально-экономического положения					
г. Мариинск	37 316	40 386	г. Топки	27 437	26 861
пос. Яшкино	13 184	12 776	г. Мыски	40 061	39 709
г. Междуреченск	95 386	95 408	г. Березовский	44 249	43 816
г. Полысаево	25 459	25 502	г. Тайга	22 586	22 092
г. Ленинск-Кузнецкий	91 619	90 412	г. Осинники	40 790	39 549
г. Белово	70 102	67 950			
Категория 3. Монопрофильные муниципальные образования Российской Федерации (моногорода) со стабильной социально-экономической ситуацией					
пос. Шерегеш	9 619	9 783	пос. Краснобродский	11 079	11 257
пос. Белогорск	2 463	2 219	г. Новокузнецк	539 863	533 565

Источник: по данным Росстата (rosstat.gov.ru).

Таблица 8. Особенности социально-трудовых отношений на территориях с разным уровнем диверсифицированности экономики

Признаки	Монопрофильное муниципальное образование	Слабоурбанизированное муниципальное образование
<i>Общие черты</i>		
Мобильность	Ограниченная трудовая мобильность населения	Ограниченная трудовая мобильность населения
Уровень диверсификации	Низкий уровень диверсификации на рынке труда из-за занятости подавляющей доли трудоспособного населения на градообразующем предприятии	Низкий уровень диверсификации на рынке труда из-за дефицита трудовых ресурсов, доминирования традиционных видов экономической деятельности, сохранения кочевого образа жизни

Макрорегион Сибирь / Siberia macro-region

Признаки	Монопрофильное муниципальное образование	Слабоурбанизированное муниципальное образование
Предпринимательская активность	Низкая предпринимательская активность населения (невысокий уровень развития малого и среднего бизнеса)	Низкая предпринимательская активность населения (невысокий уровень развития малого и среднего бизнеса)
<i>Специфические черты</i>		
Наличие трудовых ресурсов	Относительная достаточность имеющихся трудовых ресурсов	Недостаточность имеющихся трудовых ресурсов на всей территории.
Характеристика разнообразия трудовых ресурсов	Относительно однородный профессиональный состав населения. Ярко выраженная структура трудовых ресурсов, определяемая специализацией градообразующего предприятия, от статуса и устойчивости положения которого зависит и престиж связанных с ним профессий	Относительно однородный профессиональный состав населения как следствие традиционного образа жизни и видов экономической деятельности
Наличие точек роста	Градообразующее предприятие выступает в качестве точки роста или депрессивности монопрофильного муниципального образования	Ошибочность устоявшихся представлений о городах как единственных точках роста с концентрацией в них ресурсов на фоне явления «ложной урбанизации». Формирование новых точек роста с учетом природно-климатических условий территории, традиционных видов экономической деятельности. Перенос центров в сельские населенные пункты с созданием условий: концентрация ресурсов для производства и переработки экологических видов продукции
Развитие инфраструктуры	Существенная зависимость инфраструктуры монопрофильного муниципального образования от устойчивости градообразующего предприятия. На балансе градообразующего предприятия объекты социальной инфраструктуры города, обслуживающие более 30% населения. Формируется уникальная субкультура города	Неразвитость инфраструктуры из-за большой протяженности территории, удаленности и малочисленности населенных пунктов.

Признаки	Монопрофильное муниципальное образование	Слабоурбанизированное муниципальное образование
Рынок труда	Склонность к монополистическому типу	Склонность к конкурентному типу
Замкнутость/открытость	Замкнутая структура рынка труда с ограниченными стимулами к развитию трудового потенциала. Наличие внутреннего рынка труда градообразующего предприятия	Условно открытая структура рынка труда, обусловленная традиционным кочевым образом жизни и недостаточным уровнем диверсифицированности экономики
Реагирование предприятий на изменение спроса и предложения на рынке труда в целом	Отсутствие реакции (или очень слабая) на изменения, происходящие на внешнем рынке труда	Замедленная и слабая реакция на изменения, происходящие на внешнем рынке труда
Развитие социального партнерства	Существенное влияние социальной ответственности градообразующего предприятия на качество жизни всего населения	Неразвитость социального партнерства из-за отсутствия эффективных объединений работодателей

Источник: составлено автором.

Одним из механизмов повышения уровня диверсификации экономики и повышения занятости, в том числе населения старше трудоспособного возраста, в условиях неблагоприятной демографической ситуации и низкой плотности населения (особенно для Республики Тыва) является более активное вовлечение в сферу малого и среднего бизнеса, самозанятости. Этому способствует создание территорий опережающего развития. Система поддержки малого и среднего предпринимательства в моногородах корпорацией МСП в последние годы составила около 65 млрд руб., причем наибольшую финансовую поддержку получил г. Новокузнецк Кемеровской области.

По результатам исследования проблем в сфере занятости населения монопрофильного и слабоурбанизированного муниципальных образований, кратко представленных в данной статье, можно сделать следующие выводы.

Численность населения в Республике Тыва многократно меньше, чем в сравниваемых регионах. Однако в Республике Тыва за последние 15 лет намечились позитивные изменения постепенного увеличения численности, в то время как в Кемеровской области и Алтайском крае – устойчивая тенденция сокращения численности населения. Продолжается сокращение численности практически по всем моногородам Кемеровской области (за крайне редким исключением).

В Республике Тыва появляются слабые сигналы относительного улучшения (на фоне Кемеровской области и Алтайского края) структуры населения с точки зрения трудоспособного возраста: темп роста лиц моложе трудоспособного возраста несколько выше темпа роста лиц старше трудоспособного возраста. Хотя тенденция роста демографической нагрузки все еще сохраняется в течение всего 15-летнего периода.

Уровень безработицы в Республике Тыва в два раза превышает соответствующий показатель в сравниваемых регионах. Высокий уровень безработицы для сельского и городского населения на фоне низких показателей численности населения в Республике Тыва влияет на состояние социально-трудовых отношений.

Состояние и перспективы развития социально-трудовых отношений на анализируемых территориях существенно различаются в зависимости от структуры экономики и ее диверсифицированности, в том числе под влиянием процессов урбанизации.

При разработке политики по борьбе с безработицей необходимо учитывать особенности социально-трудовых отношений данных территорий, прежде всего такие, как низкая мобильность рабочей силы; узкая производственная специализация градообразующих предприятий; дополнительные трудности поиска новой занятости, связанные с необходимостью переезда на новое место жительства с неразвитой инфраструктурой труда.

Список источников

1. Градообразующие предприятия моногородов: механизмы адаптации к рискам Октябрь 2022. Фонд «Центр стратегических разработок» (ЦСР). 2022. URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/c21/gyk6ct4tf6ja99jhgzf6a08cg1v3kwmp.pdf>
2. Статистика ТОП / Министерство экономического развития РФ. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/instrumenty_razvitiya_territoriy/tor (дата обращения: 11.01.2023).
3. *Цитленок В.С., Рощина И.В., Артюхова Н.А.* Устойчивое развитие экономики Российской Федерации: фактор структурно-многоуровневой разноразмерности / под ред. В.С. Цитленка, И.В. Рощиной. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2019. 270 с.
4. *Роик В.Д.* Труд, его эволюция и перспективы // Народонаселение. 2018. Т. 21, № 1. С. 97–108.
5. *Бухвальд Е.М., Кольчугина А.В.* Малые и моногорода в Стратегии пространственного развития Российской Федерации: доклад / под ред. О. Н. Валентик. М. : Институт экономики РАН, 2019. 44 с.
6. *Гаврина Е.Г.* Влияние цифровой экономики на развитие современного рынка труда // Научные исследования экономического факультета. 2017. Т. 9, вып. 4. С. 28–40.
7. *Глебова А.Н., Зеленский В.Н., Лазарева А.С.* Проблемы моногородов: мировой опыт и российская практика // Вестник университета. 2022. № 11. С. 86–93.
8. *Гусев В.В.* Инновационные моногорода как потенциальные точки роста экономики Российской Федерации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 5–9.
9. *Зимица Е.В., Нефедьева Е.И., Попова Е.А.* Социальная деятельность градообразующих предприятий монопрофильных территорий (на примере центра социальных программ РУСАЛа и города Шелехова) // Креативная экономика. 2020. Т. 14, № 8. С. 1625–1644
10. *Грицких Н.В.* Агломерационный процесс в монопрофильных муниципальных образованиях как фактор развития градообразующих предприятий // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 18 (156). С. 130–138.
11. *Зубаревич Н.В.* Трансформация рынков труда российских моногородов // Вестник Московского университета. 2017. № 4. С. 38–43.

12. Буфетова А.Н. Структура урбанизации и тенденции внутрирегиональной дифференциации уровня жизни // Вестник Новосибирского государственного университета. 2013. Т. 13, вып. 1. С. 57–66.
13. Фомкина А.А. Слабоурбанизированные территории: критерии и особенности выделения // Вестник ТверьГУ. Серия: География и геоэкология. 2015. № 2. С. 72–79.
14. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022 : стат. сб. / Росстат. М., 2022. 1122 с.
15. Правительство Российской Федерации Распоряжение от 29 июля 2014 года № 1398-р «О перечне монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов)» (с изменениями на 21 января 2020 года) // Электронный фонд правовых нормативно-технических документов «О перечне монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов) от 29 июля 2014» – docs.cntd.ru

References

1. CSR. (2022) *Gradoobrazuyushchie predpriyatiya monogorodov: mekhanizmy adaptatsii k riskam* [City-forming enterprises of single-industry towns: mechanisms for adapting to risks]. October 2022. [Online] Available from: <https://www.csr.ru/upload/iblock/c21/gyk6ct4tf6ja99jhgzf6a08cg1v3kwmp.pdf>
2. Ministry of Economic Development of the Russian Federation. (2023) *Statistika TOR* [Territories of Advanced Development: Statistics]. [Online] Available from: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitiye/instrumenty_razvitiya_territoriy/tor (Accessed: 11.01.2023).
3. Tsitlenok, V.S., Roshchina, I.V. & Artyukhova, N.A. (2019) *Ustoychivoe razvitiye ekonomiki Rossiyskoy Federatsii: faktor strukturno-mnogourovnevnoy raznosub'ektnosti* [Sustainable development of the economy of the Russian Federation: the factor of structural and multi-level diversity of subjects]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Roik, V.D. (2018) *Trud, ego evolyutsiya i perspektivy* [Labor, its evolution and prospects]. *Narodonaselenie*. 21 (1). pp. 97–108.
5. Bukhval'd, E.M. & Kol'chugina, A.V. (2019) *Malye i monogoroda v Strategii prostranstvennogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii: doklad* [Small and single-industry towns in the Spatial Development Strategy of the Russian Federation: report]. Moscow: Institute of Economics, RAS.
6. Gavrina, E.G. (2017) *Vliyaniye tsifrovoy ekonomiki na razvitiye sovremennogo rynka truda* [The influence of the digital economy on the development of the modern labor market]. *Nauchnye issledovaniya ekonomicheskogo fakul'teta*. 9 (4). pp. 28–40.
7. Glebova, A.N., Zelenskiy, V.N. & Lazareva, A.S. (2022) *Problemy monogorodov: mirovoy opyt i rossiyskaya praktika* [Problems of single-industry towns: world experience and Russian practice]. *Vestnik universiteta*. 11. pp. 86–93.
8. Gusev, V.V. (2017) *Innovatsionnye monogoroda kak potentsial'nye tochki rosta ekonomiki Rossiyskoy Federatsii* [Innovative single-industry towns as potential growth points for the economy of the Russian Federation]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya Seriya. Seriya Sotsiologiya. Politologiya*. 17 (1). pp. 5–9.
9. Zimina, E.V., Nefed'eva, E.I. & Popova, E.A. (2020) *Sotsial'naya deyatel'nost' gradoobrazuyushchikh predpriyatiy monoprofil'nykh territoriy (na primere tsentra sotsial'nykh programm RUSALa i goroda Shelekhova)* [Social activities of city-forming enterprises of single-industry territories (on the example of the center of social programs of RUSAL and the city of Shelekhov)]. *Kreativnaya ekonomika*. 14 (8). pp. 1625–1644.
10. Gritskikh, N.V. (2009) *Aglomeratsionnyy protsess v monoprofil'nykh munitsipal'nykh obrazovaniyakh kak faktor razvitiya gradoobrazuyushchikh predpriyatiy* [Agglomeration process in single-industry municipalities as a factor in the development of city-forming enterprises]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 18 (156). pp. 130–138.

11. Zubarevich, N.V. (2017) Transformatsiya rynkov truda rossiyskikh monogorodov [Transformation of labor markets of Russian single-industry towns]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. 4. pp. 38–43.

12. Bufetova, A.N. (2013) Struktura urbanizatsii i tendentsii vnutriregional'noy differentsiatsii urovnya zhizni [The structure of urbanization and trends in intraregional differentiation of living standards]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta*. 13 (1). pp. 57–66.

13. Fomkina, A.A. (2015) Slabourbanizirovannye territorii: kriterii i osobennosti vydeleniya [Slightly urbanized territories: criteria and features of identification]. *Vestnik Tver'GU. Ser. Geografiya i geoekologiya*. 2. pp. 72–79.

14. Rosstat. (2022) *Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2022: stat. sb.* [Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2022: Statistics]. Moscow: Rosstat.

15. Government of the Russian Federation. (2020) *Order No. 1398-r dated July 29, 2014: On the list of single-industry municipalities of the Russian Federation (single-industry towns) (as amended on January 21, 2020)*. [Online] Available from: <https://docs.cntd.ru/document/420210942> (In Russian).

Информация об авторе:

Рощина И.В. – доктор экономических наук, профессор кафедры экономики, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия) E-mail : riv58@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.V. Roshchina, Dr. Sci. (Economics), professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: riv58@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.12.2023;
одобрена после рецензирования 17.03.2024; принята к публикации 15.05.2024.*

*The article was submitted 28.12.2023;
approved after reviewing 17.03.2024; accepted for publication 15.05.2024.*

Экономика труда

Научная статья
УДК 331.526
doi: 10.17223/19988648/66/8

Экспериментальное исследование региональных особенностей занятости женщин старших возрастов на цифровых трудовых платформах: кейс Республики Башкортостан

Елена Александровна Шадрина¹, Елена Георгиевна Калабина²

^{1,2} Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия

¹ elena.shadrina.75@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1288-7512>

² kalabina@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3952-7665>

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей вовлечения женщин старших возрастных групп (45+) в платформенную занятость. Целью исследования, представленного в статье, является изучение платформенной занятости, ставшей неотъемлемой частью современного рынка труда, и анализ возможности решения актуальных проблем занятости женщин старших возрастных групп (45+). Исследование выполнено в данных Республики Башкортостан, что позволяет рассмотреть региональные особенности вовлечения женщин старших возрастных групп (45+) в платформенную занятость. Метод исследования – эксперимент на основе применения метода «тест по резюме», позволяющий получить объективную и достоверную оценку восприятия работодателями женщин старших возрастных групп (45+) в качестве потенциальных сотрудников. В рамках исследования выделены наиболее востребованные профессии для женской платформенной занятости. Проведена оценка наиболее посещаемых российских онлайн-платформ для трудоустройства. Проанализировано соотношение численности исполнителей по полу на онлайн-платформе по трудоустройству. Проведено исследование различий в откликах на цифровой платформе YouDo для кандидатов разных возрастов и пола. Рассчитана вероятность шансов трудоустройства женщин старших возрастных групп в исследуемых профессиях. Проведен анализ критериев работодателей (заказчиков) в Республике Башкортостан, исполнителей услуг на онлайн платформе. На основе проведенного исследования сделан вывод о положительной возможности повышения женской занятости с помощью вовлечения на работу через цифровые трудовые платформы, способствующие снижению негативных возрастных стереотипов, но лишь в секторах экономики с устоявшейся системой социальных ролей, играющих ценностную доверительную роль при выборе кандидата.

Ключевые слова: рынок труда, цифровые трудовые платформы, платформенная занятость, дискриминация, метод «тест по резюме»

Для цитирования: Шадрина Е.А., Калабина Е.Г. Экспериментальное исследование региональных особенностей занятости женщин старших возрастов на цифровых трудовых платформах: кейс Республики Башкортостан // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2024. № 66. С. 115–132. doi: 10.17223/19988648/66/8

Labour economics

Original article

Experimental study of regional features of older women's employment on digital labor platforms: The case of the Republic of Bashkortostan

Elena A. Shadrina¹, Elena G. Kalabina²

^{1,2} Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russian Federation

¹ elena.shadrina.75@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1288-7512>

² kalabina@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3952-7665>

Abstract. The article studies the peculiarities of the involvement of women of older age groups (45+) in platform employment. The aim of the research presented in the article is to study platform employment, which has become an integral part of the modern labor market and analyze the possibility of solving urgent employment problems for women of older age groups. The study was carried out on the data of the Republic of Bashkortostan, which allows us to consider the regional peculiarities of the involvement of women aged 45+ in platform employment. The research method is an experiment based on the application of the resume test method, which allows obtaining an objective and reliable assessment of employers' perception of women of older age groups as potential employees. The study highlights the most popular professions for women's platform employment. The most visited Russian online employment platforms were assessed; criteria of employers (customers) in the Republic of Bashkortostan of service providers on the online platform was analyzed. Based on the conducted research, it is concluded that there is a positive possibility of increasing women's employment through employment through digital labor platforms that contribute to reducing negative age stereotypes, but only in sectors of the economy with an established system of social roles that play a value-based trust role in choosing a candidate.

Keywords: labor market, digital labor platforms, platform employment, discrimination, resume test method

For citation: Shadrina, E.A. & Kalabina, E.G. (2024) Experimental study of regional features of older women's employment on digital labor platforms: The case of the Republic of Bashkortostan. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 66. pp. 115–132. (In Russian). doi: 10.17223/19988648/66/8

Введение

Обострение демографической проблемы, продиктованной гендерной асимметрией и увеличением в общей численности России доли населения старшего возраста, повышает интерес работодателей к кандидатам старших возрастных групп (от 45 лет и старше). Однако, несмотря на трансформацию роли работников старших возрастных групп на рынке труда, исторически сложившиеся гендерные стереотипы, религиозные ограничения, субъектив-

ные представления о профессиональной мотивации и расстановке жизненных приоритетов обуславливают значительно более низкий (по сравнению с мужчинами) уровень женской занятости и оплаты труда, что подтвердила в интервью «Российской газете» заместитель генерального директора Международной организации труда по вопросам политики (МОТ) Дебора Гринфилд, отметив, что «у женщин на рынке труда нет равных возможностей: им труднее найти работу и оплата за их труд равной значимости и ценности ниже, чем у мужчин» [6]. При этом, вопреки экономической активности женщин и высокому уровню их образования [1], с повышением возраста дисбаланс на рынке труда только усиливается.

Необходимость решения проблемы дефицита кадров, а также стремительное развитие цифровых технологий, изменивших практически все сферы жизни общества, заставляют российский рынок труда адаптироваться к современным условиям и формировать новые модели занятости на базе цифровых платформ, открывающих населению дополнительные возможности для применения своих профессиональных навыков.

Однако, несмотря на интерес научного сообщества к вопросу вовлечения населения в платформенную занятость – как нового вида трудовых отношений, отсутствие правового регулирования взаимодействия ее субъектов оставляет открытым вопрос сохранения на цифровых платформах дискриминационных и гендерных барьеров в профессиональной самореализации.

Необходимость проведения эмпирического исследования была продиктована необходимостью проверки сокращения негативных тенденций возрастной и гендерной дискриминации женщин старших возрастных групп (45+) и повышения возможности применения их профессиональных навыков и компетенций в платформенной занятости.

Обзор литературы

Одной из самых актуальных проблем в современных трудовых правоотношениях является дискриминация населения по различным признакам, которая оказывает негативное воздействие на развитие трудового потенциала и способствует снижению качества жизни общества.

По мнению Т.Ю. Стукен, основными признаками дискриминации на российском рынке труда являются пол и возраст потенциального кандидата на трудоустройство, поскольку с ними ассоциируются наиболее востребованные работодателями некогнитивные качества, влияющие на производительность труда и возможность снижения трансакционных издержек на предприятии [8].

Актуальность изучения гендерной и возрастной дискриминации при трудоустройстве способствовала формированию в мировой практике нескольких различных методических подходов к их исследованиям, которые обнаруживаются как в реальном взаимодействии с субъектами трудовых отношений, так и в анализе информации (рис. 1).

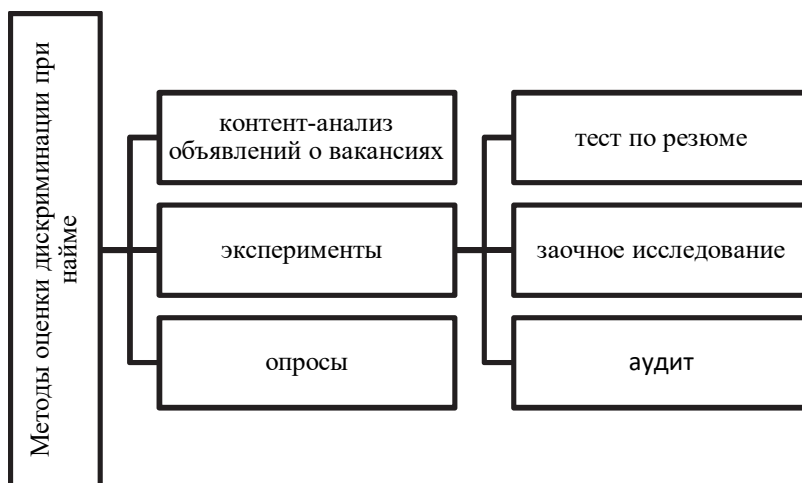

Рис. 1. Методы исследования дискриминации при найме на работу по возрастному и гендерному признакам. *Источник:* разработано автором

Одним из распространенных методов является контент-анализ объявлений о вакансиях, содержащих дискриминационные признаки [13]. Исследования российских ученых И.О. Мальцевой и Д.В. Нестеровой [15], С.Ю. Рощина [24], С. Айвазовой [2], применявших данный метод, позволили обнаружить наличие в объявлениях о вакансиях, не требующих профессиональных навыков, связанных с биологическими различиями качества рабочей силы, высокой доли (от 50 до 67%) дискриминационных признаков возраста. При этом границы отказа при приеме на работу начинаются с 41 года возраста кандидата.

Широкое распространение для измерения возрастной дискриминации на рынке труда получили опросные методы. Так, например, результаты опросов Фонда общественного мнения (ФОМ), исследовательского центра портала Superjob.ru [10], Службы исследований hh.ru [22] доказывают, что около 50% россиян считают возраст существенным препятствием для успешной занятости [9]. Однако, по оценкам Л. Батинович, М. Хоу, С. Синклер, Р. Карлссон, в исследованиях, основанных на опросах, часто возникает угроза достоверности результатов из-за возможной корреляции возраста с другими характеристиками кандидатов, социальной желательности и возможного отсутствия понимания дискриминационного поведения [36].

Большинство исследователей соглашаются, что наиболее высокую степень достоверности и выявления причинно-следственных связей в оценке дискриминации обеспечивают экспериментальные методы, к которым относят: аудиторские исследования и метод «тест по резюме» с его разновидностями.

Метод аудита, примененный в исследовании дискриминации таких ученых, как С. Гэддис Майкл [34], Д. Ноймарк, М. Фло [38], М. Фикс, Р. Струйк

[35], предполагает получение отклика по результатам собеседования реальных специально обученных пар кандидатов («аудиторов»), соответствующих всем характеристикам вакансии, за исключением исследуемого признака, предположительно приводящего к дискриминации. Различие количества полученных приглашений на работу обеспечивает оценку дискриминации. Однако, несмотря на утверждения авторов о ценности аудиторских исследований в выявлении скрытых форм дискриминации, данный метод в настоящее время подвергается критике, поскольку требует значительных ресурсов и не обеспечивает достоверность полученных результатов из-за субъективности оценки кандидата работодателем [39].

В настоящее время наиболее достоверным считается метод «тест по резюме», предполагающий создание пар резюме, различающихся по признаку, предположительно оказывающему дискриминационное влияние на занятость и рассылку их работодателям. Результаты статистического сравнения количества полученных откликов на резюме в исследованиях М. Али, Л. Андерссона и М. Хаммарштедта [33], П. Рич и Д. Рич [40], Е.К. Клепиковой [13] выявляют неравное отношение к кандидатам по полу и возрасту на рынке труда.

Аналогичный подход для оценки гендерной и возрастной дискриминации имеет предложенный С. Мурадовой и У. Зейтц [5], Д. Ноймарк, И. Берн, П. Баттон [37], Л. Батинович, М. Хоу, С. Синклер, Р. Карлссон [36] метод «заочного исследования», предполагающий изучение реакции работодателей на рассылку идентичных фиктивных резюме или цифровых кандидатов с произвольно выбранным полом. Полученные в ходе исследований результаты обнаруживают весомые доказательства дискриминации женщин при приеме на работу, а также гендерную профессиональную сегрегацию, вынуждающую женщин работать на низкооплачиваемых должностях [15].

Однако следует отметить, что проведенные исследования дискриминации по возрастным и гендерным признакам и оценка ее влияния на занятость касаются в основном традиционного рынка труда. Вместе с тем во всем мире в настоящее время широкое распространение получает платформенная занятость – «вовлечение физических лиц в экономическую деятельность на эпизодической или регулярной основе по возмездному оказанию работ (услуг) путем использования цифровой платформы, выступающей в качестве посредника между поставщиками работ, услуг (исполнителями) и потребителями (заказчиками)» [12].

Необходимость переосмысления нового сегмента трудовых отношений, оказывающего реорганизующее влияние на социально-экономическую активность населения и являющегося одним из ключевых направлений развития рынка труда, необходимость его формализации послужила драйвером интереса научного сообщества к осмыслению и оценке масштабов вовлеченности в нее населения, что подтверждают исследования Высшей школы экономики под руководством О.В. Синявской [20] и Центра проектной деятельности и коммуникационных технологий [21], научные труды В.Н. Бобкова [3], И.В. Войтковской [4], Л.М. Гохберга [19], Н.А. Дрыгиной [7],

В.В. Павловой [17], Ф.И. Мирзабалаевой, И.А. Шичкина [16], Е.А. Савельевой [25], Н.Е. Петровской [18], А.Ю. Рожковой [23], М.В. Чудиновских [29], Е.А. Черных [30], А.В. Шевчук [31], С. Schwellnus, A. Geva, M. Pak, R. Veiel [41].

Вместе с тем анализ исследований платформенной занятости позволяет отметить, что несмотря на очевидную актуальность, обусловленную современной демографической обстановкой, изучению проблематики решения дискриминационных проблем женщин старших возрастных групп (45+) путем вовлечения их в платформенную занятость не уделяется должного внимания.

Анализ и обсуждение проблемы

Исследование посвящено изучению наличия гендерной и возрастной дискриминации в платформенной занятости (на примере кейса в Республике Башкортостан) и оценке шансов на занятость женщин старших возрастных групп (45+).

В качестве инструмента анализа использовался метод «тест по резюме», характеризуемый в экспериментальном исследовании Е. Клепиковой в качестве наиболее объективного для оценки соотношения шансов трудоустройства кандидатов [13].

Применение в исследовании метода «тест по резюме» предполагает составление и рассылку на цифровой платформе потенциальным заказчикам/работодателям пар фиктивных резюме с идентичными качествами соискателей и видами предлагаемых услуг, за исключением исследуемых нами признаков: возраста и пола. На основе сравнения количества полученных положительных откликов от заказчиков/работодателей делается вывод наличия гендерной и возрастной дискриминации исследуемой группы населения.

Для исследования мы отобрали четыре профессии, выбор которых был обусловлен рядом факторов.

Первым фактором для выбора оцениваемых профессий стали результаты глубокого исследования рынка фриланса, проведенного в 2020 г. аналитиками биржи фриланса FL.ru, совместно с TalentTech и исследователями НИУ ВШЭ, согласно которым были выделены наиболее востребованные профессиональные сферы для удаленного формата работы (рис. 2).

Ряд профессий мы были вынуждены исключить из эксперимента в связи с отсутствием необходимых критериев для анализа. Например, согласно данным рекрутингового агентства, специализирующегося на подборе ИТ-специалистов GlobalCareer, доля мужчин (83%) в ИТ-сфере значительно превышает долю женщин (17%) [32], а результаты исследования SearchEngines.guru – профессиональной площадки по оптимизации, продвижению сайтов и интернет-маркетингу демонстрируют средний возраст SEO-специалистов, занимающихся продвижением веб-сайтов ниже 40 лет [27].

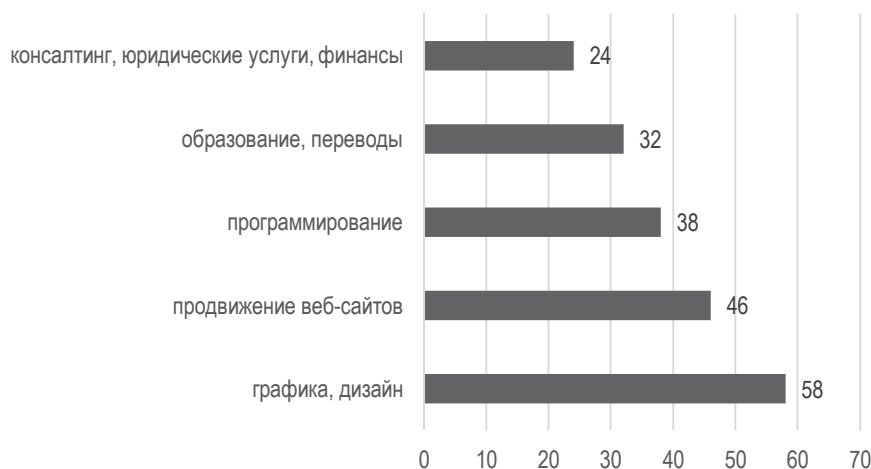

Рис. 2. Профессиональные сферы, востребованные для найма фрилансеров по состоянию на 2020 г., %.

Источник: по [11]

Второе – эксперимент проводился в Республике Башкортостан в г. Уфе, где ислам считается доминирующей религиозной конфессией. Согласно переписи населения Башкирии, в 2023 г. «мусульмане составляли 57,6% населения, в то время как христиане – 26,2% и остальные религиозные группы 16,2%» [28]. Таким образом, из эксперимента исключались вакансии с предписываемыми женщинам религиозными ограничениями, а именно: связанные с физическими нагрузками, опасностями для здоровья или безопасности, а также производством и продажей алкоголя и продуктов из свинины, банковской деятельностью и профессиями, предполагающие внесение изменений во внешний облик человека (сфера красоты и хирургия).

Третьим фактором, учитываемым при проведении эксперимента, послужил приоритет семьи и домашней работы, предписываемый женщине в исламе.

Обозначенные выше факторы, послужившие выборке на цифровой платформе профессий для проведения эксперимента, основывались на предоставлении возможности женщинам старших возрастных групп (45+) использования гибких режимов рабочего времени при дистанционной и гибридной модели (комбинированном формате) занятости, надомном труде, позволяющих совмещать занятость на рабочем месте в офисе с удаленной работой из дома и выполнением домашних обязанностей.

Таким образом, для проведения исследования были выбраны следующие профессии: дизайнер, юрист, бухгалтер, репетитор/преподаватель.

Оценка посещаемости сайтов, проведенная в ноябре 2023 г. аналитической онлайн-платформой SimilarWeb, дает возможность выделения лидеров диверсифицированных цифровых платформ, используемых в России для трудоустройства в исследуемых профессиональных секторах женской занятости (рис. 3).

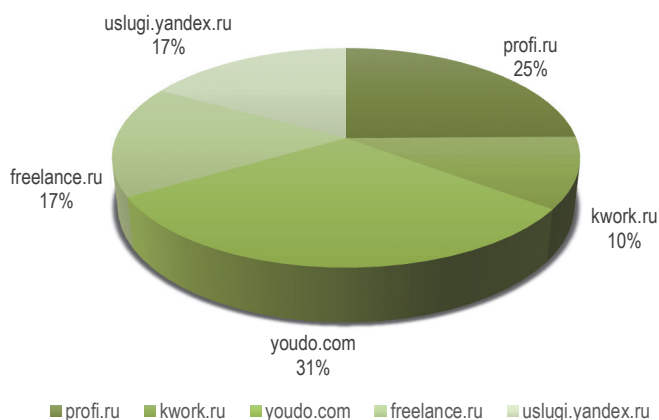

Рис. 3. Оценка посещаемости российских цифровых платформ для трудоустройства на дату 30 ноября 2023 г.

Источник: составлено автором на основе анализа открытых данных цифровых платформ по состоянию на дату 30.11.2023 г.

Анализ результатов исследования приводит к выводу, что цифровая платформа Youdo.com занимает в настоящее время 1-е место в рейтинге российских сайтов, позволяющих находить исполнителей для решения бизнес-задач, а исполнителям расширять возможности получения дополнительного дохода и решать проблемы занятости. В 2021 г. YouDo и HeadHunter объявили о создании совместной платформы для работы с самозанятыми, позволяющей обеспечивать потребности бизнеса – от подбора исполнителей до расчетов с ними.

Исходя из вышеизложенного, выбор цифровой платформы YouDo для эксперимента был продиктован оказанным ей доверием большого числа пользователей разных возрастов и социальных статусов, реализованной на ней возможностью круглосуточного полноценного обеспечения автоматизации процессов трудовой деятельности, а также открытыми для экспериментального анализа критериями (возраст, пол) кандидата (которые на части платформ не публикуются).

Исследование проводилось в течение 1 месяца – ноября 2023 г.

Анализ соотношения исполнителей по полу на исследуемой платформе YouDo позволяет отметить наличие гендерной профессиональной сегрегации (рис. 4).

Полученные данные демонстрируют неравномерность представленности полов в исследуемых профессиональных группах, что может свидетельствовать как об общем негативном влиянии демографического фактора, так и о положительном эффекте от обеспечения равных возможностей в образовательной системе, способствующих повышению уровня женской экономической активности, а также влиянию внедрения цифровых технологий в современный быт, упрощающих ведение домашнего хозяйства и высвобождающих свободное время для профессиональной реализации.

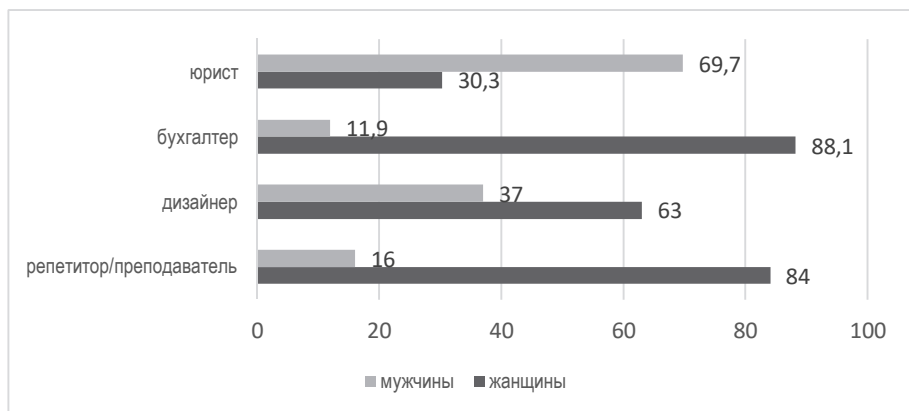

Рис. 4. Соотношение численности исполнителей по полу на платформе YouDo, в исследуемых профессиях на 30 ноября 2023 г., %

Источник: составлено автором на основе анализа открытых данных цифровой платформы YouDo по состоянию на дату 30.11.2023 г.

Таблица 1. Основные разделы портфолио, опубликованных на цифровой платформе YouDo

Должность	Пол		Пол		Город	Опыт, лет		Виды услуг
	М		Ж			12	18	
	32	45	32	45				
Бухгалтер	32	45	32	45	Уфа	12	18	Комплексное обслуживание, восстановление учета. Консультационные услуги. Подготовка отчетности. Планирование и оптимизация налогообложения. Расчет заработной платы
Юрист	32	45	32	45	Уфа	12	18	Составление договоров. Юридическое сопровождение. Регистрация, ликвидация компаний. Юридическая консультация. Составление и подача жалоб, исков
Дизайнер	32	45	32	45	Уфа	12	18	UX-UI дизайн. Графический дизайн. Редизайн сайта. Веб-дизайн. Инфорграфика
Репетитор (преподаватель)	32	45	32	45	Уфа	12	18	Написание курсовых и дипломных работ, статей. Решение индивидуальных заданий, задач. Подготовка к ОГЭ и ЕГЭ. Обучение предмету. Перевод текстов

Источник: составлено авторами.

Для оценки формирования спроса на женский труд и влияния возраста на успешность платформенной занятости мы создали для мужчин и женщин фиктивные пары профилей на цифровой платформе с идентичными обобщенными профессиональными характеристиками и одинаковым перечнем предлагаемых видов услуг, но критериальным отличием по возрасту. Портфолио кандидата, размещенное на цифровой платформе, включало: имя, возраст, город проживания, стаж работы (опыт в сферах деятельности), виды выполняемых услуг по выбранной профессии, в которых указывались пять наиболее распространенных и востребованных на платформе. Рассмотрим основные разделы портфолио кандидатов (табл. 1).

Составленные таким образом портфолио отправлялись на открытые задания с помощью опции «отклик» парами резюме в один день.

Результаты

За время исследования пары резюме по каждой должности отправляли на 30 вакансий. Разница между количеством опубликованных вакансий и ограниченностью рассылки на них была продиктована платностью сервиса.

Результаты различий в откликах на цифровой платформе YouDo для кандидатов разных возрастов и пола демонстрирует табл. 2.

Таблица 2. Результаты откликов кандидатов разного возраста и пола на вакансии на цифровой платформе YouDo

Должность	Кол-во заказов на цифровой платформе	Кол-во разосланных резюме	Отдано предпочтение				Соотношение вероятности шансов, %*			
			М		Ж		М		Ж	
			30–35	45–50	30–35	45–50	30–35	45–50	30–35	45–50
Юрист	94	30	7	11	3	6	23,3	36,7	10	20
Бухгалтер	81	30	0	1	5	11	0	3,3	16,7	36,7
Дизайнер	308	30	9	1	14	5	30	3,3	46,7	16,7
Репетитор/преподаватель	311	30	2	3	8	14	6,7	10	26,7	46,7

* Отношение количества кандидатов, получивших положительный отклик/приглашение на собеседование, к общему числу разосланных резюме, ноябрь 2023 г.

Источник: составлено авторами.

Для оценки вероятности шанса кандидатов на занятость мы предлагаем применить в исследовании формулу статистического определения вероятности:

$$\text{Вероятность занятости} = \frac{\text{Количество полученных откликов возраста } N \text{ пол } A}{\text{Количество разосланных резюме}}$$

Интерпретация полученных результатов весьма прозрачна. Вероятность события равна 1, вероятность невозможного события равна 0. Чем выше полученный показатель, тем вероятнее шанс получения у кандидата работы на онлайн-платформе.

На основании полученных данных можно определить показатель соотношения вероятности получения положительного заказа на онлайн-платформе.

Например, у юристов-мужчин старших возрастных групп в 1,8 раз выше шансов на занятость, чем у женщин в той же возрастной группе, но и юристам-мужчинам 30–35 лет заказчики доверяют больше в 2,3 раза.

Шансы мужчин-бухгалтеров старших возрастов получить работу практически равны 0, а вероятность получения заказа бухгалтеру-женщине старших возрастов в 2,25 раза выше их более молодых коллег.

Результаты исследования демонстрируют более высокий процент доверия преподавателям (репетиторам)-женщинам, при этом в 0,5 раза более высокая вероятность занятости у более опытных.

В профессии дизайнер в 1,5 раза преобладают женщины, однако при этом шансы на занятость возрастной группы 30–35 лет в 2,8 раза выше.

Результаты исследования демонстрируют положительную реакцию заказчиков/работодателей на цифровой платформе YouDo на кандидатов старших возрастных групп (45+) в профессиях, требующих профессионализма и знаний, накопленных за годы трудовой деятельности, таких как образование, юриспруденция, бухгалтерия. В профессии дизайнера, требующей от кандидатов креативности и развитых технических цифровых навыков, работникам старше 45 лет устроиться сложнее.

В ходе эксперимента в декабре 2023 г. нами были опрошены 50 работодателей в Республике Башкортостан, использующих для оперативного решения бизнес-задач цифровые платформы с целью выявления основных критериев при выборе ими исполнителей (рис. 5).

Рис. 5. Критерии отбора работодателями/заказчиками в Республике Башкортостан исполнителей услуг на цифровых платформах, %.

Источник: составлено авторами на основе опроса работодателей, декабрь 2023 г.

Таким образом, потенциально важным критерием отбора исполнителей на цифровых платформах стало портфолио, являющееся согласно результатам проведенного исследования инструментом успешности получения заказов благодаря возможностям самопрезентации профессиональных навыков и отзывам клиентов, отражающим опыт взаимодействия с платформой [26].

Можно сделать вывод, что платформенная занятость трансформирует структуру рынка труда через увеличение численности работников сферы услуг, ориентированной на найм экспертов с готовыми компетенциями и доказанным опытом решения бизнес-задач, а также решающей проблемы возрастной дискриминации, сложившиеся на традиционном рынке труда вследствие изменения в восприятии возраста заказчиком/работодателем.

Заключение

На основании полученных результатов можно сделать заключение, что переход бизнеса к борьбе за обладание ограниченной рабочей силой и развитие цифровых трудовых платформ открывают новые каналы занятости для работников старших возрастных групп (45+), испытывающих сложности с трудоустройством на традиционном рынке труда. Однако, несмотря на положительную реакцию заказчиков на возрастных кандидатов, результаты исследования демонстрируют наличие дискриминационных гендерных стереотипов представления образа работника работодателями (заказчиками).

Несмотря на общую ориентацию заказчиков-работодателей цифровых платформ на профессиональные качества и способность кандидатов решить поставленные задачи (когда возраст играет ценностную доверительную роль), сложившиеся в обществе стереотипы о связи деловых качеств от пола отрицательно влияют на вероятность занятости.

Таким образом, женщины старших возрастных групп имеют шансы повысить уровень своей занятости с помощью цифровых платформ, однако чаще всего в секторах экономики с устоявшейся системой социальных ролей. В связи с чем вопрос введения платформенной занятости в правовое поле и ее регулирование должны способствовать обеспечению для всех исполнителей равных условий и снижению гендерной дискриминации.

Список источников

1. *Ахмерова Г.А.* Российские женщины отличаются высоким уровнем экономической активности // Реальное время. 01.07.2023. URL: <https://m.realnoevremya.ru> (дата обращения: 01.12.2023).
2. *Айвазова С.* Основы методики распознавания и оценки дискриминации женщин на рынке труда. М. : Эслан, 2007. 57 с.
3. *Бобков В.Н., Черных Е.А.* Платформенная занятость: масштабы и признаки неустойчивости // Мир новой экономики. 2020. № 2 (14) С. 6–15. URL: <http://https://cyberleninka.ru/article/n/platformennaya-zanyatost-masshtaby-i-priznaki-neustoychivosti/viewer> (дата обращения: 02.12.2023).
4. *Лютюв Н.Л., Войтковская И.В.* Водители такси, выполняющие работу через онлайн-платформы: каковы правовые последствия «урбанизации» труда // Актуальные

проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 6. С. 149–159. doi: 10.17803/1994-1471.2020.115.6.149-159 (дата обращения: 15.12.2023).

5. *Муратова С., Зейтц У.* Гендерная дискриминация при приеме на работу: данные аудиторского эксперимента в Узбекистане. Рабочий документ по исследованию политики // №. WPS 9784 Вашингтон, Округ Колумбия: Группа Всемирного банка. 2021. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/731871633612170098/Gender-Discrimination-in-Hiring-Evidence-from-an-Audit-Experiment-in-Uzbekistan> (дата обращения: 30.01.2024).

6. *Гринфилд Д.* Почему у женщин нет равных возможностей на рынке труда. URL: <http://https://rg.ru/2019/06/19/pochemu-u-zhenshchin-net-ravnyh-s-muzhchinami-vozmozhnostej-na-rynke-truda.html> (дата обращения: 14.11.2023).

7. *Дрыгина Н.А.* Цифровые трудовые платформы как современная форма занятости // Молодой ученый. 2023. № 24 (471). С. 158–161. URL: <https://moluch.ru/archive/471/104050/> (дата обращения: 27.12.2023).

8. *Дискриминация в социально-трудовых отношениях. Экономический аспект / под общ. ред. Т.Ю. Стукен. М. : Информ – Знание, 2007. 351 с.* URL: <https://elibrary.ru/item.asp?edn=qszmwl> (дата обращения: 10.10.2024).

9. *Дискриминация по возрасту. О случаях возрастной дискриминации на работе и не только // ФОМ : [сайт]. 2021.* URL: <https://fom.ru/Tsennosti/14482> (дата обращения: 25.11.2023).

10. *Женщины чаще мужчин сталкиваются с дискриминацией по полу и семейному статусу при трудоустройстве, от дискриминации по возрасту женщины и мужчины страдают одинаково (социологический опрос) // Superjob.ru : [сайт]. 2021.* URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/113083/zhenshchiny-chasche-muzhchinstalkivayutsya-s-diskriminaciej-po-polu-i-semejnomu-statusu-pri-trudoustrojstve/> (дата обращения: 24.11.2023).

11. *Исследование рынка фриланса от FL.ru, TalentTech и ВШЭ: кто и для чего нанимает фрилансеров и в каких сферах они наиболее востребованы.* URL: <https://netology.ru/blog/08-2020-issledovanie-rynka-frilansa> (дата обращения: 12.11.2023).

12. *Калабина Е.Г., Шадрина Е.А.* Возможности и барьеры развития платформенной занятости старших возрастных групп населения (от 45 лет и старше) на рынке труда // Вестник Башкирского института социальных технологий. 2023. № 4 (61). С. 130–140. doi: 10.47598/2078-9025-2023-4-61-130-140

13. *Клепикова Е.К.* Возрастная дискриминация при найме: результаты экспериментального исследования // Экономическая политика. 2019. Т. 14, № 3. С. 64–89. URL: https://www.hse.ru/data/2021/06/02/1440378450/Клепикова_статья%203.pdf (дата обращения: 01.11.2023).

14. *Козина И.М., Зангиева И.К.* Дискриминация на рынке труда: современные проявления, факторы и практики преодоления // Материалы круглого стола Лаборатории социально-трудовых отношений ИЭ РАН / отв. ред. И. В. Соболев. М. : Ин-т экономики РАН, 2014. С. 50–63. (Институты современной экономики и инновационного развития).

15. *Мальцева И.О., Нестерова Д.В.* Гендерная сегрегация на внутреннем рынке труда: источники и последствия: Препринт WP15/2009/04. М. : Изд. дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2009. 44 с.

16. *Мирзабалаева Ф.И., Шичкин И.А.* Особенности развития платформенной занятости // Экономика труда. 2020. № 12 (7). С. 1117–1134.

17. *Павлова В.В.* Роль платформенной занятости в условиях санкций // Инновационные доминанты социально-трудовой сферы: экономика и управление : материалы ежегодной международной научно-практической конференции по проблемам социально-трудовых отношений (22 заседание). Воронеж, 2022. С. 223–226. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48765514> (дата обращения: 01.02.2024).

18. *Петровская Н.Е.* Цифровые платформы как доминантный вектор развития глобального рынка труда // Управление. 2021. № 2 (9). С. 103–113.

19. *Абдрахманова Г.И., Гохберг Л.М., Демьянова А.В. и др.* Платформенная экономика в России: потенциал развития: аналитический доклад / под ред. Л.М. Гохберга, Б.М. Глазкова, П.Б. Рудника, Г.И. Абдрахмановой. М. : ИСИЭЗ ВШЭ, 2023. 72 с. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/832628936.pdf> (дата обращения: 01.11.2023).
20. *Синявская О.В., Бирюкова С.С., Аптекарь А.П., Горват Е.С., Грищенко Н.Б., Гудкова Т.Б., Карева Д.Е.* Платформенная занятость: определение и регулирование. М. : НИУ ВШЭ, 2021. 78 с.
21. *Абаев А.Л., Болдырев М.В.* Платформенная занятость как инструмент трудовой социализации представителей старших возрастных групп поколения X: исследовательская работа // Центр проектной деятельности и коммуникативных технологий. 2022. URL: <https://rsuh.digital/generation-x-platform-economy> (дата обращения: 01.11.2023).
22. Работа и возраст: стереотипы и реальность / hh.ru : [сайт]. 2021. URL: <https://ufa.hh.ru/article/27243> (дата обращения: 24.11.2023).
23. *Рожкова А.Ю.* Особенности дистанционного труда: сетевая и платформенная занятость // Юридический вестник Дагестанского гос. ун-та. 2022. Т. 42, № 2. С. 112–120.
24. *Роцин С.Ю.* Гендерная дискриминация на рынке труда // Демоскоп. 2005. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0219/tema05.php> (дата обращения: 17.11.2023).
25. *Савельева Е.А.* Цифровые трудовые платформы: новые формы организации и регулирования труда. М. : ИНФРА-М, 2021.
26. *Стребков Д.О.* Самопрезентация и успех на цифровых платформах на примере рабочих, занимающихся строительством и ремонтом // Социологический журнал. 2023. Т. 29, № 3. С. 70–92. doi: 10.19181/socjour.2023.29.3.4
27. Средний возраст SEO специалистов. URL: <https://searchengines.guru/ru/forum/1051013> (дата обращения: 10.11.2023).
28. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан. URL: <https://02.rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 02.11.2023).
29. *Чудиновских М.В.* Основные тенденции развития цифровых трудовых платформ в условиях пандемии // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С. 280–284.
30. *Черных Е.А.* Качество платформенной занятости: неустойчивые (прекаризованные) формы, практики регулирования, вызовы для России // Уровень жизни населения регионов России. 2020. Т. 16, № 3. С. 82–97. doi: 10.19181/lspr.2020.16.3.7
31. *Шевчук А.В.* Роль цифровых платформ в трансформации занятости: экономико-социологический анализ : дис. ... д-ра экон. наук. М., 2023. 396 с.
32. Экспертиза в GLocalCareer: Гендер в IT. URL: <https://globalcareer.ru/ehkspertiza-globalcareer-gender-v-it/?ysclid=lr8sk8t4k1340344940> (дата обращения: 15.11.2023).
33. *Ali M., Andersson L., Hammarstedt M.* Does age matter for employability? A field experiment on ageism in the Swedish labour market // Applied Economics Letters. 2012. Vol. 19, Is. 4. P. 403–406. URL: https://econpapers.repec.org/article/tafapeclt/v_3a19_3ay_3a2012_3ai_3a4_3ap_3a403-406.htm (дата обращения: 08.11.2023).
34. *Gaddis S. Michael.* Audit Research: Behind the Scenes with theory, Methods and Nuances. Springer. doi: 10.1007/978-3-319-71153-9. URL: https://www.researchgate.net/publication/321150942_Vol_14_of_the_Methodos_Series_-_Michael_Gaddis_Audit_Studies_Behind_the_Scenes_with_Theory_Method_and_Nuance (дата обращения: 09.11.2023).
35. *Fix M., Raymond Struyk R.* Clear and convincing evidence: Measurement of discrimination in america (Natural Field Experiments). URL: <https://ideas.repec.org/p/feb/natura/00241.html> (дата обращения: 13.11.2023).
36. *Batinovic Lucija, How Marlon, Sinclair Samantha, Carlsson Rickard.* Ageism in Hiring: A Systematic Review and Meta-analysis of Age Discrimination // Collabra Psychology. 2023. № 9 (1). doi: 10.1525/collabra.82194. URL: https://www.researchgate.net/publication/373078763_Ageism_in_Hiring_A_Systematic_Review_and_Meta-analysis_of_Age_Discrimination (дата обращения: 12.11.2023).

37. Neumark D., Burn I., Button P. Is It Harder for Older Workers to Find Jobs? New and Improved Evidence from a Field Experiment // *Journal of Political Economy*. 2018. № 127 (2). P. 51. URL: https://www.researchgate.net/publication/328054867_Is_It_Harder_for_Older_Workers_to_Find_Jobs_New_and_Improved_Evidence_from_a_Field_Experiment (дата обращения: 14.11.2023).

38. Neumark D., Flo M. Gender discrimination in restaurant hiring: an audit study // *Quarterly Journal of Economics*. 1996. № 111 (3). P. 915–941. doi: 10.2307/2946676. URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w5024/w5024.pdf (дата обращения: 16.11.2023).

39. Neumark D. Identification of discrimination in audit and correspondence studies // *Human Resources Journal*. 2012. № 47 (4). P. 1128–1157. doi: 10.3368/47.4.1128. URL: <https://jhr.uwpress.org/content/47/4/1128> (дата обращения: 17.11.2023).

40. Riach P., Judith Rich. An Experimental Investigation of Age Discrimination in the English Labor Market // *Annals of Economics and Statistics*, GENES. 2010. № 99–100. P. 169–185. URL: <https://ideas.repec.org/a/adr/anecest/y2010i99-100p169-185.html> (дата обращения: 18.11.2023).

41. Schweltnus C., Geva A., Pak M., Veiel R. Gig economy platforms: boon or bane? Organization for Economic Co-operation and Development // *Economics Department Working Papers*. 2019. № 1550. P. 33. URL: https://assets.website-files.com/5eb91adbb9b614ef3200f95f/5eba59325c98f73bcb5e672a_ECO-WKP201919.pdf (дата обращения: 19.11.2023).

References

1. Akhmerova, G.A. (2023) Rossiyskie zhenshchiny otlichayutsya vysokim urovnem ekonomicheskoy aktivnosti [Russian women have by a high level of economic activities]. *Real'noe vremya*. 01.07.2023. [Online] Available from: <https://m.realnoevremya.ru> (Accessed: 01.12.2023).

2. Ayvazova, S. (2007) *Osnovy metodiki raspoznavaniya i otsenki diskriminatsii zhenshchin na rynke truda* [Fundamentals of methods for recognizing and assessing discrimination against women in the labor market]. Moscow: Eslan.

3. Bobkov, V.N. & Chernykh, E.A. (2020) Platformennaya zanyatost': masshtaby i priznaki neustoychivosti [Platform employment: scale and signs of instability]. *Mir novoy ekonomiki*. 2 (14). pp. 6–15. [Online] Available from: <http://https://cyberleninka.ru/article/n/platformennaya-zanyatost-masshtaby-i-priznaki-neustoychivosti/viewer> (Accessed: 02.12.2023).

4. Lyutov, N.L. & Voytkovskaya, I.V. (2020) Taxi Drivers Performing Work through Online Platforms: What Are the Legal Consequences of Labor “Uberization”? *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 15 (6). pp. 149–159. (In Russian). doi: 10.17803/1994-1471.2020.115.6.149-159 (Accessed: 15.12.2023).

5. Muradova, S. & Seitz, U. (2021) *Gender discrimination in hiring: Evidence from an audit experiment in Uzbekistan*. Policy Research Working Paper, no. WPS 9784. Washington, D.C. : World Bank Group. [Online] Available from: <http://documents.worldbank.org/curated/en/731871633612170098/Gender-Discrimination-in-Hiring-Evidence-from-an-Audit-Experiment-in-Uzbekistan> (Accessed: 30.01.2024).

6. Greenfield, D. (2019) *Pochemu u zhenshchin net ravnykh vozmozhnostey na rynke truda* [Why women do not have equal opportunities in the labor market]. [Online] Available from: <http://https://rg.ru/2019/06/19/pochemu-u-zhenshchin-net-ravnykh-s-muzhchinami-vozmozhnostej-na-rynke-truda.html> (Accessed: 14.11.2023).

7. Drygina, N.A. (2023) Tsifrovye trudovye platformy kak sovremennaya forma zanyatosti [Digital labor platforms as a modern form of employment]. *Moloday uchenyy*. 24 (471). pp. 158–161. [Online] Available from: <https://moluch.ru/archive/471/104050/> (Accessed: 27.12.2023).

8. Stuken, Y.Yu. (ed.) (2007) *Diskriminatsiya v sotsial'no-trudovykh otnosheniyakh. Ekonomicheskii aspekt* [Discrimination in social and labor relations. Economic aspect]. Moscow: Inform – Znanie. [Online] Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?edn=qszmwl> (Accessed: 10.10.2024).
9. FOM. (2023) *Diskriminatsiya po vozrastu. O sluchayakh vozrastnoy diskriminatsii na rabote i ne tol'ko* [Age discrimination. About cases of age discrimination at work and not only]. [Online] Available from: <https://fom.ru/TSennosti/14482> (Accessed: 25.11.2023).
10. Superjob.ru. (2021) *Zhenshchiny chashche muzhchin stalkivayutsya s diskriminatsiey po polu i semeynomu statusu pri trudoustroystve, ot diskriminatsii po vozrastu zhenshchiny i muzhchiny stradayut odinakovo (sotsiologicheskii opros)* [Women are more likely than men to face discrimination based on gender and marital status in employment; women and men suffer equally from age discrimination (sociological survey)]. [Online] Available from: <https://www.superjob.ru/research/articles/113083/zhenshchiny-chasche-muzhchin-stalkivayutsya-s-diskriminatsiej-po-polu-i-semejnomu-statusu-pri-trudoustroystve/> (Accessed: 24.11.2023).
11. Netology. (2020) *Issledovanie rynka frilansa ot FL.ru, TalentTech i VShE: kto i dlya chego nanimaet frilanserov i v kakikh sferakh oni naibolee востреbovany* [Freelance market research from FL.ru, TalentTech and HSE: who hires freelancers and why and in what areas they are most in demand]. [Online] Available from: <https://netology.ru/blog/08-2020-issledovanie-rynka-frilansa> (Accessed: 12.11.2023).
12. Kalabina, E.G. & Shadrina, E.A. (2023) Opportunities and Barriers to the Development of Platform Employment of Older Age Groups of the Population (45 Years and Older) in the Labor Market. *Vestnik Bashkirskogo instituta sotsial'nykh tekhnologiy*. 4 (61). pp. 130–140. (In Russian). doi: 10.47598/2078-9025-2023-4-61-130-140
13. Klepikova, E.K. (2019) *Vozrastnaya diskriminatsiya pri nayme: rezul'taty eksperimental'nogo issledovaniya* [Age discrimination in hiring: results of an experimental study]. *Ekonomicheskaya politika*. 14 (3). pp. 64–89. [Online] Available from: https://www.hse.ru/data/2021/06/02/1440378450/Klepikova_stat'ya%203.pdf (Accessed: 01.11.2023).
14. Kozina, I.M. & Zangieva, I.K. (2014) *Diskriminatsiya na rynke truda: sovremennye proyavleniya, faktory i praktiki preodoleniya* [Discrimination in the labor market: modern manifestations, factors and practices of overcoming]. In: Sobolev, I.V. (ed.) *Materialy kruglogo stola Laboratorii sotsial'no-trudovykh otnosheniy IE RAN* [Proceedings of the round table of the Laboratory of Social and Labor Relations of the Institute of Economics, RAS]. Moscow: Institute of Economics, RAS. pp. 50–63.
15. Mal'tseva, I.O. & Nesterova, D.V. (2009) *Gendernaya segregatsiya na vnutrennem rynke truda: istochniki i posledstviya* [Gender segregation in the domestic labor market: sources and consequences]. Preprint WP15/2009/04. Moscow: HSE.
16. Mirzabalaeva, F.I. & Shichkin, I.A. (2020) *Osobennosti razvitiya platformennoy zanyatosti* [Features of the development of platform employment]. *Ekonomika truda*. 12 (7). pp. 1117–1134.
17. Pavlova, V.V. (2022) [The role of platform employment under sanctions]. *Innovatsionnye dominanty sotsial'no-trudovoy sfery: ekonomika i upravlenie* [Innovative dominants of the social and labor sphere: economics and management]. Proceedings of the International Conference. Voronezh. pp. 223–226. [Online] Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48765514> (Accessed: 01.02.2024). (In Russian).
18. Petrovskaya, N.E. (2021) *Tsifrovye platformy kak dominantnyy vektor razvitiya global'nogo rynka truda* [Digital platforms as a dominant vector of development of the global labor market]. *Upravlenie*. 2 (9). pp. 103–113.
19. Abdrakhmanova, G.I. et al. (2023) *Platformennaya ekonomika v Rossii: potentsial razvitiya: analiticheskii doklad* [Platform economy in Russia: development potential: analytical report]. ISSEK HSE. [Online] Available from: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/832628936.pdf> (Accessed: 01.11.2023).

20. Sinyavskaya, O.V. et al. (2021) *Platformennaya zanyatost': opredelenie i regulirovanie* [Platform employment: definition and regulation]. Moscow: HSE.
21. Abaev, A.L. & Boldyrev, M.V. (2022) *Platformennaya zanyatost' kak instrument trudovoy sotsializatsii predstaviteley starshikh vozrastnykh grupp pokoleniya Kh: issledovatel'skaya rabota* [Platform employment as a tool for labor socialization of representatives of older age groups of Generation X: research work]. Center for Project Activities and Communication Technologies. [Online] Available from: <https://rsuh.digital/generation-x-platform-economy> (Accessed: 01.11.2023).
22. Hh.ru. (2021) *Rabota i vozrast: stereotipy i real'nost'* [Work and age: stereotypes and reality]. [Online] Available from: <https://ufa.hh.ru/article/27243> (Accessed: 24.11.2023).
23. Rozhkova, A. Yu. (2022) Osobennosti distantsionnogo truda: setevaya i platformennaya zanyatost' [Features of remote work: network and platform employment]. *Yuridicheskiy vestnik Dagestanskogo gos. Un-ta*. 42 (2). pp. 112–120.
24. Roshchin, S.Yu. (2005) Gendernaya diskriminatsii na rynke truda [Gender discrimination in the labor market]. *Demoskop*. [Online] Available from: <http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0219/tema05.php> (Accessed: 17.11.2023).
25. Savel'eva, E.A. (2021) *Tsifrovye trudovye platformy: novye formy organizatsii i regulirovaniya truda*. Moscow: INFRA-M.
26. Strebkov, D.O. (2023) Self-Presentation and Success on Digital Platforms by the Example of Construction and Repair Workers. *Sotsiologicheskiy zhurnal*. 29 (3). pp. 70–92. (In Russian). doi: 10.19181/socjour.2023.29.3.4
27. Guru. (2023) *Sredniy vozrast SEO spetsialistov* [Average age of SEO specialists]. [Online] Available from: <https://searchengines.guru.ru/forum/1051013> (Accessed 10.11.2023).
28. *Territorial body of the Federal State Statistics Service for the Republic of Bashkortostan*. [Online] Available from: <https://02.rosstat.gov.ru/> (Accessed: 02.11.2023). (In Russian).
29. Chudinovskikh, M.V. (2021) Osnovnye tendentsii razvitiya tsifrovyykh trudovykh platform v usloviyakh pandemii [Main trends in the development of digital labor platforms in a pandemic]. *Biznes. Obrazovanie. Pravo*. 3 (56). pp. 280–284.
30. Chernyykh, E.A. (2020) The Quality of Platform Employment: Unstable (Precarious) Forms, Regulatory Practices, Challenges for Russia. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii*. 16 (3). pp. 82–97. (In Russian). doi: 10.19181/lspr.2020.16.3.7
31. Shevchuk, A.V. (2023) *Rol' tsifrovyykh platform v transformatsii zanyatosti: ekonomiko-sotsiologicheskiy analiz* [The role of digital platforms in the transformation of employment: economic and sociological analysis]. Economics Dr. Diss. Moscow.
32. GlobalCareer. (2023) *Ekspertiza v GLObalCareer: Gender v IT* [Expert assessment in GLObalCareer: Gender in IT]. [Online] Available from: <https://globalcareer.ru/ehkspertiza-globalcareer-gender-v-it/?ysclid=lr8sk8t4k1340344940> (Accessed 15.11.2023).
33. Ali, M., Andersson, L. & Hammarstedt, M. (2012) Does age matter for employability? A field experiment on ageism in the Swedish labour market. *Applied Economics Letters*. 19 (4). pp. 403–406. [Online] Available from: https://econpapers.repec.org/article/tafapeclt/v_3a19_3ay_3a2012_3ai_3a4_3ap_3a403-406.htm (Accessed: 08.11.2023).
34. Gaddis, S. M. (2017) *Audit Research: Behind the Scenes with theory, Methods and Nuances*. Springer. doi: 10.1007/978-3-319-71153-9. [Online] Available from: https://www.researchgate.net/publication/321150942_Vol_14_of_the_Methodos_Series_-_Michael_Gaddis_Audit_Studies_Behind_the_Scenes_with_Theory_Method_and_Nuance (Accessed: 09.11.2023).
35. Fix, M. & Struyk, R. (1993) *Clear and convincing evidence: Measurement of discrimination in America (Natural Field Experiments)*. [Online] Available from: <https://ideas.repec.org/p/feb/natura/00241.html> (Accessed: 13.11.2023).
36. Batinovic, L., How, M., Sinclair, S. & Carlsson, R. (2023) Ageism in Hiring: A Systematic Review and Meta-analysis of Age Discrimination. *Collabra Psychology*. 9 (1). doi: 10.1525/collabra.82194. [Online] Available from: <https://www.researchgate.net/publication/>

373078763_Ageism_in_Hiring_A_Systematic_Review_and_Meta-analysis_of_Age_Discrimination (Accessed: 12.11.2023).

37. Neumark, D., Burn, I. & Button, P. (2018) Is It Harder for Older Workers to Find Jobs? New and Improved Evidence from a Field Experiment. *Journal of Political Economy*. 127 (2). p. 51. [Online] Available from: https://www.researchgate.net/publication/328054867_Is_It_Harder_for_Older_Workers_to_Find_Jobs_New_and_Improved_Evidence_from_a_Field_Experiment (Accessed: 14.11.2023).

38. Neumark, D. & Flo, M. (1996) Gender discrimination in restaurant hiring: an audit study. *Quarterly Journal of Economics*. 111 (3). pp. 915–941. doi: 10.2307/2946676. [Online] Available from: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w5024/w5024.pdf (Accessed: 16.11.2023).

39. Neumark, D. (2012) Identification of discrimination in audit and correspondence studies. *Human Resources Journal*. 47 (4). pp. 1128–1157. doi: 10.3368/47.4.1128. [Online] Available from: <https://jhr.uwpress.org/content/47/4/1128> (Accessed: 17.11.2023).

40. Riach, R. & Judith Rich. (2010) An Experimental Investigation of Age Discrimination in the English Labor Market. *Annals of Economics and Statistics, GENES*. 99–100. pp. 169–185. [Online] Available from: <https://ideas.repec.org/a/adr/anecest/y2010i99-100p169-185.html> (Accessed: 18.11.2023).

41. Schweltnus, C. et al. (2019) Gig economy platforms: boon or bane? Organization for Economic Co-operation and Development. *Economics Department Working Papers*. 1550. pp. 33. [Online] Available from: https://assets.website-files.com/5eb91adbb9b614ef3200f95f5eba59325c98f73bcb5e672a_ECO-WKP201919.pdf (Accessed: 19.11.2023).

Информация об авторах:

Шадрина Е.А. – аспирант, Уральский государственный экономический университет (Екатеринбург, Россия). E-mail: elena.shadrina.75@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1288-7512>

Калабина Е.Г. – доктор экономических наук, профессор, Уральский государственный экономический университет (Екатеринбург, Россия). E-mail: kalabina@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3952-7665>

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.A. Shadrina, postgraduate student, Ural State University of Economics (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: elena.shadrina.75@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1288-7512>

E.G. Kalabina, Dr. Sci. (Economics), professor, Ural State University of Economics (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: kalabina@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3952-7665>

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 06.03.2024;
одобрена после рецензирования 25.03.2024; принята к публикации 15.05.2024.*

*The article was submitted 06.03.2024;
approved after reviewing 25.03.2024; accepted for publication 15.05.2024.*

Научная статья
УДК 331.108.2
doi: 10.17223/19988648/66/9

Трансформация характера занятости в постсоветской России

Вячеслав Юрьевич Бабышев¹

¹ *Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники,
Томск, Россия, vacheslav84@mail.ru*

Аннотация. Статья описывает российскую специфику в сфере занятости на фоне высокоразвитых стран. Новизна статьи заключается в рассмотрении форм занятости как результата совокупного влияния демографических, отраслевых и профессионально-трудовых трансформаций в условиях экономических циклов России. Целью статьи является анализ эволюции характера занятости в результате демографических и социально-экономических трансформаций в России. Способ исследования: выявление основных теоретических подходов к существенным аспектам характера занятости и проведение их практической проверки на основе мировой статистики МОТ, ОЭСР и ВБ во взаимосвязи с важными этапами социально-экономического развития России после 1991 г. Сделан вывод, что при определенном отставании в сфере демографического старения и отраслевой трансформации Россия характеризуется более сильной дифференциацией рабочих мест по уровню квалификации и характеру трудовых операций, а при повышенном уровне неформальной занятости в большей степени привержена наемному труду на постоянной основе на полный рабочий день.

Ключевые слова: демографические трансформации, отраслевая структура занятости, трудовые операции, статус занятости, режим трудониспользования, стандартная занятость, нестандартная занятость, наемный труд, неформальная занятость

Для цитирования: Бабышев В.Ю. Трансформация характера занятости в постсоветской России // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2024. № 66. С. 133–148. doi: 10.17223/19988648/66/9

Original article

Transformation of the nature of employment in post-Soviet Russia

Vyacheslav Yu. Babyshev¹

¹ *Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics,
Tomsk, Russian Federation, vacheslav84@mail.ru*

Abstract. The subject of the article is the Russian specifics of the nature of employment against the background of highly developed countries. The aim is to analyze the evolu-

tion of the nature of employment as a result of demographic and socio-economic transformations in Russia. The scientific novelty of the article lies in the consideration of the forms of employment as a result of the combined influence of demographic, sectoral and professional-labor transformations (existing works either did not analyze the reasons for the transformation of the nature of employment or limited to its individual aspects). The research method is a descriptive identification of the main theoretical approaches to the essential aspects of the nature of employment and their practical verification through statistical analysis on the basis of ILO, OECD and WB world statistics in correlation with the main stages of the socio-economic development of Russia after 1991. The analysis was carried out over a long period of time, starting from 1992, taking into account Russia's economic cycles, which made it possible to trace the evolution of the nature of employment taking into account the transformation of socio-economic conditions. The simultaneous analysis of changes in all forms of employment was carried out, which made it possible to identify the Russian specifics of combining elements of standard and non-standard employment. It is concluded that with a certain lag in the sphere of demographic ageing and sectoral transformation in the form of shifting employment from the productive sector to the service sector, Russia, compared to highly developed countries, is characterized by a stronger differentiation of jobs by skill level and nature of labor operations (employment is more concentrated in two opposite sectors of mental highly skilled labor and manual physical low-skilled labor). The opinion of a number of authors about the strengthening of non-standard forms of employment in Russia has been verified and refuted. After the transition to capitalism, the basis of employment remains wage labor, and forms of non-wage labor (except for employers) during recessions are more of a transitional forced nature. At the same time, the share of informal employment has increased in Russia, but the basis of the labor force functioning regime is still full-time permanent employment (this observation refutes the opinion of a number of authors about the close connection between informal employment and other forms of non-standard employment). The conclusion is made that in the future the Russian labor market will see a strengthening of standard employment in the form of permanent wage labor, which will be beneficial to both employees (whose influence will increase due to the shift of the age structure towards older ages) and employers (due to increased requirements to the level of personnel qualification). At the same time, a certain increase in the share of temporary employment is possible in case of economic growth. Given that non-standard forms of employment in Russia mean a deterioration in the quality of jobs, the strengthening of standard forms of employment should be seen as a positive phenomenon. The results of this article can be used by Russian government agencies when planning the state employment policy, as well as by employers when taking into account the Russian specifics of the labor force in the preferred nature of employment.

Keywords: demographic transformations, sectoral structure of employment, labor operations, employment status, mode of employment, standard employment, non-standard employment, wage employment, informal employment

For citation: Babyshev, V. Yu. (2024) Transformation of the nature of employment in post-Soviet Russia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 66. pp. 133–148. (In Russian). doi: 10.17223/19988648/66/9

Введение

Кардинальное изменение социально-экономического устройства России в 1990-е гг. привело к появлению и укреплению нестандартных форм занятости как российской специфики адаптации к кризисной ситуации [1].

Но после преодоления трансформационного кризиса нестандартная занятость, по мнению некоторых авторов, продолжает укрепляться [2, 3], что актуализирует вопросы ее дальнейшей динамики и влияния на социально-экономическое развитие.

В целом что касается распространения нестандартных форм занятости, их сущностного характера и влияния на качество трудовой жизни российские авторы придерживаются нескольких подходов.

Среди причин изменения характера занятости авторы выделяют демографические процессы, отраслевые и профессиональные трансформации.

Существует мнение, что характер занятости зависит от демографического состава рабочей силы – более старшие работники в среднем заняты более квалифицированной и интеллектуальной работой, имеют более низкий уровень профессиональной мобильности и более высокий уровень стабильной занятости по сравнению с молодежью [4].

Россия имеет двойственную демографическую ситуацию – низкую рождаемость высокоразвитых стран и характерную для менее развитых стран низкую продолжительность жизни [5].

По влиянию отраслевых изменений на характер занятости прослеживается две точки зрения. По первой позиции трансформация характера занятости связана с увеличением доли сферы услуг, где в большей степени требуются гибкость и временность работы в сочетании с меньшими претензиями к уровню квалификации [6, 7]. По второй позиции эволюция характера занятости идет и в производственной сфере, когда из-за сокращения количества высококвалифицированных рабочих мест значительная часть трудоспособного населения вытесняется в сферу прекаризированной занятости [8, с. 52–109; 9].

Отдельно необходимо отметить сельское хозяйство, где в силу сезонности работ активно используется временная занятость.

Отечественные авторы считают, что российская специфика деиндустриализации сопровождалась снижением доли квалифицированной занятости в связи с уменьшением доли высокотехнологичных направлений [10, с. 57–78].

По мнению некоторых авторов, уровень квалификации, в свою очередь, находится в обратной зависимости от ручных и рутинных и в прямой зависимости от умственных и автоматизированных трудовых операций [11].

Данные факторы, как уже отмечалось выше, приводят к изменению характера занятости. Общепринятой среди исследователей является классификация на стандартные (официальный наемный труд на постоянной основе на полный рабочий день) и нестандартные (отклоняющиеся по тем или иным признакам от стандартных) формы занятости [12]. Все формы занятости можно классифицировать по статусу занятости и режиму трудоустройства.

По сущностному содержанию статуса занятости существует две точки зрения. Если по архаичному характеру внутрисемейной занятости (преимущественно натурального или полунатурального характера), а также по про-

грессивному характеру работодателей (самозанятых с собственными работниками) среди экспертов наблюдается единодушие, то по характеру индивидуальной самозанятости в противовес наемному труду есть разногласия. По первой точке зрения самозанятость представляет собой малоодоходную, вынужденную деятельность вытесненных из сферы наемного труда малообразованных работников [13]. Согласно второму подходу самозанятость может представлять собой инновационную деятельность высокодоходных и высокообразованных фрилансеров, которых не устраивают ограничения в сфере наемного труда [14–16].

К понятию содержания таких форм нестандартной занятости, как временная и неполная занятость, существует два подхода [17]. По первому подходу режим временной и неполной занятости представляет собой выбор работодателями выгодного для них использования рабочего времени в ущерб интересам работников в условиях их слабой конкурентной позиции [18]. По второму подходу временная и неполная занятость может быть добровольным решением высококвалифицированных и востребованных на рынке труда фрилансеров в целях получения более удобного графика занятости [19].

На взаимосвязь неформальной занятости и нестандартных форм занятости тоже имеется две точки зрения. По первой позиции неформальный сектор тесно связан с нестандартными формами занятости [20] и гибким нестабильным использованием рабочей силы [21]. По второй позиции формальный сектор также может иметь черты нестандартности (например, занятость на временной основе [22]), а неформальный сектор не обязательно связан с усилением нестандартности [23].

Постановка задачи

Целью статьи является анализ эволюции характера занятости в результате демографических и социально-экономических трансформаций в России. В статье будут рассмотрены демографические трансформации в России в виде изменения возрастной структуры, отраслевая структура занятости по укрупненным категориям сельского хозяйства, промышленности и сферы услуг, профессиональная структура занятости по 8 категориям методики МОТ (руководители, специалисты высшего уровня квалификации, техники и младшие специалисты, служащие по подготовке и оформлению документации, работники по обслуживанию и торговле, ремесленники и рабочие смежных профессий, операторы с водителями и монтажниками, а также неквалифицированные работники сельского, лесного и рыбного хозяйства) с дополнительной авторской классификацией по уровню квалификации и отношения к производственной или непроизводственной сфере. Будет рассмотрена трансформация характера занятости по 4 статусам занятости (наемные работники, работодатели, самозанятые и внутрисемейные работники), стабильности занятости (постоянная или временная работа), полноты занятости (занятость на полный или неполный рабочий день) и степени легальности (формальная или неформальная занятость).

Методом исследования данной статьи выбрано описательное выявление основных теоретических подходов к сущностным аспектам характера занятости и проведение их практической проверки путем статистического анализа на основе мировой статистики МОТ, ОЭСР и ВБ во взаимосвязи с важными этапами социально-экономического развития России после 1991 г. По теоретическому заданию из предыдущего параграфа на основе описательного анализа делается вывод, что существует два основных взгляда на сущностный характер нестандартных форм занятости: либо как вынужденная мера малоквалифицированных и низкооплачиваемых работников со слабой конкурентной позицией на рынке труда по получению трудоустройства путем снижения затрат для работодателя, либо как добровольное решение высококвалифицированных и высокооплачиваемых работников с сильной конкурентной позицией на рынке труда для получения удобного графика работы и увеличения объема свободного времени без снижения уровня дохода. Данные подходы проверяются путем сравнительно-статистического анализа динамики форм занятости в периоды экономических подъемов и кризисов в России. Одновременно проводится анализ, как сосуществуют различные формы занятости в одни и те же исторические периоды не только по величине, но и по вектору изменения.

Результаты

Для России в целом характерно уменьшение доли молодежи и увеличение доли пожилых людей среди трудоспособного населения (несмотря на отмеченную авторами низкую продолжительность жизни). В 2010-х гг. наблюдалось определенное увеличение доли молодежи с 20 до 27%, которое, однако, не компенсирует долговременную тенденцию.

Это, с одной стороны, приводит к росту численности людей с повышенной конкурентоспособностью как сложившихся специалистов на рынке труда, а с другой – к большей приверженности старым социально-трудовым практикам и меньшей восприимчивости к инновациям.

Россия по сравнению с высокоразвитыми странами имеет более низкую долю пожилых людей и более высокую долю молодежи, т.е. отстает в плане демографических трансформаций.

Россия в целом повторяет общемировую тенденцию по снижению доли занятых в производительном секторе с одновременным увеличением доли занятых в сфере услуг. Хотя данная динамика носит долгосрочный тренд вне зависимости от периодов экономических подъемов и спадов, однако с/х росло в 1900-е гг., а сфера услуг и с/х имели локальный всплеск в 1998–1999 гг.

По сравнению с высокоразвитыми странами Россия имеет более высокий уровень занятости в промышленности и с/х и меньший уровень занятости в сфере услуг, т.е. отстает в плане замещения производственного сектора непроизводственным.

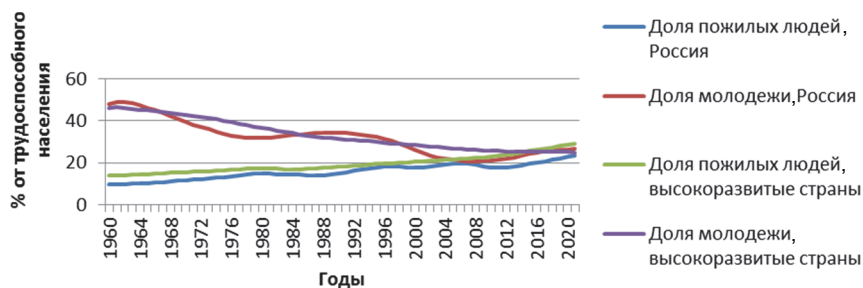

Рис. 1. Возрастная структура трудоспособного населения в России¹

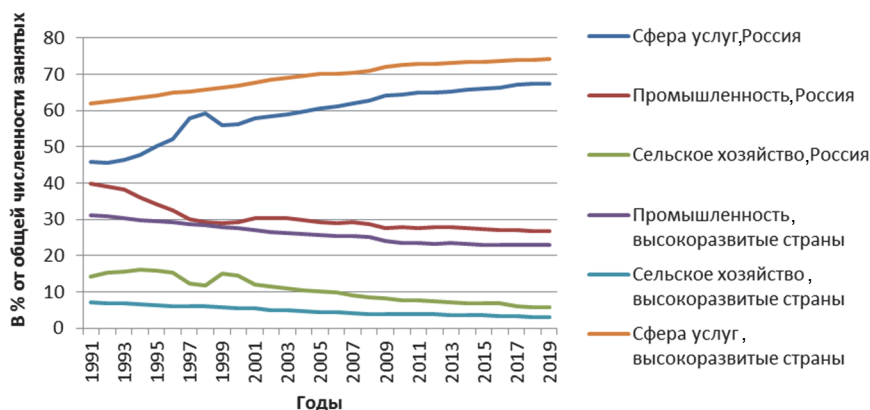

Рис. 2. Отраслевая структура занятости в России²

С 2010 по 2021 г. доля работников обслуживания и торговли выросла с 15,3 до 17,1%. Доля служащих по подготовке и оформлению документов незначительно снизилась – с 3,3 до 3,2%. Доля руководителей, напротив, увеличилась с 6,4 до 7,4%. Доля непромышленного персонала в целом увеличивалась.

¹ Age dependency ratio, young (% of working-age population) // The World Bank. 2023. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.DPND.YG> (access date: 17.01.2023); Age dependency ratio, old (% of working-age population) // The World Bank. 2023. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.DPND.OL> (дата обращения: 17.01.2023).

² Employment in services, total (% of total employment) (modeled ILO estimate) // The World Bank. 2023. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SL.SRV.EMPL.ZS> (access date: 17.01.2023); Employment in industry, total (% of total employment) (modeled ILO estimate) // The World Bank. 2023. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SL.IND.EMPL.ZS> (access date: 17.01.2023); Employment in agriculture, total (% of total employment) (modeled ILO estimate) // The World Bank. 2023. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SL.AGR.EMPL.ZS> (дата обращения: 17.01.2023).

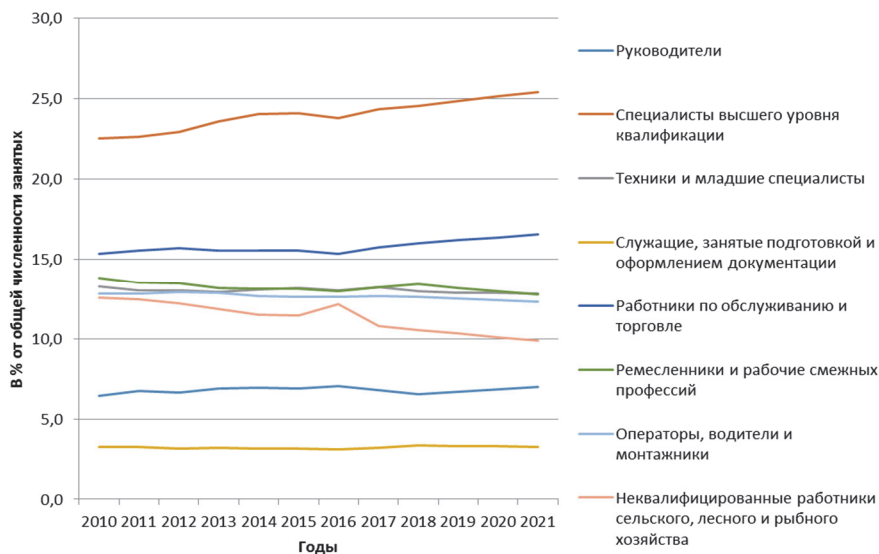

Рис. 3. Профессиональная структура занятости в России¹

Доля специалистов высшего уровня квалификации увеличилась с 22,5 до 26,3%. Доля техников и младших специалистов (которых относят к среднему уровню квалификации) уменьшилась с 13,3 до 12,6%. Доля ремесленников и рабочих смежных профессий уменьшилась с 13,8 до 12,2%. Доля операторов, водителей и монтажников снизилась с 12,8 до 12,0%. Доля неквалифицированных работников сельского, лесного и рыбного хозяйства уменьшилась с 12,5 до 9,2%. В целом, происходило увеличение доли высококвалифицированного персонала, снижение доли среднеквалифицированного и низкоквалифицированного персонала на фоне сокращения доли как рутинных (операторов, водителей и монтажников), так и ручных операций (ремесленники и рабочие смежных профессий).

По сравнению с высокоразвитыми странами в России ниже доля производственного персонала, а точнее, канцелярских работников и работников сферы обслуживания и торговли при увеличении доли руководителей до уровня высокоразвитых стран. При этом выше доля специалистов высшего уровня квалификации; ниже доля техников и младших специалистов; заметно выше доля ремесленников и рабочих смежных профессий, заметно выше доля операторов, водителей и монтажников, стала ниже доля неквалифицированных работников. Положение России на фоне развитых стран отличается определенными противоречиями: при более высокой доле специалистов с высшим уровнем квалификации наблюдается повышенный уровень рутинных и ручных операций. Видимо, при концентрации умственных

¹ Employment statistics. Employment distribution by occupation (by sex) – ILO modelled estimates // ILOstat. 2023. URL: <https://ilostat.ilo.org/topics/employment/> (дата обращения: 17.01.2023).

и интеллектуальных трудовых операций среди высококвалифицированных работников остальной персонал вытесняется в сферу рутинных и ручных операций – происходит усиление дифференциации трудовых траекторий по характеру производственных операций.

Статистика МОТ по России не подтверждает мнение ряда авторов об усилении доли прекаризованной рабочей силы в результате технологических трансформаций, а, напротив, свидетельствует о смещении занятости в сторону высококвалифицированного труда. Также пример России не подтверждает мнение некоторых авторов об обратной связи между уровнем квалификации, с одной стороны, и интеллектуализацией и автоматизацией трудовых операций – с другой.

Данные наблюдения могут влиять на формирование характера занятости по двум причинам. Во-первых, высококвалифицированные работники имеют более высокий вес на рынке труда и соответственно в меньшей степени подвержены риску прекаризации (которую некоторые исследователи тесно увязывают с нестандартными формами занятости [24]). Во-вторых, для работодателей выгодней использовать более ценных работников на постоянной основе с загрузкой на полный рабочий день.

Рассмотрим, как отмеченные выше трансформации на рынке труда России изменили формы занятости.

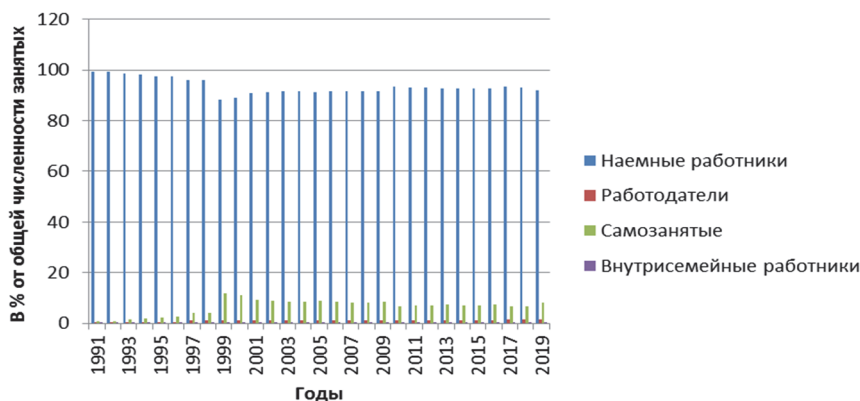

Рис. 4. Статус занятости в России¹

¹ Wage and Salaried Workers, total (% of total employment) (modeled ILO estimate) // The World Bank. 2023. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SL.EMP.WORK.ZS> (дата обращения: 17.01.2023); Employers, total (% of total employment) (modeled ILO estimate) // The World Bank. 2023. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SL.EMP.MPYR.ZS> (дата обращения: 17.01.2023); Self-employed, total (% of total employment) (modeled ILO estimate) // The World Bank. 2023. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SL.EMP.SELF.ZS> (access date: 17.01.2023); Contributing family workers, total (% of total employment) (modeled ILO estimate) // The World Bank. 2023. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SL.FAM.WORK.ZS> (дата обращения: 17.01.2023).

С 1991 по 2019 г. доля наемного труда уменьшилась с 99,3 до 91,8%, стабильно снижалась в 1990-е гг., имела минимальный уровень в 1999 г. в 88,3%, с 2000 по 2008 г. увеличилась и держалась на уровне 91–92%, а после небольшого провала в 2009 г. держалась на уровне 92–93%.

Доля работодателей увеличилась с 0,1 до 1,5%, стабильно увеличивалась до 1997 г., локально уменьшилась в 1998–1999 гг., колебалась в пределах 1,0–1,1% до 2008 г., а после 2008 г. в целом увеличивалась в диапазоне 1,2–1,6%.

Доля самозанятых увеличилась с 0,7 до 8,2%. Динамика самозанятости зеркально противоположна доле наемного труда: стабильно увеличивалась в 1990-е гг., достигла пика в 11,8% в 1999 г., с 2000 по 2008 г. снизилась с 11 до 8%, а после небольшого подъема в 2009 г. держалась на уровне 6–7%.

Доля внутрисемейных работников увеличилась с 0,1 до 0,4%, в 1990-е гг. держалась в диапазоне 0,1–0,15%, достигла пика в 0,17% в 1999 г., в 2000–2008 гг. колебалась около уровня 0,1%, после 2008 г. выросла и находилась в диапазоне 0,3–0,4%.

По сравнению с высокоразвитыми странами в России выше уровень наемного труда, меньше доля работодателей, самозанятых и внутрисемейнозанятых. Россия в большей степени привержена такому статусу стандартной занятости, как наемный труд, в противовес остальным статусам занятости. Данный вывод может иметь два возможных объяснения. Либо подверженная демографическому старению рабочая сила России в большей степени привержена консервативным статусам занятости, но тогда увеличение доли молодежи в 2000-е гг. должно было теоретически усилить долю нестандартных статусов занятости. Либо сущность категории «самозанятость» в России скорее подтверждает первую точку зрения о низкодоходном и малоквалифицированном характере ненаемного труда.

Динамика самозанятых находилась в обратной зависимости от доли наемного труда, иными словами, самозанятые во многом представляли собой ушедших по тем или иным причинам из сферы наемного труда работников. Доля самозанятых (и внутрисемейных работников) в целом уменьшалась в периоды экономического роста и увеличивалась в периоды кризисов – видимо, речь в большей степени шла о вынужденной деятельности, а не о творческом индивидуальном предпринимательстве. Из данного вывода выбивается только тот факт, что после кризиса 2008 г. доля самозанятых уменьшалась, возможно, это связано со стабильным уменьшением доли занятых в сельском хозяйстве (значительная часть из которых была самозанятой). Доля наемного труда в целом увеличивалась в периоды подъемов и уменьшалась в периоды спадов. Единственное исключение – ситуация после 2008 г., когда доля наемного труда увеличивалась. В качестве вероятного предварительного объяснения можно выдвинуть гипотезу, что после кризиса 2008 г. работники стали сильнее удерживаться в наемном труде вместо перехода в сферу самозанятости. По динамике доли работодателей явной тенденции не выявлено, но необходимо отметить, что после 2008 г. доля работодателей тоже увеличивалась. Возможное объяснение: работода-

тели как более крупные формы хозяйствования оказались более устойчивыми к современному финансовому кризису и одновременно с выживанием привлекли к себе часть разорившихся самозанятых в роли наемных работников.

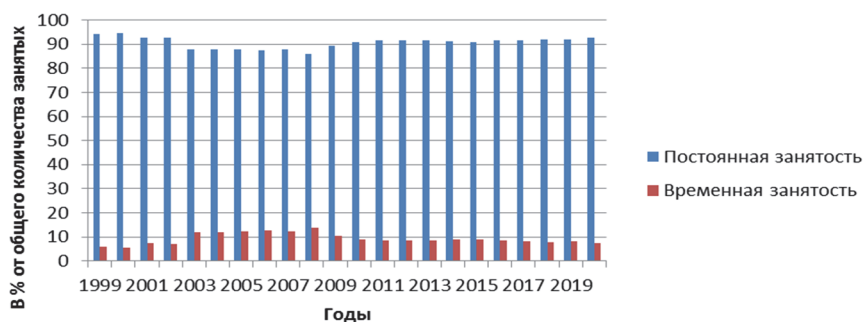

Рис. 5. Постоянство занятости в России¹

С 1999 по 2020 г. доля временной занятости увеличилась с 5,9 до 7,5%. Но на графике четко видно два этапа развития неполной занятости. С 1999 по 2008 г. доля временной занятости в целом стабильно увеличивалась с достижением абсолютного максимума в 13,9% в 2008 г., а с 2009 по 2020 г. в целом стабильно уменьшалась и упала до уровня 7,5% в 2020 г. Временная занятость увеличивалась в период экономического роста и уменьшалась в период кризисов. Данная тенденция скорее подтверждает первую точку зрения о временной занятости как найма малоквалифицированных и менее ценных работников в период расширения производства с последующим увольнением данных работников в периоды рецессии.

В аналогичный период в среднем по ОЭСР доля временной занятости колебалась в диапазоне 11–12%, т.е. была заметно выше в России. Вряд ли ОЭСР имела качество занятости на уровне России, поэтому логичней другое объяснение: в России во временной занятости более высокий уровень низкоквалифицированной и низкооплачиваемой работы сезонного и эпизодического персонала на фоне меньшей доли высококвалифицированной и высокооплачиваемой работы фрилансеров.

С 1992 по 2020 г. доля неполной занятости уменьшилась с 5,2 до 4,1%. При этом ситуация с неполной занятостью намного сложнее, чем с временной. После локального снижения в 1992–1993 гг. с 5,2 до 4,3% доля неполной занятости в 1990-е гг. держалась на уровне 4–5%, резко выросла после кризиса 1998 г. до абсолютного максимума в 8,19% в 1999 г., затем резко упала до 3,8% в 2002 г. Данная тенденция теоретически подтверждает мнение о неполной занятости как форме скрытой безработицы в 1990-е гг. [25],

¹ Permanent temporary employment. Incidence of permanent employment // OECD. Stat.2023. URL: https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=TEMP_I (дата обращения: 17.01.2023).

которая увеличивалась в кризисы и сокращалась в периоды подъемов. Но после 2002 г. начался рост доли неполной занятости. Его можно было бы объяснить приемом на неполный рабочий день малоквалифицированных сотрудников в период экономического подъема, однако уже с 2005 г. в целом началось стабильное снижение доли неполной занятости. Скорее всего, сущность понятия «неполная занятость» трансформировалась в 2000-е гг. Если в 1990-е гг. неполная занятость была способом сохранить рабочее место, в первой половине 2000-х гг. к ней, вероятно, добавились малоквалифицированные работники на период экономического роста, то уже после 2005 г. неполная занятость стала зависеть от самостоятельного решения постоянных работников, которые предпочитали режим полного рабочего времени в условиях сравнительно низких зарплат.

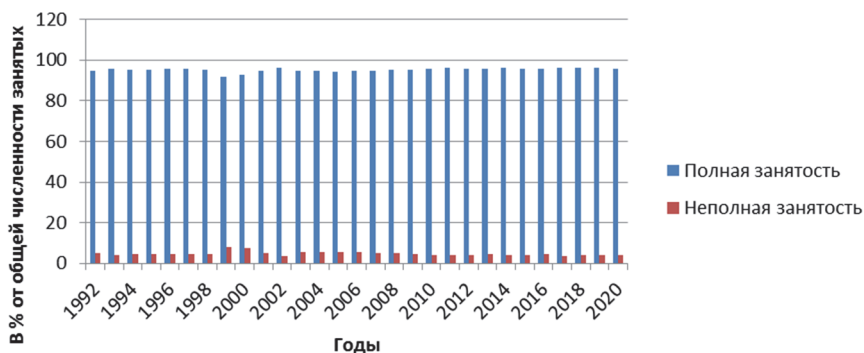

Рис. 6. Полнота занятости в России¹

Данный вывод косвенно подтверждает тот факт, что по доли неполной занятости Россия в целом уступает развитым странам: в среднем по ОЭСР за тот же период доля неполной занятости колебалась в диапазоне 14–17%. Вероятно, в среднем для ОЭСР неполная занятость в большей степени представляла собой высокодоходный и высококвалифицированный труд фрилансеров, поэтому пониженный уровень неполной занятости для России, скорее всего, объясняется повышенной долей низкоквалифицированной и низкооплачиваемой работы в данном режиме трудоустройства.

Стоит, однако, отметить, что в некоторых секторах рынка труда России наблюдается широкое распространение неполной занятости без ее учета и регулирования: например, в сфере высшего профессионального образования значительная часть профессорско-преподавательского состава работает на условиях неполной занятости с разбросом от 0,1 до 0,9 ставки с заключением срочных трудовых договоров на 1–2 года, что свидетельствует о преаризации научно-педагогических работников [26].

¹ Full-time Part-time employment. Incidence of FTPT employment – common definition // OECD. Stat. 2023. URL: https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=FTPTC_I (дата обращения: 17.01.2023).

Россия характеризуется повышенным уровнем неформальной занятости по сравнению с высокоразвитыми странами¹: МОТ в 2018 г. оценивала долю неформальной занятости в России в 35,9%.

В России уровень неформальной занятости заметно выше доли любых форм нестандартной занятости. Таким образом, теоретическая связка нестандартных форм занятости с неформальной занятостью для России в значительной степени не подтверждается. Хотя занятость в России отличается повышенным уровнем неформальной занятости, но при этом работники даже в рамках неформальной занятости обеспечивают себе такие элементы стандартной занятости, как возможность быть наемным работником, являться постоянно занятыми и иметь нагрузку на полный рабочий день.

Если слабую распространенность временной и неполной занятости теоретически можно было бы объяснить консерватизмом стареющей рабочей силы в России, то для повышенного уровня неформальной занятости данное объяснение уже не подходит.

В целом можно сделать вывод, что Россия развивается в общемировом тренде по демографическому старению рабочей силы и смещению занятости в непродуцирующий сектор на фоне повышения квалификации занятого населения. При определенном отставании в сфере демографического старения и отраслевой трансформации Россия характеризуется более сильной дифференциацией рабочих мест по уровню квалификации и характеру трудовых операций (занятость в большей степени концентрируется на двух противоположных секторах: умственного высококвалифицированного труда и ручного физического малоквалифицированного).

После перехода к капитализму основой занятости остается наемный труд, а формы ненаемного труда (кроме работодателей) в большей степени носят переходный вынужденный характер в период рецессий. Россия имеет повышенную долю неформальной занятости, но основу режима функционирования рабочей силы по-прежнему составляет занятость на постоянной основе на полный рабочий день.

Исходя из имеющихся трендов, можно сделать вывод, что в будущем рынок труда России ждет усиление наемного труда на постоянной основе на полный рабочий день как выгодных для работников (влияние которых будет усиливаться в связи со смещением возрастной структуры в сторону более старших возрастов), так и работодателей (в связи с повышением требований к уровню квалификации персонала). При этом возможно определенное повышение доли временной занятости в случае экономического роста. Учитывая, что нестандартные формы занятости в условиях России означают ухудшение качества рабочего места, усиление стандартных форм занятости необходимо рассматривать как положительное явление.

---

¹ Women and men in the informal economy: A statistical picture. International Labour Organization, Geneva, 2018. 156 p. URL: <https://www.wiego.org/sites/default/files/publications/files/Women%20and%20Men%20in%20the%20Informal%20Economy%203rd%20Edition%202018.pdf> (дата обращения: 17.01.2023).

Выводы

Научная новизна статьи заключается в рассмотрении форм занятости как результата совокупного влияния демографических, отраслевых и профессионально-трудовых трансформаций (авторы имеющих работ либо не проводили анализ причин трансформации характера занятости, либо ограничивались ее отдельными аспектами). Анализ проводился за большой временной промежуток с 1992 г. с учетом экономических циклов России, что позволило отследить эволюцию характера занятости с учетом трансформации социально-экономических условий. Было проверено и опровергнуто мнение ряда авторов об усилении в России нестандартных форм занятости. Был проведен одновременный анализ изменений всех форм занятости, что позволило выявить российскую специфику сочетания неформальной занятости со всеми формами стандартной занятости (данное наблюдение опровергает мнение ряда авторов о тесной связи неформальной занятости с остальными формами нестандартной занятости).

Теоретическое значение исследования заключается в систематизации форм занятости, обобщении имеющегося теоретического задела по динамике нестандартной занятости и систематизации причин трансформации характера занятости в постсоветской России с выделением различных взглядов на сущностный характер форм занятости с точки зрения качества трудовой жизни.

Перспективами дальнейших научных разработок в данном направлении является углубленный анализ качества трудовой жизни отдельных категорий работающих, которые задействованы одновременно в разных формах нестандартной занятости, с выявлением их позиций на рынке труда и личностных предпочтений.

Список источников

1. Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И. Нестандартная занятость и российский рынок труда // Вопросы экономики. 2006. № 1. С. 122–143.
2. Севастьянова О.В., Верна В.В. Проблемы реализации концепции достойного труда в России // Human Progress. 2019. Т. 5, вып. 6.
3. Пинтаева М.Ю. Исследования стандартной и нестандартной занятости в России // Мировая наука. 2019. № 9 (30). С. 215–220.
4. Lewandowski P., Keister R., Hardy W., Górka S. Ageing of routine jobs in Europe // Economic Systems. 2020. Vol. 44, Is. 4.
5. Вишневский А.В., Андреев Е.М., Захаров С.В., Сакевич В.И., Кваша Е.А., Харьковская Т.Л. Демографические вызовы России. Часть вторая – рождаемость и смертность // Демоскоп Weekly. 4–17.12.2017. № 751–752. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2017/0751/tema04.php> (дата обращения: 17.01.2023).
6. Каравай А.В. Нестандартная занятость в современной России: виды, масштабы, динамика // Социально-трудовые исследования. 2022. № 3 (48). С. 81–93.
7. Гишкаева Л.Л., Азиева Р.Х. Распространение нестандартной занятости как одна из специфик постиндустриальной эпохи // Региональные проблемы преобразования экономики. 2019. № 11 (109). С. 276–282.

8. *Standing G.* The Precariat: The New Dangerous Class. London : Bloomsbury Academic, 2011. 208 p.
9. *Boltanski L., Chiapello E.* The New Spirit of Capitalism. London ; New York :Verso, 2005. 601 p.
10. *Анисимов Р.И., Белова Н.И., Буланова М.Б., Воробьева И.В., Зотова В.А., Колоцова Е.А., Кученкова А.В., Лазенкова А.П., Милованова М.Ю., Ниорадзе Г.В., Тартыгашева Г.В., Тосунян Г.А., Тощенко Ж.Т., Цапко М.С., Шевченко И.О.* Прекарная занятость: истоки, критерии, особенности. М. : Весь мир, 2021. 400 с.
11. *Goos M., Manning A., Salomons A.* Explaining job polarization: Routine-biased technological change and offshoring // *American economic review*. 2014. № 104 (8). P. 2509–2526.
12. *Дымова Н.А., Нехода Е.В.* Тенденции развития занятости в современной экономике // *Вестник Томского государственного университета. Экономика*. 2022. № 50. С. 102–118.
13. *Feng Y., Ren J.* Skill bias, financial frictions, and selection into entrepreneurship // *Journal of Development Economics*. 2023. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0304387823000019?via%3Dihub> (дата обращения: 17.01.2023).
14. *Харченко В.А.* Образ жизни российских фрилансеров: социологический анализ // *Социологические исследования*. 2014. № 4 (360). С. 54–63.
15. *Дашкова Е.С., Горохова Н.В.* Нестандартная занятость в России // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: экономика и управление*. 2014. № 2. С. 19–21.
16. *Marttila T.* Neoliberalism, the Knowledge-Based Economy and the Entrepreneur as Metaphor. The SAGE Handbook of Neoliberalism. London ; Thousand Oaks ; New Delhi ; Singapore : SAGE Publications Ltd., 2018. 720 p.
17. *Burgess J., Connell J.* Vulnerable work and strategies for inclusion: an introduction // *International Journal of Manpower*. 2015. № 36 (6). P. 794–806. URL: <https://www.emerald.com/insight/content/doi/10.1108/IJM-06-2015-0085/full/html> (дата обращения: 17.01.2023).
18. *Базжина В.А., Цыганкова И.В., Никитина О.Ю.* Развитие нестандартных форм занятости в современной России // *Российское предпринимательство*. 2014. № 24 (270). С. 71–86.
19. *Надеева М.А.* Развитие нестандартных форм занятости в современной России // *NOVAINFO.RU*. 2017. Т. 1, № 62. С. 183–189.
20. *Кузнецова И.В.* Неформальность российского рынка труда // *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. 2019. № 25 (2). С. 116–132.
21. *Кубишин Е.С.* Неформальная занятость в России: причины, влияние на экономику и общество, перспективы легализации в пост-коронакризисный период // *Экономика: вчера, сегодня, завтра*. 2020. Т. 10, № 10-1. С. 66–81.
22. *Бобков В.Н.* Неустойчивая занятость в Российской Федерации: состояния и направления снижения // *Народонаселение*. 2019. № 2. С. 91–104.
23. *Маслова Е.В.* Прекарнизация занятости населения в России: угрозы и пути преодоления // *Международный научный вестник (вестник объединения православных ученых)*. 2019. № 4 (24). С. 32–39.
24. *Анисимов Р.И.* Прекарнизированная занятость в России: опыт определения основных индикаторов // *Социологические исследования*. 2019. № 9. С. 64–72.
25. *Перова И.Т.* Скрытая безработица // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 1998. № 6. С. 25–28.
26. *Воронина А.А.* К проблеме неустойчивой занятости научно-педагогических работников // *История науки и техники в современной системе знаний : Шестая ежегодная конференция кафедры истории науки и техники. Екатеринбург : УМЦ УПИ, 2016. С. 34–38.*

References

1. Gimpel'son, V.E. & Kapelyushnikov, R.I. (2006) Nestandartnaya zanyatost' i rossiyskiy rynek truda [Precarious employment and the Russian labor market]. *Voprosy ekonomiki*. 1. pp. 122–143.
2. Sevast'yanova, O.V. & Verna, V.V. (2019) Problemy realizatsii kontseptsii dostoyanogo truda v Rossii [Problems of implementing the concept of decent work in Russia]. *Human Progress*. 5 (6).
3. Pintaeva, M.Yu. (2019) Issledovaniya standartnoy i nestandartnoy zanyatosti v Rossii [Studies of standard and non-standard employment in Russia]. *Mirovaya nauka*. 9 (30). pp. 215–220.
4. Lewandowski, P. et al. (2020) Ageing of routine jobs in Europe. *Economic Systems*. 44 (4).
5. Vishnevskiy, A.V. et al. (2017) Demograficheskie vyzovy Rossii. Chast' vtoraya – rozhdaiemost' i smertnost' [Demographic challenges of Russia. Part two – fertility and mortality]. *Demoskop Weekly*. 4–17 December. 751–752. [Online] Available from: <http://www.demoscope.ru/weekly/2017/0751/tema04.php> (Accessed: 17.01.2023).
6. Karavay, A.V. (2022) Nestandartnaya zanyatost' v sovremennoy Rossii: vidy, masshtaby, dinamika [Precarious employment in modern Russia: types, scales, dynamics]. *Sotsial'no-trudovye issledovaniya*. 3 (48). pp. 81–93.
7. Gishkaeva, L.L. & Azieva, R.Kh. (2019) Rasprostranenie nestandartnoy zanyatosti kak odna iz spetsifik postindustrial'noy epokhi [The spread of non-standard employment as one of the specific features of the post-industrial era]. *Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki*. 11 (109). pp. 276–282.
8. Standing, G. (2011) *The Precariat: The New Dangerous Class*. London: Bloomsbury Academic.
9. Boltanski, L. & Chiapello, E. (2005) *The New Spirit of Capitalism*. London; New York: Verso.
10. Anisimov, R.I. et al. (2021) *Prekarnaya zanyatost': istoki, kriterii, osobennosti* [Precarious employment: origins, criteria, features]. Moscow: Ves' mir.
11. Goos, M., Manning, A. & Salomons, A. (2014) Explaining job polarization: Routine-biased technological change and offshoring. *American Economic Review*. 104 (8). pp. 2509–2526.
12. Dymova, I.A. & Nekhoda, E.V. (2022) Trends in employment development in the modern economy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 57. pp. 102–118. (In Russian), doi: 10.17223/19988648/57/7
13. Feng, Y. & Ren, J. (2023) Skill bias, financial frictions, and selection into entrepreneurship. *Journal of Development Economics*. [Online] Available from: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0304387823000019?via%3Dihub> (Accessed 17.01.2023).
14. Kharchenko, V.A. (2014) Obraz zhizni rossiyskikh frilanserov: sotsiologicheskii analiz [Lifestyle of Russian freelancers: sociological analysis]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 4 (360). pp. 54–63.
15. Dashkova, E.S. & Gorokhova, N.V. (2014) Nestandartnaya zanyatost' v Rossii [Non-standard employment in Russia]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: ekonomika i upravlenie*. 2. pp. 19–21.
16. Marttila, T. (2018) *Neoliberalism, the Knowledge-Based Economy and the Entrepreneur as Metaphor. The SAGE Handbook of Neoliberalism*. London; Thousand Oaks; New Delhi; Singapore: SAGE Publications Ltd.
17. Burgess, J. & Connell, J. (2015) Vulnerable work and strategies for inclusion: an introduction. *International Journal of Manpower*. 36 (6). pp. 794–806. [Online] Available from: <https://www.emerald.com/insight/content/doi/10.1108/IJM-06-2015-0085/full/html> (Accessed: 17.01.2023).

18. Bazzhina, V.A., Tsygankova, I.V. & Nikitina, O.Yu. (2014) Razvitie nestandartnykh form zanyatosti v sovremennoy Rossii [Development of non-standard forms of employment in modern Russia]. *Rossiyskoe predprinimatel'stvo*. 24 (270). pp. 71–86.

19. Nadeeva, M.A. (2017) Razvitie nestandartnykh form zanyatosti v sovremennoy Rossii [Development of non-standard forms of employment in modern Russia]. *NOVAINFO.RU*. 1 (62). pp. 183–189.

20. Kuznetsova, I.V. (2019) Neformal'nost' rossiyskogo rynka truda [Informality of the Russian labor market]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya*. 25 (2). pp. 116–132.

21. Kubishin, E.S. (2020) Neformal'naya zanyatost' v Rossii: prichiny, vliyaniye na ekonomiku i obshchestvo, perspektivy legalizatsii v post-koronakrizisnyy period [Informal employment in Russia: causes, impact on the economy and society, prospects for legalization in the post-COVID-19 crisis period]. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra*. 10 (10-1). pp. 66–81.

22. Bobkov, V.N. (2019) Neustoychivaya zanyatost' v Rossiyskoy Federatsii: sostoyaniya i napravleniya snizheniya [Precarious employment in the Russian Federation: conditions and directions of reduction]. *Narodonaselenie*. 2. pp. 91–104.

23. Maslova, E.V. (2019) Prekarizatsiya zanyatosti naseleniya v Rossii: ugrozy i puti preodoleniya [Precarization of employment in Russia: threats and ways to overcome]. *Mezhdunarodnyy nauchnyy vestnik (Vestnik ob"edineniya pravoslavnykh uchenykh)*. 4 (24). pp. 32–39.

24. Anisimov, R.I. (2019) Prekarizirovannaya zanyatost' v Rossii: opyt opredeleniya osnovnykh indikatorov [Precarious employment in Russia: experience in determining the main indicators]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 9. pp. 64–72.

25. Perova, I.T. (1998) Skrytaya bezrobotitsa [Hidden unemployment]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 6. pp. 25–28.

26. Voronina, A.A. (2016) K probleme neustoychivoy zanyatosti nauchno-pedagogicheskikh rabotnikov [On the problem of precarious employment of scientific and pedagogical workers]. In: *Istoriya nauki i tekhniki v sovremennoy sisteme znaniy: Shestaya ezhegodnaya konferentsiya kafedry Istorii nauki i tekhniki* [History of science and technology in the modern system of knowledge: Sixth annual conference of the Department of History of Science and Technology]. Yekaterinburg: UMTs UPI. pp. 34–38.

Информация об авторе:

Бабышев В.Ю. – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической безопасности Института системной интеграции и безопасности, Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники (Томск, Россия). E-mail: vacheslav84@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.Yu. Babyshev, Cand. Sci. (Economics), associate professor, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vacheslav84@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.01.2024;
одобрена после рецензирования 02.05.2024; принята к публикации 15.05.2024.*

*The article was submitted 15.01.2024;
approved after reviewing 02.05.2024; accepted for publication 15.05.2024.*

Научная статья
УДК 331.5.024.5
doi: 10.17223/19988648/66/10

Эволюция нормативно-правовых аспектов в сфере борьбы с молодёжной безработицей в России

Мария Сергеевна Брюсянина¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, brusyaninamaria@gmail.com*

Аннотация. Разные периоды социально-экономического развития страны требуют от государства гибкого подхода к уязвимым категориям на рынке труда. Именно рынок труда в первую очередь реагирует на кризисные процессы, что мгновенно сказывается на работниках без опыта, с минимальным опытом трудовой деятельности или с недостаточным сформированными профессиональными компетенциями. Категория молодежи является, с одной стороны, уязвимой, а с другой – группой населения, которая наиболее быстрыми темпами адаптируется к меняющимся условиям. Государство обеспечивает социализацию молодежи в трудовой сфере посредством законов, программ и иных нормативно-правовых актов в сфере занятости. Именно они являются «каркасом», на котором базируются ценности, мотивация и действия молодежи на рынке труда в периоды кризисов. В обратном случае мы наблюдаем стремительный рост молодёжной безработицы, неформальной занятости, уход в теневой сектор, дисбаланс рынка труда и т.д. За период с 1990-х гг. по настоящее время проанализированы ключевые нормативно-правовые документы в сфере занятости, направленные на борьбу с безработицей и, в частности, с молодёжной безработицей, выявлены характеристики, особенности отдельных этапов развития рынка труда в России, недостатки и требуемые изменения в правовой сфере обеспечения занятости молодежи.

Ключевые слова: рынок труда, безработица, молодёжная безработица, молодёжная занятость, государственная политика

Для цитирования: Брюсянина М.С. Эволюция нормативно-правовых аспектов в сфере борьбы с молодёжной безработицей в России // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2024. № 66. С. 149–160. doi: 10.17223/19988648/66/10

Original article

The evolution of legal and regulatory aspects in the fight against youth unemployment in Russia

Mariya S. Brusyanina¹

¹ *National Research Tomsk State University,
Tomsk, Russian Federation, brusyaninamaria@gmail.com*

Abstract. Some periods of the country's social-economic development require the state to use a flexible approach to vulnerable categories in the labor market. That is why the

labor market is the first to respond to the crisis processes which immediately affect the workers without experience, with a minimal work experience, and with insufficient professional competences. The youth category is, on the one hand, vulnerable, but, on the other hand, it is the group that most rapidly adapts to changing conditions. The state provides the young people's socialization in employment through legislation, programs and other normative-legal acts in the field of employment. They are a "frame" to the values, motivation and actions of the youth in case of crises; otherwise, an increase in youth unemployment, informal employment, care in the informal sector is observed, yet contributing to the growth of initiatives to develop leadership and professional qualities. For the period from the 1990s to the present, key regulatory documents in the field of employment aimed at combating unemployment were analyzed, and also the characteristics and features of individual stages of development of the labor market in Russia, shortcomings and required changes in the legal field of youth employment were identified. Taking into account economic, social, and political events taking place in the country, five evolutionary stages in the development of the regulatory framework in the field of regulation of youth employment were identified. The first stage is 1990–1999, which is characterized by the formation of youth policy and the implementation of attempts to strengthen the position of the youth in the labor market. The second stage, 2000–2008, is associated with building a regulatory framework in the field of employment in the country, including the youth. The third stage is 2009–2013, when the basic legal framework in the field of employment was created and specialized documentation for young people in the field of supporting entrepreneurship, project development, etc. was beginning to be formed. The fourth period is 2014–2021. Its beginning saw an economic crisis, and the period is characterized not so much by an increase in unemployment among young people in comparison with the consequences of the 2008 crisis, but by a decreasing in income and a general decline in the population's level and quality of life. The current fifth stage covers the period from 2021 and is currently ongoing; it is marked by a number of changes in the field of employment, active restructuring of the labor market, intensified measures to support young people, especially teenagers, strengthened career guidance activities, changes in the age limits for classifying the population as "youth" at the legislative level. The legal framework contains a significant number of innovations related to hybrid forms of employment, the introduction of labor market monitoring, forecasts and elimination of imbalances in certain sectors of the employment sector.

Keywords: labor market, unemployment, youth unemployment, youth employment, public policy

For citation: Brusyanina, M.S. (2024) The evolution of legal and regulatory aspects in the fight against youth unemployment in Russia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 66. pp. 149–160. (In Russian). doi: 10.17223/19988648/66/10

Понятие «молодежная безработица» не так давно закрепились в российской социально-экономической терминологической практике. Активное исследование данной проблематики в России началось в 2008–2010-х гг., до этого времени встречаются периодические упоминания о проблемах молодежи на рынке труда на фоне всего населения, отмечаются отдельные проблемы выпускников учебных заведений в процессе трудоустройства.

Активизация интереса к проблемам молодежи на рынке труда связана в первую очередь с констатацией роста молодежной безработицы, особенно в периоды экономических кризисов, проблемами включения молодежи в

сферу занятости, слабостью адаптивных мер и мероприятий на рынке труда в период неблагоприятных и сложных ситуаций в стране.

В российской практике меры по борьбе с молодежной безработицей реализуются как в рамках общих мер повышения занятости, так и отдельно в рамках мероприятий молодежной политики.

В России при переходе к рыночной экономике государство столкнулось с тем, что прежние мероприятия по работе с молодежью перестают быть эффективными, а новые не созданы. Кроме того, проблема безработицы в СССР с устранением Бюро занятости в 1930 г. не выделялась вообще, и только принятие в 1990 г. ФЗ «О занятости населения РСФСР» показало, что государство начинает бороться с этой проблемой.

Переходный период в стране особенно остро обнажил проблемы молодежи на рынке труда, требовалось нормативно-правовое обеспечение мероприятий в сфере занятости, выстраивание молодежной политики в целом. Данный период в России оказался довольно затянувшимся: с 1990 по 1999 г.

Ниже представлены эволюционные этапы развития нормативно-правовых аспектов в контексте борьбы с молодежной безработицей в период с 1990 г. по настоящее время.

Первый период – это становление молодежной политики, попытки укрепления позиций молодежи на рынке труда (1990–1999 гг.).

В 1991 г. появился Закон СССР «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР» от 16.04.1991 г., одной из его ключевых задач было улучшение положения молодежи в сфере занятости. В этом законе предусматривалось введение «социальной службы» для молодежи, однако реализована она была позднее [1].

Следующим основополагающим документом в сфере поддержки молодежи на государственном уровне в постреформенный период можно считать Постановление «Об основных направлениях государственной молодежной политики в РФ», которое принято 3 июня 1993 г.

В 1994 г. в России появилось Положение об организации временной занятости безработной молодежи – «Молодежная практика» (принято 22.11.1994 г.), оно действовало до 1997 г. [2]. Данная программа предусматривала мероприятия по временному трудоустройству безработной молодежи в возрасте 16–26 лет, которая находится в официальном статусе безработного более трех месяцев. Срок подобной работы составлял не более полугода и позволял молодому человеку получить определенные навыки и знания. Работа, по сути, являлась стажировкой, впоследствии предприятие могло предложить постоянную работу.

В 1994 г. начала реализацию федеральная программа «Молодежь России» (принята 15.09.1994 г.), которая содержала основные направления повышения занятости молодежи, социальной защиты и поддержки, развития инициативы [3]. Однако данная программа не была реализована в полной мере в силу финансовых трудностей. Впоследствии она имела продолжение в 1998–2000 и 2001–2005 гг., но в дальнейшем, несмотря на подготовленные документы, не была принята и реализована.

В 1995 г. принят ФЗ «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений» (28.06.1995 г.). Его основная роль состояла в выявлении и поддержке на зарождающемся уровне инициативы со стороны молодежи, что способствовало плавной социализации молодежи при вступлении в трудовую жизнь, формированию у нее новых знаний и умений.

Период становления характеризовался выстраиванием законодательной инфраструктуры, однако в основном реализуемые нормативно-правовые документы носили характер «провозглашения» или защиты молодежи, нежели мотивации и активизации, поэтому не имели эффективной отдачи в сфере занятости, так как пассивные меры на рынке труда не стимулируют к действиям. Кроме того, отсутствие четкого определения категории «молодежь», ее роли, возможностей не формировало полного понимания положения данной категории населения, не способствовало усилению активных действий государства в борьбе с безработицей среди молодежи.

Активные меры для борьбы с молодежной безработицей стали появляться после 2000-х гг., естественно, что период до этого времени способствовал уходу молодежи в теневой сектор, неформальную занятость, профессиональное развитие без соответствия полученной специальности, вызывал напряженность на рынке труда.

Второй период – это 2000–2008 гг., которые характеризовались выстраиванием нормативно-правового каркаса в сфере занятости.

В эти годы появляются нормативно-правовые документы, направленные на решение проблем безработицы и занятости среди молодежи:

– Трудовой кодекс Российской Федерации, принятый в 2001 г., обозначил ключевые направления, права и обязанности участников рынка труда. Это один из основополагающих документов, регулирующих взаимодействие работника и работодателя;

– Федеральный закон «Об альтернативной гражданской службе», который появился в 2002 г., был направлен на решение проблем занятости мужской части населения в возрасте 18–27 лет;

– Федеральная целевая программа «Молодежь России» на период 2001–2005 гг. была принята во второй раз, но в большей степени провозглашала, нежели разрешала аспекты молодежной безработицы и занятости;

– «Концепция действий на рынке труда на 2003–2005 годы» определяла основные направления развития данного рынка, а также меры по преодолению сложившихся проблем сферы занятости;

– программы молодежного образовательного форума «Селигер», которые действовали с 2005 до 2013 г., были направлены на активизацию инициативы, развитие проектного мышления у молодежи, коммуникабельности, работы в команде, что является неотъемлемыми компетенциями для дальнейшего включения молодежи в профессиональную сферу;

– Стратегия государственной молодежной политики до 2016 г., принятая в 2006 г., определяла основные направления для развития молодежи, решение ее проблем в плане социализации, занятости и др. [4];

– Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г., принятая в 2008 г., определяла направления развития страны, ее приоритеты. Подобные документы являются основополагающими для более узкоспециализированных нормативно-правовых актов, для понимания общей канвы развития страны.

Период 2000–2008 гг., помимо принятия значительного количества нормативно-правовых документов, характеризовался активизацией общественного и научного интереса к проблемам молодежной безработицы.

Так, в 2006–2007 гг. стала формироваться модель сбора информации о молодежи, основополагающим элементом явились ежегодные государственные доклады о положении молодежи под руководством В.Т. Лисовского. 20 апреля 2001 г. на заседании Государственной Думы парламентских слушаний «О законодательном обеспечении занятости молодежи» участники обозначали одной из ключевых проблем «законодательное обеспечение проблем занятости молодежи» [5, с. 63].

Однако кризис 2008 г. внес коррективы, и потребовался новый комплекс решений, особенно обострилась проблематика молодежной безработицы выпускников, именно эта категория оказалась самой незащищенной на рынке труда. Кризис явился ключевым фактором для создания специализированных мероприятий для выпускников профессиональных учебных заведений. Данные мероприятия были направлены не столько на решение существующих проблем, сколько на причины их возникновения, а также способствовали внедрению молодежи в трудовую сферу на этапе обучения, развитию инициативы, созданию опыта участия в предпринимательских и инновационных проектах.

Активно формируется организационная инфраструктура, например, появляется Молодежный совет Федерального агентства по делам молодежи России в 2009 г., проводятся заседания Государственного совета на тему «О молодежной политике в РФ» и др. Появляются публикации и проходят обсуждения по тематике молодежной безработицы: А.И. Рофе [6, с. 56], Р.Г. Мумладзе [7, с. 128], Ю.М. Остапенко [8, с. 47] и др. Авторы выделяли в основном аспекты молодежной безработицы с акцентом на проблематику безработицы среди выпускников учебных заведений.

Соответственно третий этап – 2009–2013 гг. характеризуется тем, что базовые правовые основы в сфере занятости населения созданы, начинает формироваться специализированная именно для молодежи нормативно-правовая база в сфере поддержки предпринимательства, развития проектов и др.

Таким образом, появившиеся после 2008 г. нормативно-правовые документы имеют активизирующее и мотивирующее направление на поддержку и развитие инициативы у молодежи:

– Указ Президента РФ «О мерах государственной поддержки талантливой молодежи», принятый 29.02.2008 г., направлен на выделение премий на конкурсной основе для поддержки талантливой молодежи в возрасте 14–25 лет;

– Положение «О Федеральном агентстве по делам молодежи», принятое 29.05.2008 г., направлено на реализацию мер поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства среди молодежи страны;

– Указ Президента РФ «О мерах по усилению государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов и докторов наук», принятый 09.02.2009 г., учрежден для поддержки молодых российских ученых кандидатов наук (до 35 лет), докторов наук (до 40 лет) – в виде грантов, выделяемых на конкурсной основе;

– Распоряжение «О создании Молодежного совета Федерального агентства по делам молодежи», принятое 15.05.2009 г., сосредоточено на инициации молодежных проектов в рамках приоритетных направлений развития страны. При этом в состав Молодежного совета входят представители инициативной молодежи 18–30 лет, являющиеся авторами лучших проектов согласно рейтингу Года молодежи;

– Положение «О Всероссийском конкурсе молодежных инновационных проектов на вручение Национальной премии в области инноваций им. В. Зворыкина», принятое 12.03.2010 г., направлено на развитие молодежных инновационных проектов среди граждан 14–30 лет;

– Стратегия инновационного развития РФ на период до 2020 г., принятая 08.12.2011 г., инициирует и оказывает финансовую поддержку инновационной сферы, способствует созданию малых инновационных предприятий и проектов;

– Положение о Всероссийском конкурсе «Молодой предприниматель России-2012», впервые принятое 11.03.2012 г., направлено на поддержку молодежи, реализующей бизнес-проекты, в возрасте 14–30 лет;

– Стратегия развития физической культуры и спорта государств-участников СНГ до 2020 г. принята 30.05.2012 г. и направлена на укрепление здоровья населения, развитие здорового образа жизни, поскольку статистические данные свидетельствовали об ухудшении здоровья молодежи, а молодежь – это базис для следующих поколений;

– Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 гг. принята 01.06.2012 г. Содержит в себе аспекты решения задач социального благополучия, поскольку благоприятная социальная, культурная среда формирует личность, закладывает ценности, создает предпосылки будущего поведения человека в различных областях деятельности, в том числе в профессиональной сфере;

– Концепция общенациональной системы выявления и развития молодых талантов принята 03.04.2012 г. Направлена на максимально широкое проявление и развитие талантов учащейся молодежи;

– Федеральный закон «Об образовании в РФ», принятый 29.12.2012 г., явился основополагающим документов в сфере реализации прав и свобод граждан в процессе получения и развития образовательных траекторий;

– Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования на 2013–2020 годы», принятая 15.05.2013 г., направлена на улучшение и оценку качества провозглашаемых и реализуемых мероприятий в сфере обучения, выявление наиболее эффективных образовательных практик;

– концепция организационно-педагогического сопровождения профессионального самоопределения обучающихся в условиях непрерывности образования разработана 03.08.2013 г. [9]. Данная концепция была представлена на обсуждение и имеет своей целью социализацию и самоопределение молодежи, развитие профессиональных компетенций в трудовой сфере, основываясь в том числе на советском опыте вовлечения молодежи в сферу труда, способствует формированию новых направлений в современных условиях развития сферы молодежной занятости и др.

Таким образом, послекризисный период характеризовался становлением и развитием мер по борьбе с безработицей, повышением занятости молодежи прежде всего через развитие предупредительных мер. На этапе обучения, становления, формирования профессиональных компетенций и навыков молодежь активно «включают» в проекты и государство способствует развитию лидерских, предпринимательских качеств молодежи, ее инициативы, получению опыта командной работы и др.

Кроме того, государство стимулирует и бизнес активнее включать молодежь в трудовую сферу, что подтверждается данными исследований в рамках мониторинга «Бизнес и образование-2009», в котором участвовало более 96 вузов России [10]. Подобная тенденция прослеживается и в законодательном плане: в 2013 г. в Трудовой кодекс РФ были внесены изменения: в ст. 70 ТК РФ говорилось, что «для лиц, не достигших восемнадцати лет, лиц, окончивших образовательные учреждения среднего и высшего профессионального образования и впервые поступающих на работу по полученной специальности, отменяется испытательный срок» [11].

Четвертый период – период 2014–2021 гг. Его начало отмечено экономическим кризисом, однако следует заметить, что наблюдался не столько рост безработицы среди молодежи в сравнении с кризисом 2008 г., сколько падение доходов и общее падение уровня и качества жизни населения [12].

Меры по борьбе с молодежной безработицей данного периода отражены в следующих нормативно-правовых документах: Трудовой кодекс Российской Федерации (в ред. 03.07.2017 г.), ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации» (в ред. от 28.12.2016 г.) [13], концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 г. (утверждена 17.11.2008 г.), основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 г. (утверждены 31.01.2013 г.), «Основы государственной молодежной политики РФ на период до 2025 года» (утверждены 29.11.2014 г.) [14], Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима “Налог на профессиональный доход”» от 27.11.2018 № 422-ФЗ, предусматривающий введение категории «самозанятый», и ряд других.

Период характеризуется корректировкой, усилением поддержки и развития инициативы молодежи на рынке труда, например, понятие «самозанятый» позволило вывести значительную часть населения из теневого сектора занятости. Однако оставался нерешенным ряд методологических проблем,

которые вносили неопределенность, например, существовала разрозненность в отнесении тех или иных возрастных групп к категории «молодежь». На законодательном уровне до конца 2020 г. согласно «Основам государственной молодежной политики РФ на период до 2025 года» к категории «молодежь» относили граждан России от 14 до 30 лет и в некоторых исключительных случаях граждан до 35 и 40 лет. К молодежи до 35 лет относились только молодые ученые – кандидаты наук, а до 40 лет – молодые ученые доктора наук, в рамках молодежного предпринимательства выделялась категория населения только до 30 лет.

Проведенный анализ нормативно-правовых документов, созданных для улучшения положения молодежи на рынке труда в этот период, показал, что в основном мероприятия были направлены на молодежь в возрастных границах 14–30 лет. Обсуждение установления единого критерия отнесения к категории «молодежь» до возраста 35 лет шло уже длительное время.

В итоге данный период заканчивается закреплением статуса молодежи в возрастном периоде 14–35 лет, что отражено в Федеральном законе «О молодежной политике в Российской Федерации» [15]. Согласно статистическим данным, численность населения в стране, относящаяся к категории «молодежь» с учетом изменения возрастных границ, выросла на 31% и составила 41 млн человек в 2021 г. Соответственно увеличились и финансовые вливания в программы по развитию молодежи, активизировалась поддержка молодежи 30–35 лет, что помогло вместе с принятой в этот период пенсионной реформой снизить воздействие на рынок труда таких явлений, как «старение населения», «демографическая яма».

Современный период – период с 2021 г. по настоящее время ознаменован рядом изменений в сфере занятости, начало которым заложила пандемия COVID-19. Особенно стремительно стали развиваться гибридные формы занятости, переток рабочей силы из одной сферы в другую, неизбежно вырос уровень безработицы в стране. Пандемия ускорила рост количества самозанятых, особенно среди молодежи, согласно данным Федеральной налоговой службы на 2022 г., «работающих на себя в возрасте 14–17 лет насчитывается 95 тыс., 18–24 лет – 1,48 млн, 25–29 – 1,09 млн, а 30–35 лет – 1,58 млн граждан России» [16].

В настоящее время факторы, такие как «демографическая яма», связанная с периодом 1990-х гг., пандемия COVID-19 и другие внешние причины, обусловленные экономическим, социальным и политическим контекстом, повлекли усиление нормативно-правовой базы в сфере поддержки занятости и в том числе для молодежи.

Программа содействия занятости молодежи до 2030 г., принятая 14.12.2021 г. [17], направлена на реализацию профессионального, трудового и предпринимательского потенциала молодых людей. Основные ее направления позволяют создавать благоприятные условия для совмещения обучения и трудовой деятельности, предоставления субсидий работодателям, содействия в переезде молодых специалистов в регионы, где наблюдается де-

фицит конкретных специалистов, вовлечения в молодежное предпринимательство. В настоящее время данная программа усилена, поскольку наблюдается значительный уровень безработицы среди молодежи: по данным Росстата, в 1 квартале 2023 г. уровень молодежной безработицы в категории 15–29 лет составлял 7% в сравнении с общим уровнем безработицы в стране 3,1%. Программа предусматривает ежеквартальный мониторинг молодежной безработицы, а также переориентацию сферы образования на подготовку в соответствии с реальными потребностями рынка, поддержание молодежи и работодателей в ряде сфер, связанных с импортозамещением, и др. Особенно обострился дефицит работников рабочих специальностей, специалистов в машиностроении, химическом секторе, строительстве, на транспорте. Активизированы программы подготовки специалистов, профориентация в школах.

Национальный проект «Молодежь России» планируется к реализации в 2024–2025 гг., он призван поддерживать социализацию и самореализацию молодежи, что поможет снижать ее миграцию в другие страны, удерживать в регионах, способствуя реализации в трудовой сфере страны, планируется, что данный национальный проект будет действовать и в период 2026–2030 гг. Реализация проекта будет базироваться на Стратегии молодежной политики в Российской Федерации до 2030 г.

Новая редакция Федерального закона «О занятости» от 12.12.2023 г. [18] предусматривает акцент на молодежь, в том числе обеспечение поддержки несовершеннолетних граждан 14–18 лет, развитие специальных мер по профобучению и дополнительному профобучению, также закреплены понятия самозанятости, платформенной занятости. Закон содержит норму о содействии занятости учащихся в свободное от обучения время, введены новые нормы, такие как временная подработка для зарегистрированных безработных по договору ГПХ без снятия статуса безработного, также к концу 2024 г. будет сформирован прогноз рынка труда для планомерного и гибкого устранения дисбаланса, развития предупредительных мер, снижения безработицы.

Таким образом, можно отметить, что события последних лет особенно ярко подсветили дисбаланс рынка труда, незащищенность уязвимых категорий населения, в том числе молодежи. Данные аспекты стали основанием для поиска наиболее эффективных мер по вовлечению молодежи на рынок труда, обеспечению баланса потребностей сферы занятости и возможностей молодежи. Одним из наиболее целесообразных путей являются мероприятия профориентационного характера, формирование у молодежи интереса и инициативы участия в проектах уже на этапе 14–17 лет, восстановление «института наставничества», соответственно, выращиванию кадров под практические цели и задачи предприятий. В настоящее время наблюдается возврат к ряду мер, которые существовали на рынке труда советского периода, а также внедрены новые направления, связанные с гибкими формами занятости, индивидуальными образовательными траекториями, развитием предпринимательства, изменены возрастные рамки категории «молодежь», что

способствует ее более эффективному вовлечению в социальную и экономическую сферу.

Список источников

1. Об общих началах государственной молодежной политики в СССР: Закон СССР от 16 апреля 1991 г. № 2114-1 // СПС «КонсультантПлюс». М., 1997–2017. URL: <http://www.consultant.ru/cons/CGI/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=5091#0>
2. Положение об организации временной занятости безработной молодежи – «Молодежная практика»: офиц. текст принят Приказом ФСЗ РФ от 22 ноября 1994. № 150 // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6323/
3. О федеральной программе «Молодежь России»: офиц. текст принят Указом Президента РФ от 15 сентября 1994. № 1922 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=219183&dst=100012#0>
4. Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации до 2016 года: офиц. текст принят Постановлением Правительства РФ от 18 декабря 2006 г. № 1760-п // СПС «КонсультантПлюс». URL: www.consultant.ru
5. Занятость молодежи: проблема, выходящая на первый план // Человек и труд. 2001. № 12. С. 63–65.
6. *Рофе А.И.* Экономика труда : учебник. М. : КНОРУС, 2009.
7. *Мумладзе Р.Г.* Экономика и социология труда. М. : КНОРУС, 2008. 328 с.
8. *Остапенко Ю.М.* Экономика труда : учеб. пособие. 2-е изд. М. : ИНФРА-М, 2007. 272 с.
9. Концепция организационно-педагогического сопровождения профессионального самоопределения обучающихся в условиях непрерывности образования / В.И. Блинов, И.С. Сергеев [и др.]. М. : Федеральный институт развития образования: Перо, 2014. 38 с.
10. Мониторинг Российского союза ректоров «Бизнес и образование-2009» Российский союз // Российский союз ректоров. [Б.М.], 2009. URL: <http://www.rsr-online.ru>
11. Трудовой кодекс РФ от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ: офиц. текст принят Гос. Думой Фед. Собр. РФ 21.12.2001 г. (в ред. от 03.07.2016 г.) // СПС «КонсультантПлюс». М., 1997–2024. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/
12. Обследование населения по проблемам занятости 2014 год // Федеральная служба государственной статистики РФ. М., 1999–2024. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_30/Main.htm
13. О занятости населения в Российской Федерации: Закон РФ от 19 апреля 1991 г. № 1032-1: принят Верховным Советом РСФСР (в ред. от 28.12.2016) // СПС «КонсультантПлюс». М., 1997–2024. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60/
14. Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года: офиц. текст принят Постановлением Правительства РФ от 29 ноября 2014. № 2403-п // СПС «КонсультантПлюс». URL: www.consultant.ru
15. О молодежной политике в Российской Федерации : Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ // Официальное опубликование официальных актов. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012300003>
16. Данные Федеральной налоговой службы // Федеральная налоговая служба РФ : сайт. М., 2005–2024. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/about_fts/docs_fts/
17. Долгосрочная программа содействия занятости молодежи на период до 2030 года: распоряжение от 14 декабря 2021 года № 3581-п // Гарант. М., 1990–2024. URL: <https://base.garant.ru/403236100/>
18. О занятости населения в Российской Федерации : Закон РФ от 19 апреля 1991 г. № 1032-1: принят Верховным Советом РСФСР (в ред. от 12.12.2023) // СПС «КонсультантПлюс». М., 1997–2024. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60/

References

1. USSR. (1991) *On the general principles of state youth policy in the USSR: Law of the USSR of April 16, 1991, No. 2114-1*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/CGI/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=5091#0> (In Russian).
2. RF. (1994) *Regulations on the organization of temporary employment of unemployed youth – “Youth practice”*: official text adopted by Order of the Federal Social Protection Service of the Russian Federation dated November 22, 1994, No. 150. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6323/ (In Russian).
3. RF. (1994) *On the federal program “Youth of Russia”*: official text adopted by Decree of the President of the Russian Federation of September 15, 1994, No. 1922. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=219183&dst=100012#0> (In Russian).
4. RF. (2016) *Strategy of state youth policy in the Russian Federation until 2016: official text adopted by the Decree of the Government of the Russian Federation of December 18, 2006, No. 1760-r*. [Online] Available from: www.consultant.ru (In Russian).
5. *Chelovek i trud*. (2001) *Zanyatost' molodezhi: problema, vykhodyashchaya na pervyy plan* [Youth employment: a problem coming to the fore]. 12. pp. 63–65.
6. Rofe, A.I. (2009) *Ekonomika truda* [Labor Economics]. Moscow: KNORUS.
7. Mumladze, R.G. (2008) *Ekonomika i sotsiologiya truda* [Economics and sociology of labor]. Moscow: KNORUS.
8. Ostapenko, Yu.M. (2007) *Ekonomika truda* [Labor Economics]. 2nd ed. Moscow: INFRA-M.
9. Blinov, V.I. et al. (2014) *Kontseptsiya organizatsionno-pedagogicheskogo soprovozhdeniya professional'nogo samoopredeleniya obuchayushchikhsya v usloviyakh nepreryvnosti obrazovaniya* [The concept of organizational and pedagogical support of professional self-determination of students in the conditions of continuity of education]. Moscow: Federal'nyy institut razvitiya obrazovaniya; Pero.
10. Russian Union of Rectors. (2009) *Monitoring Rossiyskogo soyuza rektorov “Biznes i obrazovanie-2009” Rossiyskiy soyuz* [Monitoring of the Russian Union of Rectors “Business and Education-2009” Russian Union]. [Online] Available from: <http://www.rsr-online.ru>
11. RF. (2016) *Labor Code of the Russian Federation of December 30, 2001, No. 197-FZ: official text adopted by the RF State Duma on December 12, 2001 (as amended on July 03, 2016)*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (In Russian).
12. Federal State Statistics Service of the Russian Federation. (2014) *Obsledovanie naseleniya po problemam zanyatosti 2014 god* [Population survey on employment issues in 2014]. [Online] Available from: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_30/Main.htm
13. RF. (2016) *On employment in the Russian Federation: Law of the Russian Federation of April 19, 1991, No. 1032-1: adopted by the Supreme Council of the RSFSR (as amended on December 28, 2016)*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60/ (In Russian).
14. RF. (2014) *Fundamentals of the state youth policy of the Russian Federation for the period until 2025: official text adopted by the Decree of the Government of the Russian Federation of November 29, 2014, No. 2403-r*. [Online] Available from: www.consultant.ru (In Russian).
15. RF. (2020) *On youth policy in the Russian Federation: Federal Law of December 30, 2020, No. 489-FZ*. [Online] Available from: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012300003> (In Russian).
16. Federal State Statistics Service of the Russian Federation. (2024) *Dannye federal'noy nalogovoy sluzhby* [Data from the federal tax service]. [Online] Available from: https://www.nalog.gov.ru/rn77/about_fts/docs_fts/

17. RF. (2021) *Long-term program to promote youth employment for the period until 2030: order of December 14, 2021 No. 3581-r*. [Online] Available from: <https://base.garant.ru/403236100/> (In Russian).

18. RF. (2023) *On employment in the Russian Federation: Law of the Russian Federation of April 19, 1991, No. 1032-1: adopted by the Supreme Council of the RSFSR (as amended on December 12, 2023)*. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60/ (In Russian).

Информация об авторе:

Брусянина М.С. – кандидат экономических наук, доцент, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия). E-mail: brusyaninamaria@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

M.S. Brusyanina, Cand. Sci. (Economics), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: brusyaninamaria@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 09.02.2024;
одобрена после рецензирования 02.05.2024; принята к публикации 15.05.2024.*

*The article was submitted 09.02.2024;
approved after reviewing 02.05.2024; accepted for publication 15.05.2024.*

Научная статья
УДК 331.103
doi: 10.17223/19988648/66/11

Развитие организационной модели труда в современных условиях: тенденции и эффекты

Пань Ли¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, 549074437@qq.com*

Аннотация. Результаты эффективной организации труда улучшают безопасность, качество жизни работников и повышают производительность. Глобализация и цифровизация резко изменяют и значимо влияют на организацию труда. Однако в настоящее время наблюдается недостаточно исследований с точки зрения фундамента процесса труда и его организации – совместной деятельности. В статье анализируется, каким образом совместная деятельность оказывает значимое влияние на эволюцию организации труда и факторы, влияющие на ее развитие в условиях цифровизации. Результаты показывают, что с внедрением цифровых мобильных технологий модель организации труда выходит за рамки традиционной концепции управления, основанной на жесткой иерархии и менеджерского контроля. Реализация же гибких моделей организации труда возможна только лишь на основе новых методов управления и развития работников. В частности, в практике платформенной занятости, набирающей стремительные темпы распространения по всему миру, при отсутствии этих условий возникает множество опасений в отношении будущей работы, связанных с особенностями Индустрии 4.0, основанной на цифровых технологиях.

Ключевые слова: совместная деятельность, организация труда, автономия работников и самореализация, расширение прав и возможностей, платформенная занятость, гиг-занятость

Для цитирования: Пань Ли. Развитие организационной модели труда в современных условиях: тенденции и эффекты // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2024. № 66. С. 161–183. doi: 10.17223/19988648/66/11

Original article

Development of the organizational model of work in modern conditions: Trends and effects

Pan Li¹

¹ *National Research Tomsk State University,
Tomsk, Russian Federation, 549074437@qq.com*

Abstract. The results of effective work organization improve safety and the workers' quality of life, and increase productivity. Globalisation and digitalization are dramatically changing and meaningfully affecting the organization of work. However, there is

currently a lack of research in terms of the foundation of the labor process and its organization – co-operative activity. The article analyses how co-operative activity has a significant impact on the evolution of work organization and the factors influencing its development in a digitized environment. The results show that with the introduction of digital mobile technologies, the work organization model goes beyond the traditional management concept based on rigid hierarchy and managerial control. The implementation of flexible models of labor organization is possible only on the basis of new methods of management and development of employees, particularly in the practice of platform employment, which is gaining rapid traction around the world. In the absence of these conditions, there are many fears about future work related to the features of industry 4.0, which is based on digital technologies.

Keywords: co-operative activity, organization of work, autonomy and self-actualization, empowerment, platform employment, flexible employment

For citation: Pan Li. (2024) Development of the organizational model of work in modern conditions: Trends and effects. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 66. pp. 161–183. (In Russian). doi: 10.17223/19988648/66/11

Введение

Организация труда является ключевым фактором, поддерживающим развитие экономики и бизнеса, оказывая значимое влияние на производительность, инновации, условия труда и благосостояние работников [1]. С точки зрения «рабочей системы» Дж. Кордери и С.К. Паркер определяют организацию труда как способ организации и координации задач. С тех пор как Адам Смит предложил теорию разделения труда, организация труда играет главную роль в управлении и оптимизации рабочей системы [2].

В условиях бурного развития цифровых технологий за последние десять лет платформенные компании и их экосистемы становятся эмblemатическими формами организаций [3], организация труда переходит к цифровой, характеризующейся более гибкими формами, новыми нормами организации и виртуальной средой при изменении традиционных элементов труда и трудового процесса [4]. При этом обеспечение работы, подготовка навыков и развитие карьеры в условиях традиционной организации труда сталкиваются с беспрецедентными проблемами [5].

С повсеместным внедрением цифровых технологий переход от индустриальной экономики к цифровой стал переломом в развитии организации труда. У. Хувс отметил, что с 2007–2008 гг. парадигма организации труда стала переходить от долгосрочной, нормативной модели к «logged»-модели, характеризующейся нестабильностью и развитием нестандартной занятости [6], что предвещает конец традиционной организационной модели труда. Организация труда обычно означает более широкий подход, связывающий работу с организационной средой [2]. В общем контексте на основе рассмотрения эволюции организации труда И. Краузе считает, что цифровые технологии создают новую модель экономики и виртуальное пространство совместного использования ресурсов, усиливающее совместную деятельность (coworking), управление которой становится базовой моделью организации труда [7].

Помимо технологического прогресса, основные факторы, влияющие на развитие новой модели организации труда, являются весьма разнообразными: это и демографическая структура, потребительское поведение, финансиализация промышленности, политические и социальные преобразования [8]. В аспекте же эволюции институциональной среды определяющим фактором, влияющим на развитие организации труда, является формирование нового общественного договора, основанного на переговорах между трудом, капиталом и правительством [9].

В целом же в настоящее время в исследованиях в этой области отсутствуют аспекты фундаментальных характеристик труда, к которым относится совместная деятельность.

Совместная деятельность представляет фундамент процесса труда, исследование которой позволяет лучше понять процессы формирования новой модели организации труда. В статье анализируются трансформация совместной деятельности и эволюция моделей организации труда в условиях разных систем производства и управленческих моделей, также раскрываются закономерности развития организационных моделей труда. Рассматриваются основные характеристики совместной деятельности в современных условиях и факторы, влияющие на развитие новой модели организации труда. В настоящем исследовании сформулирована и протестирована гипотеза на основе данных бизнеса ЕС.

Роль совместной деятельности в процессе труда

Организация труда является основой взаимодействия работников друг с другом и со средствами производства, предметами труда. Данный процесс осуществляется и управляется человеком (группой людей) на основе совместной деятельности. Эффективная организация труда невозможна без понимания сути совместной деятельности людей в процессе производства благ / оказания услуг.

Вообще, понятие совместной деятельности в процессе труда впервые появилось в концепции кооперации Карла Маркса. Карл Маркс дает определение кооперации в первом томе «Капитала»: «...та форма труда, при которой много лиц планомерно работает рядом и во взаимодействии друг с другом в одном и том же процессе производства или в разных, но связанных между собой процессах производства, называется кооперацией» [10]. С точки зрения эволюции К. Маркс отметил, что кооперация исторически и логически является отправной точкой капиталистического производства. Между тем, К. Маркс наследовал и расширил теорию разделения труда Адам Смита, подчеркивая, что разделение труда является особой формой кооперации, уровень которой определяет верхний предел организационной эффективности [11]. В рамках теории кооперации К. Маркса формы совместной деятельности прошли три основных этапа эволюции: простая кооперация, цеховое и машинное производство. Трансформация форм совместной деятельности способствовала развитию человека в трудовой деятельности: статус

работников начал делиться на рабочий и административный, появляется разделение на физический и умственный труд [12, 13].

Однако развитие субъекта труда – человека – у К. Маркса ограничивалось технологическим уровнем производства. В долгосрочной перспективе технический прогресс обеспечивает общий контекст эволюции организации труда и трансформации совместной деятельности, стимулируя изменения в формах организации, системах производства и моделях управления (табл. 1). По мере развития промышленных революций кардинально менялись формы совместной деятельности: от совместно-последовательной, совместно-индивидуальной, совместно-творческой и коллегиальной, определявшие, в свою очередь, модели организации труда.

Таблица 1. Сравнение организационных моделей труда и соответствующие формы совместной деятельности

Форма организации	Промышленная компания			Платформенные компании и их экосистемы
	Тейлоризм	Фордизм	Тойотизм	Платформизм
Система производства				
Ключевые производственные ресурсы	Физический (материально-вещественный) и финансовый капитал		Человеческий и интеллектуальный капитал	
Структура занятости	Обрабатывающий сектор		Сфера услуг	Экосистема продуктов и услуг
Характеристика модели занятости	Фиксированное трудоустройство в компании		Фиксированное трудоустройство, гибкие контракты	Гибкая занятость
Модель организации труда и ее общие характеристики	Механическая модель		Мотивационная	Сотрудническая
	Ориентация на контроль над процессом труда. Отделение управленческого труда от процесса фактического выполнения работы. Стандартизация продукции и производства. Тяжелые условия труда. Иерархическая организация		Ориентация на участие работников в управлении и внутреннюю мотивацию. Соединение функций физического и умственного труда. Плоская иерархия	Ориентация на совместно-творческую деятельность. Самоуправляемые группы. Временная кооперация. Стимулирование самореализации

Форма организации	Промышленная компания			Платформенные компании и их экосистемы
Система производства	Тейлоризм	Фордизм	Тойотизм	Платформизм
Тип совместной деятельности и общие характеристики	Совместно-последовательный	Совместно-индивидуальный	Совместно-творческий	Коллегиальный
	Работа ведется на индивидуальном уровне. Определенный порядок участия каждого по нормам, правилам, инструкциям	Производительность каждого зависит от других. Индивидуальные особенности и профессиональная позиция каждого работника. Собственные цели и ценности	Командная работа. Возможность участия в инновационной работе и различных способах деятельности. Частичная автономии	Виртуальная командная работа. Сотрудничество и доверие на основе цифровых технологий. Высокая автономия
Вызванные проблемы в труде	Контроль руководством над способами и скоростью выполнения задач вызывает высокую текучесть кадров и низкий дух работников	Низкое качество и обслуживание. Низкое участие работников. Отсутствие сотрудничества	Трудность управления работников умственного труда, требующих высокой степени автономии	Обеспечение работы, подготовка навыков и развитие карьеры в традиционной организации труда изменены

Источник: составлено автором.

Механическая модель организации труда и формы совместной деятельности

Тейлоризм и фордизм представляют собой продукты индустриализации (более раннего и зрелого этапов соответственно), направленные в первую очередь на обеспечение результатов, связанных с эффективностью и дальнейшей интеграцией производства [14]. В этих системах производства в основном функционирует механическая модель организации труда, которая контролирует и координирует выполнение задач согласно жестким формальным правилам и стандартным оперативным процедурам, являясь доминирующей моделью организации труда XX столетия. Такая модель организации труда ориентирована на разделение труда и менеджерский контроль, стремясь к максимальной эффективности. При этом содержание трудовой деятельности характеризуется высокой специализацией и предсказуемостью, низкой изменчивостью, способы выполнения работы – жесткими ограничениями при низком дискреционном праве [2].

Тейлоризм сформировался в начале XX в., разработан главным образом для серийного производства, в котором заняты полуквалифицированные или квалифицированные работники, работающие на оборудовании одноце-

левого назначения или выполняющие ручную работу. Эта система производства применяет принципы научной организации труда, которая глубоко профилирует каждую задачу для проектирования времени и действий работников, включая скорость выполнения работы и даже перерывы, чтобы достичь высокого уровня производительности. В целом тейлоризм характеризуется отделением управленческого труда от процесса фактического выполнения работы и жесткой регламентацией труда исполнителей [15]. Это отражается в двух этапах организации производства: во-первых, исследование времени и движений с помощью современных технологий на тот период времени, в то же время осуществляется сбор трудовых знаний, накопленных работниками в прошлом в качестве личных активов и их передача руководителям; во-вторых, превращение знаний в регламенты, правила и нормы, которые работники физического труда должны соблюдать [16].

В этом контексте форма совместной деятельности характеризуется совместно-последовательным типом, определенным порядком участия каждого работника в процессе труда. Деятельность задается спецификой целей преобразования предметов труда. Участникам свойственны высокая технологическая дисциплина, следование нормам, правилам, инструкциям, положениям. Решения принимаются высшим руководством, рычаг управления – административный ресурс [17]. В совместной трудовой деятельности работа в основном ведется на индивидуальном уровне. Для достижения более высокого уровня производительности работники лишены монополии на знание своих прав и возможностей в процессе труда, что приводит к снижению их роли.

Между тем внедрение дифференцированной сдельной оплаты труда оказало сильнейший эффект: только самые здоровые и квалифицированные работники получают ежедневную заработную плату. В непрерывном процессе отбора и отсеивания назначают работников «на лучшие подходящие виды работы» [14]. Таким образом, широкое применение научной организации труда вызвало побочные эффекты из-за дисфункции, в частности, в виде высокой текучести кадров и низкого духа работников, а также сильного противодействия со стороны профсоюзов [18]. В результате на первом этапе в большей степени доминировал контроль над трудом, который стал основой новой модели организации труда [16].

Система производства фордизм показала эффективность в кризисных (Великая депрессия) и послевоенных условиях (Вторая мировая война), суть которой заключается в стандартизации продукции и производственной системы. Экономические, социальные и политические условия в этот период сформировали ее основные характеристики. Фордизм последовал за научным менеджментом Тейлора, но он предлагал инновацию, основанную на технологическом решении: создание сборочных линий для достижения высокой прибыли на вложенный капитал. В фордистской организации производства задача анализируется по времени и месту работы, действия работников стандартизируются, что позволяет эффективно организовать машины (средства труда) и труд на производстве [19].

Организация труда в этой системе имеет две особенности. С одной стороны, четкое разделение технических и нетехнических целей позволяет рабочей силе делиться на небольшое количество квалифицированных работников и большое количество неквалифицированных для снижения сложности задач. С другой стороны, включение рабочей силы в организационную структуру создает коллективный труд, который делает производительность каждого зависимой от других [16]. Помимо этого, главное различие между фордизмом и тейлоризмом заключается и в том, что применение системы фиксированной дневной заработной платы повысило ее уровень, в этот же период наблюдается усиление влияния профсоюзов и коллективных переговоров [14].

В фордизме форма совместной деятельности постепенно перешла от совместно-последовательного к совместно-индивидуальному типу взаимодействия. Специфика деятельности стала зависеть от индивидуальных особенностей и профессиональной позиции каждого. Данный тип характеризуется рыночной управленческой культурой: решения принимаются в соответствии с законами рынка, рынок является мерилом эффективности труда. Главный рычаг воздействия – материальные стимулы [17]. Однако творческий потенциал работников также был игнорирован. Более того, достаточно низкая сложность работ приводит к привлечению рабочей силы с низкоквалифицированными навыками.

В 1970-е гг. в системе фордизма начал проявляться кризис: технологии массового производства и институциональные структуры достигли предела; увеличение массового производства привело к росту глобализации экономики и общественных расходов, изменениям модели потребления и др. Можно также констатировать высокий уровень перемещения рабочей силы, низкую производительность труда, увеличение отходов, уклонение от работы и высокий уровень забастовок. Сопrotивление работников против капиталистических производственных отношений привело к возникновению нового кризиса модели организации труда «фордизм» [16].

Мотивационная модель организации труда и совместно-творческая деятельность

Под воздействием информационных технологий произошли интенсивные технологические изменения и система организации производств вступила в новый период, демонстрируя тенденцию к гибкой специализации, чтобы справиться с растущим спросом на различные индивидуальные продукты. В начале 1980-х гг. стала развиваться японская система производства «тойотизм» (постфордизм). В этой системе решающую роль играют реинтеграция навыков, контроль над ответственностью и децентрализация управленческих полномочий, постепенный переход от контроля к координации, чтобы быстро и эффективно адаптироваться к изменениям на рынке. При этом большое внимание уделяется повышению гибкости и креативности ор-

ганизаций. Организация труда в этой системе сильно отличается от предыдущей, которая стала фокусироваться на командной работе, участии работников в инновациях и управлении, внутренней мотивации или психологическом расширении возможностей. Работники постепенно становятся главными активами организации [20].

Новые технологии в 1980-е гг. характеризуются наукоемкими модульными системами. Применение модульной технологии позволяет создавать сложный продукт и проектировать рабочий процесс с помощью более мелких подсистем, которые могут быть разработаны независимыми компаниями (разработчиками) и функционировать как единое целое. Модульная цепочка создания стоимости преодолевает ограничения масштабной вертикальной интеграции и жестокой организационной иерархии. Более гибкая и плоская организационная структура позволяет идеям, информации и ресурсам свободно перетекать, облегчая раскрытие инновационного потенциала работников разных отделов и подразделений [21].

Одной из важнейших особенностей этой модели является разделение работников на команды, основанные на повышении автономии и дискреционных правах работников [22]. Каждая из команд берет на себя часть сборочной работы и требует от других совместной деятельности для качественного выполнения задания, при этом каждому рабочему не ставится конкретная задача. В этом контексте совместная деятельность тяготеет к совместно-творческому типу, которая дает возможность каждому участнику попробовать различные способы деятельности, что обогащает работу, присущую другим специалистам. В этом процессе участники имеют возможность создавать нечто уникальное посредством творчества [17]. Помимо этого, работники могут участвовать и вносить предложения в процессе непрерывного совершенствования для повышения эффективности и качества производства.

Мотивационная модель организации труда сосредоточена на более широком круге работы, автономии, разнообразных квалификаций и креативности работников, адаптирующихся к более сложным и неопределенным требованиям работы, что позволяет находить удовольствие в работе, удовлетворение и лучшее использование своих способностей [2]. По мере повышения компетентности работников узкое разделение труда утрачивает свою значимость. В то же время разрабатываются новые концепции, например тотальное управление качеством, которое возлагает ответственность на работников на каждом уровне и этапе производства [16]. Таким образом, необходимость строгого менеджерского тотального контроля в организации ослабевает. В связи с растущим значением информации и специализации технологий на смену прежним, иерархическим, организационным структурам управленческого контроля сверху вниз, вертикальным коммуникационным и информационным потокам пришла модель организационной структуры со сложной информационной сетью, вертикальными и горизонтальными информационными потоками, автономией, самоконтролем и рабочими командами. Таким образом, иерархическая структура сглаживается, позволяя предоставлять профессионалам автономию [23].

Тойотизм адаптировался к потребностям информатизации и глобализации в конце XX и начале XXI в., а также привел к усилению конкуренции и углублению неравенства. В этот период структура занятости, рабочая сила и система профсоюзов претерпели трансформации с учетом меняющихся рыночных условий. Размер компаний становится меньше; структура занятости стала хаотичной и гетерогенной, начала расти неформальная занятость, смещаясь из промышленного сектора в сферу услуг; вырос уровень безработицы; система социального обеспечения, сложившаяся в индустриальную эпоху, разрушена, снижаются влияние и эффективность профсоюзов. Работники стали обладать множеством новых черт, таких как мобильность, творчество, неоднородность, при отсутствии иерархического и бюрократического порядка [24]. В этот же период произошли следующие фундаментальные сдвиги: переход от физического и финансового капиталов как ключевых производственных ресурсов к человеческому и интеллектуальному капиталу. Значимость и сложность управления работниками умственного труда признаются большинством экспертов и практиков [25]. Управление знаниями лежит в основе процесса управления.

Модель организации труда на основе сотрудничества и коллегиальный тип совместной деятельности

С начала XXI в. цифровая революция последовательно принесла новые поколения компьютеров, Интернет, миллиарды мобильных устройств и датчиков, а также облачные вычисления и искусственный интеллект, которые создают глобальную техно-социальную среду с неограниченными возможностями непрерывного сбора данных. Платформа (платформизм) превращается в новую парадигму производства. В результате платформенные компании и их экосистемы становятся новой формой организаций / компаний [3]. Новая промышленная революция позволяет добиться значительной экономии за счет масштаба и расширения охвата посредством сетевых эффектов.

В парадигме платформы все участники являются как поставщиками, так и бенефициарами и привычное различие между производителем и потребителем исчезает [26]. С точки зрения организации труда цифровые технологии позволяют индивидам соединяться с другими людьми и организациями при минимальном трении [3]. Работа чаще всего носит интеллектуальный характер, основанный на обмене знаниями. В рамках системы платформ существуют временные и краткосрочные задачи, позволяющие сформировать временные междисциплинарные и многофункциональные команды специалистов для реализации проекта [27]. Таким образом, жесткая организация труда переходит от централизованной модели на основе узкого разделения труда и сложной иерархии к гибкой, децентрализованной модели на основе платформенных компаний. Общая характерная особенность организации труда может быть выражена наглядно переходом от типа «компания+сотрудники» к типу «платформа+личность».

Эти серьезные изменения привели к появлению новой модели занятости. В частности, Интернет и цифровые платформы также обозначили переход от традиционных моделей занятости (централизованной занятости) к новым гибким, децентрализованным формам. По сравнению с традиционной моделью занятости новая модель принципиально отличается рабочим местом, рабочим временем, содержанием работы, трудовыми отношениями и способами обеспечения трудовой деятельности [28]. Последняя является определяющей и отражает роль человека в процессе труда. Это приводит к появлению новых платформенных трудовых отношений (более гибких) и развитию самозанятости.

В процессе перехода от тойотизма к платформизму происходит переход от состязательных, конкурентных отношений к кооперативным между работодателями, работниками, производителями, поставщиками и потребителями и отношениям на основе сотрудничества. Формируется сеть совместной деятельности на основе сотрудничества и взаимного доверия с использованием цифровых технологий. Совместная трудовая деятельность в условиях модели платформизма относится к коллегиальному типу и принимает форму обсуждения и принятия управленческих решений группой лиц, коллегией с учетом общего мнения участвующих в обсуждении [13].

В контексте доминирующих производственных систем, вызванных техническим (на основе цифровых технологий) прогрессом, модель организации труда трансформировалась от механической, затем мотивационной к сотруднической. Иначе говоря, этот процесс характеризуется переходом от контроля над выполнением задач и производственных заданий, затем к координации и, наконец, к сотрудничеству. Разделение труда переходит от узкого, однородного, повторяемого и механического к многофункциональным командам, многообразию, гибкости и инновациям; процесс труда – от фиксированного, линейного, иерархического к динамическому, сетевому и равноправному; трудовые отношения – от состязательных, конфликтных, формальных к гибким, разнообразным и сотрудническим. Трансформация форм совместной деятельности также отражает эволюцию роли и места человека в процессе труда: с развитием разнообразия навыков, уровня образования, раскрытием творчества субъект труда – человек становится полноправным участником не только процесса производства, но и процесса управления и принятия решений.

Влияние совместной деятельности на развитие организационных моделей труда

Многочисленные исследования эволюции технологий управления за последние двести лет сходятся в том, что эти технологии управления претерпели последовательное развитие: от жесткого контроля сверху вниз к доверию между работниками [23]. Между тем ряд авторов склоняются к выводам, что под воздействием технологических революций каждая парадигма организаций последовательно порождает две модели управления, одна из

которых является доминирующей (первой), а другая – сбалансированной (второй), смягчающей проблемы, вызванные первой моделью [18] (рис. 1).

По мнению автора статьи, по сути, фокус развития моделей организации труда ориентирован на постепенное раскрытие человеческого потенциала, приращение человеческого капитала. Технологический прогресс является движущей силой, а совместная деятельность – решающим внутренним фактором, оказывающим значимое влияние на развитие моделей организации труда. Эволюция форм совместной деятельности коренным образом связана с развитием личности и сотрудничеством людей в процессе производства / оказания услуг, основанных на знании.

Рис. 1. Эволюция технологий и моделей управления.

Источник: составлено автором на основе материалов П.С. Адлер и К. Хекшер [23], З. Бодрозич и П.С. Адлер [18]

Во-первых, в процессе перехода от индустриальной эпохи к цифровой сформировалось два типа организаций: промышленные (индустриальные) компании и платформенные компании и их экосистемы, что, свою очередь, связано с переходом от капиталоемких к наукоемким отраслям [3]. В данном случае промышленными компаниями являются те, которые способны организовать большое количество людей для выполнения определенных задач в условиях эффекта масштаба и охвата при относительно небольшой потребности в инновациях и адаптации к рынку. Такая форма организаций эффективна для массового, серийного рутинного производства, но она тяжело справляется со сложными интерактивными задачами, требующими инноваций (знаний) [23].

Во-вторых, изменение организационной структуры управления играет ключевую роль в передаче знаний. Вертикальная структура в бюрократической иерархии эффективна для выполнения рутинных стандартных задач и облегчает передачу таких же знаний и приказов сверху вниз. В такой структуре работникам нижнего звена не хватает ни знаний о новых идеях и инновациях, ни мотивации для их выполнения и передачи снизу вверх. Тем более

в жестких иерархических структурах знания рассматриваются как дефицитный ресурс и наряду с соответствующими полномочиями по принятию решений централизуются на вершине иерархии и в функциональных подразделениях. Для организаций в цифровую эпоху, которые конкурируют в первую очередь за счет скорости реакции, гибкости и инноваций, необходимы знания из всех частей организации, которые имеют решающее значение [29].

Таким образом, с 1970-х гг. в развитых странах компании все чаще стремятся извлекать выгоду из знаний, заменяя стратегии масштаба и охвата на инновации в области продуктов, процессов и реакции на запросы клиентов. Для этого важно задействовать потенциал более образованного, многопрофильного работника или использовать многофункциональные междисциплинарные команды работников. По мере снижения маржи в производстве товаров повышение уровня образования работников и ускорение роста научно-технических знаний становятся более значимыми. В период 1980–2005 гг. отмечается рост наукоемких профессиональных компаний, наблюдается увеличение доли квалифицированной рабочей силы [30].

В практике организации производства также отмечается участие работников в инновациях и командной работе, повышающей автономию и дискреционные права работников. Четвертая промышленная революция подтолкнула развитие специализированных моделей производства, в центре которого находятся продукты с открытым исходным кодом (общественные товары) [31], что, в свою очередь, позволяет увеличить возможности для генерирования знаний и обмена ими, а также стимулировать децентрализованную межорганизационную деятельность на основе сотрудничества, выходящую за рамки стабильной организационной модели.

Поскольку участники совместной трудовой деятельности не только носители знаний, обладающие опытом и квалификацией, но и носители интеллектуального и социального капитала, то совместная деятельность на основе сотворчества, сотрудничества, обмена знаниями и идеями играет решающую роль. В процессе трансформации совместной деятельности повышается ценность человеческого и интеллектуального капитала, а также уровень автономии участников, позволяя лучше обмениваться знаниями и оказывая значимое влияние на развитие организационных моделей труда. В некоторых исследованиях также подчеркивается, что управление знаниями требует атмосферы сотрудничества, которая в организации рассматривается как соответствующая организационная культура, обеспечивающая поддержку работникам в создании новых знаний [32].

Основные характеристики совместной деятельности и факторы, влияющие на модель организации труда в современных условиях

В современных условиях цифровые технологии являются основным драйвером формирования совместной творческой деятельности в процессе труда, позволяя компаниям расширять масштабы деятельности без увеличения географического присутствия [33], а работникам выполнять децентра-

лизованные онлайн-задачи, основанные на свободе действий и автономии [34]. В то же время гибкие способы организации труда и формы занятости становятся более распространенными, что также способствует автономии и самореализации работников [35]. Организационная модель труда следует логике целесообразности объединения работников вокруг проектов, заказов или потребностей на основе виртуальной совместной деятельности, принятия цифровых решений и самореализации работников.

По статистическим данным ОЭСР, с 2013 по 2021 г. в странах ОЭСР и ЕС последовательно внедрялись ИКТ [36], средний уровень составлял 40,64 и 44,31% соответственно (рис. 2). В том числе уровень внедрения соцмедиа (мобильных технологий) и облачных вычислений был самым высоким, что способствовало гибкости организации труда и усиливало виртуальную совместную деятельность. Уровень использования ИКТ в компаниях разных размеров также более высокий в этих двух технологиях (рис. 3). Цифровые технологии стимулируют рост и значение платформенной экономики в глобальном масштабе, позволяющей индивидам соединяться с другими людьми и организациями при минимальном трении, усиливая автономию работников в процессе совместной трудовой деятельности.

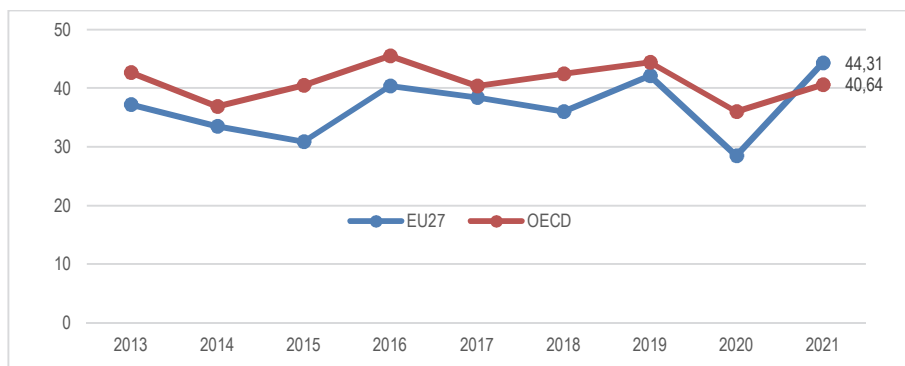

Рис. 2. Внедрение цифровых технологий в ЕС и ОЭСР, %.

Источник: составлено автором на основе данных [36]

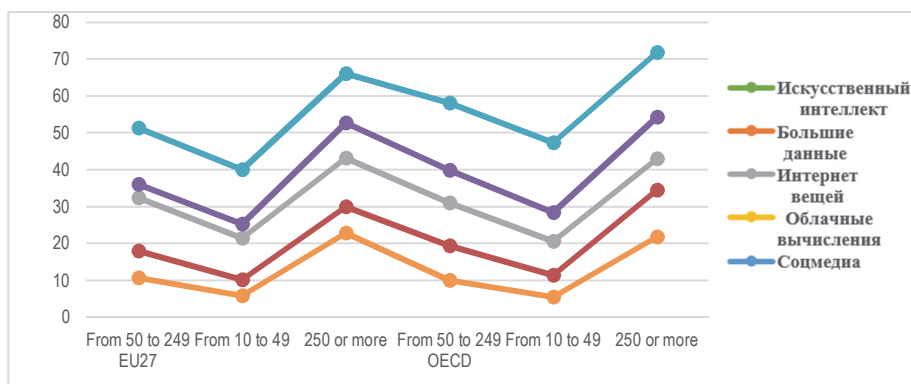

Рис. 3. Внедрение ИКТ в компаниях разных размеров ЕС и ОЭСР в период 2013–2021 гг., %

Источник: составлено автором на основе данных [36]

Исследовательские гипотезы

H1: Внедрение мобильных технологий позитивно влияет на автономию участников совместной деятельности.

В процессе использования ИКТ возникают новые модели занятости, связанные с виртуальной совместной деятельностью, роль работников значительно меняется. Работа, основанная на ИКТ, цифровых технологиях, платформенная работа и др. становятся все более значимыми и распространенными [37]. Множество исследований доказывают, что по мере расширения масштабов цифровизации и автоматизации самозанятость станет новой нормой, а работники в сфере знаний займут центральное место. Они подобны «ходячим активам», обладающим необходимой гибкостью и автономией для достижения целей и получения результатов [38].

Однако последние исследования также подчеркивают, что высокая автономия работников в этой сфере трансформируется в иной «контроль» [39]. Например, платформенные работники сталкиваются с новыми вызовами относительно качества и обеспечения работы, нестабильной заработной платы, нарушения баланса между работой и жизнью, отсутствия профессиональной подготовки и карьерного роста. В частности, последнее является главным [40]. Некоторые исследования в области краутсорсинга и гиг-экономики указывают на отсутствие практик управления человеческими ресурсами, например, планирование карьерной траектории [41], поддержка политик по статусу, содержанию и условиям работы [42], внедрение новых форм управления, основанных на сетях и самоуправлении [43].

H2: Автономия участников совместной деятельности в современных условиях требует создания благоприятной среды управления и принятых решений.

Методология исследования

В эмпирическом исследовании использовались новейшие данные европейских компаний (ESC) на основе анкетного опроса в сети Интернет, проведенного совместно Еврофондом и Европейским центром развития профессионального образования (Cedefop) в 2019 г. При этом нужно учитывать, что цифровые технологии и цифровизация рабочих мест в ЕС находятся на высоком уровне. Исследование европейских компаний проводится каждые четыре года с 2004 г. и состоит из баз данных сотрудников и менеджеров, охватывая организацию труда, управление человеческими ресурсами, использование и развитие навыков, цифровизацию и социальный диалог [44]. В данной статье использовалась база данных менеджеров.

Также в настоящем исследовании выбиралась зависимая переменная, связанная с автономией сотрудников: «уровень самостоятельной организации своего рабочего времени и планирования задач у сотрудников», оценка со шкалой 1–7 (с совсем нет до 100%). Выбирались 3 основные независимые переменные, охватывающие использование мобильных технологий, и среда

или условия, необходимые для реализации автономии работников. В том числе «Менеджеры создают среду, в которой сотрудники могут автономно выполнять задачи» – бинарная переменная, создают среды – принимается за «1», не создают – «0»; а остальные – две порядковые переменные: «Предоставление возможностей для развития навыков и карьерного развития», оценка со шкалой 1–4 (с очень часто до совсем нет), «Степень использования компьютеров или ноутбука, Интернета для выполнения своей повседневной работы», оценка со шкалой 1–7 (с совсем нет до 100%).

Для сравнения выбирались респонденты из всех отраслей, сферы услуг и компаний, занимающиеся платформенным бизнесом (B2B-порталы, электронная коммерция и т.д.). После удаления недействительных данных в итоге получилось 21 087 действительных данных из всех отраслей, 12 973 – из сферы услуг и 6 097 – из платформенных компаний. В связи с тем, что данные ESC являются дискретными переменными, а зависимая переменная относится к порядковой категориальной, таким образом, порядковая логическая регрессионная модель подходит для данного исследования.

Для обработки результатов регрессионного анализа использовалось программное обеспечение STATA 17.

Результаты исследования

Результаты регрессии показывают, что создание менеджерами благоприятной среды для автономии оказывает более значимое влияние, особенно для тех компаний, которые занимаются онлайн-бизнесом. По сравнению со степенью «совсем нет» по мере увеличения возможности подготовки навыков и карьерного развития автономия сотрудников также повышается, наиболее заметно это в секторе услуг. В отличие от степени «совсем нет» рост уровня использования компьютеров или ноутбука в работе в Интернете в целом позитивно способствует автономии сотрудников. В том числе коэффициент регрессии во всех отраслях был самым высоким (табл. 2).

Таблица 2. Результаты порядковой логической регрессии

Переменные	M1	M2	M3
	Все отрасли	Сфера услуг	Компания
Создание менеджерами среды автономии	<i>Автономия сотрудников</i>		
	0,814*** (0,0289)	0,802*** (0,0383)	0,914*** (0,0554)
<i>Возможности развития навыков и карьерного развития</i>			
Очень часто	0,584*** (0,0853)	0,625*** (0,109)	0,609*** (0,173)
	Довольно часто	0,408*** (0,0820)	0,423*** (0,105)
Довольно редко		0,269*** (0,0826)	0,254** (0,106)
	<i>Степень использования компьютеров или ноутбука при работе в интернете</i>		
Менее 20%	-0,453*** (0,0607)	-0,413*** (0,0791)	-0,531*** (0,131)

Переменные	M1	M2	M3
	Все отрасли	Сфера услуг	Компания
20–39%	0,0696 (0,0607)	–0,0264 (0,0806)	–0,0576 (0,129)
40–59%	0,457*** (0,0652)	0,301*** (0,0845)	0,212 (0,134)
50–79%	0,906*** (0,0695)	0,802*** (0,0878)	0,766*** (0,139)
80–99%	1,232*** (0,0674)	1,073*** (0,0827)	0,967*** (0,135)
100%	1,892*** (0,0626)	1,692*** (0,0769)	1,673*** (0,129)
Число наблюдений	21,087	12,973	6,097

С конца XX в. распространение ИКТ повышает значимость автономии и разнообразие навыков и увеличивает количество наукоемких компаний в секторе услуг, которые ориентированы не только на человеческий капитал (знания, навыки и таланты), но и интеллектуальный (инновационные продукты / услуги на рынке). Появляется все больше самостоятельных, стремящихся к независимости, автономии и свободе выбора работников. В данном контексте автономия в работе – это не только структурный компонент современного рынка труда, основанного на цифровых технологиях, но и результат отказа людей от традиционных жестких зависимых трудовых отношений. Однако в реальной практике такая автономия нередко нарушается [42].

Результаты регрессии подтвердили выдвинутые гипотезы, в частности, широкое внедрение и использование мобильных технологий позитивно влияет на автономию участников совместной деятельности и предполагает новые методы управления и развития необходимых навыков. В противном случае автономия, основанная на саморазвитии и самореализации и являющаяся необходимым условием совместной трудовой деятельности в настоящей обстановке, может стать лишь парадоксом: время и задачи не выбираются, а все более ограничиваются рабочим временем и структурой проекта, установленными клиентами и (или) платформами [45, 46].

Обсуждение и заключение

Несмотря на вызовы, которые стоят перед организациями и эффективной совместной деятельностью в условиях бурного развития цифровых технологий, наши знания в этой области остаются в рамках традиционной (индустриальной) парадигмы.

В статье выявлена определяющая роль совместной деятельности в процессе эволюции организаций и организации труда. Во-первых, совместная деятельность оказывает значимое влияние на организацию труда, являясь фундаментальной характеристикой процесса труда. С развитием технологического прогресса, эволюции производственных систем, форм организаций, технологий и моделей управления происходит трансформация форм совместной деятельности. В свою очередь, совместная деятельность способствует развитию субъекта труда и изменению его роли в процессе труда.

Во-вторых, в современных условиях широкое использование цифровых технологий способствует развитию совместной деятельности на основе создания знаний (ценностей), характеризующейся автономией и самореализацией работников (участников совместной деятельности). Соответственно развитие модели организации труда отражает тенденции к расширению прав и возможностей участников совместной деятельности, выходя за рамки традиционной концепции управления (жесткая иерархия и менеджерский контроль сверху вниз). Эти изменения проявляются и на рынке труда: большая автономия, большие полномочия, предпочтения в занятости (увеличение самозанятых). Совместно-творческая деятельность в виртуальной среде, на платформах предполагает и новые практики управления человеческими ресурсами.

Таким образом, гибкие формы организации труда и гибкая занятость на платформах, способствуя автономной совместной деятельности, бросают серьезные вызовы качеству и обеспечению работы, препятствующие повышению эффективности новой модели организации труда. Главные причины этого, с одной стороны, заключаются в характере платформ, проектировании работы и управлении на платформах. Поскольку отсутствует формальный руководитель (a human supervisor) в понимании традиционной организации [47], такая гибкая занятость может рассматриваться как «профессия без границ», когда работники сами должны полагаться на самоуправление (самоконтроль), самомотивацию для выполнения задач и достижения организационных целей и уж тем более отвечать за свое развитие [48]. В то же время на них также перекладываются затраты на переподготовку и повышение квалификации. В результате возникает ряд новых проблем, которые невозможно решить в рамках традиционных подходов в управлении человеческими ресурсами.

Один из главных вопросов, требующий решения, – каким образом расширить права и возможности работников при переходе от традиционной организации к организациям будущего. Как вариант подходит совместное управление человеческими ресурсами. В платформенной экономике управление человеческими ресурсами осуществляется в сети между платформами и участниками совместной деятельности. Платформы и клиенты могут предоставлять разные практики в этой области. В качестве альтернативы обе стороны могут пригласить третье лицо – агентство по управлению человеческими ресурсами. В долгосрочной перспективе платформам необходимо привлекать и удерживать достаточное количество талантов для обеспечения определенного количества клиентов и выполнения заказов [43].

Еще один из серьезных вызовов в отношении будущей работы связан с переходом к Индустрии 5.0 (добавление человеческого потенциала к Индустрии 5.0; в некоторых исследованиях – укрепление сотрудничества между киберфизическими системами / роботами и человеком). Индустрия 5.0 ориентирована на общие человеческие ценности (ценности человека в центре производственного процесса), а также на устойчивость, упругость и много-

образе / разнообразии социально-экономических систем (подобно природным системам). То есть Индустрия 5.0 смещает акценты с производственной ценности (экономической стоимости), основанной на технологиях, на гуманистические ценности, лежащие в основе технологических инноваций. Это означает, что технологии будут созданы с учетом требований работников (человека в более широком смысле). Таким образом, будущая работа все в большей степени будет определяться автономными работниками, которые используют творческий подход, знания, сотрудничество и автоматизированные системы для создания и получения ценности. Как и в случае с Индустрией 4.0, Индустрии 5.0 требует значительных инвестиций от государства и всех заинтересованных сторон [49, 50].

Данное исследование дополняет и развивает дискуссию по формирующимся новым моделям занятости. В теоретическом аспекте рассмотрение эволюции организации труда с точки зрения совместной деятельности позволяет углубить понимание того, как фундаментальные характеристики труда влияют на развитие работников. В управленческом аспекте анализ закономерностей и трендов в развитии организации труда и совместной деятельности обеспечивает более ясную перспективу для понимания новой гибкой занятости, избегая одностороннего понимания в ряде исследований, которые «эксплуатируют» лишь расширение прав и возможностей работников.

Развитие социально-экономического прогресса не остановить, и проблемы, стоящие перед компаниями и эффективной организацией труда, необратимы, требуют новых подходов и управленческих инноваций. Основные направления дальнейших исследований должны осуществляться в рамках разработки новой модели организации труда на основе концепции достойного труда, что может стать предметом следующей статьи автора.

Список источников

1. Eurofound and Cedefop (2020), European Company Survey 2019: Workplace practices unlocking employee potential, European Company Survey 2019 series. Luxembourg : Publications Office of the European Union, 2020.
2. Cordery J., Parker S.K. Work organization // Oxford handbook of human resource management. 2007. P. 187–209.
3. Gawer A. Digital platforms and ecosystems: remarks on the dominant organizational forms of the digital age // Innovation. 2022. № 24 (1). P. 110–124.
4. Савельева Е.А. Цифровая организация труда: направления, принципы, подходы // Экономика труда. 2018. Т. 5, № 4. С. 935–950. doi: 10.18334/et.5.4.39642
5. Habánik J., Grenčíková A., Šrámka M., Húževka M. Changes in the organization of work under the influence of COVID-19 pandemic and Industry 4.0 // Economics & Sociology. 2021. № 14 (4). P. 228–241.
6. Huws U. Logged labour: A new paradigm of work organisation? // Work organisation, labour and globalisation. 2016. № 10 (1). P. 7–26.
7. Krause I. Coworking spaces: windows to the future of work? Changes in the organizational model of work and the attitudes of the younger generation // Форум. 2019. № 13 (2(eng)). С. 52–60.
8. Scully-Russ E., Torraco R. The changing nature and organization of work: An integrative review of the literature // Human Resource Development Review. 2020. № 19 (1). P. 66–93.

9. *Erickson C.L., Norlander P.* How the past of outsourcing and offshoring is the future of post-pandemic remote work: A typology, a model and a review // *Industrial Relations Journal*. 2022. № 53 (1). P. 71–89.
10. *Маркс К.* Капитал. Т. 1 / пер. с нем. С. Алексеева. М. : АСТ, 2019. С. 261–270.
11. *Ван Куй.* Теория кооперации Маркса и развитие форм кооперации // *Экономист*. 2015. № 6. С. 5–13.
12. *Чжан Айхуа.* Анализ разделения труда и человеческого развития в теории капитала К. Маркса // *Марксизм и реальность*. 2010. № 04. С. 16–22.
13. *Нехода Е.В., Рощина И.В., Пань Ли.* Эволюция форм совместной деятельности: от фордизма к экосистеме сотрудничества // *Экономика труда*. 2023. Т. 10, № 9. С. 1331–1352.
14. *Lisciandra M.* A comparative analysis of the incentive systems under Taylorism and Fordism // *A Comparative Analysis of the Incentive Systems under Taylorism and Fordism*. 2008. P. 1000–1025.
15. *Börnfeldt P.O.* Taylorism and Fordism. In *Work Organisation in Practice: From Taylorism to Sustainable Work Organisations*. Springer Nature Switzerland, 2023. P. 25–37.
16. *Arslan Ulas, Erdil Erkan.* New Technologies and Changes in Work Organization: A Survey // *STPS – Science and Technology Policy Studies Center, Middle East Technical University. STPS Working Papers*. 2003.
17. *Нехода Е.В.* Социальное развитие человека и изменение представлений о субъекте труда в системе трудовых отношений // *Вестник Томского государственного университета. Экономика*. 2008. № 3 (4). С. 23–45.
18. *Bodrožić Z., Adler P.S.* The evolution of management models: A neo-Schumpeterian theory // *Administrative Science Quarterly*. 2018. № 63 (1). P. 85–129.
19. *Jessop B.* Fordism and post-Fordism: a critical reformulation // *Pathways to industrialization and regional development*. Routledge, 2005. P. 54–74.
20. *Hoegl M., Gemuenden H.G.* Teamwork quality and the success of innovative projects: A theoretical concept and empirical evidence // *Organization science*. 2001. № 12 (4). P. 435–449.
21. *Сюй Хунлин, Ли Шуанхай.* Модульная эволюция цепочки создания стоимости и координация с модульной организацией // *Индустриальная экономика Китая*. 2005. № 11. С. 81–88.
22. *Chen W., McDonald S.* Do Networked Workers Have More Control? The Implications of Teamwork, Telework, ICTs, and Social Capital for Job Decision Latitude // *American Behavioral Scientist*. 2015. № 59 (4). P. 492–507.
23. *Adler P.S., Heckscher C.* Towards collaborative community. The firm as a collaborative community // *Reconstructing trust in the knowledge economy*. 2006. P. 11–105.
24. *Avis J.* Post-Fordist Illusions: knowledge-based economies and transformation // *Power and Education*. 2013. № 5 (1). P. 16–27.
25. *Martin R., Moldoveanu M.* Capital versus talent. The battle that's reshaping business // *Harvard business review*. 2003. № 81. P. 36–41.
26. *Singaraju S.P., Nguyen Q.A., Niininen O., Sullivan-Mort G.* Social media and value co-creation in multi-stakeholder systems: A resource integration approach // *Industrial Marketing Management*. 2016. № 54. P. 44–55.
27. *Vuchkovski D., Zalaznik M., Mitreĝa M., Pfajfar G.* A look at the future of work: The digital transformation of teams from conventional to virtual // *Journal of Business Research*. 2023. № 163. P. 113912.
28. *Rimbau-Gilabert E., Pasamar S.* New forms of work // *New Directions in the Future of Work*. Emerald Publishing Limited, 2021. P. 55–76.
29. *Swart J.* HRM and Knowledge Workers / eds by Peter Boxall, John Purcell, Patrick M. Wright. The Oxford Handbook of Human Resource Management, 2008.
30. IMF. World Economic Outlook. April 2007. URL: <https://www.imf.org/en/Publications> (дата обращения: 20.09.2023).

31. Engeström Y. Knotworking and agency in fluid organizational fields. From teams to knots // Activity-theoretical studies of collaboration and learning at work. 2008. P. 199–234.
32. Petrov V., Čelić Đ., Uzelac Z., Drašković Z. Specific influence of knowledge intensive and capital intensive organizations on collaborative climate and knowledge sharing in SMEs // Strategic Management-International Journal of Strategic Management and Decision Support Systems in Strategic Management. 2020. № 25 (1).
33. DeStefano T., Kneller R., Timmis J. Cloud Computing and Firm Growth // CESifo Working Paper. No. 8306. Center for Economic Studies and Ifo Institute (CESifo). Munich, 2020.
34. Wood A.J., Graham M., Lehdonvirta V., Hjorth I. Good gig, bad gig: autonomy and algorithmic control in the global gig economy // Work, employment and society. 2019. № 33 (1). P. 56–75.
35. Damarin A.K. The network-organized labor process: Control and autonomy in web production work // Networks, work and inequality. Emerald Group Publishing Limited, 2013. P. 177–205.
36. OECD. ICT Access and Usage by Businesses. 2021. URL: <https://data-explorer.oecd.org/> (дата обращения: 20.11.2023).
37. Eurofound, New forms of employment: 2020 update. New forms of employment series. Luxembourg : Publications Office of the European Union, 2020.
38. Ferreira J.J., Fernandes C.I., Guo Y., Rammal H.G. Knowledge worker mobility and knowledge management in MNEs: A bibliometric analysis and research agenda // Journal of Business Research. 2022. № 142. P. 464–475.
39. Howcroft D., Bergvall-Kåreborn B. A Typology of Crowdfork Platforms // Work, Employment and Society. 2019. № 33 (1). P. 21–38.
40. ILO. World Employment and Social Outlook 2021: The role of digital labour platforms in transforming the world of work International Labour Office. Geneva : ILO, 2021.
41. Idowu A., Elbanna A. Digital platforms of work and the crafting of career path: the crowdworkers' perspective. Information Systems Frontiers, 2020. P. 1–17.
42. Pichault F., McKeown T. Autonomy at work in the gig economy: analysing work status, work content and working conditions of independent professionals // New Technology, Work and Employment. 2019. № 34 (1). P. 59–72.
43. Kost D., Fieseler C., Wong S.I. Boundaryless careers in the gig economy: An oxymoron? // Human Resource Management Journal. 2020. № 30 (1). P. 100–113.
44. Eurofound & Cedefop. 2019. European Company Survey. URL: <https://www.eurofound.europa.eu/en/surveys/european-company-surveys-ecs>
45. Mazmanian M., Orlikowski W.J., Yates J. The autonomy paradox: The implications of mobile email devices for knowledge professionals // Organization science. 2013. № 24 (5). P. 1337–1357.
46. Shevchuk A., Strebkov D., Davis S.N. The Autonomy Paradox: How Night Work Undermines Subjective Well-Being of Internet-Based Freelancers // ILR Review. 2019. № 72 (1). P. 75–100.
47. Kuhn K.M., Maleki A. Micro-entrepreneurs, dependent contractors, and instaselfs: Understanding online labor platform workforces // Academy of Management Perspectives. 2017. № 31 (3). P. 183–200.
48. Jabagi N., Croteau A.-M., Audebrand L.K., Marsan J. Gig-workers' motivation: thinking beyond carrots and sticks // Journal of Managerial Psychology. 2019. Vol. 34, № 4. P. 192–213.
49. Xu X., Lu Y., Vogel-Heuser B., Wang L. Industry 4.0 and Industry 5.0 – Inception, conception and perception // Journal of Manufacturing Systems. 2021. № 61. P. 530–535.
50. Kolade O., Owoseni A. Employment 5.0: The work of the future and the future of work // Technology in Society. 2022. P. 102086.

References

1. Eurofound and Cedefop (2020), *European Company Survey 2019: Workplace practices unlocking employee potential, European Company Survey 2019 series*. Luxembourg: Publications Office of the European Union.
2. Cordery, J. & Parker, S.K. (2007) Work organization. In: Boxall, P., Purcell, J. & Wright, P.M. (eds) *Oxford Handbook of Human Resource Management*. Oxford Academic. pp. 187–209.
3. Gawer, A. (2022) Digital platforms and ecosystems: remarks on the dominant organizational forms of the digital age. *Innovation*. 24 (1). pp. 110–124.
4. Savel'eva, E.A. (2018) Digital Organization of Labor: Directions, Principles, Approaches. *Ekonomika truda*. 5 (4). pp. 935–950. (In Russian). doi: 10.18334/et.5.4.39642
5. Habánik, J. et al. (2021) Changes in the organization of work under the influence of COVID-19 pandemic and Industry 4.0. *Economics & Sociology*. 14 (4). pp. 228–241.
6. Huws, U. (2016) Logged labour: A new paradigm of work organisation? // Work organisation, labour and globalisation. № 10 (1). pp. 7–26.
7. Krause, I. (2019) Coworking spaces: windows to the future of work? Changes in the organizational model of work and the attitudes of the younger generation. *Forsayt*. 13 (2(eng)). pp. 52–60.
8. Scully-Russ, E. & Torraco, R. (2020) The changing nature and organization of work: An integrative review of the literature. *Human Resource Development Review*. 19 (1). pp. 66–93.
9. Erickson, C.L. & Norlander, P. (2022) How the past of outsourcing and offshoring is the future of post-pandemic remote work: A typology, a model and a review. *Industrial Relations Journal*. 53 (1). pp. 71–89.
10. Marks, K. (2019) *Capital*. Vol. 1. Moscow: AST. pp. 261–270. (In Russian).
11. Wang Kui. (2015) Teoriya kooperatsii Marksa i razvitie form kooperatsii [Marx's theory of cooperation and the development of forms of cooperation]. *Ekonomist*. 6. pp. 5–13.
12. Zhang Aihua. (2010) Analiz razdeleniya truda i chelovecheskogo razvitiya v teorii Kapitale K. Marksa [Analysis of the division of labor and human development in the theory of Capital by K. Marx]. *Marksizm i real'nost'*. 04. pp. 16–22.
13. Nekhoda, E.V., Roshchina, I.V. & Pan', Li. (2023) Evolyutsiya form sovmestnoy deyatel'nosti: ot fordizma k ekosisteme sotrudnichestva [Evolution of forms of joint activity: from Fordism to an ecosystem of cooperation]. *Ekonomika truda*. 10 (9). pp. 1331–1352.
14. Lisciandra, M. (2008) A comparative analysis of the incentive systems under Taylorism and Fordism. *Storia Del Pensiero Economico*. 2. pp. 65–89. doi: 10.3280/SPE2008-002003 pp. 1000–1025.
15. Börnfelt, P.O. (2023) *Taylorism and Fordism. In Work Organisation in Practice: From Taylorism to Sustainable Work Organisations*. Springer Nature Switzerland. pp. 25–37.
16. Arslan Ulas & Erdil Erkan, (2003) *New Technologies and Changes in Work Organization: A Survey*. STPS – Science and Technology Policy Studies Center, Middle East Technical University. STPS Working Papers.
17. Nekhoda, E.V. (2008) Sotsial'noe razvitie cheloveka i izmenenie predstavleniy o sub'ekte truda v sisteme trudovykh otnosheniy [Social development of a person and changes in ideas about the subject of labor in the system of labor relations]. *Vestnik tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 3 (4). pp. 23–45.
18. Bodrožić, Z. & Adler, P.S. (2018) The evolution of management models: A neo-Schumpeterian theory. *Administrative Science Quarterly*. 63 (1). pp. 85–129.
19. Jessop, B. (2005) Fordism and post-Fordism: a critical reformulation. In: *Pathways to industrialization and regional development*. Routledge. pp. 54–74.
20. Hoegl, M. & Gemuenden, H.G. (2001) Teamwork quality and the success of innovative projects: A theoretical concept and empirical evidence. *Organization Science*. 12 (4). pp. 435–449.

21. Xu Hongling & Li Shuanghai. (2005) Modular evolution of the value chain and coordination with a modular organization. *Industrial Economics of China*. 11. pp. 81–88. (In Chinese).
22. Chen, W. & McDonald, S. (2015) Do Networked Workers Have More Control? The Implications of Teamwork, Telework, ICTs, and Social Capital for Job Decision Latitude. *American Behavioral Scientist*. 59 (4). pp. 492–507.
23. Adler, P.S. & Heckscher, C. (2006) Towards collaborative community. In: Adler, P.S. & Heckscher, C. (eds) *The firm as a collaborative community. Reconstructing trust in the knowledge economy*. pp. 11–105.
24. Avis, J. (2013) Post-Fordist Illusions: knowledge-based economies and transformation. *Power and Education*. 5 (1). pp. 16–27.
25. Martin, R. & Moldoveanu, M. (2003) Capital versus talent. The battle that's reshaping business. *Harvard Business Review*. 81. pp. 36–41.
26. Singaraju, S.P. et al. (2016) Social media and value co-creation in multi-stakeholder systems: A resource integration approach. *Industrial Marketing Management*. 54. pp. 44–55.
27. Vuchkovski, D. et al. (2023) A look at the future of work: The digital transformation of teams from conventional to virtual. *Journal of Business Research*. 163. pp. 113912.
28. Rimbau-Gilabert, E. & Pasamar, S. (2021) *New forms of work*. In *New Directions in the Future of Work*. Emerald Publishing Limited. pp. 55–76.
29. Swart, J. (2008) HRM and Knowledge Workers. In: Boxall, P., Purcell, J. & Wright, P.M. (eds) *The Oxford Handbook of Human Resource Management*. Oxford Academic.
30. IMF. (2007) *World Economic Outlook*. April 2007. [Online] Available from: <https://www.imf.org/en/Publications> (Accessed: 20.09.2023).
31. Engeström, Y. (2008) Knotworking and agency in fluid organizational fields. In: Engeström, Y. (2008). *From Teams to Knots: Activity-Theoretical Studies of Collaboration and Learning at Work*. CUP. pp. 199–234. doi: 10.1017/CBO9780511619847
32. Petrov, V. et al. (2020) Specific influence of knowledge intensive and capital intensive organizations on collaborative climate and knowledge sharing in SMEs. *Strategic Management-International Journal of Strategic Management and Decision Support Systems in Strategic Management*. 25 (1).
33. DeStefano, T., Kneller, R. & Timmis, J. (2020) Cloud Computing and Firm Growth. *CESifo Working Paper*. 8306. Center for Economic Studies and Ifo Institute (CESifo). Munich.
34. Wood, A.J. et al. (2019) Good gig, bad gig: autonomy and algorithmic control in the global gig economy. *Work, Employment and Society*. 33 (1). pp. 56–75.
35. Damarin, A.K. (2013) The network-organized labor process: Control and autonomy in web production work. In: *Networks, work and inequality*. Emerald Group Publishing Limited. pp. 177–205.
36. OECD. (2021) *ICT Access and Usage by Businesses*. [Online] Available from: <https://data-explorer.oecd.org/> (Accessed: 20.11.2023).
37. Eurofound, (2020) *New forms of employment: 2020 update*. New forms of employment series. Luxembourg: Publications Office of the European Union.
38. Ferreira, J.J. et al. (2022) Knowledge worker mobility and knowledge management in MNEs: A bibliometric analysis and research agenda. *Journal of Business Research*. 142. pp. 464–475.
39. Howcroft, D. & Bergvall-Kåreborn, B. (2019) A Typology of Crowdfork Platforms. *Work, Employment and Society*. 33 (1). pp. 21–38.
40. ILO. (2021) *World Employment and Social Outlook 2021: The role of digital labour platforms in transforming the world of work* International Labour Office. Geneva: ILO.
41. Idowu, A. & Elbanna, A. (2022) Digital platforms of work and the crafting of career path: the crowdworkers' perspective. *Information Systems Frontiers*. 24. pp. 441–457. doi: 10.1007/s10796-020-10036-1

42. Pichault, F. & McKeown, T. (2019) Autonomy at work in the gig economy: analysing work status, work content and working conditions of independent professionals. *New Technology, Work and Employment*. 34 (1). pp. 59–72.

43. Kost, D., Fieseler, C. & Wong, S.I. (2020) Boundaryless careers in the gig economy: An oxymoron? *Human Resource Management Journal*. 30 (1). pp. 100–113.

44. Eurofound & Cedefop. (2019) *European Company Survey*. [Online] Available from: <https://www.eurofound.europa.eu/en/surveys/european-company-surveys-ecs>

45. Mazmanian, M., Orlikowski, W.J. & Yates, J. (2013) The autonomy paradox: The implications of mobile email devices for knowledge professionals. *Organization Science*. 24 (5). pp. 1337–1357.

46. Shevchuk, A., Strebkov, D. & Davis, S.N. (2019) The Autonomy Paradox: How Night Work Undermines Subjective Well-Being of Internet-Based Freelancers. *ILR Review*. 72 (1). pp. 75–100.

47. Kuhn, K.M. & Maleki, A. (2017) Micro-entrepreneurs, dependent contractors, and instaselfs: Understanding online labor platform workforces. *Academy of Management Perspectives*. 31 (3). pp. 183–200.

48. Jabagi, N. et al. (2019) Gig-workers' motivation: thinking beyond carrots and sticks. *Journal of Managerial Psychology*. 34 (4). pp. 192–213.

49. Xu, X. et al. (2021) Industry 4.0 and Industry 5.0 – Inception, conception and perception. *Journal of Manufacturing Systems*. 61. pp. 530–535.

50. Kolade, O. & Owoseni, A. (2022) Employment 5.0: The work of the future and the future of work. *Technology in Society*. 71.

Информация об авторе:

Пань Ли – аспирант Института экономики и менеджмента, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия). E-mail: 549074437@qq.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Pan Li, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: 549074437@qq.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.01.2024;
одобрена после рецензирования 18.03.2024; принята к публикации 15.05.2024.*

*The article was submitted 15.01.2024;
approved after reviewing 18.03.2024; accepted for publication 15.05.2024.*

Финансы

Научная статья
УДК 338(091)
doi: 10.17223/19988648/66/12

История развития теории внутреннего аудита

Гао Маньфэй¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
st112915@student.spbu.ru

Аннотация. В настоящее время во всем мире внутренний аудит стал неотъемлемой частью системы управления предприятием, а также четкое осознание глубинных причин и динамики его возникновения и развития помогут нам правильно понять сущность и современные тенденции развития внутреннего аудита на предприятиях. Целью статьи является рассмотрение и анализ эволюции понятия внутреннего аудита на Западе и развития внутреннего аудита в Китае. В результате исследования выявлено, что внутренний аудит в Китае берет свое начало в административных распоряжениях, а внутренний аудит на Западе возник из потребностей корпоративного управления. Несмотря на то, что в Китае или на Западе появление внутреннего аудита на предприятиях в основном было связано с обязательствами по фидуциарному управлению, а его теория и практика развивались вместе с развитием концепции обязательств по фидуциарному управлению.
Ключевые слова: внутренний аудит, фидуциарные обязательства, развитие внутреннего аудита на Западе, особенности внутреннего аудита Китая

Для цитирования: Маньфэй Г. История развития теории внутреннего аудита // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2024. № 66. С. 184–197. doi: 10.17223/19988648/66/12

Finance

Original article

History of the development of internal audit theory

Gao Manfei¹

¹ Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation,
st112915@student.spbu.ru

Abstract. At present, internal audit has become an integral part of the enterprise management system all over the world. A clear understanding of the underlying causes and dynamics of its emergence and development will help us to properly understand the essence and current trends of internal audit development at enterprises. The aim of the article is to review and analyze the evolution of the concept of internal audit in the West

and the development of internal audit in China. The study reveals that internal audit in China originated from administrative regulations, while internal audit in the West originated from the needs of corporate governance. Regardless of whether in China or in the West, the emergence of internal audit in enterprises was mainly related to fiduciary management obligations, and its theory and practice evolved with the development of the concept of fiduciary management obligations.

Keywords: internal audit, fiduciary obligations, development of internal audit in West, characteristics of China's internal audit

For citation: Manfei, G. (2024) History of the development of internal audit theory. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 66. pp. 184–197. (In Russian). doi: 10.17223/19988648/66/12

Введение

Внутренний аудит как одна из отраслей аудита с момента своего возникновения естественным образом ассоциировался с отношениями фидуциарных обязательств и стал механизмом контроля, обеспечивающим их выполнение. Термин «фидуциарные обязательства» происходит от латинского слова *fiducia* («доверие») и означает обязательства, принимаемые на себя каким-либо лицом, осуществляющим свою профессиональную деятельность в пользу другого лица.

В разные исторические периоды внутренний аудит определялся по-разному. Ряд исследователей считают, что предпосылки возникновения внутреннего аудита появились еще при рабовладельческом строе, а в Средневековье то, что мы понимаем как «внутренний аудит», получило свое дальнейшее развитие. В Средние века внутренний аудит на Западе принимал форму монастырских аудитов, городских аудитов, аудитов гильдий, банковских аудитов и манориальных аудитов. С развитием западной капиталистической экономики конкуренция между предприятиями становилась все более жесткой, быстро появлялись многонациональные компании, что привело к повышению уровня внутреннего управления и необходимости контроля и надзора за внутренним экономическим управлением предприятий. После Второй мировой войны внутренний аудит в современном его понимании появился сначала в США, а затем распространился и в другие страны, в частности в Великобританию, где развивался семимильными шагами.

Зарождение внутреннего аудита на Западе

Внутренний аудит уходит своими корнями в древние цивилизации, когда человеческое общество перешло от первобытного к рабовладельческому строю и начала зарождаться частная собственность. Согласно историческим записям, около 510 г. до н.э. в Древнем Риме появилось множество крупных поместий, где выращивались не только продовольственные товарные культуры, такие как виноград и зерно, но также и велось животноводство, а продукция продавалась на рынке [1]. Рабовладелец поручал приближенным или домашним работникам управление поместьями, что создавало «отношение

принципала и фидуциара», разрывало обязанности и полномочия управляющих и увеличивало иерархию управления. Для того чтобы эффективно контролировать выполнение подчиненными своих обязанностей по управлению, рабовладелец назначал доверенное лицо, которое проверяло и отчитывалось перед ним о честном выполнении подчиненными своих фидуциарных обязанностей. Такие отношения можно рассматривать как прообраз внутреннего аудита. Известный американский исследователь Майкл Четфилд (Michael Chatfield) в своей работе по истории бухгалтерского дела указывал, что «этот тип аудита весьма похож на современный аудит и имеет прямое влияние на современную практику» [2].

После XI в. западный внутренний аудит вышел на новый уровень развития. Он унаследовал и развил идеи внутреннего аудита рабовладельческих обществ, породив монастырский аудит, городской аудит, банковский аудит и другие виды аудита. Главной особенностью этого периода стала профессионализация внутренних аудиторов.

Очевидно, что зарождение внутреннего аудита в древние и средневековые времена связано с возникновением отношений фидуциарных обязательств, при которых необходимо было осуществлять деятельность по подтверждению и оцениванию исполнения управляющими своих обязанностей.

После первой промышленной революции внутренний аудит на Западе быстро развивался и постепенно позволил сформировать научную основу теоретической системы. Исторической родиной внутреннего аудита является Англия, где в 1844 г. британский парламент принял серию законов о компаниях, согласно которым правления акционерных компаний обязаны были привлекать не реже одного раза в год стороннего бухгалтера для проверки хозяйственных операций на счетах бухгалтерского учета и отчетов для акционеров, что заложило основы современной системы внутреннего аудита на предприятиях. Это объясняется тем, что результаты такой проверки использовались в то время только для внутреннего потребления управленцами предприятий и не имели статуса публичной (внешней) информации. В 1875 г. система внутреннего аудита была внедрена в компании Krupp в Германии. В 1919 г. крупная железнодорожная компания США завершила финансовый и операционный аудит своих вагонов-ресторанов с помощью внутреннего аудита. В тот же период на крупных китайских предприятиях, таких как банки, верфи и арсеналы, которые были созданы в Китае в соответствии с западной моделью корпоративного управления, также была введена должность «ревизор» и внедрена система внутреннего аудита [3]. Однако в этот период система внутреннего аудита существовала лишь на нескольких крупных предприятиях.

Во время мирового экономического кризиса (Great Depression) 1929–1933 гг. многие предприятия были не в состоянии увеличить свою прибыль за счет расширения объема продаж и вынуждены были сокращать расходы. Руководство предприятий осознало важность и неотложность создания системы внутреннего аудита для более продуктивного управления предприятиями и повышения их операционной эффективности. В результате многие

отрасли, такие как нефтедобыча, электроэнергетика и автомобилестроение, основали на своих предприятиях органы аудита с аудиторами и внедрили системы внутреннего аудита. Например, автомобильная компания «Форд» регулярно направляла внутренних аудиторов в аудиторские туры в свои дочерние компании по всей Европе [4, с. 13].

Таким образом, видно, что внутренний аудит возник из потребностей корпоративного управления, в частности из необходимости высшего руководства осуществлять контроль над различными уровнями управления, и в результате постепенно получил широкое распространение.

Основные этапы развития внутреннего аудита на Западе

В конце XIX в. роль внутреннего аудита состояла в предупреждении и обнаружении искажений в деятельности хозяйствующих субъектов филиалов. После Второй мировой войны центр мировой экономики переместился в США, и соответственно в данный период внутренний аудит получил наибольшее развитие в Америке. После 1940-х гг., когда управление предприятиями в западных странах приобрело вид современного менеджмента, возникли наука управления и поведенческая наука. Это привело к появлению многочисленных школ менеджмента и быстрому развитию теории внутреннего аудита.

Создание отношений принципала и агента послужило причиной разделения собственности и управления, вследствие чего возник ряд проблем в управлении, и для смягчения этих проблем появился управленческий аудит.

В 1962 г. Уильям Леонард опубликовал книгу «Управленческий аудит», основная идея которой заключалась в объединении управленческого аудита и операционного аудита в единое целое. Он рассматривает управленческий аудит с точки зрения управленческих возможностей руководства на всех уровнях [5].

Следующий этап развития внутреннего аудита связан с публикацией в 1941 г. книги В. Бринка «Внутренний аудит» (Internal Auditing...), в которой автор обоснованно доказал, что роль внутреннего аудита выходит далеко за рамки бухгалтерского учета. В данном исследовании была также предложена теоретическая и методологическая система внутреннего аудита [6], которая заставила людей осознать его важность и значение.

В том же году был создан Международный институт внутренних аудиторов (The Institute of Internal Auditors, The IIA). The Institute of Internal Auditors является международной профессиональной ассоциацией, призванной развивать профессию внутреннего аудитора и поддерживать внутренних аудиторов во всем мире. В 1947 г. было разработано руководство по обязанностям внутреннего аудита, в котором содержалось первое определение и описание обязанностей внутреннего аудита [7].

В 1973 г. была опубликована книга Лоуренса Соьера «Современная практика внутреннего аудита», в которой была предложена сформированная полная теоретическая и практическая система внутреннего аудита.

В своем исследовании автор сумел интегрировать современную науку управления с практикой профессии внутреннего аудита, не только подробно описав приемы, методы, отчетность, управление и другие вопросы внутреннего аудита, отражающие современные реалии, но и определив способы, с помощью которых внутренний аудит «добавляет ценность» [8]. Данная работа легла в основу большого количества современных изданий по внутреннему аудиту.

В 1970-х гг. роль внутреннего аудита начала расширяться от финансового и операционного аудита до управления рисками и соответствия нормативным требованиям. Это способствовало разработке новых методов и технологий аудита, таких, например, как аудит, основанный на оценке рисков, который фокусировался на выявлении и приоритизации рисков организации.

В 1978 г. Дженсен и Миклинг представили агентскую теорию. В агентской теории предприятие рассматривается как серия «договорных связей», где владелец и оператор составляют высший уровень отношений принципала и агента на предприятии. Внедрение агентской теории в область внутреннего аудита привело к тому, что внутренний аудит стал уделять особое внимание и значение корпоративному управлению и управлению рисками, в результате чего появился аудит управления рисками [8].

В 1980-х гг. концепция внутреннего контроля начала привлекать внимание более широкого круга исследователей, что послужило толчком к разработке новых теорий и рамок. Большинство ученых считали, что внутренний аудит представляет собой составную часть внутреннего контроля, которая облегчает контроль различных звеньев управления со стороны высшего руководства. В «Заявлении об обязанностях внутренних аудиторов», выпущенном Международным институтом внутренних аудиторов в 1971 г., оценка внутреннего контроля определялась как основная обязанность внутреннего аудита.

Закон о зарубежной коррупционной практике, принятый в США в 1977 г. (FCPA – the Foreign Corrupt Practices Act of 1977), установил уставные обязанности внутреннего аудита в отношении внутреннего контроля [8]. Согласно данному закону компании должны были укреплять механизмы внутреннего бухгалтерского контроля, а внутренние аудиторы должны были оценивать механизмы внутреннего бухгалтерского и иного контроля на предмет их соответствия целям руководства и обеспечения адекватных гарантий в отношении разрешения операций, отражения и защиты собственности.

Джилл Кортманчер в своем анализе исследований в области внутреннего аудита также утверждает, что внутренний контроль является основным продуктом современного внутреннего аудита. Эндрю Чемберс полагает, что теория управления, которой должен обладать внутренний аудит, должна быть сосредоточена на концепции внутреннего контроля [9].

С 1990-х гг. глобализация экономики, развитие информационных технологий и провал фидуциарных обязательств оказали большое влияние на теорию и практику внутреннего аудита. В 1999 г. Международный институт

внутренних аудиторов (ПА) принял новое определение внутреннего аудита, в рамках которого внутренний аудит принимался как «независимая, объективная идентификация и консультационная деятельность, направленная на повышение ценности и улучшение деятельности организации». Согласно новому определению внутренний аудит должен оценивать и повышать эффективность процессов управления рисками, внутреннего контроля и руководства с помощью системного подхода, чтобы помочь достичь целей организации [9, с. 26].

Изначально основной целью внутреннего аудита было изучение бухгалтерских записей и финансовых отчетов для предотвращения ошибок и мошенничества. После финансовых скандалов, таких как бухгалтерское мошенничество в компании WorldCom в США и дело Enron, Нью-Йоркская фондовая биржа потребовала от зарегистрированных на бирже компаний учредить внутренних аудиторов. Позже был принят закон Сарбейнса – Оксли, который требует от всех публичных компаний в США использовать механизмы контроля и проводить оценку внутреннего контроля [10].

В связи с этим многие компании выбрали модель внутреннего контроля COSO («Внутренний контроль – Интегрированная модель»), в которой описываются компоненты, принципы и факторы, необходимые для эффективного управления организацией своими рисками посредством внедрения внутреннего контроля. Модель управления рисками COSO применяется в работе трех линий защиты [11]. С тех пор внутренний аудит и внутренний контроль существуют и развиваются в современном корпоративном управлении совместно. Внутренний аудит, как важная часть системы корпоративного управления, отражает внутреннее управление компанией, а также является контролером рисков корпоративного управления и ресурсом управления для основного органа организации.

Международный институт внутренних аудиторов (IIA) впервые предложил определение внутреннего аудита в 1947 г., и после более чем полувекового поиска последнее, седьмое, определение, данное IIA в 2001 г., звучит следующим образом: «Внутренний аудит – это независимая, объективная деятельность по обеспечению уверенности и консультированию, направленная на добавление ценности и улучшение деятельности организации. Он помогает организациям достичь своих целей путем применения систематического и дисциплинированного подхода к оценке и повышению эффективности процессов управления рисками, контроля и руководства» [12].

В 2005 г. Лоуренс Сойер предложил следующее определение: «Внутренний аудит – это деятельность внутренних аудиторов, которые проводят систематическую, объективную оценку различных операций и средств контроля в организации» [13]. По Сойеру, внутренний аудит должен иметь следующие цели и выявлять:

1. Является ли финансовая и операционная информация точной и надежной.
2. Были ли выявлены и минимизированы риски, которым подвергается бизнес.

3. Соблюдались ли внешние правила и приемлемые внутренние политики и процедуры.

4. Были ли достигнуты удовлетворительные операционные стандарты.

5. Эффективно и экономично ли использовались ресурсы.

6. Эффективно ли достигаются организационные цели.

Внутренние аудиторы призваны предоставлять консультации по вопросам управления и помогать членам организации более эффективно выполнять свои обязанности по управлению.

В настоящее время внутренний аудит расширился от традиционного финансового аудита до операционного аудита, управленческого аудита и контроля рисков, служа научному управлению, добавляя ценность внутри организации и помогая достигать организационных целей. Современный внутренний аудит в развитых странах Запада включает в себя аудит экономики (economy audit), аудит результативности (efficiency audit) и аудит эффективности (effectiveness audit) – так называемый аудит 3Е, и иногда также распространяется на аудит капитала (equity audit) и аудит окружающей среды (environment audit) – так называемая теория аудита 5Е [14].

Сегодня внутренний аудит продолжает играть важную роль в оказании помощи организациям в достижении их целей, управлении рисками и соблюдении этических стандартов. С появлением новых технологий, таких как аналитика данных и искусственный интеллект, внутренний аудит должен продолжать развиваться и адаптироваться к меняющимся потребностям организаций.

В настоящее время существует большое количество исследований, посвященных внутреннему аудиту, в которых можно встретить различные определения и толкования внутреннего аудита. Кто-то считает внутренний аудит процессом, подчиненным внутреннему контролю, или его элементом, кто-то контрольной или оценочной деятельностью, кто-то деятельностью по обеспечению руководства качественной информацией и т.д.

В мировом сообществе внутренних аудиторов общепризнанными являются международные стандарты, разработанные Международным институтом внутренних аудиторов (IIA) – Международные профессиональные стандарты внутреннего аудита.

На сегодняшний день все международное сообщество признает последнее определение, данное внутреннему аудиту Международным институтом внутренних аудиторов (IIA), в следующем виде: «Внутренний аудит – это деятельность по предоставлению независимых и объективных гарантий и консультаций, направленных на совершенствование деятельности организации. Внутренний аудит помогает организации достичь поставленных целей, используя систематизированный и последовательный подход к оценке и повышению эффективности процессов управления рисками, контроля и корпоративного управления» [15].

В целом, развитие внутреннего аудита на Западе, будь то древний, средневековый или современный этапы, основано на отношениях фидуциарных

обязательств, возникновение которых стало причиной появления внутреннего аудита и эволюция которых определяла и регулировала развитие функций внутреннего аудита.

Современный внутренний аудит имеет также подтверждающую и консультативную функции, что объясняется не столько субъективной человеческой волей, сколько исторической необходимостью в развитии отношений фидуциарных обязательств. Мы можем утверждать, что фундаментальной причиной появления внутреннего аудита служат неотъемлемые потребности организаций по контролю, управлению и оптимизации внутренних процессов.

Особенности развития внутреннего аудита в Китае

Китайская система внутреннего аудита зародилась в 1980-х гг. Между Китаем и западными странами все еще существует большой разрыв в области теоретических и практических исследований по внутреннему аудиту. Возникновение и становление внутреннего аудита в Китае отличаются от начальных стадий внутреннего аудита в западных странах. В Китае внутренний аудит возник не из системы отношений фидуциарных обязательств, а был создан как обязательное дополнение к государственному аудиту, которому он был подчинен. Таким образом, в Китае внутренний аудит является расширением функции государственного аудита.

В 1983 г. Госсовет КНР обнародовал документ под названием «Уведомление Госсовета о передаче запроса Ревизионной комиссии по ряду вопросов, касающихся проведения ревизий». В данном документе впервые в Китае была предложена концепция системного надзора за внутренним аудитом.

В Китае изучение внутреннего аудита началось только после 1980-х гг. Наиболее влиятельной работой по внутреннему аудиту считается исследование «Введение во внутренний аудит», написанное профессорами Ян Шучжи и Бао Гоми в 1988 г. В этой работе основное внимание уделяется теории и практике социалистического внутреннего аудита [16, с. 9].

В 1989 г. профессор Сюй Чжэндань опубликовал книгу «Внутренний аудит», которая стала первой значительной работой по внутреннему аудиту, изданной после реформ и открытия Китая.

После 1990 г. некоторые западные работы по бухгалтерскому учету и аудиту были переведены на китайский язык и опубликованы в Китае, что внесло большой вклад в развитие теоретических исследований по внутреннему аудиту внутри страны. Профессор Ян Шичжан был первым, кто представил в Китае концепцию фидуциарных обязательств. Он считает, что фидуциарные обязательства являются отправной точкой для всех аудиторских проверок и внутренний аудит – это, по сути, вопрос фидуциарных обязательств [17].

Многие ученые полагают, что разделение фидуциарной ответственности на фидуциарную финансовую ответственность и фидуциарную управленческую ответственность заложило прочный теоретический фундамент для современного внутреннего аудита. Современный внутренний аудит – это именно комплексный аудит, который включает в себя как финансовый, так и управленческий аудит.

Тянь Лицзюнь рассматривает философскую взаимосвязь между противоположностями и единством аудита, отмечая, что три лица – клиент, аудитор и проверяемые – вместе составляют аудиторские отношения и что, с одной стороны, между ними существуют определенные противоречия, но с другой – они взаимосвязаны и влияют друг на друга [18].

Ученый Ван Хайбин рассматривает внутренний аудит с точки зрения марксистской теории, фокусируясь на вопросах, связанных с внутренним аудитом. Он выделяет и подвергает исследованию пять аспектов внутреннего аудита: материализм, противоречие, коннекционизм, девелоппментализм и гуманизм. Ван Хайбин подробно останавливается на реализации и применении марксистской философии во внутреннем аудите, что способствовало построению теоретической системы философии аудита и инновационному развитию современного внутреннего аудита [19].

После вступления во Всемирную торговую организацию (WTO) в 2001 г. Китай начал больше узнавать и перенимать новые концепции развития международного внутреннего аудита. Китайские регулирующие органы разработали ряд норм и стандартов, направленных на усиление надзора за внутренним аудитом. В феврале 2002 г. Государственное министерство гражданских дел официально утвердило изменение названия Китайской ассоциации внутренних аудиторов на Китайский институт внутреннего аудита. Это означает, что отношения между профессиональной организацией внутреннего аудита и государственным контролем были определены заново. Таким образом, сфера деятельности внутреннего аудита была расширена, уходя от подчиненного положения национального аудита.

Комиссия по аудиту 2003 г. выпустила документ под названием «Положение о работе внутреннего аудита», где дается следующее определение: «Внутренний аудит – это независимый контроль и оценка правдивости, законности и эффективности финансовых доходов и расходов, финансовых поступлений и расходов, а также хозяйственной деятельности подразделения, направленных на то, чтобы способствовать лучшему управлению экономикой и достижению экономических целей». Такое определение окончательно отделило внутренний аудит от национальной службы аудита и дало ему большую независимость.

В документе «Стандарты внутреннего аудита», выпущенном Китайским институтом внутреннего аудита в 2003 г., дается следующее определение: «Внутренний аудит, как указано в настоящем стандарте, это независимая и объективная деятельность по контролю и оценке в организации, которая способствует достижению организационных целей путем проверки и

оценки подлинности, законности и эффективности операционной деятельности и внутреннего контроля» [20]. Из определения следует, что внутренний аудит охватывает финансовый и управленческий аудит; он имеет не только надзорную функцию, но также должен содействовать увеличению эффективности и результативности управленческой деятельности посредством оценки.

Китайский институт дипломированных общественных бухгалтеров (СІСРА) в 2007 г. выпустил «Стандарты аудита для дипломированных общественных бухгалтеров», в которых дается следующее определение: «Внутренний аудит – это оценка эффективности внутреннего контроля, правдивости и целостности финансовой информации, эффективности и результативности хозяйственной деятельности и т.д., проводимая внутренними органами или персоналом аудируемого лица. Это оценочная деятельность» [21].

Как видно из приведенных выше определений внутреннего аудита в различных организациях, концепция внутреннего аудита претерпела значительные изменения. По мере изменения социально-экономической системы, экономической среды и организационного управления менялись содержание и цель внутреннего аудита, а вместе с ним изменялась и концепция внутреннего аудита, что соответствует исторической перспективе развития. В целом, основные элементы современного внутреннего аудита должны включать следующие ключевые моменты [22]:

- 1) независимость и объективность;
- 2) оценку и судебную экспертизу;
- 3) систематизацию и стандартизацию;
- 4) добавление ценности для организации;
- 5) достижение организационных целей.

В марте 2018 г. Китай официально ввел в действие пересмотренные «Положения о работе внутреннего аудита 2003 г.». Эти положения расширили сферу надзора за внутренним аудитом и предоставили дальнейшее руководство для совершенствования системы внутреннего аудита. Кроме того, китайское понимание функций внутреннего аудита по управлению рисками и созданию добавленной ценности постепенно сближается с понятиями, предложенными Международным институтом внутренних аудиторов (IIA).

В течение довольно длительного времени после создания системы внутреннего аудита в Китае работа внутреннего аудита определялась государственными органами аудита. Китайский институт внутренних аудиторов играет важную роль в продвижении академических исследований и обмена практикой. Отделы внутреннего аудита коммерческих предприятий также накопили богатый опыт, благодаря чему выросла практика внутреннего аудита.

Внутренний аудит как важная часть внутрикорпоративного управления имеет большое практическое значение для улучшения управления и экономической эффективности предприятий и достижения их устойчивого разви-

тия. Если говорить о развитии внутреннего аудита в Китае и западных странах, то основное различие между ними заключается в том, что развитие внутреннего аудита на Западе в большей степени было обусловлено потребностями внутреннего управления предприятий, в то время как в Китае оно определялось и определяется обществом и правительством.

Выводы

В данной работе был проведен анализ исторического развития внутреннего аудита в западных странах и в Китае. Наше исследование показало, что развитие внутреннего аудита на Западе было тесно связано с процессом развития фидуциарных обязательств.

Обязательства по фидуциарному управлению являются одной из наиболее важных и фундаментальных концепций в теории корпоративного внутреннего аудита, а также основой теории корпоративного внутреннего аудита. Как в Китае, так и на Западе появление внутреннего аудита на предприятиях в основном было связано с обязательствами по фидуциарному управлению, а его теория и практика развивались вместе с развитием концепции обязательств по фидуциарному управлению.

Развитие внутреннего аудита в Китае отличается от западного тем, что внутренний аудит в Китае берет свое начало в административных распоряжениях и в ранние времена формировался и существовал как основа для государственного аудита. Эта модель аудита привела к неоднозначному пониманию функции внутреннего аудита и даже в некоторой степени помешала развитию теории и практики внутреннего аудита. На сегодняшний день руководство большинства компаний имеет слабое представление о внутреннем аудите, а также о существенных особенностях его независимости и ошибочно полагает, что аудит – это только проверка отчетности. Таким образом, на Западе одной из основных задач внутреннего аудита является оценка риска, в то время как в Китае, что следует из определений, эта задача не ставится. Однако по мере того, как внешняя турбулентная среда приобретает черты все большей неопределенности, прогнозирование и предупреждение рисков, сопутствующих достижению целей устойчивого развития компаний, становится весьма важной задачей.

Целью западного внутреннего аудита является обеспечение посредством оценки внутреннего контроля организации раскрытия потенциальных рисков для организации и эффективного, результативного и экономичного выполнения задач и целей организации.

В эпоху больших данных и искусственного интеллекта внутренний аудит приобретает все большее значение в управлении организацией, принимая на себя более широкий круг обязанностей и сталкиваясь при этом с большим количеством проблем, возникающих из-за неопределенности окружающей среды.

Список источников

1. *Вэнь Шуо*. История мирового аудита. Пекин : Китайская финансово-экономическая пресса, 1990.
2. *Chafild M.A.* History of accounting thought // *America: Business History Review*. 1974. № 49.
3. *И. Личжун*. Эволюция западного внутреннего аудита за 100 лет истории и последствия. // *Литература и история (теория)*. 2007. № 4. С. 4–7.
4. *Лю Ши*. Теория внутреннего аудита на предприятиях : дис. ... д-ра экон. наук. 1991.
5. *Даниэл С.А.А., Алеткин П.А.* Историко-эволюционное развитие операционного аудита // *Вести научных достижений // Бухгалтерский учет, анализ и аудит*. 2020. № 3.
6. *Brink V.E.* Internal auditing: its nature and function and methods of procedure. New York, 1941.
7. *Сайт* внутренних аудиторов. URL: <https://www.iaa-gu.ru/> (дата обращения: 20.04.2023).
8. *Sawyer L.B.* Modern internal auditing-the new profession // *The Accounting Review*. 1975. № 50 (1). P. 176–178.
9. *Эндрю Ч.* Внутренний аудит / пер. с англ. Чэнь Хуа. Пекин : Китайская финансово-экономическая пресса, 1995.
10. *Нуен Т.В.Л.* Сущность и эволюция развития внутреннего аудита // *Интернет-журнал «Науковедение»*. 2016. № 1. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/31EVN116.pdf> (дата обращения: 20.04.2023).
11. *Андерсон Дж., Юбэнкс Дж.* Эффективное применение COSO в модели трех линий защиты / пер. с англ. Л. Курочкина. 2015. URL: https://iaa-gu.ru/upload/documents/professional_practice/position_papers/%D0%AD%D1%84%D1%84%D0%B5%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%BD%D0%BE%D0%B5%20%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20COSO%20%D0%B2%20%D0%BC%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%B5%20%D1%82%D1%80%D0%B5%D1%85%20%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D0%B9%20%D0%B7%D0%B0%D1%89%D0%B8%D1%82%D1%8B.pdf
12. *IAA*. Standards for Professional Practice of Internal Auditing. SPP, 2001.
13. *Лоуренс Б.С.* Внутренний аудит / пер. с англ. Тай Сянь Юй. Пекин : Китайская финансово-экономическая пресса, 2005.
14. *Сяо Тянье, У Сяоцин, Луо Гуаннин*. Исследование теории «3Е» аудита эффективности // *Деловой учет*. 2011. С. 51–53.
15. *Сайт* института внутренних аудиторов. URL: https://www.iaa-gu.ru/inner_auditor/professional/ (дата обращения: 20.04.2023)
16. *Ян Шучжи, Бао Гоми*. Введение в внутренний аудит. Пекин : Китайская финансово-экономическая пресса, 1988.
17. *Ян Шичжан*. Собрание сочинений Ян Шичжан. Пекин : Издательство по управлению бизнесом, 1997.
18. *Тянь Лицзюнь*. Единство противоположности: философские размышления об аудиторских отношениях. Северо-восточный университет финансов и экономики, 2007. С. 12–16.
19. *Ван Хайбин*. Исследование внутреннего аудита на основе перспективы марксистской философии. Юго-Западный университет политических наук и права, 2017. С. 100–109.
20. Официальный сайт Китайского института внутреннего аудитора. URL: <http://www.ciaa.com.cn/cndetail.html?id=66991> (дата обращения: 20.04.2023).
21. Официальный сайт Китайского института дипломированных общественных бухгалтеров. URL: https://www.cicpa.org.cn/ztl1/Professional_standards/xxztx/zyzz/sjzz/index.html (дата обращения: 20.04.2023).

22. Хоу Фан, Цю Дяньбо. Исследование развития внутреннего аудита в Китае // Китайская информатизация управления. 2010. С. 29–31.

References

1. Wen Shuo. (1990) *History of global audit*. Beijing: China Economic and Financial Press. (In Chinese).
2. Michael, C.A. (1974) History of accounting thought. *America: Business History Review*. 49.
3. Yi Lizhong. (2007) The evolution of Western internal audit over 100 years of history and consequences. *Literature and history (theory)*. 4. pp. 4–7. (In Chinese).
4. Liu Shi. (1991) *Theory of internal audit at enterprises*. Economics Dr. Diss. S.I. (In Chinese).
5. Daniel, S.A.A. & Aletkin, P.A. (2020) Istoriko-evolyutsionnoe operatsionnogo audita [Historical-evolutionary operational audit]. *Bukhgalterskiy uchet, analiz i audit*. 3.
6. Brink, V.E. (1941) *Internal auditing: its nature and function and methods of procedure*. New York: Ronald Press Company.
7. *Website of Internal Auditors*. [Online] Available from: <https://www.iaa-ru.ru/> (Accessed: 20.04.2023).
8. Sawyer, L.B. (1975) Modern internal auditing-the new profession. *The Accounting Review*. 50 (1). pp. 176–178.
9. Chambers. A. (1995) *Internal auditing*. Beijing: China Economic and Financial Press. (In Chinese).
10. Nguen, T.V.L. (2016) Sushchnost' i evolyutsiya razvitiya vnutrennego audita [The essence and evolution of the development of internal audit]. *Naukovedenie*. 1. [Online] Available from: <http://naukovedenie.ru/PDF/31EVN116.pdf> (Accessed: 20.04.2023).
11. Anderson, D.J. & Eubanks, G. (2015) Leveraging COSO Across Three Lines of Defense. [Online] Available from: https://iaa-ru.ru/upload/documents/professional_practice_position_papers/%D0%AD%D1%84%D1%84%D0%B5%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%BD%D0%BE%D0%B5%20%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20COSO%20%D0%B2%20%D0%BC%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%B5%20%D1%82%D1%80%D0%B5%D1%85%20%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D0%B9%20%D0%B7%D0%B0%D1%89%D0%B8%D1%82%D1%8B.pdf (In Russian).
12. IIA. (2001) *Standards for Professional Practice of Internal Auditing*. SPP.
13. Lawrence, B.S. (2005) *Internal audit* Beijing: China Financial and Economic Press. (In Chinese).
14. Xiao Tianye, Wu Xiaoqing & Luo Guangning. (2011) Study of the “3E” theory of performance audit. *Business Accounting*. pp. 51–53. (In Chinese).
15. *Website of the Institute of Internal Auditors*. [Online] Available from: https://www.iaa-ru.ru/inner_auditor/professional/ (Accessed: 20.04.2023)
16. Yan Shuchzhi & Bao Gomi. (1988) *Introduction to internal audit*. Beijing: Chinese Financial and Economic Press. (In Chinese).
17. Yang Shizha. (1997) *Collected Works*. Beijing: Business Management Publishing House. (In Chinese).
18. Tian Lijun. (2007) *The Unity of Opposites: Philosophical Reflections on the Audit Relationship*. Northeastern University of Finance and Economics. pp. 12–16. (In Chinese).
19. Wang Haibing. (2017) *A study of internal auditing based on the perspective of Marxist philosophy*. Southwestern University of Political Science and Law. pp. 100–109. (In Chinese).
20. *Official website of the Chinese Institute of Internal Auditor*. [Online] Available from: <http://www.ciia.com.cn/cndetail.html?id=66991> (Accessed: 20.04.2023). (In Chinese).

21. *Official website of the Chinese Institute of Certified Public Accountants*. [Online] Available from: https://www.cicpa.org.cn/ztl1/Professional_standards/xxztx/zyzz/sjzz/index.html (Accessed: 20.04.2023). (In Chinese).

22. Hou Fan & Qiu Dianbo. (2010) Study of the development of internal audit in China. *Chinese Management Informatization*. pp. 29–31. (In Chinese).

Информация об авторе:

Гао Маньфэй – Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация). E-mail: st112915@student.spbu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Gao Manfei, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: st112915@student.spbu.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 16.03.2024;
одобрена после рецензирования 02.05.2024; принята к публикации 16.05.2024.*

*The article was submitted 16.03.2024;
approved after reviewing 02.05.2024; accepted for publication 16.05.2024.*

Научная статья
УДК 330, 331
doi: 10.17223/19988648/66/13

Оценка зависимости финансово-экономических результатов предприятия от макроэкономических индикаторов

Андрей Евгеньевич Смирнов¹, Эдуард Михайлович Черняк²,
Михаил Эдуардович Черняк³

^{1, 2, 3} *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

¹ *Smirnov_gips@mail.ru*

² *eduard.chernyak.00@mail.ru*

³ *chernyak.mihail@bk.ru*

Аннотация. Одними из основных показателей финансово-экономического успеха компании являются такие, как выручка и прибыль. Будучи обособленными единицами, своей совокупностью компании создают фундамент экономики России. В связи с этим компании подвержены влиянию макроэкономических индикаторов, причем один индикатор может влиять с разной силой, с учетом гомогенности компаний отрасли. Данный факт определяет необходимость индивидуальной интерпретации оценок влияния индикаторов для компаний каждой отрасли. Попытки использовать традиционные методы оценки прогнозирования сталкиваются с рядом проблем, которые влияют на надежность оценок воздействия и устойчивость долгосрочных прогнозов на основе моделей. Статья посвящена оценке влияния макроэкономических индикаторов на финансово-экономические результаты российских предприятий из различных отраслей. В работе обоснован выбор ключевых отраслей отечественной экономики. Сформулировано предположение о наборе индикаторов, оказывающих влияние как на экономику России в целом, так и на выбранные отрасли. Отобранные индикаторы использованы в модели в виде входных факторов. Дано обоснование выбора рассматриваемых предприятий в рамках предложенных ранее отраслей. На основании данных о предприятиях, взятых из открытых источников, оценено влияние макроэкономических индикаторов на показатели предприятий на основе модели вида ARIMAX. Набор моделей был получен путем перебора множества комбинаций, влияющих на процессы временных рядов и входных переменных. Некоторые модели оценивают влияние структурных элементов временного ряда, содержащихся в зависимой переменной. По результатам агрегирования была проведена интерпретация, направленная на демонстрацию возможности получения качественных выводов при использовании альтернативных методов прогнозирования. Предложено использование полученных оценок уравнений модели вида ARIMAX для прогнозирования финансовых результатов российских предприятий при оценке входных факторов.

Ключевые слова: макроэкономические индикаторы, финансово-экономические результаты предприятий, оценивание параметров уравнений, прогнозирование

Для цитирования: Смирнов А.Е., Черняк Э.М., Черняк М.Э. Оценка зависимости финансово-экономических результатов предприятия от макроэкономических индикаторов и оборотных средств // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2024. № 66. С. 198–218. doi: 10.17223/19988648/66/13

Original article

Assessment of the dependence of the enterprise's financial and economic results on macroeconomic indicators

Andrey E. Smirnov¹, Eduard M. Chernyak², Mikhail E. Chernyak³

^{1, 2, 3} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ Smirnov_gips@mail.ru

² eduard.chernyak.00@mail.ru

³ chernyak.mihail@bk.ru

Abstract. Among the main indicators of a company's financial and economic success are indicators such as revenue and profit. Being separate units, the totality of large, medium and small enterprises is the foundation of the country's economy. In our case, it is the Russian economy. It is obvious that each sector of the Russian economy will be influenced by macroeconomic indicators with different strengths, despite the external homogeneity of the sectors. This fact determines the need for an individual assessment of the influence of factors on each industry, as well as, in particular, special approaches to assessing their impact. Attempts to use conventional forecasting assessment methods face a number of challenges that affect the reliability of impact estimates and the robustness of long-term model-based forecasts. The article assesses the influence of macroeconomic indicators on the financial and economic results of Russian enterprises from various industries. As part of the work, the selection of key sectors of the domestic economy for the article, for which the procedure for modeling financial results will be carried out, is justified. A hypothesis is formulated about a set of factors that supposedly have a serious impact on both the Russian economy as a whole and on selected industries. The selected factors were used as input variables for the models. Based on processed data on enterprises taken from open sources, a number of models were built that included certain macroeconomic factors in various processing. Also, the rationale for selecting the best models from the resulting set based on information criteria is given. For enterprises in selected sectors of the Russian economy, quantitative estimates of the influence of certain factors that have the greatest impact on the output values of profit and revenue were obtained. The set of models was obtained by searching through many combinations of influencing time series processes and input variables. Some models evaluate the influence of structural elements of the time series that are contained in the dependent variable. Based on the aggregation results, an interpretation was carried out aimed at demonstrating the possibility of obtaining high-quality conclusions when using alternative forecasting methods. It is proposed to use the developed models to predict the financial results of Russian enterprises.

Keywords: macroeconomic indicators, financial and economic results of enterprises, estimating equation parameters, forecasting

For citation: Smirnov, A.E., Chernyak, E.M. & Chernyak, M.E. (2024) Assessment of the dependence of the enterprise's financial and economic results on macroeconomic indicators. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 66. pp. 198–218. (In Russian). doi: 10.17223/19988648/66/13

Введение

Огромную роль в формировании финансово-экономического результата предприятия играют различные макроэкономические факторы, к которым относятся, к примеру, уровень инфляции, ключевая ставка центрального банка, курс доллара США по отношению к рублю (далее – валютный курс). Выявление закономерностей и прогнозирование финансово-экономического результата предприятия с помощью оценок уравнений модели, составленных на основе влияния различных, в том числе макроэкономических факторов, а также адаптация под современные экономические реалии является одной из важных задач при планировании деятельности компаний.

Прогнозирование финансово-экономических результатов зачастую проводится с использованием набора входных факторов на основе оценок параметров их влияния на выручку или прибыль. Наиболее распространенный вид используемого для этого вида моделей – множественная линейная регрессия с аддитивным вхождением независимых переменных [1, 2].

Подобные модели обладают множеством хороших свойств: простотой построения; удобством интерпретации оценок коэффициентов уравнения; возможностью учета влияния нескольких входных переменных. При этом модель линейной множественной регрессии способна обеспечивать высокую точность прогнозирования, особенно при рассмотрении небольших периодов времени. Однако подобный вид моделей имеет существенный недостаток – затруднена работа с временными рядами. В связи с этим в моделях линейной множественной регрессии не учитываются долгосрочные тренды и цикличность, сезонность.

Стоит отметить, что развитие математического аппарата и получение обширных вычислительных возможностей позволяют использовать методы моделирования и прогнозирования, которые включают как влияние входных переменных, так и особенности временных рядов. Одним из видов таких моделей является ARIMAX. Из-за особенностей подготовки данных к моделированию, изменяющейся интерпретации оценок параметров уравнений модели и повышенной вычислительной сложности их использование не так популярно, как использование линейной регрессии [3].

Обоснование выбора отраслей экономики России и наиболее значимых макроэкономических индикаторов

Российская экономика подвержена неоднозначному влиянию различных макроэкономических индикаторов. Поэтому для оценки воздействия макроэкономических факторов на финансовые результаты предприятий предлагается рассмотреть набор комбинаций этих индикаторов для некоторых отраслей экономики страны.

В рамках исследовательской работы было проанализировано два различных сектора российской экономики: агропромышленный комплекс и металлургия. Наш выбор обоснован их устойчивой значимостью для экономики

страны и для мировой экономики. Агропромышленный комплекс России – один из ключевых секторов национальной экономики, обеспечивающий продовольственную безопасность Российской Федерации. На его долю приходится до 6% объема ВВП страны и 9,5% численности занятых. Доля России в мировом агропромышленном производстве составляет около 1,3%. [4]. В период с 2011 по 2023 г. доля сельского хозяйства в валовой добавленной стоимости составляла в среднем 3,4–4,5%. Показатель объема производимой в сельском хозяйстве продукции за последние 20 лет умеренно возрастал. Это связано с появлением крупных фермерств и сельскохозяйственных предприятий.

Россия занимает лидирующие позиции в общемировом объеме сельского хозяйства:

- 1-е место по экспорту пшеницы. Доля в мировом экспорте – 21% (2023) против 19,6 (2022 г.). В 2023/24 г. Россия установит новый мировой рекорд экспорта пшеницы – 51 млн т, что на 3,5 млн т больше, чем годом ранее;
- 1-е место по экспорту ячменя. Доля в мировом экспорте – 12,4% (2021 г.). Экспорт ячменя в 2023 г. составил 5 млн т;
- 2-е место по экспорту подсолнечного масла – 28% (2023 г.);
- 8-е место по производству кукурузы – 1,2% (2023 г.).

Что касается поставок российского мяса, то в 2023 г. РФ экспортировала 649 тыс. т этой продукции, включая 309 тыс. т мяса и субпродуктов птицы в убойном весе, 158 тыс. т свинины и 31 тыс. т говядины.

Производство мяса в России по итогам 2023 г. достигло 11,7 млн т. В этом объеме 5,3 млн т мяса птицы, 4,8 млн т – мясо свинины, 1,7 млн т – мясо говядины, свидетельствуют данные Россельхознадзора.

Доля металлургической промышленности в ВВП России по состоянию на конец 2021 г. оценивалась примерно как 2,5%, в добавленной стоимости промышленного производства – около 17%, в экспорте – около 10%, в экспорте обрабатывающей промышленности – 29,2% [5]. Объем продукции в металлургическом производстве – 2,522 трлн руб. (2022 г.) [6]. Инвестиции в основной капитал в металлургическом производстве за период 2014–2019 гг. превысили 1,7 трлн руб. [7]. Средняя начисленная заработная плата в металлургическом производстве – 52 678 руб./мес. (2024 г.) [8].

Доля черной металлургии в объеме промышленного производства России составляет около 10%. В состав черной металлургии входит более 1,5 тыс. предприятий и организаций, 70% из них – градообразующие, число занятых – более 660 тыс. человек [9].

По итогу 2023 г. Россия нарастила выплавку стали на 5,6% по отношению к 2022 г., согласно данным Всемирной ассоциации стали. Россия занимает 5-е место в мире по производству стали (75,8 млн т в год) [10].

В отрасли цветной металлургии РФ контролирует до 40% мирового производства никеля, 20% алюминия, а также большую часть меди и платиноидов. Валовой оборот цветной металлургии за год превышает 11 млрд \$. Следует отметить, что цветная металлургия является экспортно-ориентированной отраслью, примерно 70% произведенных цветных металлов уходит

за пределы России: экспорт никеля, алюминия и меди составляет 20, 48 и 12% соответственно [11].

В 2023 г. российский рынок металлопотребления вырос на 7%, до 46,3 млн т стали. В строительстве спрос вырос на 9% относительно 2022 г. Машиностроение увеличило потребление на 14% после кризиса 2022 г. Потребление со стороны автомобилестроения увеличилось на 29% за счет высокого спроса на грузовую, коммерческую и специальную технику, роста производства на «АвтоВАЗе» и выпуска автокомпонентов [12].

Было принято решение остановиться на двух крупных предприятиях из каждой из рассматриваемых отраслей. Для агропромышленного комплекса были выбраны ГК «РусАгро» и ГК «Черкизово», для металлургии – ПАО «Северсталь» и ПАО «НЛМК». Выбор компаний обусловлен их крупными размерами; наличием открытой отчетности; относительной стабильностью в течение рассматриваемого промежутка времени при анализе предприятий.

Группа компаний «РусАгро» – крупнейший частный агрохолдинг России. Он занимает лидирующие позиции в производстве сахара, свиноводстве, растениеводстве и масложировом бизнесе. Контролирует 13% рынка сахара в России. В своем распоряжении имеет 18 заводов. Земельный банк «РусАгро» – 643 тыс. га. Продукция экспортируется в 60 стран. Численность – более 20 000 человек.

ПАО «Группа Черкизово» – российская группа компаний, предприятие, занимающееся производством мясной продукции. Крупнейший производитель мяса в России [13].

У предприятия первое место по производству мяса в России, первое – по производству комбикормов, второе – по производству мяса бройлеров, седьмое – по производству мяса свинины. Численность – более 31 000 человек.

Группа компаний «НЛМК» – международная сталелитейная компания с активами в России, США и странах Европы. Основной актив группы – Новолипецкий металлургический комбинат. НЛМК выпускает около 21% от всего российского производства стали, 21% – проката, 19% – проката с полимерным покрытием. Мощности по производству стали в год – 17,1 млн т, продажи – 16,8 млн т. НЛМК потребляет ежегодно порядка 14 млн т железорудного сырья. Также НЛМК ежегодно потребляет порядка 5,5 млн т коксующегося угля. Численность – 45 000 человек.

ПАО «Северсталь» – также одно из крупнейших сталелитейных предприятий России. В 2021 г. компания вошла в рейтинг журнала Forbes «200 крупнейших частных компаний России», где заняла 16-е место с выручкой 494,8 млрд руб. Общие показатели: 10,7 млн т стали в год, 11 млн т чугуна, продано 2,3 млн т чугуна и 11 млн т стальной продукции. Численность – 46 000 человек.

Для попытки оценки влияния макроэкономических индикаторов на динамику финансово-экономических показателей выбранных отраслей было принято решение рассмотреть следующие факторы, потенциально влияющие на финансово-экономические результаты предприятия: ключевую ставку центрального банка, уровень инфляции, валютный курс.

В современных реалиях инфляция превышает границы таргетов в большинстве стран мира. В связи с геополитической и, как следствие, экономической нестабильностью происходят колебания ставок рефинансирования. Стремление монетарных институтов по сдерживанию инфляции приводит к давлению на инвестиционную активность в государственных масштабах. Банк России в этих условиях принял беспрецедентные меры по повышению ключевой ставки и ряд ограничительных мер на валютном рынке [14]. В то время как в мире сегодня говорят о необходимости смягчения ДКП, Банк России придерживается лишь дальнейшего ее ужесточения.

Обменный курс определенной валюты постоянно меняется под влиянием многочисленных фундаментальных и технических факторов, которые включают в себя: спрос и предложение со стороны валют, экономические показатели, инфляционные перспективы, процентные ставки, технические уровни поддержки валют, показатели деятельности крупных участников валютного рынка и т.д. Следует учитывать, что валютный курс оказывает существенное влияние на конкурентоспособность в рамках внешнеторговых отношений страны. На основе курсового соотношения валют с учетом удельного веса данной страны в мировой торговле рассчитывается эффективный валютный курс. Валютный курс оказывает влияние на соотношение экспортных и импортных цен, конкурентоспособность компаний, прибыль предприятий. Резкие колебания валютного курса усиливают нестабильность международных экономических, в том числе валютно-кредитных и финансовых, отношений, вызывают негативные социально-экономические последствия [15].

Макроэкономические индикаторы в России

Рассмотрим графики основных макроэкономических показателей, оказывающих влияние на деятельность российских предприятий (рис. 1–3).

В связи с макроэкономической нестабильностью Банк России использует монетарные инструменты для поддержания уровня инфляции в границах таргета. В связи с устоявшейся традиционной ролью ключевой ставки, как одного из важнейших показателей монетарной политики, мы рассмотрим его влияние подробнее.

Один из наиболее спорных, по мнению населения, показателей, который, тем не менее, служит важным индикатором общего уровня цен в России. Относительная стабильность значений на уровне более 1 может говорить о стабильности в экономике. При этом экономика реагирует на внешние воздействия, что отражается в пиках 2015 и 2022 гг., а также в колебаниях сезонного характера.

Сопоставляя графики инфляции, ключевой ставки Банка России и валютного курса, можно сделать ряд выводов, начиная от наиболее очевидного – Банк России повышает ключевую ставку вслед за ослаблением национальной валюты для сдерживания роста инфляции.

Рис. 1. Уровень ключевой ставки Банка России в 2011–2023 гг., %.

Источник: составлено авторами по данным [16]

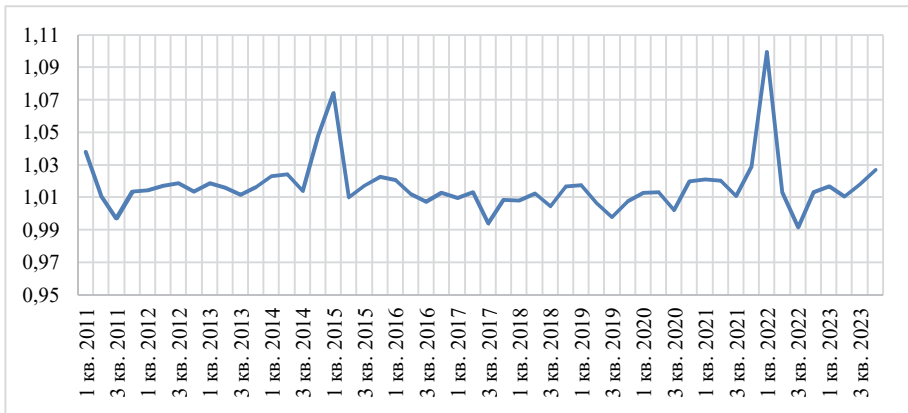

Рис. 2. ИПЦ России с 1 кв. 2011 г. по 4 кв. 2023 г.

Источник: составлено авторами по данным [17]

Рис. 3. Валютный курс с 1 кв. 2011 г. по 4 кв. 2023 г.

Источник: составлено авторами по данным [18]

Менее очевидный вывод заключается в том, что повышение инфляции выражается в росте выручки. Увеличение объема запасов предприятий может привести к увеличению выручки предприятия, однако чистая прибыль далеко не обязательно будет расти ввиду повышения реальных цен на импортное сырье, подорожание арендуемых площадей, а также из-за повышения зарплат работников для нивелирования влияния инфляции на их доходы.

Обоснования выбора оценок уравнений модели

Исследование предполагает моделирование финансовых результатов крупных компаний двух секторов российской экономики: металлургического и агропромышленного. Моделирование, помимо прогнозной функции, призвано выявить факторы, оказывающие сильное влияние на финансовые результаты компаний.

Наиболее точно оценить уравнения модели, соответствующей минимуму значения критерия Акаике или Байеса, возможно только перебором нескольких, наиболее подходящих оценок уравнения модели. Мы воспользуемся языком программирования R.

В качестве откликов будут выбраны показатели финансовых результатов компаний: выручка и чистая прибыль по РСБУ, скорректированные на средний уровень инфляции, исчисленный в виде накопленного ИПЦ. Для эндогенных переменных прежде всего представим данные в виде прироста финансовых результатов за указанный квартал. Входные переменные: объем запасов (Inventories) и оборотных активов (Obor) компаний по РСБУ; валютный курс рубля к доллару (ExRate); ключевая ставка Банка России (Refin).

Предпосылка использования ARIMAX модели предполагает стационарность каждой переменной, включенной в модель. Проверка на стационарность будет проводиться с помощью ADF-теста. Для обеспечения стационарности прибегнем к преобразованию переменных в зависимости от исходной близости к стационарности. В частности, используем переход к темпам прироста к прошлому кварталу, темпам прироста относительно аналогичного квартала прошлого года, нормированию и центрированию.

1. ADF-тест с константой:

Напомним, что принцип проверки заключен в оценке параметра в уравнении модели AR (1) и последующей проверке гипотез.

То есть первый этап заключен в оценке уравнения (1) [19, с. 187]:

$$\widehat{\Delta y}(t) = \hat{c} + \hat{\mu}y(t-1) + \sum_{i=1}^p \hat{d}_i * \Delta y(t-p), \quad (1)$$

где $\hat{c}$ – константа; $\hat{d}_i$ – веса центрирования отклонений; $\hat{\mu}$ – оцениваемый параметр.

Затем проводится проверка статистической гипотезы (2) [19, с. 187]:

$$H_0: \mu = 1 \quad (2)$$

при альтернативе

$$H_1: \mu < 0.$$

Отклонение основной гипотезы в сторону альтернативной свидетельствует о стационарности модели с точки зрения расширенного критерия Дики–Фуллера. Расчет ADF -статистики проведем по формуле (3) [19, с. 187].

$$ADF = \frac{\hat{\mu} - 1}{\hat{s}_{\hat{\mu}}}, \quad (3)$$

где $\hat{s}_{\hat{\mu}}$ – оценка дисперсии оценки параметра.

Если $ADF < DF^c$ (распределение Дики–Фуллера с константой), то H_0 отвергается.

2. ARIMAX. Определение закономерностей и построение прогнозов будут осуществляться в виде модели ARIMAX. Общий вид приведем в формуле (4) [20]:

$$y_t = c + \hat{\beta}_1 y_{t-1} + \dots + \hat{\beta}_p y_{t-p} + \hat{\theta}_1 a_t \dots + \hat{\theta}_m z_t + \hat{\gamma}_1 u_{t-1} + \dots + \hat{\gamma}_q u_{t-q}, \quad (4)$$

где c – свободный член; $\hat{\beta}_p$ – оценка влияния AR_{t-p} процесса; y_t – значение эндогенной переменной в момент t ; $\hat{\theta}_1$ – оценка параметра регрессора a_t ; $\hat{\theta}_m$ – оценка параметра регрессора z_t ; $\hat{\gamma}_q$ – оценка влияния u_{t-p} процесса; u_t – белый шум в момент t ; p – высший порядок AR процесса; m – число входных переменных модели; q – высший порядок MA процесса.

3. AIC. Автоматический подбор наилучшей оценки уравнения модели в RStudio минимизирует информационный критерий Акаике, рассчитываемый по формуле (5) [20]:

$$AIC = 2 \frac{m}{N} + \ln\left(\frac{1}{N} \sum_{t=1}^N \hat{e}(t)\right), \quad (5)$$

где m – число параметров модели; N – объем выборки; $\hat{e}(t)$ – оценки остатков модели.

Результаты исследования

Моделирование временных рядов в экономике всегда сопряжено с учетом глобальной нестабильности, вызванной различными причинами. В рассматриваемый нами период попал экономический кризис 2012 г.; события в Украине 2014 г.; эпидемия COVID-19; начало специальной военной операции 2022 г.; санкционное давление на Россию в течение 2014–2023 гг. Финансовые результаты выделенных ранее компаний, очевидно, подвергались влиянию глобальной нестабильности. Соответственно, при моделировании мы можем столкнуться с препятствиями в виде выбросов или смены структуры временного ряда. В целях обеспечения адекватности будущего моделирования, представим финансовые результаты рассматриваемых компаний графически предварительно приведя значения к уровню цен 4 кв. 2011 г. Рассмотрение графиков позволит определить, в какие периоды времени наблюдались сильные колебания финансовых результатов, насколько сильными были колебания. Кроме того, визуальная оценка может указать на выраженные структурные компоненты временных рядов и поможет сравнить финансовые результаты компаний соответствующих отраслей. На рис. 4, 5

представлены графические интерпретации чистой прибыли и выручки компаний металлургической отрасли соответственно.

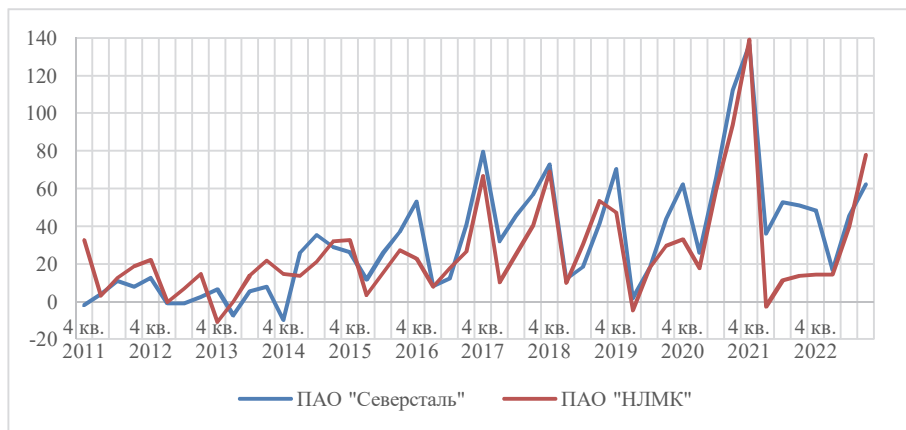

Рис. 4. Динамика чистой прибыли металлургических компаний в 2012–2023 гг., в ценах 4 кв. 2011 г., млрд руб.

Источник: составлено авторами на основе открытой отчетности с официальных сайтов компаний и [17]

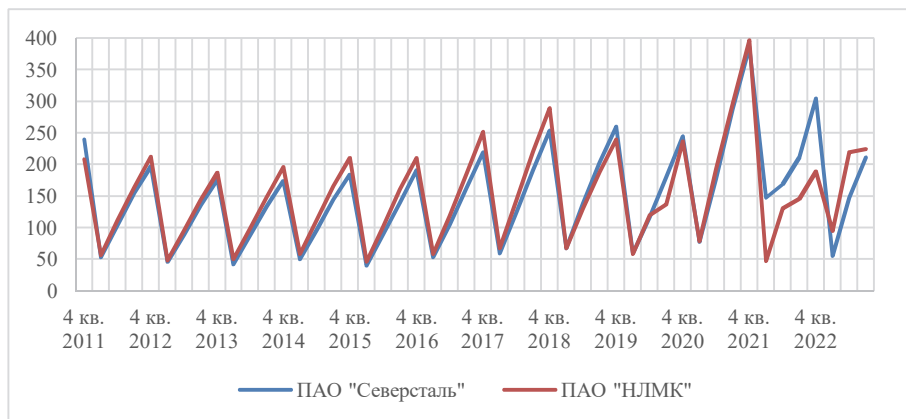

Рис. 5. Динамика выручки металлургических компаний в 2012–2023 гг., в ценах 4 кв. 2011 г., млрд руб.

Источник: составлено авторами на основе открытой отчетности с официальных сайтов компаний и [17]

На рис. 4 наглядно представлено, что чистая прибыль металлургических компаний имела сильное колебание в сторону увеличения во втором полугодии 2021 г. При этом наблюдается сезонный характер динамики прибыли обеих компаний; тренд на увеличение прибыли с 2012 по 2018 г. и замедление роста прибыли с 2018 по 2023 г. Наличие отрицательных величин чистой прибыли, увеличение колебаний к концу рассматриваемого периода и «слом» тренда указывают на будущие трудности моделирования и сдержанные ожидания в смысле точности полученных оценок уравнений модели.

На рис. 5 можем видеть умеренные колебания выручки с 2012 по 2020 г. Во втором полугодии 2021 г. у обеих компаний наблюдался скачок выручки на 150 млрд руб. относительно пика 2020 г. При этом через год ПАО «Северсталь» имело второй скачок выручки, на 50 млрд руб. относительно 2020 г. Кроме того, присутствует выраженная сезонность и отсутствует «слоем» тренда. Следовательно, выручка металлургических компаний может моделироваться, при этом точность полученных оценок уравнений модели ожидается выше, чем для оценок уравнений модели чистой прибыли.

Для агропромышленных компаний приведем графические интерпретации чистой прибыли и выручки на рис. 6, 7 соответственно.

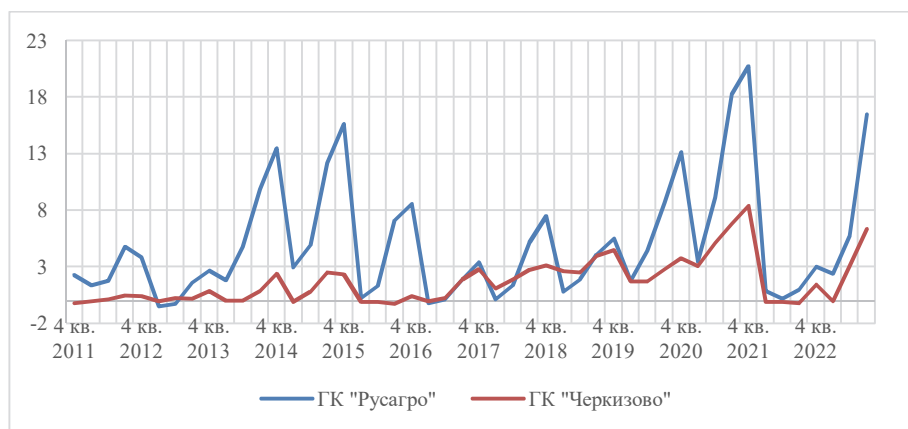

Рис. 6. Динамика чистой прибыли агропромышленных компаний в 2012–2023 гг., в ценах 4 кв. 2011 г., млрд руб.

Источник: составлено авторами на основе открытой отчетности с официальных сайтов компаний и [17]

Из рис. 6 наглядно следует, что колебания чистой прибыли агропромышленных компаний более неравномерные, чем колебания чистой прибыли металлургических компаний. Стоит отметить, что периоды роста чистой прибыли агропромышленных компаний совпадают с геополитическими и экономическими кризисами. Кроме того, отсутствует выраженная сезонность; наиболее продолжительный период тренда на рост чистой прибыли находится между 2017 и 2021 гг.; нивелирование тренда на рост чистой прибыли происходило в течение года. Следовательно, моделирование чистой прибыли агропромышленных компаний, как и в случае с моделированием чистой прибыли металлургических компаний, будет затруднено, а точность полученных оценок уравнений модели не ожидается на высоком уровне.

Отраженная на рис. 7 динамика выручки агропромышленных компаний имеет выраженную сезонность и тренд на увеличение на протяжении рассматриваемого периода. Однако выручка ГК «Черкизово» в 1 полугодии 2022 г. испытала сильное снижение и начала полноценное восстановление только в 2023 г. Также в конце рассматриваемого периода можем отметить большую волатильность выручки, чем в начале периода. Соответственно

ождается, что моделирование выручки агропромышленных компаний, как и в случае с металлургическими компаниями, позволит получить более точные оценки уравнений модели относительно оценок моделей чистой прибыли.

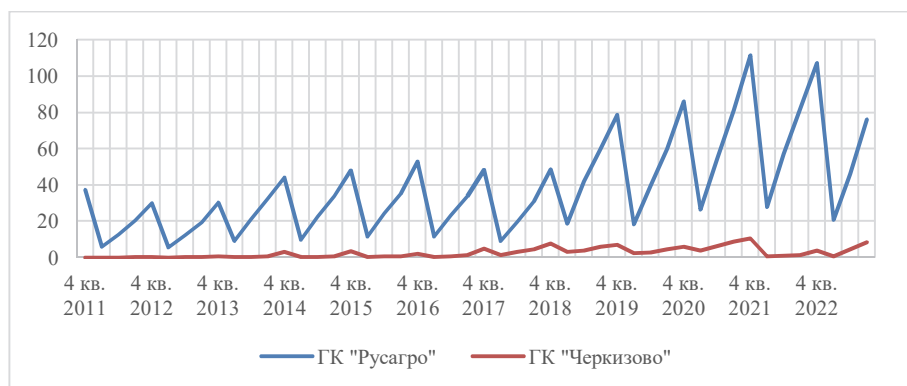

Рис. 7. Динамика выручки агропромышленных компаний в 2012–2023 гг., в ценах 4 кв. 2011 г., млрд руб.

Источник: составлено авторами на основе открытой отчетности с официальных сайтов компаний и [17]

Выделение самых точных, в смысле критерия Акаике, оценок уравнений модели основывалось на включении в них различных комбинаций регрессоров. В табл. 1, 2 представлены отобранные оценки уравнений модели для чистой прибыли и выручки металлургических компаний соответственно.

Таблица 1. Моделирование чистой прибыли металлургических компаний

Влияющий фактор	ПАО «Северсталь»								ПАО «НЛМК»			
	$T_{пр}^k$ прошлому году				$T_{пр}^k$ прошлому кв.				$T_{пр}^k$ прошлому году			
MA (1)					-0,886	-0,893	-0,889	-0,890				
Intercept	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Inventories	-	-	-	2,051	-	-	1,130	-	-	-	-	-0,011
Obor	-	-	0,128	-	-	-	-	0,849	-	-	-0,099	-
ExRate	-	0,371	-	-	-	-3,233	-	-	-	0,029	-	-
Refin	0,749	-	-	-	-1,854	-	-	-1,622	0,015	-	-	-
AIC	231,7	231,7	231,7	228,7	187,9	189,3	189,3	188,8	345,7	345,8	345,7	345,8
Объем выборки	45				48				45			

Источник: составлено авторами на основе открытой отчетности с официальных сайтов компаний.

Примечание: $T_{пр}^k$ прошлому году – темп прироста к аналогичному кварталу прошлого года; $T_{пр}^k$ прошлому кв. – темп прироста относительно прошлого квартала; MA (N) – процесс скользящего среднего порядка N; Intercept – свободный член; Inventories – объем запасов компании по РСБУ; Obor – объем оборотных активов компаний по РСБУ; ExRate – валютный курс рубля к доллару; Refin – ключевая ставка Банка России.

Темп прироста чистой прибыли ПАО «Северсталь» относительно прошлого квартала подвержен влиянию белого шума предыдущего квартала. При этом прирост сбережений за квартал на 1% в среднем приводил к при-

росту чистой прибыли за тот же квартал на 1,13%; прирост объема оборотных активов на 1% в среднем приводил к приросту чистой прибыли на 0,85%; прирост валютного курса (удешевление рубля относительно доллара) на 1% приводил в среднем к снижению чистой прибыли в квартале на 3,2%; прирост ключевой ставки на 1% приводил в среднем к снижению чистой прибыли ПАО «Северсталь» от 1,62 до 1,85%.

Второй набор оценок уравнений модели по чистой прибыли ПАО «Северсталь», в котором данные приведены к темпам прироста относительно аналогичных кварталов прошлых лет, демонстрирует иные оценки влияния входных переменных. Прежде всего, в структуре наилучших (по АИС) оценок уравнений модели отсутствует влияние белого шума предыдущих приростов относительно аналогичных кварталов прошлых лет. Прирост каждой из входных переменных приводит в среднем к увеличению чистой прибыли. Однопроцентный прирост запасов сопряжен в среднем с двухпроцентным приростом чистой прибыли. При этом оценка влияния оборотных активов составляет в среднем 0,13% прироста чистой прибыли на 1% прироста оборотных активов. Прирост валютного курса относительно соответствующего квартала прошлого года на 1% сопряжен в среднем с приростом чистой прибыли относительно соответствующего квартала прошлого года на 0,37%.

ARMAX моделирование чистой прибыли ПАО «НЛМК» не позволило выявить ее зависимости от неслучайных компонент временного ряда. При этом оценки коэффициентов регрессионных уравнений были близки к нулю, что в совокупности с высокими значениями АИС указывает на низкое качество полученных оценок.

Причина различий в знаках влияния оценок переменных для ПАО «Северсталь» может быть объяснена контекстом рассмотрения, так как временной период рассмотрения квартальных приростов в четыре раза короче, чем при рассмотрении прироста к аналогичному кварталу прошлого года. Краткосрочные (квартальные) изменения объемов запасов и оборотных активов имеют контекст текущей хозяйственной деятельности предприятия. Прирост запасов может говорить об ориентации на возрастающий объем продаж в текущем и следующем кварталах, а следовательно, на прирост чистой прибыли. Совпадающие знаки влияния прироста запасов и оборотных активов на прирост чистой прибыли для металлургических компаний говорят о совпадении знаков изменения переменных, т.е. о сохранении структуры оборотных активов. При этом удешевление рубля в течение квартала будет свидетельствовать скорее о снижении величины валютной прибыли ввиду курсовых разниц при продолжительном сроке фактического поступления оплаты. Квартальный прирост ключевой ставки является фактором роста кредитных отчислений, т.е. снижения чистой прибыли.

Рассмотрение приростов переменных относительно аналогичных кварталов прошлых лет показывает реакцию приростов чистой прибыли на изменившийся годичный план и скорректированную стратегию развития ком-

пании. Возможно, ввиду материалоемкости металлургического производства и масштаба рассматриваемых компаний именно величина запасов является наиболее динамичной частью оборотных активов при изменении стратегии продаж.

Стоит отметить особенность моделирования чистой прибыли металлургических компаний – в оценках уравнений модели отсутствует оценка свободного члена или среднего для временного ряда. Факт свидетельствует о сильных колебаниях величины чистой прибыли.

Таблица 2. Моделирование выручки металлургических компаний

Влияющий фактор	ПАО «Северсталь»						ПАО «НЛМК»					
	$T_{пр}^k$ прошлому году		$T_{пр}^k$ прошлому кв.				$T_{пр}^k$ прошлому кв.			$T_{пр}^k$ прошлому году		
AR (1)			0,715	0,485	-0,859	-0,234	-0,495	-0,967	-0,985	0,364		
AR (2)				-0,196	-0,829	-0,228	-0,468	-0,933	-0,960	-0,216		
AR (3)				-0,214	-0,858	-0,249	-0,431	-0,911	-0,929	0,228		
AR (4)				0,725		0,705	0,510					-0,788
AR (5)				-0,679								
MA (1)	0,647	0,662		-0,772								
MA (2)	0,700	0,742										
MA (3)	0,779	0,812										
Intercept			0,381	0,270	0,245	0,253	0,286	0,290	0,303	0,078		-0,256
Inventories	-	-0,033	-	-	0,404	0,035	0,460	-	-	-	0,932	0,963
Obor	0,180	-	-	0,248	-	0,311	-	0,700	0,660	0,464	-	-
ExRate	-	-	0,278	-	0,562	-	-	-	-0,565	-	0,275	0,332
Refin	-	-	-4,621	-	-	0,248	-	0,111	0,187	-	-	3,003
AIC	-27,3	-27,4	-25,8	16,3	37,4	18,5	-15,2	-15,2	-12,0	3,6	5,0	4,0
Объем выборки	45			48			48			45		

Источник: составлено авторами на основе открытой отчетности с официальных сайтов компаний.

Примечание: AR (N) – Авторегрессионный процесс порядка N.

При оценке влияния темпов прироста входных переменных относительно аналогичного периода прошлого года на приросты выручки относительно аналогичного периода прошлого года ПАО «Северсталь» было выявлено, что наиболее точные по AIC оценки уравнений модели содержат в себе процесс скользящего среднего третьего порядка. Влияние шумов и шоков трех квартальных приростов относительно прошлого года сказывается на текущем приросте выручки. Прирост величины запасов на 1% в среднем снижает прирост выручки на 0,03%. Прирост величины оборотных активов на 1% в среднем увеличивает прирост выручки на 0,18%. Прирост валютного курса на 1% в среднем увеличивает прирост выручки на 0,278%. Прирост ключевой ставки на 1% в среднем снижает прирост выручки на 4,621%.

На величину темпа прироста выручки ПАО «Северсталь» относительно прошлого квартала оказывает влияние несколько значений темпов прироста выручки прошлых кварталов. Подобный результат указывает на близость

значений темпов прироста между кварталами. Различие знаков оценок параметров, объясняющих квартальные темпы прироста выручки, связано с различными комбинациями входящих переменных. Учитывая оценки по наилучшим уравнениям модели, прирост запасов относительно прошлого квартала на 1% приводит в среднем к приросту выручки на 0,03%; прирост оборотных активов относительно прошлого квартала на 1% приводит в среднем к приросту выручки на 0,25%; прирост валютного курса относительно прошлого квартала на 1% приводит в среднем к приросту выручки на 0,56%; прирост ключевой ставки относительно прошлого квартала на 1% приводит в среднем к приросту выручки на 0,25%. При этом для приведенных оценок уравнений модели независимый член, отражающий влияние прочих, не включенных в модель переменных, составляет от 0,24 до 0,27%.

Наилучшая оценка уравнения модели для темпов прироста выручки ПАО «НЛМК» относительно соответствующих кварталов предыдущих лет, включает авторегрессионный процесс 4-го порядка. Прирост величины запасов на 1% в среднем увеличивает прирост выручки от 0,93 до 0,96%. Прирост величины оборотных активов на 1% в среднем увеличивает прирост выручки на 0,46%. Прирост валютного курса на 1% в среднем увеличивает прирост выручки от 0,27 до 0,33%. Прирост ключевой на 1% в среднем увеличивает прирост выручки на 3%.

На величину темпа прироста выручки ПАО «НЛМК» относительно прошлого квартала оказывает влияние несколько значений темпов прироста выручки прошлых кварталов, причем прирост трех предыдущих значений приводит к снижению текущего прироста выручки. Прирост запасов относительно прошлого квартала на 1% приводит в среднем к приросту выручки на 0,46%; прирост оборотных активов относительно прошлого квартала на 1% приводит в среднем к приросту выручки от 0,66 до 0,7%; прирост валютного курса относительно прошлого квартала на 1% приводит в среднем к снижению выручки на 0,56%; прирост ключевой ставки относительно прошлого квартала на 1% приводит в среднем к приросту выручки на от 0,11 до 0,19%. При этом для приведенных оценок уравнений модели независимый член, отражающий влияние прочих, не включенных в модель переменных, составляет от 0,29 до 0,3%.

Далее проведем анализ результатов моделирования чистой прибыли и выручки для компаний АПК на основе данных табл. 3, 4 соответственно.

При моделировании чистой прибыли ГК «Русагро» наиболее качественными являлись оценки уравнений модели, данные в которых приведены к темпам прироста относительно аналогичного квартала предыдущих лет. При этом можем заметить, что влияние темпов прироста запасов не является значимым, так как его включение в модель увеличивает значение АИС, снижая качество оценки. Наилучшая оценка уравнений модели включает в себя влияние шума темпа прироста чистой прибыли относительно чистой прибыли соответствующего квартала прошлого года. Прирост величины оборотных активов на 1% в среднем увеличивает прирост чистой прибыли на

3,76%. Прирост валютного курса на 1% в среднем увеличивает прирост чистой прибыли от 11 до 13%. Прирост ключевой ставки на 1% в среднем увеличивает прирост чистой прибыли от 45 до 66%.

Таблица 3. Моделирование чистой прибыли агропромышленных компаний

Влияющий фактор	ГК «Русагро»					ГК «Черкизово»				
	$T_{пр}^k$ прошлому году					$T_{пр}^k$ пр. году	Нормирование и центрирование			
							По среднему		По медиане	
AR (1)		-0,610			-0,600			0,078		0,078
AR (2)		-0,468			-0,477			-0,453		-0,452
MA (1)	-0,818		0,376	-0,777			0,520	0,730	0,901	0,730
MA (2)							-0,011	0,788	0,652	0,788
MA (3)							-0,728			
MA (4)							-0,396			
Intercept									0,710	0,589
Inventories	-	-	-	-	-0,222	-	-	-	-	-
Obor	-	-	3,757	-	-	-0,675	-	0,113	-	0,113
ExRate	-	12,761	-	11,656	12,386	-6,036	0,602	0,545	0,651	0,545
Refin	45,526	-	-	65,168	-	-	-0,554	-0,602	-0,677	-0,602
AIC	279,7	276,0	280,0	273,3	277,7	271,0	96,2	102,3	101,8	104,3
Объем выборки	45					45	49		49	

Источник: составлено авторами на основе открытой отчетности с официальных сайтов компаний.

Таблица 4. Моделирование выручки агропромышленных компаний

Влияющий фактор	ГК «Русагро»				ГК «Черкизово»					
	$T_{пр}^k$ прошлому году		$T_{пр}^k$ прошлому кв.		$T_{пр}^k$ прошлому году			$T_{пр}^k$ пр. кв.	Нормирование и центрирование	
									По среднему	По медиане
AR (1)	1,153	1,104	-0,946	-0,946	0,569	0,537	0,552	-0,962		-0,755
AR (2)	-0,530	-0,512	-0,940	-0,938						
AR (3)			-0,951	-0,954						
MA (1)								0,767		1,484
MA (2)										0,847
Intercept	0,171	0,404	0,342	0,329	1,225	0,725	0,964	0,576		0,526
Inventories	0,014	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Obor	-0,197	-0,232	-0,140	-	-	-	-0,15	-	-	0,306
ExRate	-	-	-	0,342	-	1,124	-	6,184	0,724	0,460
Refin	-	-2,685	-	-0,035	-3,398	-	-	-1,720	-0,346	-0,380
AIC	-10,3	-10,6	-2,8	-4,2	137,0	136,1	136,8	164,2	110,0	98,7
Объем выборки	45		48		45			48	49	49

Источник: составлено авторами на основе открытой отчетности с официальных сайтов компаний.

Среди оценок уравнений модели, полученных при работе с чистой прибылью ГК «Черкизово», наилучшими оказались такие, в которых данные нормированы и центрированы. Подобное преобразование сильно затрудняет интерпретацию, так как обработке подвергались все входные и выходные переменные. Кроме того, можем заметить близость полученных результатов ввиду близости применяемой обработки. Тем не менее превышение величиной оборотного капитала своего среднего или медианного значения за 49 кварталов на 1% от среднеквадратического отклонения за тот же период сопряжено с превышением чистой прибылью своего среднего или медианного значения на 0,11% от среднеквадратического отклонения чистой прибыли за 49 кварталов. Избегая подобных формулировок в будущем, добавим более простые аналоги: когда валютный курс выше своего среднего значения / медианы, тогда чистая прибыль выше своего среднего / медианного значения; когда ключевая ставка выше своего среднего / медианного значения, тогда чистая прибыль ниже своего среднего / медианного значения.

Моделирование выручки для ГК «Русагро» позволило получить оценки уравнения модели, значение АИС которых существенно ниже, чем для оценок уравнений модели чистой прибыли. Модели, данные в которых приведены к темпам прироста относительно аналогичного квартала предыдущих лет, содержат зависимость от двух предыдущих значений приростов. Прирост запасов на 1% в среднем увеличивает прирост выручки на 0,014%. Прирост величины оборотных активов на 1% в среднем снижает прирост выручки от 0,2 до 0,23%. Прирост ключевой ставки на 1% в среднем снижает прирост выручки на 2,68%. Кроме того, в оценках уравнений модели присутствует независимый член, составляющий от 0,17 до 0,4%.

Для оценок уравнений моделей, построенных на данных ГК «Русагро», приведенных к темпам прироста относительно прошлого квартала, характерно наличие зависимости от трех предыдущих темпов прироста выручки. Положительная величина темпа прироста выручки любого из трех предыдущих периодов снижает темп прироста выручки текущего квартала. Прирост величины оборотных активов на 1% в среднем снижает прирост выручки на 0,14%. Прирост валютного курса на 1% в среднем увеличивает прирост выручки на 0,34%. Прирост ключевой ставки на 1% в среднем снижает прирост выручки от 45 до 66%.

Среди оценок уравнений модели, полученных при работе с выручкой ГК «Черкизово», наилучшими снова оказались такие, в которых данные нормированы и центрированы. К тому же заметим, что при центрировании значений по медиане было оценено уравнение с наименьшим значением АИС. В данной оценке уравнения модели содержится авторегрессионный процесс первого порядка (достижение в прошлом квартале значения выручки выше медианного сопряжено с получением выручки ниже медианного значения в текущем квартале) и процесс скользящего среднего второго порядка. Превышение величиной оборотного капитала своего медианного значения за 49 кварталов на 1% от среднеквадратического отклонения за тот же период сопряжено с превышением выручкой своего медианного значения на 0,31%

от среднеквадратического отклонения выручки за 49 кварталов. Прибегнем к упрощенным формулировкам: когда валютный курс выше своей медианы, тогда выручка выше медианного значения; когда ключевая ставка выше своего медианного значения, тогда выручка выше медианного значения.

Выводы

Оценки влияния факторов, полученные в ходе моделирования, указывают на различия, в большей степени отражающиеся в сильном колебании величин и знаков оценок. Сопоставление оценок в рамках металлургических компаний показало, что компании подвержены подобным рыночным трендам, что указывает на схожесть производственных и сбытовых стратегий. Однако отдельное влияние факторов может казаться взаимно противоположным без учета особенностей обработки данных. При этом невозможно сказать о близости выявленных закономерностей для агропромышленных компаний.

Более точными, в смысле АИС, оказались уравнения, объясняющие выручку. Очевидно, полученный результат объясняется тем, что на чистую прибыль оказывает влияние больше факторов, как на производный от выручки результат. Наиболее точные оценки уравнений модели могут быть использованы для прогнозирования финансовых результатов при оценке входных факторов.

Список источников

1. Саламов Н.И., Сорокина Ю.В. Возможности применения методов экономико-математического моделирования при прогнозировании финансовых результатов деятельности организации // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 10 (149). С. 19–22.
2. Халяпин А.А., Григорян Д.Л., Лебенко Я.Ф. Ситуационное моделирование финансовых результатов предприятий сельских территорий // Естественно-гуманитарные исследования. 2020. № 28 (2). С. 266–271.
3. Новиков А.А., Будзинская Е.О., Канева О.Н. Анализ методов прогнозирования временных рядов // Информационный бюллетень Омского научно-образовательного центра ОмГТУ и ИМ СО РАН в области математики и информатики : материалы X Международной молодежной научно-практической конференции с элементами научной школы, Омск, 23–30 апреля 2020 года. Т. 4, № 1. Омск : Омский государственный технический университет, 2020. С. 37–43.
4. Кузнецов Ю.А. Развитие агропромышленного комплекса России и обеспечение продовольственной безопасности страны в условиях санкций // Экономический анализ: теория и практика. 2022. Т. 21, № 8 (527). С. 1390–1419.
5. Минпромторг отвел восемь лет на восстановление экспорта металлургов // Официальный сайт «РБК бизнес». URL: <https://www.rbc.ru/business/03/08/2022/62e912a79a794744d2ec40fc> (дата обращения: 22.02.2024).
6. Экспорт России черных металлов в 2023 году может упасть на 11% // Официальный сайт «ТАСС». URL: <https://tass.ru/ekonomika/17892913> (дата обращения: 22.02.2024).
7. Инвестиции в предприятия металлургии растут в течение последних 5 лет // Официальный сайт «RG RU». URL: <https://rg.ru/2019/11/11/investicii-v-predpriiatiia-metallurgii-rastut-v-techenie-poslednih-5-let.html> (дата обращения: 22.02.2024).

8. Статистика рынка труда в России – «Металлург» // Сайт «ГородРабот». URL: <https://gorodrabot.ru/salary?p=%D0%BC%D0%B5%D1%82%D0%B0%D0%BB%D0%BB%D1%83%D1%80%D0%B3> (дата обращения: 22.02.2024).

9. О состоянии и перспективах развития черной металлургии в Российской Федерации // Internet archive «Wayback Mashine». URL: <https://web.archive.org/web/20120111131211/http://www.premier.gov.ru/visits/ru/6050/info/1750/> (дата обращения: 22.02.2024).

10. Мировое производство стали в 2023 году // Сайт «Vtorion». URL: <https://vtorion.ru/blog/article/mirovoe-proizvodstvo-stali-v-2023-godu/> (дата обращения: 22.02.2024).

11. Металлургия России // Сайт Объединенной сырьевой компании. URL: <https://www.urm-company.ru/about-us/blog/151-metallurgiya-rossii/> (дата обращения: 22.02.2024).

12. Романова О.А., Сиротин Д.В. Стратегический вектор развития металлургии России в условиях новой реальности // Известия Уральского государственного горного университета. 2022. № 3(67). С. 133–145.

13. АПК растет вопреки новым вызовам // Агроинвестор. URL: <https://www.agroinvestor.ru/opinion/article/39355-apk-rastet-vopreki-novym-vyzovam/> (дата обращения: 22.02.2024).

14. Самородова Е.М. Инфляция как форма проявления макроэкономической нестабильности: теория и российская практика // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2023. Т. 13, № 1. С. 116–131.

15. Красавина Л.Н. Международные валютно-кредитные и финансовые отношения : учебник для академического бакалавриата. М. : Юрайт, 2018. 534 с.

16. Ключевая ставка Банка России // Сайт Центрального Банка России. URL: https://www.cbr.ru/hd_base/KeyRate/?UniDbQuery.Posted=True&UniDbQuery.From=17.09.2013&UniDbQuery.To=31.12.2021 (дата обращения: 22.02.2024).

17. Индекс потребительских цен // Сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/price> (дата обращения: 22.02.2024).

18. Динамика официального курса заданной валюты // Сайт Центрального Банка России. URL: https://www.cbr.ru/currency_base/dynamics/?UniDbQuery.Posted=True&UniDbQuery.so=1&UniDbQuery.mode=1&UniDbQuery.date_req1=&UniDbQuery.date_req2=&UniDbQuery.VAL_NM_RQ=R01235&UniDbQuery.From=01.01.2010&UniDbQuery.To=29.02.2024 (дата обращения: 22.02.2024).

19. Damodar Gujarati Porter. Basic econometrics. New York : McGraw-Hill Education, 2015. 960 p.

20. Тимофеев В.С., Фаддеев А.В., Щеколдин В.Ю. Эконометрика : учебник. 4-е изд., перераб. и доп. Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2015. 365 с.

References

1. Salamov, N.I. & Sorokina, Yu.V. (2022) *Vozможnosti primeneniya metodov ekonomiko-matematicheskogo modelirovaniya pri prognozirovanii finansovykh rezul'tatov deyatel'nosti organizatsii* [Possibilities of using methods of economic and mathematical modeling in forecasting the financial results of an organization]. *Nauka i obrazovanie: khozyaystvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie*. 10 (149). pp. 19–22.

2. Khalyapin, A.A., Grigoryan, D.L. & Lebenko, Ya.F. (2020) *Situatsionnoe modelirovanie finansovykh rezul'tatov predpriyatiy sel'skikh territoriy* [Situational modeling of financial results of enterprises in rural areas]. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya*. 28 (2). pp. 266–271.

3. Novikov, A.A., Budzinskaya, E.O. & Kaneva, O.N. (2020) *Analiz metodov prognozirovaniya vremennykh ryadov* [Analysis of time series forecasting methods].

Informatsionnyy byulleten' Omskogo nauchno-obrazovatel'nogo tsentra OmGTU i IM SO RAN v oblasti matematiki i informatiki. 4 (1). pp. 37–43.

4. Kuznetsov, Yu.A. (2022) *Razvitie agropromyshlennogo kompleksa Rossii i obespechenie prodovol'stvennoy bezopasnosti strany v usloviyakh sanktsiy* [Development of the agro-industrial complex of Russia and ensuring the country's food security under sanctions]. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika.* 21:8 (527). pp. 1390–1419.

5. RBC. (2022) *Minpromtorg otvel vosem' let na vosstanovlenie eksporta metallurgov* [The Ministry of Industry and Trade has allocated eight years to restore the export of metallurgists]. [Online] Available from: <https://www.rbc.ru/business/03/08/2022/62e912a79a794744d2ec40fc> (Accessed: 22.02.2024).

6. TASS. (2023) *Eksport Rossiiy chernykh metallov v 2023 godu mozhet upast' na 11%* [Russia's ferrous metal exports could fall by 11% in 2023]. [Online] Available from: <https://tass.ru/ekonomika/17892913> (Accessed: 22.02.2024).

7. Rg.ru. (2019) *Investitsii v predpriyatiya metallurgii rastut v techenie poslednykh 5 let* [Investments in metallurgy enterprises have been growing over the past 5 years]. [Online] Available from: <https://rg.ru/2019/11/11/investicii-v-predpriiatiia-metallurgii-rastut-v-techenie-poslednykh-5-let.html> (Accessed: 22.02.2024).

8. GorodRabot. (2024) *Statistika rynka truda v Rossii – "Metallurg"* [Labor market statistics in Russia - "Metallurgist"]. [Online] Available from: <https://gorodrabot.ru/salary?p=%D0%BC%D0%B5%D1%82%D0%B0%D0%BB%D0%BB%D1%83%D1%80%D0%B3> (Accessed: 22.02.2024).

9. Wayback Mashine. (2024) *O sostoyanii i perspektivakh razvitiya chernoy metallurgii v Rossiyskoy Federatsii* [On the state and prospects for the development of ferrous metallurgy in the Russian Federation]. [Online] Available from: <https://web.archive.org/web/20120111131211/http://www.premier.gov.ru/visits/ru/6050/info/1750/> (Accessed: 22.02.2024).

10. Vtorion. (2024) *Mirovoe proizvodstvo stali v 2023 godu* [World steel production in 2023]. [Online] Available from: <https://vtorion.ru/blog/article/mirovoe-proizvodstvo-stali-v-2023-godu/> (Accessed: 22.02.2024).

11. United Raw Materials Company. (2024) *Metallurgiya Rossii* [Metallurgy of Russia]. [Online] Available from: <https://www.urm-company.ru/about-us/blog/151-metallurgiya-rossii/> (Accessed: 22.02.2024).

12. Romanova, O.A. & Sirotin, D.V. (2022) *Strategicheskii vektor razvitiya metallurgii Rossii v usloviyakh novoy real'nosti* [Strategic vector of development of metallurgy in Russia in the conditions of the new reality]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo gornogo universiteta.* 3(67). pp. 133–145.

13. Agroinvestor. (2024) *APK rastet vopreki novym vyzovam* [The agro-industrial complex is growing despite new challenges]. [Online] Available from: <https://www.agroinvestor.ru/opinion/article/39355-apk-rastet-vopreki-novym-vyzovam/> (Accessed: 22.02.2024).

14. Samorodova, E.M. (2023) *Inflyatsiya kak forma proyavleniya makroekonomicheskoy nestabil'nosti: teoriya i rossiyskaya praktika* [Inflation as a form of manifestation of macroeconomic instability: theory and Russian practice]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment.* 13 (1). pp. 116–131.

15. Krasavina, L.N. (2018) *Mezhdunarodnye valyutno-kreditnye i finansovye otnosheniya* [International monetary, credit and financial relations]. Moscow: Yurayt.

16. Bank of Russia. (2024) *Klyuchevaya stavka Banka Rossii* [Key rate of the Bank of Russia]. [Online] Available from: https://www.cbr.ru/hd_base/KeyRate/?UniDbQuery.Posted=True&UniDbQuery.From=17.09.2013&UniDbQuery.To=31.12.2021 (Accessed: 22.02.2024).

17. Federal State Statistics Service. (2024) *Indeks potrebitel'skikh tsen* [Consumer price index]. [Online] Available from: <https://rosstat.gov.ru/price> (Accessed: 22.02.2024).

18. Bank of Russia. (2024) *Dinamika ofitsial'nogo kursa zadannoy valyuty* [Dynamics of the official exchange rate of a given currency]. [Online] Available from:

https://www.cbr.ru/currency_base/dynamics/?UniDbQuery.Posted=True&UniDbQuery.so=1&UniDbQuery.mode=1&UniDbQuery.date_req1=&UniDbQuery.date_req2=&UniDbQuery.VAL_NM_RQ=R01235&UniDbQuery.From=01.01.2010&UniDbQuery.To=29.02.2024 (Accessed: 22.02.2024).

19. Damodar Gujarati Porter. (2015) *Basic econometrics*. New York: McGraw-Hill Education.

20. Тимофеев, V.S., Faddeenkov, A.V. & Shchekoldin, V.Yu. (2015) *Ekonometrika* [Econometrics]. 4th ed. Novosibirsk: NSTU.

Информация об авторах:

Смирнов А.Е. – магистрант Института экономики и менеджмента, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия). E-mail: Smirnov_gips@mail.ru

Черняк Э.М. – магистрант Института экономики и менеджмента, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия). E-mail: eduard.chernyak.00@mail.ru

Черняк М.Э. – заместитель директора Института экономики и менеджмента, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия). E-mail: chernyak.mihail@bk.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.E. Smirnov, master's student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Smirnov_gips@mail.ru

E.M. Chernyak, master's student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: eduard.chernyak.00@mail.ru

M.E. Chernyak, deputy head, Institute of Economics and Management, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: chernyak.mihail@bk.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 25.03.2024;
одобрена после рецензирования 02.05.2024; принята к публикации 16.05.2024.*

*The article was submitted 25.03.2024;
approved after reviewing 02.05.2024; accepted for publication 16.05.2024.*

Научная статья
УДК 332.1, 336.1
doi: 10.17223/19988648/66/14

Оценка современного состояния региональных финансов в контексте реализации национальных интересов

Екатерина Александровна Захарчук¹, Полина Сергеевна Трифонова²

^{1,2} Институт экономики УрО РАН, Екатеринбург, Россия

¹ zakharchuk.ea@uiec.ru

² trifonova.ps@uiec.ru

Аннотация. На сегодняшний день национальная безопасность является одной из приоритетных задач государства. В обстановке постоянных изменений и вызовов, с которыми сталкивается современное общество, необходимо создавать благоприятные условия для роста человеческого капитала, инвестиций и экономического развития регионов и страны в целом. Одним из ключевых факторов обеспечения национальной безопасности является эффективное распределение и использование ресурсов, включая финансовые. В статье проведен обзор научных исследований в области национальной безопасности и финансового развития территорий. На основе общенаучных методов, с использованием данных из открытых официальных источников, дана оценка динамики и наметившимся тенденциям основных показателей консолидированных бюджетов регионов, входящих в состав Уральского федерального округа, за 2019–2023 гг. Выбранный период затрагивает несколько кризисов: пандемийный и санкционный. Рассчитан коэффициент социальной ориентированности консолидированных бюджетов регионов, входящих в состав УрФО. Среднее значение коэффициента за пять лет по всем регионам Уральского федерального округа составляет 65%. Относительно высокие показатели коэффициента говорят о том, что региональные власти активно работают над улучшением качества жизни своих граждан и создают благоприятные условия для их развития. Это является одним из ключевых факторов успешного и устойчивого развития региона. Представленные результаты и выводы позволяют лучше понять текущую ситуацию и выработать дальнейшие управленческие решения для развития финансовой сферы регионов.

Ключевые слова: бюджеты, национальная безопасность, финансовая безопасность, регионы, УрФО

Источник финансирования: статья выполнена в рамках государственного задания для Института экономики УрО РАН на 2024–2026 гг.

Для цитирования: Захарчук Е.А., Трифонова П.С. Оценка современного состояния региональных финансов в контексте реализации национальных интересов // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2024. № 66. С. 219–239. doi: 10.17223/19988648/66/14

Original article

Assessing the current state of regional finance in the context of realizing national interests

Ekaterina A. Zakharchuk¹, Polina S. Trifonova²

^{1,2} *Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russian Federation*

¹ *zakharchuk.ea@uiec.ru*

² *trifonova.ps@uiec.ru*

Abstract. Today, national security is one of the state's priorities. In the context of constant changes and challenges faced by modern society, it is necessary to create favorable conditions for the growth of human capital, investment and economic development of regions and the country as a whole. One of the key factors in ensuring national security is the effective distribution and use of resources, including financial ones. The article provides a review of scientific research in the field of national security and financial development of territories. Based on general scientific methods, using data from open official sources, an assessment is made of the dynamics and emerging trends of the main indicators of the consolidated budgets of the regions that are part of the Ural Federal District for 2019–2023. The selected period covers several crises: the pandemic and sanctions. The coefficient of social orientation of the consolidated budgets of the regions that are part of the Ural Federal District was calculated. The average value of the coefficient for five years for all regions of the Ural Federal District is 65%. Relatively high coefficients indicate that regional authorities are actively working to improve the quality of life of their citizens and create favorable conditions for their development. This is one of the key factors for the successful and sustainable development of the region. The presented results and conclusions allow us to better understand the current situation and develop further management decisions for the development of the financial sector of the regions.

Keywords: budgets, national security, financial security, regions, Ural Federal District

Financial support: The article was completed as part of the state assignment for the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences for 2024–2026.

For citation: Zakharchuk, E.A. & Trifonova, P.S. (2024) Assessing the current state of regional finance in the context of realizing national interests. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 66. pp. 219–239. (In Russian). doi: 10.17223/19988648/66/14

Введение

Национальная безопасность является одной из приоритетных задач современного государства. Комплекс мероприятий, направленных на ее обеспечение, включает в себя защиту государственного суверенитета, территориальной целостности, экономического развития и социального благополучия населения.

Обеспечение национальной безопасности является одной из наиболее важных и актуальных задач современного общества. В нашей стране в этих целях разработана и утверждена Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, в которой определены стратегические национальные приоритеты, выступающие «важнейшими направлениями обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития Российской Федерации»¹. Среди девяти закреплённых приоритетов выделен приоритет «Экономическая безопасность». В целях ее обеспечения определен перечень задач для решения, в числе которых охватывающие вопросы совершенствования бюджетов и бюджетной системы: сбалансированность бюджетной системы, укрепление бюджетной обеспеченности регионов, повышение эффективности использования бюджетных средств.

Одним из направлений расходов региональных бюджетов является финансирование мер по обеспечению национальной безопасности. В современном мире глобальные вызовы, такие как нестабильность на международной арене, требуют постоянного контроля и своевременного реагирования органов публичной власти на происходящие изменения. Именно региональные бюджеты позволяют финансировать меры по укреплению безопасности как внутри региона, так и страны в целом. Такие меры могут включать, например, обеспечение жизнедеятельности регионов в чрезвычайных ситуациях, поддержку экономической и финансовой безопасности, контроль передвижения людей и товаров через границу и др.

Региональные бюджеты в целом ориентированы на реализацию полномочий, возложенных на органы управления регионального и местного уровня. В круг управленческих задач входит формирование возможностей для развития инфраструктуры, поддержки малого и среднего бизнеса, социальной защиты населения и повышения его качества жизни. Укрепление этих направлений должно способствовать устойчивому социально-экономическому развитию территорий и повышению благосостояния населения, в том числе в контексте обеспечения безопасности в регионах. Таким образом, финансирование мер по обеспечению безопасности в широком понимании является важной составляющей региональных бюджетов.

Теоретический обзор

В научной литературе тема национальной безопасности освящена достаточно подробно, включая различные аспекты и подходы к ее пониманию и реализации. Область научных интересов ученых связана с определением роли и места национальной безопасности в современном обществе [1], государственного [2] и правового [3, 4] регулирования этой сферы, с защитой

---

¹ Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71196054/?ysclid=Isoi1ri9nu20237482> (дата обращения: 29.01.2024).

государственных интересов, обеспечением безопасности населения, противодействием угрозам и вызовам, а также разработкой стратегий и мер по обеспечению национальной безопасности [5, 6]. Кроме того, в научной литературе активно обсуждаются проблемы международной безопасности и взаимодействия государств в этой сфере [7].

Помимо этого, исследователи большое внимание уделяют изучению экономической безопасности, как неотъемлемой части национальной безопасности [8, 9].

Наряду с понятием экономической безопасности выделяют финансовую безопасность [10] и ее основные составные элементы, такие как бюджетная и налоговая безопасности, безопасность кредитно-банковской системы, безопасность финансово-денежного обращения, инвестиционная безопасность, инфляционно-ценовая безопасность, безопасность страхового и фондового рынка, валютная безопасность [11].

Е.В. Кудряшова в своем исследовании рассматривает соотношение и подчиненность категорий «национальная безопасность», «экономическая безопасность» и «финансовая безопасность». Последнюю автор выделяет как важную составляющую формирования безопасности современного общества и рекомендует закрепить ее в качестве стратегической цели в документах стратегического планирования [10].

Работа Э.Р. Ермаковой посвящена анализу понятия «финансовая безопасность». На основе систематизации существующих в научной среде подходов к пониманию ее сущности автор выделяет пять основных групп, в которых финансовая безопасность рассматривается как совокупность научных знаний; подсистема национальной безопасности; качественная характеристика компонентов национальной безопасности; состояние защищенности финансовой системы от всех видов угроз; экономический и политический курс страны [12].

И.А. Митина, С.В. Зубарев и И.В. Савон в основу достижения финансовой безопасности как на уровне государства, так и его регионов ставят финансовую политику, ориентированную на решение основных финансово-экономических проблем территорий [13].

Региональные аспекты финансовой безопасности рассмотрены в работе Т.И. Безденежных и Е.Е. Шарафановой. Авторы определили вызовы финансовой безопасности на региональном уровне, а также угрозы бюджетной безопасности. На основе анализа консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации Т.И. Безденежных и Е.Е. Шарафановой названы главные тенденции и риски формирования региональных бюджетов [14].

И.Н. Санникова, Е.А. Приходько в качестве одной из приоритетных задач финансовой безопасности выделяют улучшение качества использования бюджетных ресурсов [15]. З.М. Бикметова предложила авторскую методику оценки бюджетной безопасности региона, апробировав ее на бюджетах субъектов Приволжского федерального округа. Исследование показало, что уровень бюджетной безопасности в регионе довольно неоднородный и зависит от экономического и промышленного развития территорий федерального округа [16].

По мнению Н.З. Зотиковой, бюджеты субъектов РФ формируют финансовую основу для обеспечения стабильности экономической безопасности. Автор предполагает, что без устойчивой бюджетно-налоговой системы невозможно генерировать финансовые ресурсы для успешного противостояния внутренним и внешним угрозам [17].

Статья Е.Е. Афанасьевой посвящена анализу финансовой самостоятельности региональных бюджетов. Анализируя регионы, входящие в состав Центрального федерального округа, автор делает вывод о том, что в достаточно устойчивом положении находятся только столичные регионы округа, а большая часть не является финансово самостоятельной, поскольку имеет низкую долю собственных налоговых поступлений и высокую дотационную зависимость [18].

Традиционно исследователи в своих работах освещают вопросы формирования доходной базы региональных бюджетов [19], эффективного расходования финансовых ресурсов [20, 21], сбалансированности [22, 23] и самостоятельности бюджетов [24].

Материалы и методы

Теоретическую базу исследования составили труды отечественных авторов, посвященные вопросам обеспечения национальной безопасности и эффективному распределению финансовых ресурсов территорий.

В основу формирования эмпирической базы исследования легли официальные данные региональных органов исполнительной власти. В частности, департаментов финансов Курганской области, Ханты-Мансийского автономного округа – Югры; министерств финансов Свердловской и Челябинской областей; официальных порталов органов государственной власти Тюменской области и финансово-экономического анализа Ямало-Ненецкого автономного округа.

В статье использовались общенаучные методы и приемы научного познания: анализ, синтез, сравнение, группировка. В частности, с целью изучения существующих исследований, а также выявления теоретической и практической значимости работы проведены анализ и систематизация научных трудов выделенной темы.

В статье для более наглядного представления данных также использовались методы, основанные на визуализации статистической информации – это таблица и рисунки.

Результаты и их обсуждение

Во время санкционных ограничений, оказавших значительное влияние на экономику России, особенно в сфере международных финансовых отношений, консолидированные бюджеты субъектов РФ стали одним из ключевых инструментов для обеспечения устойчивости финансовой системы, тем самым содействуя финансовой безопасности страны и ее регионов. В связи

с этим нами рассмотрены консолидированные бюджеты регионов, входящих в состав Уральского федерального округа, за пятилетний период, с 2019 по 2023 г.

В Курганской области, как показал анализ за пять лет, отмечается положительная динамика доходов и расходов консолидированного бюджета региона (рис. 1). Такая тенденция в бюджетных показателях характерна для всех регионов УрФО. За 2023 г. доходы консолидированного бюджета области составили 83 628,78 млн руб. против 54 445,57 млн руб. в 2019 г. За последние пять лет общее увеличение равно 53,6%. При этом пиковый период роста доходов пришелся на пандемийный 2020 г. (на 12,75%).

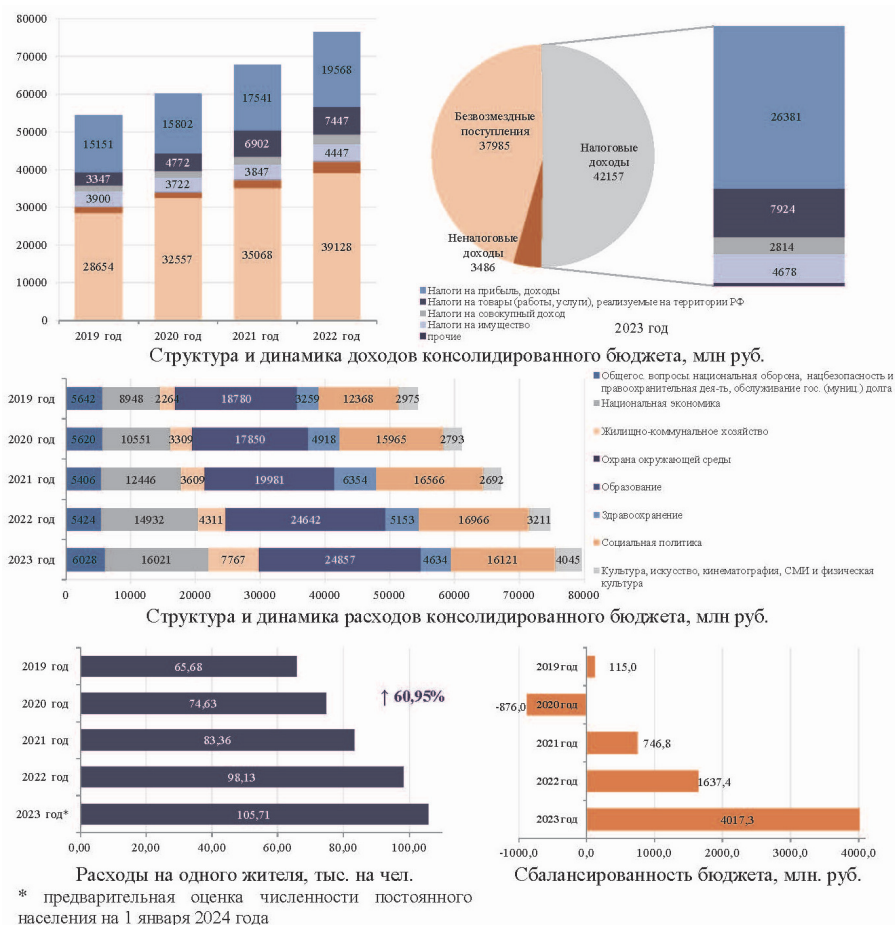

Рис. 1. Консолидированный бюджет Курганской области за 2019–2023 гг., в цифрах. *Источник:* составлено авторами по Отчету об исполнении консолидированного бюджета Курганской области (URL: <http://www.finupr.kurganobl.ru/index.php?test=otgod> (дата обращения: 09.02.2024))

Анализ структуры доходов консолидированного бюджета Курганской области с 2019 г. показал рост налоговых доходов на 73,22% и неналоговых на 139,83%. Рассматривая более подробно изменения в структуре налоговых доходов, можно выделить рост более чем на 130% акцизов по подакцизным товарам и налога на прибыль, доходы на 74,12%. На увеличение последних повлияли изменения налога на прибыль организаций (↑203,75%) и налога на доходы физических лиц (↑161,35%). Среди неналоговых доходов наибольшее увеличение падает на доходы от использования имущества, находящегося в государственной и муниципальной собственности (↑422,3%), и платежи при пользовании природными ресурсами (↑350,65%).

В структуре консолидированных доходов Курганской области около 45% приходится на безвозмездные поступления, перечисляемые из вышестоящего бюджета. За рассматриваемый период их сумма увеличилась на 32,56%. Это говорит о том, что финансовые поступления из федерального центра играют существенную роль в формировании доходной части бюджета Курганской области.

Сумма консолидированных расходов бюджета области за 2023 г. составила 79 611,50 млн руб. Пиковое увеличение расходов региона наблюдается также в пандемийном 2020 г. (на 12,44%). Общее увеличение консолидированных расходов за последние пять лет составило 46,53%.

Традиционно доминирующими разделами в структуре расходов консолидированного бюджета Курганской области выступают «Образование» и «Социальная политика». За последние пять лет отмечается стабильный рост доли раздела «Национальная экономика» – с 16,47% в 2019 г. до 20,12% в 2023 г.

За рассматриваемый период стабильный рост наблюдается практически по всем статьям расходов региона, исключение составило «Обслуживание государственного (муниципального) долга» (уменьшение на 84,6%). Рекордное увеличение ассигнований приходится на раздел «ЖКХ» (↑343,04%), а максимальный рост – на раздел «Национальная экономика» (↑179,05%).

Ранжируя регионы Уральского федерального округа по расходам на «Национальную экономику», выявляем, что Курганская область занимает третье место. В регионе за последние пять лет отмечается стабильный рост ассигнований по этому разделу расходов.

В этот же период фиксируется рост расходов бюджета Курганской области на одного жителя с 65,68 тыс. руб. на чел. в 2019 г. до 105,71 тыс. руб. на чел. в 2023 г. Общее увеличение составило 60,95%. При этом за указанные годы численность постоянного населения области сократилась практически на 9%.

Оценка расходов бюджета на одного жителя показала, что среди регионов УрФО Курганская область занимает второе место по росту этого показателя.

В Свердловской области в 2023 г. консолидированные доходы составили 537 255,24 млн руб., общее увеличение за пять лет – 71,42%. При этом пиковый рост в доходах региона наблюдается в 2021 г. (на 22,51%) (рис. 2).

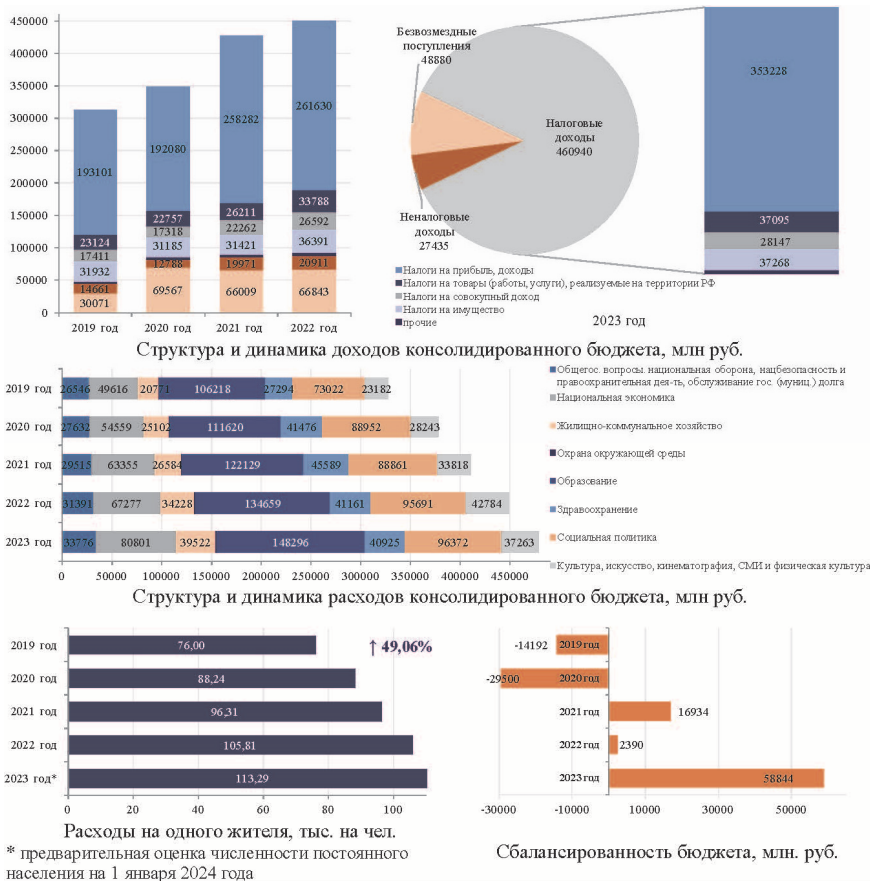

Рис. 2. Консолидированный бюджет Свердловской области за 2019–2023 гг., в цифрах. *Источник:* составлено авторами по Информации об исполнении консолидированного бюджета Свердловской области (URL: https://minfin.midural.ru/document/category/21#document_list (дата обращения: 09.02.2024))

В структуре доходов региона наибольшую долю занимают налоговые доходы. Их рост за пять лет составил 71,55%, при этом неналоговые доходы увеличились в большей степени – на 87,13%.

Увеличение налоговых доходов было связано с максимальным ростом налога на прибыль организаций (↑210,5%) и налогов, сборов и регулярных платежей за пользование природными ресурсами (↑230,68%). Преобладающий рост в структуре неналоговых доходов пришелся на доходы от использования имущества, находящегося в государственной и муниципальной собственности (↑220,48%), и доходы от оказания платных услуг и компенсации затрат государства (↑213,98%).

Безвозмездные поступления в бюджет области из вышестоящих бюджетов в целом за пять рассматриваемых лет увеличились на 62,55%, но при

этом их максимальный рост пришелся на 2020 г. в связи с борьбой, направленной на распространение коронавирусной инфекции (COVID-19) (↑213,34%), затем наблюдается их снижение. К 2023 г. сумма безвозмездных поступлений сократилась на 26,87%.

Сумма консолидированных расходов бюджета Свердловской области за 2023 г. составила 478 410,97 млн руб. Максимальное увеличение расходов региона наблюдается в пандемийном 2020 г. (на 15,55%). Общее увеличение консолидированных расходов за последние пять лет составило 46,03%.

За рассматриваемый период в структуре расходов наблюдается снижение доли разделов «Образование» с 32,42% в 2019 г. до 31% в 2023 г. и «Социальная политика» – 22,29% в 2019 г. до 20,14% в 2023 г. Стоит отметить, что, несмотря на происходящие изменения, эти статьи расходов также остаются приоритетными для области. Обратная ситуация наблюдается по разделу «Национальная экономика». Общий вес в структуре расходов, связанных с обеспечением национальной экономики области за пять лет, растет. Их доля в 2019 г. составляла 15,14%, к 2023 г. поднялась до 16,89%.

В рамках социальной сферы области значительные средства выделяются на развитие здравоохранения (↑149,94%), физической культуры и спорта (↑192,56%). Также финансовые средства направляются на улучшение жилищных условий населения (↑190,27%) и охрану окружающей среды (↑150,89%).

За последние пять лет в Свердловской области, как и в других регионах УрФО, отмечается рост расходов бюджета на одного жителя. Если в 2019 г. расходы бюджета на одного жителя составляли 76,00 тыс. руб. на чел., то уже в 2023 г. – 113,29 тыс. руб. на чел. Общее увеличение составило 49,06%.

Сумма консолидированных доходов **Тюменской области** за 2023 г. составила 353 591,31 млн руб., общее увеличение за пять лет – 46,6% (рис. 3). При этом рост доходов региона нестабильный. К 2020 г. доходы уменьшились на 20,34%, в 2021 г. выросли на 55,13%, в 2022 г. снизились на 10,09% и к 2023 г. увеличились на 31,95%.

За пять лет консолидированные доходы Тюменской области претерпели изменения: налоговые доходы выросли на 49,76%, неналоговые доходы изменились в сторону увеличения на 8,59%. Большое значение в изменении налоговых доходов имеет увеличение поступлений доходов на 51,53% (за счет роста налога на прибыль организаций (↑152,52%) и налога на доходы физических лиц (↑147,6%)); акцизов по подакцизным товарам на 65,81% и налогов на совокупный доход на 77,64%. Остальные статьи налоговых доходов также увеличились.

В структуре консолидированных доходов Тюменской области около 4% приходится на безвозмездные поступления, перечисляемые из вышестоящего бюджета. За рассматриваемый период их сумма увеличилась на 27,71%. Пиковое увеличение финансовых поступлений из федерального центра отмечается в 2021 г. (↑233,08%), затем происходит снижение на 64,24% в 2022 г. и на 7,48% в 2023 г. Среди регионов УрФО Тюменская область обладает наименьшей долей такого вида поступлений в структуре своих доходов.

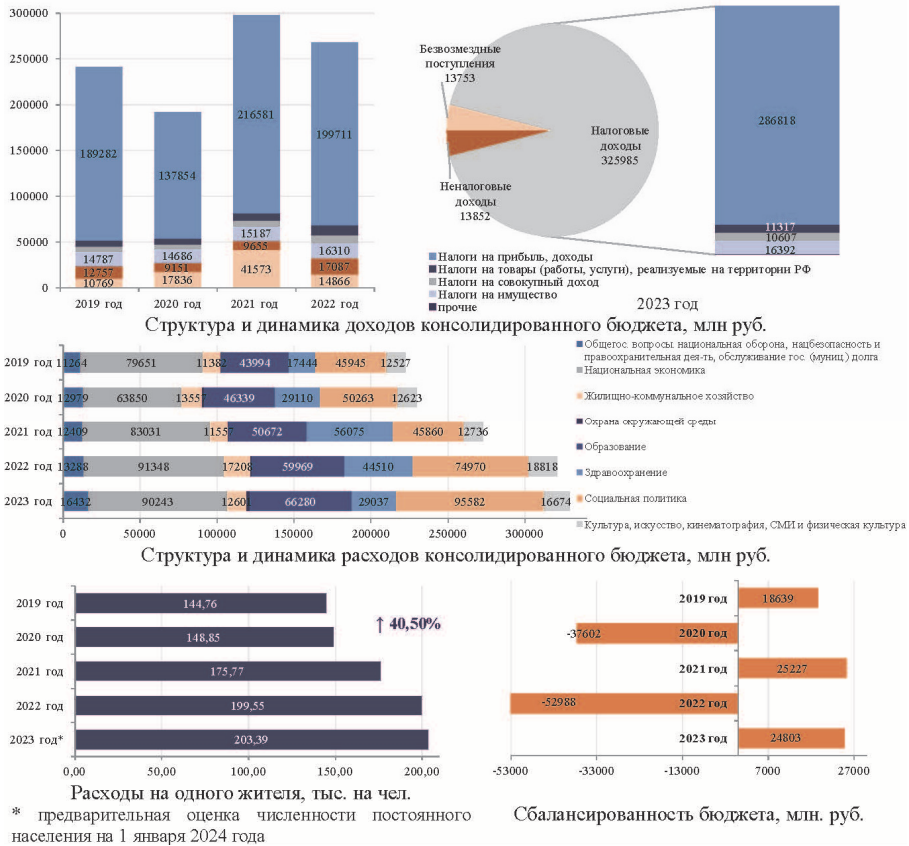

Рис. 3. Консолидированный бюджет Тюменской области за 2019–2023 гг., в цифрах.

Источник: составлено авторами по Отчету об исполнении консолидированного бюджета Тюменской области и бюджета территориального государственного внебюджетного фонда (URL: https://admtumen.ru/ogv_ru/finance/finance/bugjet.htm (дата обращения: 09.02.2024))

Сумма консолидированных расходов бюджета области за 2023 г. составила 328 788,17 млн руб. Максимальное увеличение расходов региона наблюдается также в 2021 г. (на 18,76%). Общий рост консолидированных расходов за последние пять лет составил 47,73%.

В структуре расходов Тюменской области наибольшая доля приходится на разделы «Социальная политика», «Национальная экономика» и «Образование». При этом за пять лет доля расходов на «Социальную политику» и «Образование» растет (с 20,64% в 2019 г. до 29,07% в 2023 г. и с 19,77% в 2019 г. до 20,16% в 2023 г. соответственно), а на «Национальную экономику» снижается (с 35,79% в 2019 г. до 27,45% в 2023 г.).

Рекордный рост ассигнований за пять лет наблюдается по разделам «Охрана окружающей среды» (↑559,45%), «Национальная безопасность и

правоохранительная деятельность» ($\uparrow 252,75\%$), «Социальная политика» ($\uparrow 208,04\%$).

Оценка расходов бюджета на одного жителя показала, что в Тюменской области за последние пять лет расходы на одного жителя выросли на 40,5% (с 144,76 тыс. руб. на чел. в 2019 г. до 203,39 тыс. руб. на чел. в 2023 г.).

В Ханты-Мансийском автономном округе – Югре в 2023 г. консолидированные доходы составили 505 096,75 млн руб., общий рост – 58,52% (рис. 4). Пиковое значение в доходах округа наблюдается в 2023 г. (на 37,27%). Доходы региона за пять лет имеют неоднородный рост: в 2020 г. всего на 1,86%, в 2021 г. – на 15,83%, к 2022 г. наблюдается небольшое снижение (2,11%), а затем резкий рост.

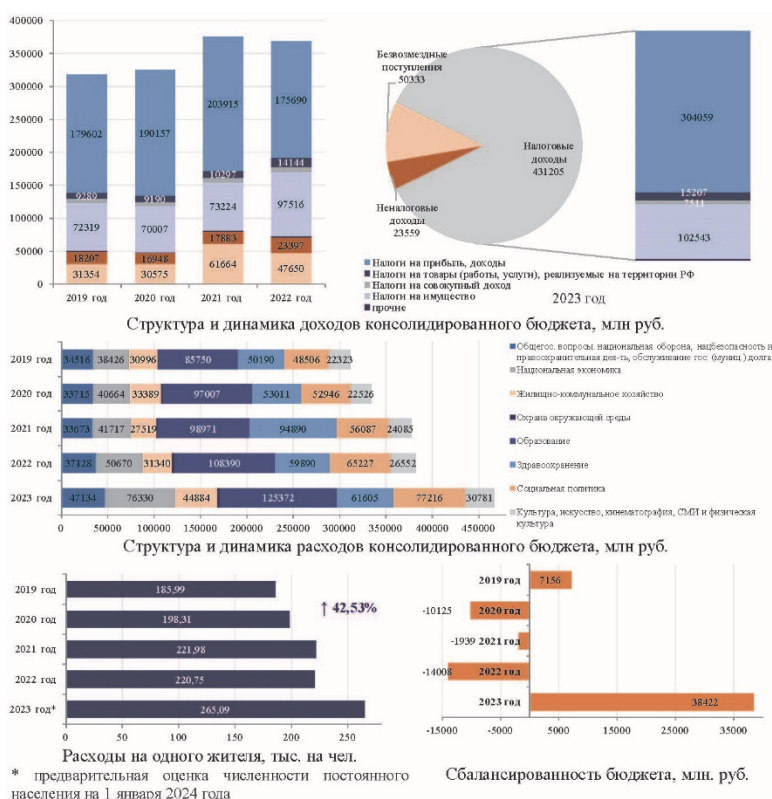

Рис. 4. Консолидированный бюджет ХМАО – Югра за 2019–2023 гг., в цифрах.

Источник: составлено авторами по Отчету об исполнении консолидированного бюджета Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (URL:

<https://depfin.admhmao.ru/otkrytyy-byudzheta/ispolnenie-byudzheta/ispolnenie-byudzheta-avtonomnogo-okruga/> (дата обращения: 09.02.2024))

В структуре доходов округа наибольшую долю занимают налоговые доходы – 85,37%. Их рост за пять лет составил 60,26%, неналоговые доходы увеличились на 29,29%.

Налоговые доходы консолидированного бюджета округа претерпели изменения, отмечается рост: налога на прибыль организаций (↑196,38%), акцизов по подакцизным товарам (↑163,71%) и налогов, сборов и регулярных платежей за пользование природными ресурсами (↑166,99%). Снижение коснулось доходов от государственной пошлины (на 22,12%) и задолженности и перерасчетов по отмененным налогам, сборам и иным обязательным платежам (на 42,88%). В наибольшей степени в неналоговых доходах выросли штрафы, санкции, возмещение ущерба (↑168,22%).

Безвозмездные поступления в бюджет округа из вышестоящих бюджетов в целом за пять лет увеличились на 60,53%, но при этом их максимальный рост пришелся на 2021 г. (↑201,68%), затем наблюдается их снижение. К 2022 г. сумма безвозмездных поступлений сократилась на 22,73%, а в 2023 г. увеличилась на 5,63%.

Сумма консолидированных расходов бюджета ХМАО за 2023 г. составила 466 674,28 млн руб. Пиковый рост расходов региона наблюдается в 2023 г. (на 22,17%). Общее увеличение консолидированных расходов за последние пять лет составило 49,83%.

Небольшая доля в консолидированных расходах автономного округа принадлежит разделам «Образование», «Социальная политика», «Национальная экономика» и «Здравоохранение». Однако за пять лет можно отметить, что произошло увеличение доли раздела «Национальная экономика» с 12,34% в 2019 г. до 16,36% в 2023 г. и «Социальная политика» с 15,57 до 16,55%. Доля разделов «Образование» и «Здравоохранение» снижается (с 27,53% в 2019 г. до 26,87% в 2023 г. и с 16,11 до 13,20% соответственно).

Наибольшее увеличение за пять лет показали разделы «Охрана окружающей среды» (↑434,56%), «Национальная экономика» (↑198,64%). Снижение ассигнований наблюдается по разделу «Обслуживание государственного (муниципального) долга» (на 60,63%).

Ранжируя регионы Уральского федерального округа по расходам на «Национальную экономику», делаем вывод, что ХМАО-Югра занимает второе место.

За последние пять лет отмечается, что расходы на одного жителя округа выросли на 42,53%. Так если в 2019 г. они составляли 185,99 тыс. руб. на чел., то уже в 2023 г. – 265,09 тыс. руб. на чел.

Оценка расходов на одного жителя показала, что среди регионов УрФО нефтегазовые – ХМАО-Югра, ЯНАО и Тюменская область обладают наибольшим значением этого показателя.

За 2023 г. доходы консолидированного бюджета **Ямало-Ненецкого автономного округа** составили 419 493,33 млн руб. против 257 244,36 млн руб. в 2019 г. За последние пять лет общее увеличение равнялось 63,07%. Наибольший рост доходов округа приходится на 2022 г. (на 37,83%), а в 2020 г. наблюдается их падение на 11,87% (рис. 5).

Сумма налоговых доходов региона за пять лет выросла на 52,87%, а неналоговых – на 135,36%. Основными источниками доходов консолидированного бюджета округа являются налоги и сборы (↑149,06%). Отметим, что

наибольшее увеличение отразилось на поступлениях налога на прибыль организаций ($\uparrow 138,41\%$), налога на доходы физических лиц ($\uparrow 169,31\%$), а также налога, сборов и регулярных платежей за пользование природными ресурсами ($\uparrow 194,33\%$).

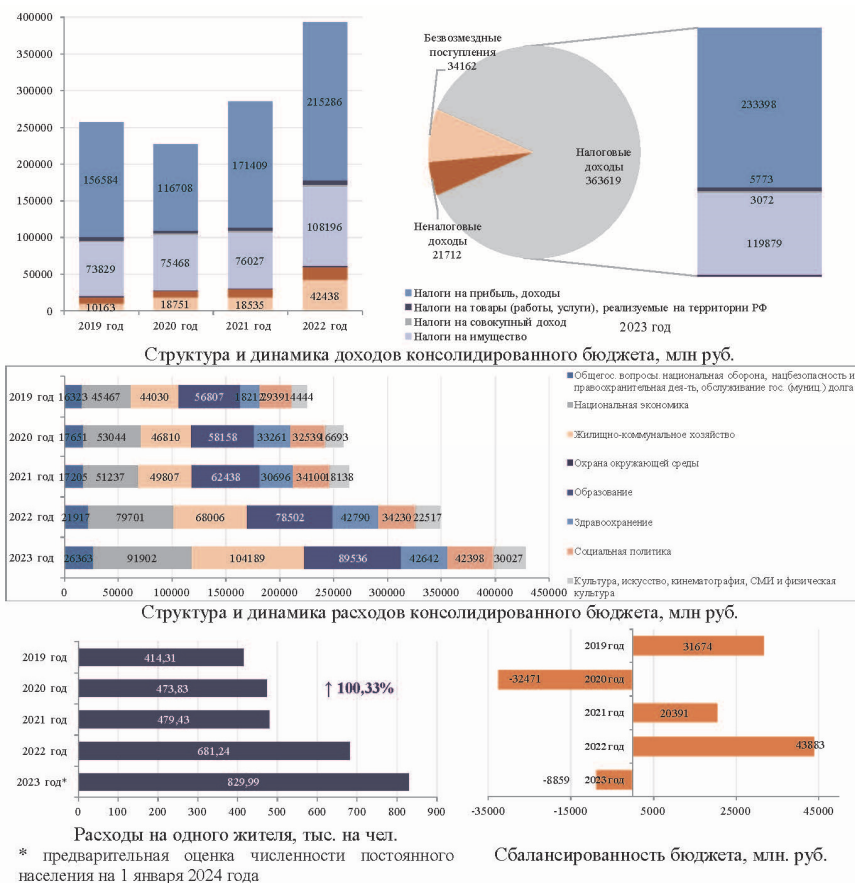

Рис. 5. Консолидированный бюджет ЯНАО за 2019–2023 гг., в цифрах.

Источник: составлено авторами по Основным параметрам исполнения бюджета (URL: <https://fea.yamalfin.ru/ispolnenie-budgeta/osnovnie-parametri-ispolneniya/osnovnyie-parametry-ispolneniya-byudzheta> (дата обращения: 09.02.2024))

Внутри неналоговых доходов округа отмечается наибольший рост доходов от использования имущества, находящегося в государственной и муниципальной собственности ($\uparrow 290,4\%$), и доходов от продажи материальных и нематериальных активов ($\uparrow 215,4\%$).

В структуре консолидированных доходов ЯНАО на безвозмездные поступления, перечисляемые из вышестоящего бюджета, приходится менее 9%. За пять лет их сумма увеличилась на 236,14%. Среди регионов УрФО округ лидирует по росту подобного рода поступлений.

Сумма консолидированных расходов округа за 2023 г. составила 428 352,44 млн руб. Наибольшее увеличение расходов региона наблюдается в 2022 г. (на 31,87%). Общий рост консолидированных расходов за последние пять лет составил 89,9%.

Небольшая доля в консолидированных расходах автономного округа приходится на разделы «Жилищно-коммунальное хозяйство», «Национальная экономика» и «Образование». Отметим, что за последние пять лет происходит рост доли раздела «Национальная экономика» с 20,16% в 2019 г. до 21,45% в 2023 г., снижение раздела «Образование» с 25,18% в 2019 г. до 20,9% в 2023 г.

За рассматриваемый период стабильный рост наблюдается практически по всем статьям расходов региона, исключение составило «Обслуживание государственного (муниципального) долга» (уменьшение на 91,98%).

Увеличение ассигнований приходится на разделы «Физическая культура и спорт» (↑284,89%), «ЖКХ» (↑236,63%), «Национальная безопасность и правоохранительная деятельность» (↑236,29%), «Здравоохранение» (↑234,14%).

Оценка расходов бюджета на одного жителя показала, что в округе за последние пять лет расходы на одного жителя выросли на 100,33%, с 414,31 тыс. руб. на чел. в 2019 г. до 829,99 тыс. руб. на чел. в 2023 г. Среди регионов УрФО ЯНАО является лидером по расходам бюджета на одного жителя.

За 2023 г. доходы консолидированного бюджета **Челябинской области** составили 343 907,73 млн руб. За последние пять лет общее увеличение представляло 59,76%. Наибольший рост доходов отмечается в 2021 г. (на 33,89%), а в 2022 г. наблюдается их падение на 6,21%. Налоговые доходы области за пять лет выросли на 66,92%, а неналоговые – на 100,61% (рис. 6).

За пять рассматриваемых лет налоги на прибыль, доходы увеличились на 76,48%, в том числе за счет роста налога на прибыль организаций (↑219,82%), налога на доходы физических лиц (↑147,37%). Также отметим рост налога, сбора и регулярных платежей за пользование природными ресурсами (↑233,26%). В неналоговых доходах наибольшее увеличение приходится на доходы от использования имущества, находящегося в государственной и муниципальной собственности (↑229,45%).

Весомую долю в доходах составляют субсидии и субвенции от федерального бюджета и других источников, направляемые в бюджет области на безвозмездной основе. Доля безвозмездных поступлений бюджета составляет около 14%. Пиковое увеличение финансовых поступлений из федерального центра отмечается в пандемийном 2020 г. (↑180,63%), затем наблюдается их ежегодное снижение.

Сумма консолидированных расходов бюджета области за 2023 г. составила 336 401,08 млн руб. Наибольшее увеличение расходов региона наблюдается пандемийном 2020 г. (на 23,79%). Общее увеличение консолидированных расходов за последние пять лет составило 55,42%.

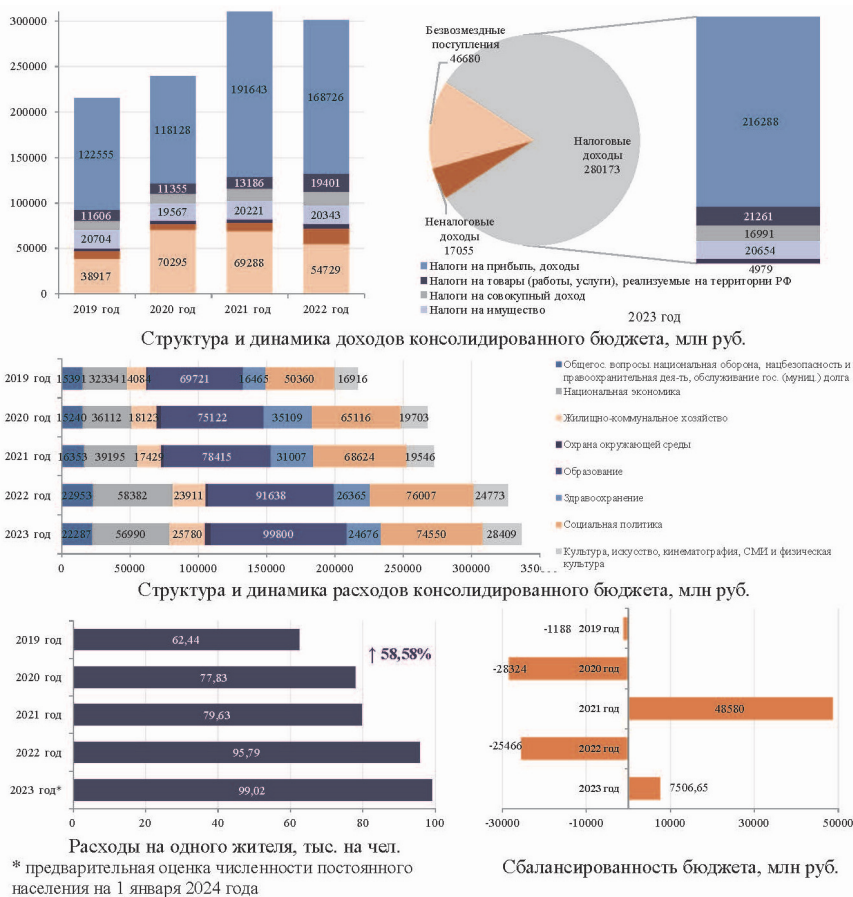

Рис. 6. Консолидированный бюджет Челябинской области за 2019–2023 гг., в цифрах.
 Источник: составлено авторами по Годовой отчетности об исполнении бюджета (URL: <https://minfin74.ru/mBudget/execution/annual/> (дата обращения: 09.02.2024))

Небольшая доля в консолидированных расходах Челябинской области приходится на разделы «Образование», «Социальная политика» и «Национальная экономика». При этом за пять лет доля расходов на разделы «Образование» и «Социальная политика» снижается (с 32,21% в 2019 г. до 29,67% в 2023 г. и с 23,27% в 2019 г. до 22,16% в 2023 г. соответственно), а доля расходов раздела «Национальная экономика» растет с 14,94% в 2019 г. до 16,94% в 2023 г.

Рекордный рост ассигнований за пять лет наблюдается по разделу «Национальная оборона». Среди всех регионов УрФО именно у Челябинской области расходы, связанные с национальной обороной, имеют значительный рост. Если средние расходы за 2019–2021 гг. по этому направлению были 50,75 млн руб., то к 2022 г. ассигнования составили уже 498,71 млн руб. и далее продолжили расти, это практически в 11 раз выше уровня 2019 г.

Среди значительного увеличения расходов области можно также отметить разделы «Обслуживание государственного (муниципального) долга» на 419,20%, «Охрана окружающей среды» на 230,83%, «Физическая культура и спорт» на 91,65%. По остальным статьям бюджета области также наблюдается рост

За последние пять лет отмечается рост расходов бюджета Челябинской области на одного жителя. Если в 2019 г. расходы бюджета на одного жителя составляли 62,44 тыс. руб., то уже в 2023 г. – 99,02 тыс. руб. Общее увеличение составило 58,58%.

Анализируя динамику доходной части консолидированных бюджетов регионов, входящих в состав Уральского федерального округа, за пятилетний период, можно отметить, что она остается преимущественно формируемой за счет налоговых поступлений, особенно сильно от налога на прибыль организаций.

Если говорить о структуре и динамике расходной части консолидированных бюджетов субъектов, входящих в состав Уральского федерального округа, то за последние пять лет сохраняется тенденция роста поддержки «Образования», «Здравоохранения», «Социальной политики» и «Национальной экономики». В целом, доминирование этих разделов бюджетных расходов связано со стратегическими целями и приоритетными направлениями финансовой политики, реализуемой в этих регионах.

В настоящее время повышается значимость оценки социальной направленности бюджета как важнейшей составляющей государственной финансовой политики. Социальная ориентированность представляет собой стратегическое направление распределения бюджетных ресурсов с целью обеспечения социальной справедливости, благополучия и достойного уровня жизни населения, а также создания безопасной и развивающейся среды.

Одним из показателей социальной направленности бюджета является коэффициент социальной ориентированности бюджета. Этот коэффициент выражает долю общих расходов бюджета, которая выделяется на социальные программы, включая образование, здравоохранение, социальную защиту, культуру и другие сферы. Оценка социальной направленности консолидированных бюджетов регионов, входящих в состав УрФО, приведена в таблице.

Оценка коэффициента социальной ориентированности консолидированных бюджетов показала, что в регионах, входящих в состав УрФО, значительная доля государственных расходов направляется на социальные программы и меры поддержки населения. В целом, значение коэффициента среди регионов УрФО оценивается более чем в 60%, исключение – ЯНАО в 2023 г. коэффициент сократился до 48% с 53% в 2019 г. и Тюменская область с показателем в 2019 г. 54%. Среднее значение коэффициента за пять лет по всем регионам Уральского федерального округа составляет 65%. Относительно высокие показатели коэффициента говорят о том, что региональные власти уделяют внимание предоставлению населению социальных и общественных услуг.

Результаты расчета коэффициента социальной ориентированности консолидированных бюджетов регионов, входящих в состав УрФО

Регионы УрФО	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	Изменение, %
Курганская область	0,69	0,68	0,68	0,67	0,63	-9,32
Свердловская область	0,70	0,72	0,71	0,70	0,68	-3,73
Тюменская область	0,54	0,61	0,61	0,62	0,64	17,93
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	0,67	0,68	0,73	0,69	0,64	-4,06
Ямало-Ненецкий автономный округ	0,53	0,55	0,55	0,51	0,48	-9,35
Челябинская область	0,71	0,74	0,73	0,68	0,69	-3,74
Среднее значение по УрФО	0,64	0,66	0,67	0,65	0,62	-2,52

Относительно 2019 г. увеличение социальной направленности бюджета наблюдается только у одного региона – Тюменской области. Наибольшее снижение этого показателя приходится на Ямало-Ненецкий автономный округ и Курганскую область. Анализ консолидированных бюджетов этих регионов показал, что приоритетными направлениями для них являются поддержание «Национальной экономики» и «Жилищно-коммунального хозяйства».

Заключение

Таким образом, региональные бюджеты субъектов РФ играют важную роль в экономическом и социальном развитии региона. Они обеспечивают финансовую поддержку различных программ и проектов, способствуя повышению качества жизни населения.

За пять лет рост доходов консолидированных бюджетов всех субъектов Российской Федерации составил 63,89%. Совокупные доходы консолидированных бюджетов регионов Уральского федерального округа увеличились на 60,2%. Доля доходов консолидированных бюджетов УрФО в общих доходах консолидированных бюджетов субъектов УрФО за этот период осталась примерно на одном уровне – 10%.

Расходы консолидированных бюджетов всех субъектов Российской Федерации за пять лет увеличились на 61,96%. Совокупные расходы консолидированных бюджетов регионов Уральского федерального округа за этот же период увеличились на 55,98%. Их доля в общих расходах консолидированных региональных бюджетов незначительно снизилась – с 10,01 до 9,63%.

Оценка коэффициента социальной ориентированности показала, что уровень социальной направленности консолидированных бюджетов пяти регионов, входящих в состав УрФО, имеет тенденцию на снижение, но сохраняет значение выше 60% (меньше этого значение только в ЯНАО – 55–48%). Исключение составляет Тюменская область, в которой этот коэффициент стабильно растет, увеличившись на 17,93%. Высокие показатели

этого коэффициента отражают ряд положительных эффектов: во-первых, дальнейшее увеличение коэффициента будет способствовать уменьшению социального неравенства, так как более значительные ресурсы выделяются на те приоритетные направления, которые нуждаются в поддержке больше всего; во-вторых, это дает возможность укрепить социальную защиту населения и снизить уровень бедности; в-третьих, инвестиции в «Образование» и «Здравоохранение» способствуют повышению качества жизни населения и формированию здорового и образованного общества. Однако увеличение расходования бюджетных средств по этим направлениям должно быть разумным и не идти в ущерб другим направлениям, таким как «Национальная экономика», «Жилищно-коммунальное хозяйство».

Региональные власти должны обеспечивать эффективное использование бюджетных средств, оптимизировать процессы управления и контроля за предоставлением услуг, а также учитывать потребности и ожидания населения. Важную роль в этом играют принимаемые на уровне регионов грамотные управленческие решения в финансовой сфере, которые способствуют развитию экономики и обеспечению устойчивости финансовой системы. Для достижения этих целей необходимо проводить анализ финансового состояния региона, определять приоритетные направления развития, разрабатывать и реализовывать стратегии по улучшению финансового положения, а также проводить мероприятия по повышению финансовой грамотности.

Список источников

1. Белолитецких М.А. Понятие и сущность национальной безопасности в современном обществе // Государственная служба и кадры. 2022. № 4. С. 152–154. doi: 10.56539/23120444_2022_4_152
2. Феоктистов А.В., Зернов И.В. Эволюция развития законодательства о национальной безопасности в Российской Федерации // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2023 Т. 11, № 1. С. 68–76. doi: 10.21685/2307-9525-2023-11-1-8
3. Майстренко Г.А. Обеспечение национальной безопасности: политико-правовые аспекты // ВВ: Административное право и практика администрирования. 2021. № 2. С. 26–41. doi: 10.7256/2306-9945.2021.2.34776
4. Свистунов Д.Е. Национальная безопасность в Российской Федерации: теоретико-правовое исследование // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. 2017. № 1 (9). С. 78–83.
5. Лев М.Ю. Оценка тенденций мониторинга состояния национальной, социально-экономической безопасности в контексте стратегического планирования // Экономическая безопасность. 2024. Т. 7, № 1. С. 27–48. doi: 10.18334/ecsec.7.1.120347
6. Столярова А.Н., Шамрай-Курбанова Л.В., Дарелина О.В., Чумакова Е.А. Продовольственная безопасность как элемент национальной безопасности страны // Продовольственная политика и безопасность. 2023. Т. 10, № 2. С. 219–236. doi: 10.18334/ppib.10.2.117818
7. Богомолова И.П., Хорев А.И., Королев М.И., Шайкин Д.В., Василенко И.Н. Исследование зарубежного опыта организации стратегического планирования, анализа и управления экономической безопасностью на национальном уровне // Экономическая безопасность. 2022. Т. 5, № 4. С. 1205–1224. doi: 10.18334/ecsec.5.4.116471
8. Караваева И.В., Лев М.Ю. Приоритеты государственного регулирования экономической безопасности России в условиях новых глобальных вызовов // Экономическая безопасность. 2023. Т. 6, № 2. С. 453–466. doi: 10.18334/ecsec.6.2.117953

9. Павлов В.И. Обоснование состава новых показателей оценки экономической безопасности Российской Федерации в условиях усиления антироссийских санкций // Развитие и безопасность. 2022. № 3 (15). С. 17–28. doi: 10.46960/2713-2633_2022_3_17
10. Кудряшова Е.В. Финансовая безопасность в иерархии целей стратегического планирования в Российской Федерации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 124–138. doi: 10.17-323/2072-8166.2019.2.124.138
11. Каранина Е.В. Финансовая безопасность (на уровне государства, региона, организации, личности). Киров : Изд-во ВятГУ, 2016. 240 с.
12. Ермакова Э.Р. Научные подходы к определению категории «финансовая безопасность» // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. Т. 13, № 9. С. 1712–1730. doi: Org/10.24891/ni.13.9.1712
13. Митина И.А., Зубарев С.В., Савон И.В. Финансовая политика в качестве основы достижения финансовой безопасности государства и региона // Вестник Евразийской науки. 2020. № 1. URL: <https://esj.today/PDF/53ECVN120.pdf> (дата обращения: 29.01.2024).
14. Безденежных Т.И., Шарафанова Е.Е. Финансовая безопасность в системе региональной экономической безопасности // Известия СПбГЭУ. 2019. № 3 (117). С. 32–38.
15. Санникова И.Н., Приходько Е.А. Обеспечение финансовой безопасности региона как эффективный инструмент бюджетной политики // Экономика. Профессия. Бизнес. 2019. № 1. С. 48–55. doi: 10.14258/201906
16. Бикметова З.М. Методика оценки бюджетной безопасности региона как составляющей экономической безопасности (на примере Приволжского федерального округа Российской Федерации) // Экономика, предпринимательство и право. 2020. Т. 10, № 5. С. 1509–1520. doi: 10.18334/erpp.10.5.102144
17. Зотиков Н.З. Бюджеты субъектов Российской Федерации как финансовая основа их экономической безопасности // Вестник университета. 2022 № 9. С. 120–130. doi: 10.26425/1816-4277-2022-9-120-130
18. Афанасьева Е.Е. Финансовая самостоятельность бюджетов субъектов Центрального федерального округа: состояние и перспективы достижения // Вестник Евразийской науки, 2020. № 2. URL: <https://esj.today/PDF/20ECVN220.pdf> (дата обращения: 29.01.2024).
19. Андрияков А.Д., Домбровский Е.А. Меры налогово-бюджетного стимулирования экономического роста территорий // Финансовый журнал. 2020. Т. 12, № 5. С. 99–113. doi: 10.31107/2075-1990-2020-5-99-113
20. Речкина Е.А., Терехов А.М., Попкова Ж.Г. Сравнительный анализ эффективности использования бюджетных средств на региональном уровне // Статистика и экономика. 2023. № 4. С. 55–65. doi: 10.21686/2500-3925-2023-4-55-65
21. Дерюгин А.Н. Региональные бюджеты в первом квартале 2021 г.: собственные доходы восстанавливаются // Экономическое развитие России. 2021. № 5. С. 67–70.
22. Белозерова К.С. Методы обеспечения сбалансированности бюджетов субъектов Российской Федерации, их правовое закрепление // Актуальные проблемы российского права. 2019. Т. 11. С. 27–33. doi: 10.17803/1994-1471.2019.108.11.027-033
23. Шабельникова С.И. Проблемы обеспечения сбалансированности бюджетов регионов в условиях санкционного давления // Федерализм. 2022. Т. 27, № 2 (106). С. 31–45. doi: 10.21686/2073-1051-2022-2-31-45
24. Наумов И.В., Никулина Н.Л. Пространственный анализ трансформации бюджетной самостоятельности и безопасности региональных систем // Экономика региона. 2021. № 3. С. 1042–1056. doi: 10.17059/ekon.reg.2021-3-23

References

1. Belolipetskikh, M.A. (2022) The concept and essence of national security in modern society. *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry*. 4. pp. 152–154. (In Russian). doi: 10.56539/23120444_2022_4_152

2. Feoktistov, A.V. & Zernov, I.V. (2023) Evolution of the development of legislation on national security in the Russian Federation. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo*. 11 (1). pp. 68–76. (In Russian). doi: 10.21685/2307-9525-2023-11-1-8
3. Maystrenko, G.A. (2021) Ensuring national security: political and legal aspects. *NB: Administrativnoe pravo i praktika administrirovaniya*. 2. pp. 26–41. (In Russian). doi: 10.7256/2306-9945.2021.2.34776
4. Svistunov, D.E. (2017) National security in the Russian Federation: theoretical and legal research. *Vestnik Mariyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Istoricheskie nauki. Yuridicheskie nauki"*. 1 (9). pp. 78–83. (In Russian).
5. Lev, M.Yu. (2024) Assessing trends in monitoring the state of national, socio-economic security in the context of strategic planning. *Ekonomicheskaya bezopasnost'*. 7 (1). pp. 27–48. (In Russian). doi: 10.18334/ecsec.7.1.120347
6. Stolyarova, A.N. et al. (2023) Food security as an element of the country's national security. *Prodovol'stvennaya politika i bezopasnost'*. 10 (2). pp. 219–236. (In Russian). doi: 10.18334/ppib.10.2.117818
7. Bogomolova, I.P. et al. (2022) Study of foreign experience in organizing strategic planning, analysis and management of economic security at the national level. *Ekonomicheskaya bezopasnost'*. 5 (4). pp. 1205–1224. (In Russian). doi: 10.18334/ecsec.5.4.116471
8. Karavaeva, I.V. & Lev, M.Yu. (2023) Priorities of state regulation of economic security of Russia in the context of new global challenges. *Ekonomicheskaya bezopasnost'*. 6 (2). pp. 453–466. doi: 10.18334/ecsec.6.2.117953
9. Pavlov, V.I. (2022) Justification of the composition of new indicators for assessing the economic security of the Russian Federation in the context of strengthening anti-Russian sanctions. *Razvitie i bezopasnost'*. 3 (15). pp. 17–28. (In Russian). doi: 10.46960/2713-2633_2022_3_17
10. Kudryashova, E.V. (2019) Financial security in the hierarchy of strategic planning goals in the Russian Federation. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*. 2. pp. 124–138. (In Russian). doi: 10.17-323/2072-8166.2019.2.124.138
11. Karanina, E.V. (2016) *Finansovaya bezopasnost' (na urovne gosudarstva, regiona, organizatsii, lichnosti)* [Financial security (at the level of state, region, organization, individual)]. Kirov: Vyatka State University.
12. Ermakova, E.R. (2017) Financial security in the hierarchy of strategic planning goals in the Russian Federation. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'*. 13Yu (9). pp. 1712–1730. (In Russian). doi: 10.24891/ni.13.9.1712
13. Mitina, I.A., Zubarev, S.V. & Savon, I.V. (2020) Financial policy as a basis for achieving financial security of the state and region. *Vestnik Evraziyskoy nauki*. 1. [Online] Available from: <https://esj.today/PDF/53ECVN120.pdf> (Accessed: 29.01.2024). (In Russian).
14. Bezdenezhnykh, T.I. & Sharafanova, E.E. (2019) Financial security in the system of regional economic security. *Izvestiya SPbGEU*. № 3 (117). pp. 32–38. (In Russian).
15. Sannikova, I.N. & Prikhod'ko, E.A. (2019) Ensuring the financial security of the region as an effective tool of budget policy. *Ekonomika Professiya Biznes*. 1. pp. 48–55. (In Russian). doi: 10.14258/201906
16. Bikmetova, Z.M. (2020) Methodology for assessing the budgetary security of a region as a component of economic security (using the example of the Volga Federal District of the Russian Federation). *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo*. 10 (5). pp. 1509–1520. (In Russian). doi: 10.18334/epp.10.5.102144
17. Zotikov, N.Z. (2022) Budgets of the constituent entities of the Russian Federation as the financial basis of their economic security. *Vestnik universiteta*. 9. pp. 120–130. (In Russian). doi: 10.26425/1816-4277-2022-9-120-130
18. Afanas'eva, E.E. (2020) Financial independence of the budgets of the constituent entities of the Central Federal District: status and prospects for achievement. *Vestnik*

Evrasiyskoy nauki, 2. [Online] Available from: <https://esj.today/PDF/20ECVN220.pdf> (Accessed: 29.01.2024). (In Russian).

19. Andryakov, A.D. & Dombrovskiy, E.A. (2020) Measures of tax and budget stimulation of economic growth of territories. *Finansovyy zhurnal*. 12 (5). pp. 99–113. (In Russian). doi: 10.31107/2075-1990-2020-5-99-113

20. Rechkina, E.A., Terekhov, A.M. & Popkova, Zh.G. (2023) Comparative analysis of the efficiency of using budget funds at the regional level. *Statistika i ekonomika*. 4. pp. 55–65. (In Russian). doi: 10.21686/2500-3925-2023-4-55-65

21. Deryugin, A.N. (2021) Regional'nye byudzhety v pervom kvartale 2021 g.: sobstvennyye dokhody vosstanavlivayutsya [Regional budgets in the first quarter of 2021: own incomes are being restored]. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii*. 5. pp. 67–70.

22. Belozerova, K.S. (2019) Methods for ensuring the balance of budgets of the constituent entities of the Russian Federation, their legal reinforcement *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 11. pp. 27–33. (In Russian). doi: 10.17803/1994-1471.2019.108.11.027-033

23. Shabel'nikova, S.I. (2022) Problems of ensuring the balance of regional budgets under sanctions pressure. *Federalizm*. 27:2 (106). pp. 31–45. (In Russian). doi: 10.21686/2073-1051-2022-2-31-45

24. Naumov, I.V. & Nikulina, N.L. (2021) Spatial analysis of the transformation of budgetary independence and security of regional systems. *Ekonomika regiona*. 3. pp. 1042–1056. (In Russian). doi: 10.17059/ekon.reg.2021-3-23

Информация об авторах:

Захарчук Е.А. – кандидат экономических наук, доцент, руководитель Центра стратегического развития территорий, Институт экономики УрО РАН (Екатеринбург, Россия). E-mail: zakharchuk.ea@uiec.ru

Трифорова П.С. – младший научный сотрудник Центра стратегического развития территорий, Институт экономики УрО РАН (Екатеринбург, Россия). E-mail: trifonova.ps@uiec.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.A. Zakharchuk, Cand. Sci. (Economics), docent, head of the Center for Strategic Development of Territories, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: zakharchuk.ea@uiec.ru

P.S. Trifonova, junior researcher, Center for Strategic Development of Territories, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: trifonova.ps@uiec.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 17.02.2024;
одобрена после рецензирования 02.05.2024; принята к публикации 16.05.2024.*

*The article was submitted 17.02.2024;
approved after reviewing 02.05.2024; accepted for publication 16.05.2024.*

Менеджмент

Научная статья
УДК 338
doi: 10.17223/19988648/66/15

Функционирование системы управления рисками и внутреннего контроля на производственном предприятии

Мария Викторовна Герман¹, Дмитрий Александрович Пашковский²,
Виктор Эдуардович Зайковский³

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, gertan_maria@mail.ru*

² *Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия, tarasova.aa377@gmail.com*

³ *Томский университет систем управления и радиоэлектроники,
Томск, Россия, v.zaikovsky@gmail.com*

Аннотация. В статье представлены концептуальные основы функционирования системы управления рисками и внутреннего контроля на производственном предприятии. Обоснованы ключевые целевые показатели (КРП), процедуры внутреннего контроля (ПВК), ключевые индикаторы рисков (КИР), структура элементов и алгоритм функционирования системы. Теоретические выводы авторов основаны на результатах, полученных в рамках апробации предлагаемой модели по управлению рисками и внутреннего контроля производственного бизнес-процесса «Организация строительного контроля».

Ключевые слова: система управления рисками и внутреннего контроля, управление рисками, ключевые целевые показатели риска, процедуры внутреннего контроля, ключевые индикаторы риска

Для цитирования: Герман М.В., Пашковский Д.А., Зайковский В.Э. Функционирование системы управления рисками и внутреннего контроля на производственном предприятии // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2024. № 66. С. 240–250. doi: 10.17223/19988648/66/15

Management

Original article

Risk management and internal control system of a production enterprise

Maria V. German¹, Dmitry A. Pashkovsky², Viktor E. Zaikovsky³

¹ National Research Tomsk State University,
Tomsk, Russian Federation, german_maria@mail.ru

² Saint Petersburg State University of Economics,
St. Petersburg, Russian Federation, tarasova.aa377@gmail.com

³ Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics,
Tomsk, Russian Federation, v.zaikovsky@gmail.com

Abstract. The implementation of digital technologies and the rapid transition to Industry 4.0 have influenced the speed of information exchange, thereby increasing uncertainty and the likelihood of making ineffective management decisions. At the same time, to avoid entropy in managing a manufacturing enterprise, a transformation of tools, methodologies, procedures, and standards is necessary to ensure the company's sustainable development. One way to increase the reliability of a company's operations in conditions of uncertainty and risk can be the organization of a risk management and internal control system (RMIC). RMIC is defined as a set of organizational measures, methodologies, procedures, norms of corporate culture and actions aimed at achieving an optimal balance between value growth, profitability, and risks to ensure financial stability, efficient business operations, asset preservation, compliance with laws, statutes, and internal documents, timely preparation of accurate reports. Furthermore, in uncertain conditions, it is advisable to consider RMIC in the context of an integrated business-process system because, to ensure reasonable confidence in achieving the company's goals in operational activities, reporting, and fulfilling all obligations, it implies organizing risk management primarily at the process and operational (transactional) levels, and aims at increasing the efficiency of the company's activities as a result of integrating risk management with strategic planning processes, business planning, and decision-making. The article presents the conceptual foundations of a production enterprise's RMIC. Key performance indicators, internal control procedures, key risk indicators, the structure of elements and system operation algorithms are justified. Theoretical conclusions of the authors are based on the results obtained within the framework of testing the proposed RMIC model for the business process "Construction Supervision Organization for Gazprom Customers". It is concluded that, to ensure confidence in achieving goals at a production enterprise, RMIC should be developed, implemented, and continuously developed. Risk management and internal control processes should be carried out using best practices, principles, and methods. In this case, the risk management measures taken by the company will allow risks to be kept within acceptable limits and provide shareholders with sufficient guarantees to achieve their goals and objectives.

Keywords: risk management and internal control system, risk management, key performance indicators of risk, internal control procedures, key risk indicators

For citation: German, M.V., Pashkovsky, D.A. & Zaikovsky, V.E. (2024) Risk management and internal control system of a production enterprise. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 66. pp. 240–250. (In Russian). doi: 10.17223/19988648/66/15

Внедрение цифровых технологий, стремительный переход к Индустрии 4.0 оказали влияние на скорость обмена информацией и тем самым усилили неопределенность и, соответственно, повысили вероятность принятия неэффективных управленческих решений. Вместе с тем во избежание энтропии в управлении производственным предприятием необходима трансформация инструментария, методик, процедур, норм для обеспечения устойчивого развития компании. Эффективным способом повышения надежности работы предприятия в условиях неопределенности может служить организация работы управленческой системы – системы управления рисками и внутреннего контроля (СУРиВК).

СУРиВК – это множество организационных мер, методик, процедур, норм корпоративной культуры и действий для достижения оптимального баланса между ростом стоимости, прибыльностью и рисками, для обеспечения финансовой устойчивости, эффективного ведения хозяйственной деятельности, обеспечения сохранности активов, соблюдения законодательства, устава и внутренних документов, своевременной подготовки достоверной отчетности.

При работе в условиях неопределенности СУРиВК можно рассматривать как часть единой интегрированной системы предприятия в связи с тем, что:

- для обеспечения разумной уверенности в достижении целей компании в области операционной деятельности, подготовки отчетности и выполнения всех обязательств методика предполагает организацию управления рисками в первую очередь на процессном и операционном (транзакционном) уровнях;

- эта методика направлена на улучшение эффективности функционирования компании через взаимодействие процессов управления рисками со стратегическим и бизнес-планированием, а также с процессом принятия управленческих решений.

Управление рисками в компании начинается на стратегическом уровне, где определяются основные параметры внутреннего контроля, включая определение уровня приемлемого риска, распределение целей и связанных с ними рисков.

Объектом исследования является управление рисками и внутренний контроль на производственном предприятии, предметом исследования – бизнес-процесс «Организация строительного контроля для заказчиков».

Строительный контроль представляет собой деятельность, проводимую в рамках капитального строительства, ремонта или реконструкции объектов, направленную на проверку соответствия выполненных работ исходным инженерным изысканиям, требованиям градостроительного плана, техническим регламентам, стандартам промышленной безопасности, а также про-

ектной и рабочей документации. Контроль осуществляется строителями, застройщиками или техническими заказчиками с привлечением сертифицированных специалистов и при необходимости с участием разработчиков проектной документации, особенно на объектах повышенной опасности.

Основная задача строительного контроля заключается в гарантировании безопасности и надежности объектов в процессе их возведения, а также в обеспечении соответствия всех работ законодательным стандартам и нормативным требованиям.

Для эффективной работы бизнес-процесса критически важно определить метрики, которые будут отражать его эффективность – так называемые ключевые показатели эффективности (КПЭ или КРІ). Эти показатели необходимы для оценки того, насколько успешно достигаются цели или насколько оптимальным является процесс, его продуктивность и результативность.

При реализации бизнес-процесса «Организация строительного контроля для заказчика» важно определить КРІ, которые позволят оценить эффективность и качество выполнения работ. КРІ являются метриками, которые позволяют измерить достижение поставленных целей и оптимальность процесса. Они могут включать в себя такие параметры, как исполнение бюджета, качество входного контроля, исполнение технологических параметров и выполнение мероприятий по охране труда. Оценка исполнения плановых КРІ позволяет понять и исправить недочеты и ошибки в работе, что может помочь в реализации производственных задач.

Поэтому в полной мере целесообразно выделить следующие КРІ:

- КРІ-1: выполнение договоров строительного контроля в соответствии с заключенными договорами (план-факт);
- КРІ-2: выполнение предписаний и актов, выданных надзорными органами.

В табл. 1 приведены ключевые целевые показатели, допустимые границы и их периодичность.

Таблица 1. Ключевые целевые показатели службы строительного контроля, %

№ п/п	Ключевые целевые показатели (КРІ)	Установленные допустимые границы КРІ	Периодичность
1	Выполнение договоров строительного контроля в соответствии с заключенными договорами (план-факт)	Не менее 95	Ежемесячно
2	Выполнение предписаний и актов, выданных надзорными органами	100	Ежемесячно

КРІ-1 допускается отклонение до 5%. По КРІ-2 процент выполнения должен быть 100%, так как все предписания и замечания надзорных органов в отношении строительного контроля должны быть выполнены в полном объеме.

Риски достижения целевых показателей бизнес-процесса «Организация строительного контроля для заказчика» – это возможные ситуации или факторы, оказывающие влияние на успешное достижение поставленных целей. Эти риски могут быть как внутренними (связанными с процессами и ресурсами внутри подразделения), так и внешними (связанными с внешней средой, экономическими факторами или изменениями в законодательстве). Анализ рисков позволяет идентифицировать потенциальные события и факторы, которые могут оказать влияние на достижение целей организации, и разработать соответствующие стратегии и меры по их снижению или управлению. В первую очередь следует выделить три ключевых риска.

Риск № 1: низкая квалификация инженеров службы строительного контроля, приводящая к снижению качества работы и убыткам по исполнению договоров. Снижение данного риска обеспечивает обучение персонала, осуществляющего строительный контроль, в форме повышения квалификации и профпереподготовки.

Риск № 2: незапланированные финансовые расходы, связанные с выплатами штрафных санкций вследствие несвоевременного устранения предписаний контролирующих органов. Управление данным риском обусловлено целесообразностью реализации следующих мероприятий:

– обеспечения контроля за разработкой и предоставлением исполнительной документации;

– мониторинга изменений в законодательстве;

– контроля за устранением замечаний контролирующих органов.

Риск № 3: убытки по договорам строительного контроля по причине несвоевременного заключения договора с контрагентом и выплата неустоек. Управление данным риском основано на реализации мероприятий, направленных на повышение качества выполнения строительно-монтажных работ и контроля прохождения согласования договоров.

Процедуры внутреннего контроля (ПВК) применяются с целью обеспечения эффективного управления и защиты активов, а также для гарантии точности и полноты бухгалтерской и операционной информации.

Основными задачами внутреннего контроля являются:

– предотвращение и обнаружение мошенничества, краж и неправомерного использования ресурсов организации;

– гарантии точности и своевременности финансовой информации для принятия обоснованных управленческих решений и поддержания доверия инвесторов и кредиторов;

– гарантии соответствия результата законодательным и регуляторным стандартам, что минимизирует риск юридических санкций и штрафов;

– эффективное использование и предотвращение избыточности ресурсов, тем самым оптимизация затрат и повышение производительности;

– обеспечение соответствующего управления документацией и архивацией, что важно для управления информацией и возможности проведения аудита;

– идентификация потенциальных рисков для бизнеса и разработка эффективных мер по их минимизации.

Процедуры внутреннего контроля способствуют формированию культуры ответственности и соблюдения правил, что положительно сказывается на внутренней дисциплине и моральном климате в организации. В целом, внутренний контроль является важной частью корпоративного управления и играет ключевую роль в поддержании устойчивости и долгосрочного успеха организации.

Содержание процедур внутреннего контроля зависит от уровня управления и функциональной направленности, разрабатывается структурными подразделениями. Контрольная процедура, являющаяся элементом системы внутреннего контроля, должна быть (рис. 1, табл. 2):

1. эффективной. Контрольная процедура обязана иметь цель, а выполнение процедуры должно вести к выполнению этой цели;
2. оптимальной. Контрольная процедура обязана быть сбалансированной по затратам, т.е. экономичной. Превышение стоимости контроля над риском бессмысленно и не должно допускаться;
3. своевременной. У контрольной процедуры должны быть сроки выполнения и периодичность, причем установлены они должны быть таким образом, чтобы цель контрольной процедуры достигалась;
4. уместной. Если присутствие контрольной процедуры не улучшает ситуацию, а ее отсутствие не ведет к ухудшению, то это явный признак того, что такая процедура излишня.

Внутренний контроль включает в себя определение и оценку рисков, разработку и внедрение соответствующих процедур и политик, а также мониторинг и анализ их эффективности. Путем систематического контроля и управления рисками газотранспортное предприятие может предотвратить возможные проблемы, такие как аварии, утечки газа или нарушения безопасности.

Внедрение процедур внутреннего контроля позволяет предприятию оперативно реагировать на изменения внешних условий и внутренних процессов, а также принимать меры по устранению выявленных уязвимостей. Это способствует повышению эффективности работы предприятия и минимизации возможных потерь или проблем.

Рис. 1. Классификация контрольных процедур

Таблица 2. Процедуры внутреннего контроля непосредственно для принятия мер снижения рисков бизнес-процесса «Организация строительного контроля для заказчика»

Наименование ПВК	Вид ПВК	Способ выполнения ПВК	Периодичность выполнения	Связь с КРІ
Контроль своевременного проведения обучения персонала	Предотвращающая	Ручной	Ежеквартально	КРІ-1
Контроль прохождения согласования договора	Предотвращающая	Ручной	Ежемесячно	КРІ-1
Контроль исполнения календарно-сетевого графика договора	Выявляющая	ИТ-зависимый	Еженедельно	КРІ-1
Мониторинг своевременного устранения нарушений, контролируемых органов	Предотвращающая	ИТ-зависимый	Ежемесячно	КРІ-2

Таким образом, внедрение процедур внутреннего контроля является важным шагом для обеспечения безопасности, эффективности и надежности деятельности газотранспортного предприятия.

Ключевые индикаторы риска (Key Risk Indicators, КИР) – это метрики, используемые для мониторинга и предсказания потенциальных угроз, которые могут оказать негативное влияние на цели организации.

Ключевые индикаторы риска должны быть тщательно выбраны и регулярно пересматриваться, чтобы они оставались релевантными для текущего бизнес-окружения и стратегии организации. Они должны быть интегрированы в систему управления рисками организации и использоваться для непрерывного мониторинга и управления рисками (табл. 3).

Таблица 3. КИР бизнес-процесса «Организация строительного контроля для заказчика»

Ключевой индикатор риска	Ед. измерения	Нормативное значение
Выполнение показателя бюджета затрат	%	Не менее 98
Количество нарушений технологии процесса за 1 проверку	шт.	Отрицательная динамика
Несоответствие фактического количества специалистов требуемому на объекте	шт.	0
Выполнение графиков обучения и аттестации персонала	%	Не менее 98
Укомплектованность объекта штатной численностью	%	Не менее 98

КИР служат ранними сигналами о возможных проблемах, позволяя организациям принимать своевременные меры для предотвращения или смягчения рисков, помогают организациям обнаруживать раннее изменение

уровня риска и принимать соответствующие меры. Они позволяют организациям эффективно управлять рисками, предотвращать проблемы на ранних этапах и принимать обоснованные решения для смягчения или избежания последствий рискованных событий, а также:

- выделить слабые места для проведения анализа и принятия мер реагирования;
- выявить концентрацию рисков и тем самым определить вероятность ошибки в соответствующем процессе;
- выявить риски, не покрытые контрольными процедурами.

Классификация КИР приведена на рис. 2.

Рис. 2. Классификация КИР

Внедрение КИР позволяет достичь таких целей, как:

- реализация системы раннего оповещения по предупреждению возможной реализации рисков, используя результаты наблюдения за изменением значений КИР;
- увеличение эффективности процедур внутреннего контроля;
- принятие проактивных управленческих решений для предотвращения реализации рисков;
- разработка новых корректирующих действий и совершенствование уже существующих корректирующих мер.

Для повышения вовлеченности участия руководителей в процесс управления рисками КИР привязывают к КРІ, напрямую влияющим на мотивацию сотрудников. Анализ и постоянное отслеживание ключевых индикаторов риска позволяют предсказывать изменения в уровне операционных рисков и оперативно реагировать для поддержания их на приемлемом уровне. Например, в ПАО «Газпром» к таким индикаторам относят текучесть персонала, частоту технических сбоев, время простоя оборудования, количество происшествий и нарушений российского законодательства и местных норм.

В целях мониторинга за КИР могут быть установлены их граничные значения показателей, превышение которых будет свидетельствовать о высокой вероятности того, что эти операционные риски могут реализоваться. В случае, если происходят существенные изменения в функционировании производственного процесса, например, меняются условия ведения бизнеса, конкуренция, масштабы, условия, проекты, потери и т.д., то КИР подлежат пересмотру. Могут быть изменены как показатели КИР, так и их граничные значения.

КИР могут помочь предприятию осуществить раннюю диагностику рисков события и не допустить его, ПВК способствуют снижению вероятности наступления риска и ущерба от него, а КРІ даст возможность оценки эффективности системы управления бизнес-процессом и достижения целей.

Совокупность КИР, ПВК и КРІ позволит организации эффективно управлять рисками и достигать своих целей.

Повышению результативности любого бизнес-процесса способствуют надежные и эффективные СУРiВК, и реализовывать ее следует, используя общепринятые концепции и практики в этой области. Так, Банк России рекомендует ориентироваться на концепцию трех линий защиты как один из подходов к созданию СУРiВК [2]. Эта модель поможет организации распределить ответственность за управление среди подразделений организационной структуры и эффективно использовать ее ресурсы. В концепции трех линий защиты определены основные участники процесса СУРiВК, правила, по которым они распределяются между тремя линиями, и обязанности, возлагаемые на каждого из них (табл. 4).

Таблица 4. Функции 3 линий бизнес-процессов

Линия	Состав	Функция	Задачи
Линия 1	Владельцы бизнес-процессов; владельцы рисков; владельцы процедур внутреннего контроля; другие участники бизнес-процесса	Бизнес-функция	Организация, оценка и управление рисками бизнес-процесса; обеспечение эффективной системы внутреннего контроля
Линия 2	Подразделение, осуществляющее управление рисками и внутренний контроль	Функция мониторинга	Управление рисками; разработка и внедрение методологии управления рисками; консультирование; обучение
Линия 3	Подразделение внутреннего аудита	Функция оценки	Независимая внутренняя оценка функционирования системы управления рисками и внутреннего контроля

Модель трех линий способствует эффективности реализации СУРiВК, обеспечивая его определение и разделение ролей и ответственностей. Первая линия защиты включает в себя контрольные механизмы, которые направлены на обеспечение эффективности и результативности операцион-

ной деятельности. За реализацию задач этого уровня отвечают руководители отдельных подразделений. В первой линии находятся бизнес-подразделения и участники бизнес-процессов, которые генерируют риски. Эти риски могут как способствовать, так и мешать достижению целей организации, а также контролируются этими участниками. Первая линия отвечает за выявление и оценку рисков, а также за проектирование, внедрение и исполнение процедур ВК в ответ на них.

Вторая линия обеспечивается комитетами и подразделениями обществ, отвечающими за контроль эффективности механизмов ВК. Она выполняет роль методолога и эксперта в СУРиВК, задачи которой заключаются в оказании консультационной поддержки первой линии. Подразделение по УР определяет финансовые и операционные процессы УР, отвечает за ведение реестра рисков и их регулярный пересмотр.

Третья линия представляет собой независимые гарантии, которые дают уверенность высшему руководству и аудиторским подразделениям в том, что первая и вторая линии функционируют должным образом, правильно распределяют обязанности и обеспечивают работу системы внутреннего контроля. Третья линия сохраняет независимость и не участвует в управленческих процессах первых двух линий, что позволяет проводить объективную и независимую оценку.

Все участники трех линий СУРиВК должны быть назначены, а их ответственность в процессе определена в нормативных документах организации по СУРиВК.

Таким образом, исследования авторов, основанные на результатах применения модели бизнес-процесса «Организация строительного контроля для заказчиков», позволяют в полной мере заключить, что для обеспечения уверенности в достижении целей на производственном предприятии необходимо разработать, внедрить и обеспечить непрерывное совершенствование и развитие СУРиВК. Процессы управления рисками и внутреннего контроля должны осуществляться с применением лучших практик, принципов и методов. В этом случае меры по управлению рисками, предпринимаемые компанией, позволят удержать риски в приемлемых рамках и обеспечить акционерам достаточные гарантии достижения поставленных целей и задач.

Список источников

1. *Письмо* Банка России от 01.10.2020 № ИН-06-28/143 «О рекомендациях по организации управления рисками, внутреннего контроля, внутреннего аудита, работы комитета совета директоров (наблюдательного совета) по аудиту в публичных акционерных обществах» // Банк России. URL: https://www.cbr.ru/StaticHtml/File/59420/20201001_in_06_28-143.pdf (дата обращения: 27.03.2024).

2. *Модель* трех линий ИВА // The Institute of Internal Auditors. URL: <https://www.theiia.org/globalassets/documents/resources/the-iias-three-lines-model-an-update-of-the-three-lines-of-defense-july-2020/three-lines-model-updated-russian.pdf> (дата обращения: 09.02.2024).

References

1. Bank of Russia. (2020) *Letter of the Bank of Russia dated October 1, 2020, No. IN-06-28/143: On recommendations for organizing risk management, internal control, internal audit, and the work of the audit committee of the board of directors (supervisory board) in public joint-stock companies*. [Online] Available from: https://www.cbr.ru/StaticHtml/File/59420/20201001_in_06_28-143.pdf (Accessed: 27.03.2024). (In Russian).

2. The Institute of Internal Auditors. (2020) *The IIAS Three Lines Model*. [Online] Available from: <https://www.theiia.org/globalassets/documents/resources/the-iias-three-lines-model-an-update-of-the-three-lines-of-defense-july-2020/three-lines-model-updated-russian.pdf> (Accessed: 09.02.2024). (In Russian).

Информация об авторах:

Герман М.В. – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры стратегического менеджмента и маркетинга Института экономики и менеджмента, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия). E-mail: german_maria@mail.ru

Пашковский Д.А. – докторант, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: tarasova.aa377@gmail.com

Зайковский В.Э. – кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента, Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники (Томск, Россия). E-mail: v.zaikovsky@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

M.V. German, Dr. Sci. (Economics), docent, professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: german_maria@mail.ru

D.A. Pashkovsky, doctoral student, Saint Petersburg State University of Economics (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: tarasova.aa377@gmail.com

V.E. Zaikovsky, Cand. Sci. (Economics), associate professor, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: v.zaikovsky@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 04.04.2024;
одобрена после рецензирования 02.05.2024; принята к публикации 16.05.2024.*

*The article was submitted 04.04.2024;
approved after reviewing 02.05.2024; accepted for publication 16.05.2024.*

Научная статья

УДК 331.522

doi: 10.17223/19988648/66/16

Возможности и перспективы развития клиентоцентричных центров занятости в регионе

Руслан Алексеевич Долженко¹, Дмитрий Алексеевич Антонов²

^{1,2} Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия

¹ dolzhenko-ra@ranepa.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3524-3005>

² deptzn@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0000-1494-5871>

Аннотация. В условиях кадрового голода на рынке труда, развития новых форм трудовых отношений, в том числе самозанятости, встает вопрос дальнейшего развития системы поддержки занятости со стороны государства. Противоречия, представленные в ней в настоящее время, определяются, с одной стороны, запросом государства на цифровизацию, оптимизацию, экономические результаты, клиентоцентричность и другие современные цели в развитии, а с другой – ориентацией на сопровождение безработных, формальное содействие занятости, обеспечение выплат пособий и других функций, которые слабо связаны с реальной ситуацией на рынке труда. Именно поэтому необходима дальнейшая рефлексия по вопросам будущего центров занятости, их деятельности, новых ценностей. Цель исследования – на основе анализа текущей ситуации на рынке труда и в системе поддержки занятости населения Свердловской области разработать предложения по дальнейшему развитию центров занятости региона с учетом актуальных запросов на клиентоцентричность и повышение эффективности их работы. В качестве базовых методов исследования выступили кейс-стади на примере центров занятости Свердловской области, а также экспертные интервью и опрос клиентов. Всего проанализирована деятельность 41 центра занятости в регионе, проведены 17 интервью, опрошено более 400 респондентов. Исследование показало, что центры занятости могут и должны выстраивать приоритеты в собственной повестке развития, т.к. в условиях противоречивых ожиданий от подобных структур со стороны населения, региональных органов власти, глав регионов и профильного федерального министерства, а также бизнеса представляется необходимым формирование единого вектора их развития, который будет определяться лучшими практиками и их целевым назначением. В статье представлено видение таких ориентиров, основанное на результатах нашего исследования. Результаты могут быть интересны органам региональной власти, которые отвечают за развитие рынка труда в регионе.

Ключевые слова: рынок труда, Свердловская область, центр занятости, клиентоцентричность, бережливые технологии

Для цитирования: Долженко Р.А., Антонов Д.А. Возможности и перспективы развития клиентоцентричных центров занятости в регионе // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2024. № 66. С. 251–268. doi: 10.17223/19988648/66/16

Customer-centric employment centers: Opportunities and prospects of development in regions

Ruslan A. Dolzhenko¹, Dmitry A. Antonov²

^{1,2} Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russian Federation

¹ dolzhenko-ra@ranepa.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3524-3005>

² deptzn@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0000-1494-5871>

Abstract. In conditions of personnel shortage in the labor market, the development of new forms of labor relations, including self-employment, the question arises of further development of the system of employment support from the state. The contradictions currently presented in it are determined, on the one hand, by the state's request for digitalization, optimization, economic results, customer centricity and other modern development goals, and, on the other hand, by a focus on maintaining unemployment indicators, formal promotion of employment, ensuring the payment of benefits and other functions that are poorly connected with the real situation on the labor market. In this regard, further reflection on the future of employment centers, the content of their activities, and new values is necessary. The aim of the study is, based on an analysis of the current situation in the labor market and in the employment support system of Sverdlovsk Oblast, to develop proposals for the further development of employment centers in the region, considering current requests for customer centricity and operational efficiency. The basic research methods were case studies based on the example of employment centers in Sverdlovsk Oblast, as well as expert interviews and customer surveys. In total, the activities of 41 employment centers in the region were analyzed, 17 interviews were conducted, and more than 400 respondents were interviewed. The study showed that employment centers can and should build their own development agenda because, in the context of conflicting expectations from such structures from the population, regional authorities, the head of the region and the relevant federal ministry, as well as business, a single vector of their development is needed, determined by best practices and the target. The article presents a vision of such landmarks, based on the results of our research. The results may be of interest to regional authorities that are responsible for the development of the labor market in the region.

Keywords: labor market, Sverdlovsk Oblast, employment center, customer centricity, lean technologies

For citation: Dolzhenko, R.A. & Antonov, D.A. (2024) Customer-centric employment centers: Opportunities and prospects of development in regions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 66. pp. 251–268. (In Russian). doi: 10.17223/19988648/66/16

Введение

Экономика страны, несмотря на санкционное давление, демонстрирует хорошие результаты, при этом мобилизационный режим работы реального сектора требует использования значительного объема кадровых ресурсов, которые по ряду причин ограничены: демографическая яма, рассинхронизация рынков труда и образования, экстра-спрос на рабочих и др. При этом

субъектами экономических отношений накоплен опыт, который позволяет повысить качество и эффективность их дальнейшего взаимодействия: платформенные решения, управленческие и организационные практики, цифровые технологии, производственные системы и др. Все они могут использоваться и на рынке труда, что требует внимания со стороны регулятора и кратного повышения эффективности деятельности субъектов: работодателей и работников. Одним из вариантов платформенного решения для них может и должна стать система органов содействия занятости, претерпевающая реформирование в последние годы, что призвано сделать центры занятости эффективным, клиентоцентричным инструментом удовлетворения запросов всех субъектов рынка труда. Универсальных решений в рамках большой, неоднородно развитой страны добиться очень трудно, поэтому на первый план выходят возможности адресной адаптации центров занятости под региональную специфику.

Исходя из этого, целью исследования стала разработка предложений по дальнейшему развитию центров занятости Свердловской области с учетом актуальных запросов на клиентоцентричность и эффективность деятельности на основе анализа текущей ситуации на рынке труда и системы поддержки занятости региона.

Теоретические основы клиентоцентричной работы органов содействия занятости населения

Концепция исследования формировалась исходя из нескольких ориентиров. Один из них был озвучен премьер-министром М. Мишустиним: «Выстраивать все сервисы государства вокруг потребностей людей»¹. Второй еще в прошлом веке был представлен в работе П. Самуэльсона, который рассматривал деятельность органов государственной власти в качестве одного из способов производства общественных благ в форме услуг. Именно он в 1954 г. озвучил второй ориентир нашего исследования: «Индивидуализация пакета услуг приводит к росту объема общественных благ, доводимых до гражданина» [19].

Клиентоцентричность – это одно из направлений развития сервиса предоставляемых государственных услуг, а также особая компетенция, которой должны обладать все сотрудники органов государственной власти, или принцип их работы с населением, выступающим в качестве ключевого получателя результатов деятельности.

Подготовленный нами обзор литературы на тему развития центров занятости в стране демонстрирует стабильный интерес ученых к этой проблематике, подогреваемый различными сложностями в экономическом развитии страны (так было после кризиса 2008 г., старта санкционного давления, пандемии коронавируса и самоизоляции, мобилизации экономики с момента

---

¹ Мишустин озвучил базовые ценности правительства. URL: <https://rg.ru/2020/07/22/mishustin-ozvuchil-bazovye-cennosti-pravitelstva.html>

начала СВО и др.). Как правило, исследователей интересуют исторические предпосылки появления и развития центров занятости в стране [10], особенности их работы в разных условиях [5], региональная специфика деятельности [6, 12] и др.

Например, в исследовании Ю.В. Болтенковой и М.Г. Солнышкиной представлены возможности развития центров занятости населения Белгородской области с акцентом на ресурсный подход [4]. Эти же идеи развиты в научной статье Ю.В. Болтенковой [3]. Анализ этих работ показал, что акцент на ресурсной базе центров занятости ограничивает возможности использования исследований для системной работы в других регионах, так как они очень сильно отличаются исторически, организационно и главное – с точки зрения ресурсного обеспечения.

В статье К.Г. Кязимова показано, что в текущих условиях необходима активизация политики занятости через синхронизацию интересов работодателей, органов образования, служб занятости и социальных партнеров [11]. Для этого автор проводит обзор развития центров занятости в стране, анализирует результаты их деятельности, формулирует рекомендации по развитию.

Одними из самых интересных работ о развитии центров занятости являются статьи Т.Ю. Базыленко, в которых проводится анализ новых направлений их функционирования: развитие предпринимательства, содействие самозанятости [1], регулирование рынка труда [2] и др. Многие предложения в этих работах по сути прогрессивны, показывают обоснованные направления развития центров занятости в вопросах проактивного управления рынком труда.

Еще одно интересное новое направление работы центров занятости связано с их взаимодействием с частными порталами по поиску работы с последующим замещением их функционала с помощью единой государственной платформы. Эти аспекты изложены в работе С. Змияк [9].

Клиенториентированность и клиентоцентричность, как приоритеты в развитии центров занятости, в научных работах не представлены, но эти темы поднимаются в других исследованиях, связанных с работой образовательных организаций, больниц, сервисных организаций. Одной из базовых работ для нашего исследования стала совместная статья авторов, посвященная исследованию организации работы центров занятости исходя из запросов различных стейкхолдеров [7], так как именно в следовании их интересам и должен проявлять себя принцип клиентоцентричности.

В зарубежных изданиях количество публикаций, посвященных вопросам деятельности служб занятости в новых условиях, постоянно увеличивается, в том числе за последние 10 лет – более чем в 2 раза. Некоторые работы связаны с исследованием страновых особенностей деятельности центров занятости [14–17]. В других анализируются изменения в службах занятости, которые влечет цифровизация и развитие общественных отношений [18]. Встречаются также работы, в которых анализируются возможности содействия занятости для отдельных категорий населения, в том числе специфических, например участников программ лечения наркомании [20], и др.

Особый интерес вызывает исследование ученых, которые пытаются сопоставить работу центров занятости в России и за рубежом [13]. Важным выводом в этой работе стало признание необходимости поддержки институциональной трансформации деятельности отечественных служб занятости, связанной с социальными ожиданиями и социально-психологическим состоянием получателей различных государственных услуг.

Это далеко не полный обзор ключевых работ в области развития центров занятости в нашей стране, в том числе в региональном аспекте. В данной работе далее будут представлены результаты исследования деятельности центров занятости Свердловской области, возможные направления их трансформации с учетом текущих запросов субъектов рынка труда региона.

Анализ практики работы органов содействия занятости Свердловской области

Объектом исследования выступила система центров занятости Свердловской области для работы с трудоспособным населением на рынке труда региона. Свердловская область – крупный регион страны, расположенный в Уральском федеральном округе. На момент проведения исследования (конец 2022 г.) постоянное население области составляло 4 млн 310 тыс. чел., в том числе экономически активное население – 2 млн 105 тыс. чел. В регионе действует 41 центр занятости, в которые в среднем в год обращались 465 тыс. чел., из них обращаются за содействием в поиске работы в среднем 252 тыс. чел. в год, из этого числа, по данным центров занятости, в среднем в год трудоустраиваются 90 тыс. чел. Увы, но центры занятости не столь результативны, трудоустраивается в среднем лишь 1 из 3 обратившихся (рис. 1).

Особенностью региона является наличие большого количества моногородов, т.е. населенных пунктов, основанных при градообразующем предприятии с целью обеспечения его трудовыми ресурсами. В частности, официально данный статус имеет 17 моногородов с экономически активным населением около 30% от общей численности экономически активного населения региона. Этим населенным пунктам свойственна специфическая ситуация с кадровыми ресурсами, так как, несмотря на потенциальную обеспеченность работой, население (особенно молодое) предпочитает уехать из населенного пункта.

Регион участвует в федеральном проекте трансформации центров занятости под новые задачи через внедрение актуальных бизнес-подходов к деятельности. Ограничением данного подхода является единая централизованная повестка, которая не учитывает специфику регионов, исторические предпосылки, ограничения и возможности территории и субъектов рынка труда. Далее рассмотрим мнения респондентов о текущих и перспективных услугах, которые могут и должны оказывать центры занятости.

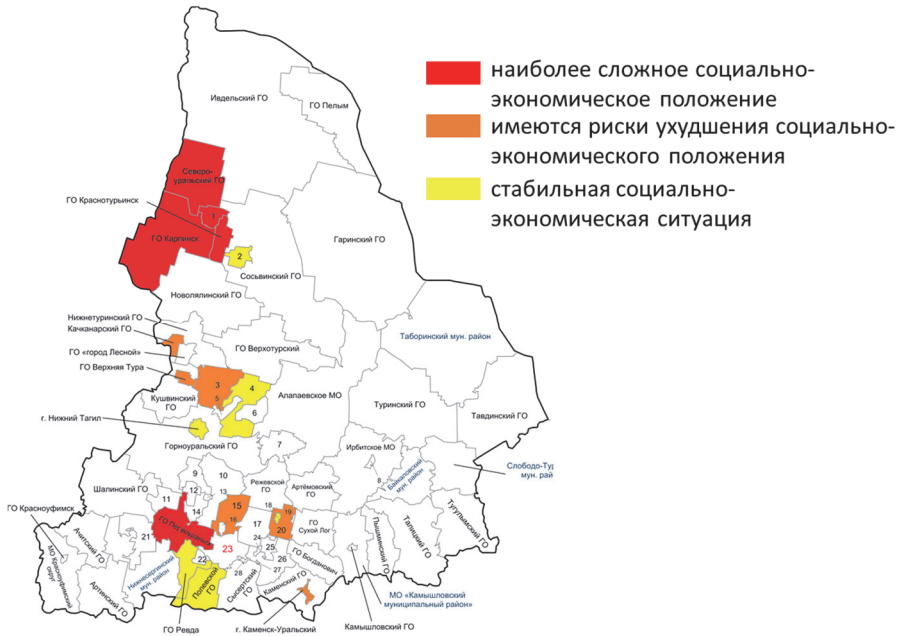

Рис. 1. Ситуация с занятостью трудоспособного населения в муниципалитетах Свердловской области.

Источник: авторская работа на основе данных центров занятости региона

Результаты исследования мнения субъектов труда региона о роли и функциях центров занятости

Для разработки предложений по направлениям развития центров занятости региона было проведено качественное (интервью с директорами по работе с персоналом крупнейших градообразующих предприятий региона и представителями администраций) и количественное (опросы населения муниципалитетов) исследование мнений ключевых субъектов рынка труда, которых представляли: население, работодатели, органы региональной власти и муниципалитетов. В качестве основных задач исследования мы выделили определение базовых представлений субъектов о том, какие задачи должны решаться в центрах занятости региона в первую очередь, какие проблемы мешают им выполнять качественно свои функции, на какие выгоды рассчитывают субъекты от деятельности органов содействия занятости в муниципалитетах.

Эти вопросы были предварительно обсуждены с экспертами – представителями бизнеса, руководством центров занятости и администраций территорий, на которых они находятся. Эксперты определили, что центры занятости в первую очередь призваны совершенствовать механизмы кадрового обеспечения рынка труда через совершенствование портфеля услуг, а также уточнять направления трансформации и адаптации к вызовам рынка

труда и построению системы мотивации субъектов труда, основанной на системе обратной связи от целевых клиентских групп. Отметим, что эти векторы развития соответствуют действующим функциям центров занятости, которые, в свою очередь, с каждым годом теряют актуальность в силу трансформации рынка труда, появления института самозанятости, развития дистанционной занятости и других причин.

Кроме того, интервьюируемые выделили проблемы, с которыми могут сталкиваться субъекты при выполнении задач, связанных с трудовой деятельностью, при обращении в центры занятости. Они отметили, что для них характерна работа в рамках государственной программы ради выполнения целевых показателей, что уменьшает качество реализуемых услуг и их ориентацию на решение задач населения и бизнеса. Эксперты, представляющие центры занятости, выделили такую проблему, как невозможность учета регионального компонента в государственной программе – каждый регион уникален, но во все территории «спускается» федеральная повестка, которая не учитывает местную специфику.

Волатильность на ранке труда приводит к невозможности среднесрочного и долгосрочного планирования в системе управления рынком труда территорий. Эти и другие проблемы в совокупности привели к снижению имиджа системы центров занятости по всей стране.

По мнению экспертов, если эти проблемы будут решены, найдены необходимые инструменты повышения качества работы центров занятости, регион сможет улучшить механизмы управления занятостью на территории, повысится мотивация персонала, удовлетворенность от работы, снизится эмоциональное выгорание из-за осознания низкой значимости работы. В итоге поменяется и отношение населения к центрам занятости за счет изменения имиджа, повышения удовлетворенности качеством их работы.

Для пояснения ряда моментов представителям населения, которые обращаются в центры занятости, были заданы соответствующие вопросы, в частности, мы уточнили наиболее востребованные услуги, а также перспективные, которые должны быть включены в сервисный портфель центров занятости (рис. 2, 3).

Как видно из рис. 2, текущей наиболее востребованной услугой является выплата пособий по безработице, на 2-м месте – информирование о востребованных вакансиях, на 3-м – помощь в профориентации. Респондентами выступили лица, обратившиеся в центры занятости региона в 2022 г. Как правило, это лица предпенсионного возраста, чаще это женщины, лица, не имеющие высшего образования. Выборка квотировалась по муниципалитетам исходя из количества обратившихся в центры занятости в этом году.

Отдельно отметим, что из услуг, которые уже оказываются центрами занятости, наименее востребованными для жителей оказались:

- снятие тревожности, внутреннего психологического напряжения, стресса;
- помощь в составлении личного плана по поиску работы;

– содействие в переезде (переселении) в другую местность для трудоустройства.

Рис. 2. Распределение ответов респондентов о наиболее востребованных услугах по мнению граждан

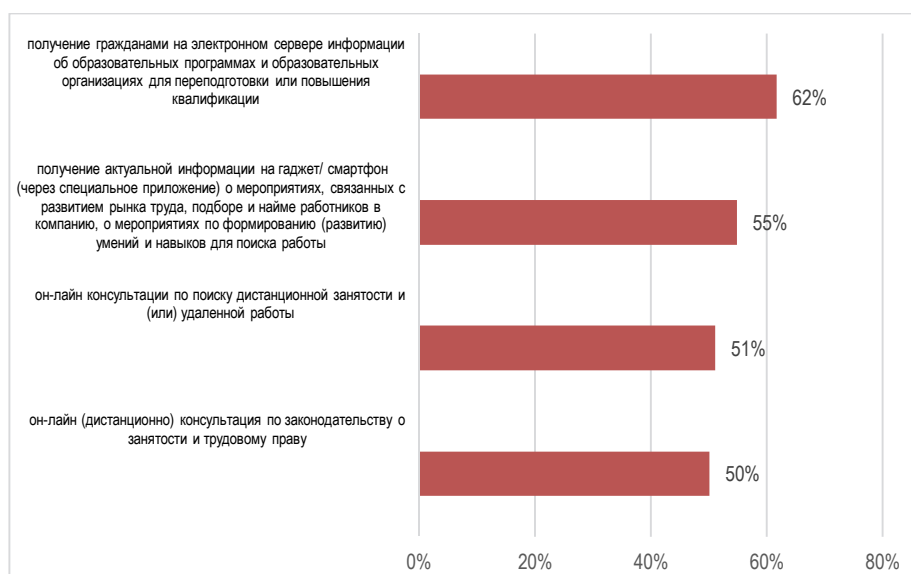

Рис. 3. Распределение ответов респондентов о перспективных услугах по мнению граждан

Самыми перспективными услугами являются: а) получение гражданами в электронном виде информации об образовательных программах и организациях; б) получение информации о мероприятиях, оказываемых для населения по вопросам карьерного консультирования; в) онлайн консультации по поиску дистанционной или удаленной занятости дополнительно к основному месту работы.

Увы, опрос показал, что жители региона, которые обращаются в центры занятости, как правило, сталкиваются с рядом проблем. Они считают, что им предлагаются в основном низкооплачиваемые вакансии (этот вариант

выбрали 28% респондентов); либо в принципе в центрах отсутствует информация о подходящих вакансиях (23% респондентов). Небольшая доля обращающихся огорчена, что большую часть услуг нельзя получить без статуса безработного (13% респондентов), при том, что респонденты им обладают.

Респондентам был задан прямой вопрос, что необходимо изменить в работе службы занятости населения? Несмотря на полузакрытый характер вопроса и возможность добавить прочие варианты помимо предложенных, с точки зрения населения нужно:

– упростить и сделать удаленными все регистрационные процедуры – 39%;

– применить принцип направления на профобучение с гарантированным трудоустройством после его завершения – 27%.

Аналогичные вопросы были заданы представителям работодателей. Опрос показал, что подбор необходимых работников априори является одной из самых востребованных услуг служб занятости среди работодателей. В отношении остальных услуг взгляд работодателей отличается в зависимости от населенного пункта: в мегаполисе – организация ярмарок вакансий, обучение (переобучение) и помощь при составлении профиля вакансий. В других населенных пунктах ситуация отличается сильно, что говорит о трудностях при выборе универсального решения. Распределение перечня перспективных услуг выглядит иным образом (рис. 4).

Рис. 4. Распределение ответов респондентов о перспективных услугах по мнению представителей работодателей

Как видно из рис. 4, у работодателей большие запросы к перспективному содержанию деятельности центров занятости. Респонденты выбрали разные услуги из перечня (при том, что можно было выбрать не более 3 вариантов), в который попали: организация обучения граждан для удовлетворения актуальной кадровой потребности предприятия, отбор кандидатов из числа студентов предвыпускных и выпускных техникумов, колледжей, образовательных организаций высшего образования, содействие в организации стажировки выпускников, содействие в разработке бизнес-проекта (с учетом ситуации на рынке труда), формирование позитивного имиджа, брендинг организации, создание кадрового резерва организаций, кадровое прогнозирование для обеспечения производства (бизнеса) и др. С учетом кадрового голода на рынке труда в последний год этот перечень, скорее всего, стал еще шире и актуальнее для бизнеса.

Работодатели выбрали и самые непопулярные действующие услуги, таковыми оказались услуги по подбору инвалидов на котируемые рабочие места и получение субсидии за оборудованное рабочее место. При этом они отмечают, что сталкиваются с такими проблемами, как:

- низкая мотивация кандидатов от центров занятости к трудоустройству (так считают 43% опрошенных работодателей);

- отсутствие подходящих кандидатов в базе центров занятости (21% респондентов);

- необходимость большого количества документов (13% опрошенных).

Контраст между действующими популярными и непопулярными услугами центров занятости, а также перспективными функциями говорит о высоких ожиданиях работодателей от этих структур, низкой востребованности текущих услуг и запросе на трансформацию с учетом потребностей каждого конкретного клиента, что является основой принципа клиентоцентричности.

Опрос показал, что запросы работодателей существенно выше, чем у граждан региона. По их мнению, центрам занятости необходимо упростить и сделать удаленными все регистрационные процедуры – 25%; расширить базу данных предлагаемых кандидатов – 25%; применить принцип профобучения под запросы работодателей – 39%.

Отдельно, на основе запроса экспертов, был проведен дополнительный опрос сотрудников центров занятости, так как от их отношения к работе зависит успешность любых начинаний по развитию. Как показал опрос, на местах существует ряд проблем, о которых знают и говорят работники. Они осознают, что в центрах занятости предлагаются в основном низкооплачиваемые вакансии, большое количество приходящих граждан – «профессиональные безработные», которые изначально не планируют трудоустроиться, в работе необходимо пользоваться несколькими источниками (сайтами) для подтверждения данных.

По мнению работников службы занятости населения, эти проблемы в том числе можно решить с помощью ряда мер: привести уровень заработной

платы сотрудников центров занятости в соответствие со средней по региону; наладить систему межведомственного взаимодействия; изменить систему мотивации работников центров занятости.

В рамках обсуждения проблем с экспертами им было предложено выделить направления содействия занятости населения региона со стороны одного из ключевых заказчиков – губернатора Свердловской области. С точки зрения интервьюируемых таковыми являются:

1. Структурные диспропорции рынка труда. По нашим оценкам, образовательный заказ не соответствует потребностям рынка труда. Внутреннее исследование по региону, проведенное несколько лет назад [8], показало, что только 27% выпускников работают по полученной специальности.

2. Территориальный дисбаланс регионального рынка труда. Неравномерность развития территорий, монополия отдельных работодателей в моногородах приводят к высокому уровню безработицы, особенно в старопромышленных районах, в то время как вакансии в Екатеринбург – совершенно иные по профилю.

3. Низкая трудовая и межрегиональная мобильность населения. Попытки государства организовать мобильность населения как из других стран, так и между регионами не увенчались успехом. При этом за последние годы обострилась и проблема локальной нехватки кадров в условиях внутрирегиональной миграции (между муниципалитетами).

4. Нелегальная (серая) занятость. Наши оценки показывают, что трудоустройство граждан по направлению службы занятости составляет всего 11,3% от общей численности трудоустроенных, а самостоятельное трудоустройство составляет 88,7%. Часть самостоятельно трудоустроившихся граждан в итоге уходит в неформальную занятость. Однако стоит заметить, что на момент подготовки публикации данная проблема была частично решена за счет развития института самозанятости, в который по региону вовлечено более 250 тыс. чел. (на конец 2023 г.).

Это далеко не полный перечень проблем, которые существуют в деятельности центров занятости региона. С учетом обсуждения возможных решений с экспертами было выделено несколько направлений их развития.

Направления развития клиентоцентричной деятельности органов содействия занятости населения в регионе

В рамках обсуждения проблем и их решений эксперты сформулировали направления развития центров занятости, которые были объединены в единый проект «Центры занятости – фабрики кадровых решений», он должен работать на трех уровнях: граждане, бизнес, власть. «Фабрика» должна реализовывать три сквозных процесса, позволяющих охватить потребности всех целевых клиентских групп:

Мониторинг – оперативный анализ и прогнозирование показателей рынка труда региона.

Регулирование – через нормотворческую деятельность, расширяющую федеральные нормы, связанные с кадровым обеспечением, поиск и внедрение новых инструментов работы субъектов на рынке труда региона, геомаркетинг размещения трудовых ресурсов на территории региона и его регулирование.

Производство кадровых решений – оказание качественных услуг на рынке труда с учетом меняющихся требований и технологий через сбор лучших практик в области управления человеческими ресурсами, их обобщение и вывод на рынок новых продуктов и услуг для клиентов.

Данное исследование показало, что деятельность центров занятости представлена портфелем фиксированных услуг с низкой ценностью для клиента. В среднесрочной перспективе нужно прийти к обновленному портфелю сервисов, собранному под потребности клиентов. В долгосрочной перспективе центры занятости должны стать фабриками по производству уникальных наборов кадровых решений под каждого конкретного субъекта рынка труда, в том числе с использованием цифровых сервисов и лучших практик.

Для этого от пассивного оказания услуг в области содействия занятости нужно уходить в сторону развития направлений социального маркетинга с учетом специфики территории, на которой действует центр занятости (табл. 1).

Таблица 1. Направления реализации социального маркетинга

Тип территории	Краткая характеристика социальных отношений, в которых участвует потенциальный клиент центра занятости
Мегаполис	Мобильность и гибкая занятость, в том числе через фриланс и самозанятость. Предпочтительная работа в больших корпорациях, в малом бизнесе, специализирующемся на сервисе, в малом бизнесе, занятом инновациями. Доступ к социальным лифтам, предоставляемым регионом и федеральными структурами (проект «Россия – страна возможностей»)
Сельская местность	Серая занятость. Работа в КФХ с учетом сезонности (+ низкая стоимость труда). Натуральный обмен/хозяйство. Скрытая мотивация к долгосрочной миграции в города
Моногород или районный центр	Выраженный оттенок монопрофильности, сказывающийся на профессиональных предпочтениях субъектов. Возможность выбора работы с достойной оплатой из 1–4 вариантов работодателей (включая бюджетные организации). Белая официальная занятость. Маятниковая миграция в направлении областного центра

Экспертами и представителями центров занятости, исходя из запросов клиентов, были сформулированы возможные мероприятия и активности, которые позволят приблизить центры занятости к образу «кадровых фабрик». Некоторые из них представлены на рис. 5.

Профилактические меры	Организационные действия	Digital	Исследования	Коммуникация с клиентами	Оценка качества
<ul style="list-style-type: none"> • встреча с недовольным клиентом сотрудника выше уровнем • Проактивные обязанности клиентов • Внедрение скриптов, сценариев взаимодействия 	<ul style="list-style-type: none"> • Внедрение стандартов обслуживания клиентов • Распределение показателей по территориям с учетом их особенностей • Создание базы знаний 	<ul style="list-style-type: none"> • Создание чат-бота • Создание Call-центра • Запуск мобильного приложения • Внедрение систем предиктивного анализа • Цифровизация всех сервисов 	<ul style="list-style-type: none"> • Сбор обратной связи • Оценка через Яндекс-формы • Опросы работодателей через отраслевые союзы • Коллаборация с научными центрами 	<ul style="list-style-type: none"> • Социальные сети • Разведение потоков безработных по цели обращения в ЦЗН • Продвижение HR-бренда территорий и центров занятости 	<ul style="list-style-type: none"> • Тайный покупатель • Независимый социальный опрос • Обратный звонок «оцените качество» • Обратная связь на рабочем месте

Рис. 5. Предлагаемые направления и проекты трансформации центров занятости в кадровые фабрики

По нашим оценкам, внедрение подобных решений позволит добиться ряда положительных эффектов как для клиентов, так и для самих центров занятости. Их примеры приведены в табл. 2.

Таблица 2. Пример новых направлений работы ЦЗН, эффекты и показатели оценки

Направление работы ЦЗН	Эффекты для ЦЗН	Эффекты для клиентов	Показатели оценки
Карта проблем территорий	Повышение качества анализа и прогноза рынка труда	Определение направлений работы ОИВ	Наличие актуальной версии документа
Новый портфель услуг по данным исследований	Рост обращаемости. Рост имиджевых характеристик	Предвосхищение потребностей клиентов	Прирост обращаемости в сравнении с АППГ
Система мотивации персонала, основанная на обратной связи от клиентов	Повышение удовлетворенности работой. Повышение управляемости. Повышение скорости реагирования на вызовы. Коррекция программ корпоративного обучения. Анализ инцидентов	Минимизация негатива клиента в процессе коммуникации с персоналом контактной зоны	Рост производительности на 1 рубль ФОТ. Сокращение временных потерь в процессе оказания услуг в сравнении с АППГ. Сокращение времени реакции на инциденты в сравнении с АППГ

Пилотный проект развития центра занятости в фабрику кадровых решений был реализован на базе ряда структур региона, расположенных в моногородах. Отметим, что его можно считать успешным, но его результативность во многом определялась вовлечением в проект крупного бизнеса, представленного на территории. Например, в рамках фабрики с приглашением экспертов из предприятий-партнеров (директоров по персоналу, руководителей направлений подбора) в 2023 г. был реализован проект массового

подбора рабочих специальностей. Характеристики проекта представлены в табл. 3.

Таблица 3. Характеристики и результаты проекта массового рекрутинга

Клиент	Заявленные профессии	Срок проекта	Количество ЦЗН, участвующих в проекте	Предложено кандидатур	Результат
АО «Нижне-Исетский завод металлоконструкций» (Группа компаний СВЭЛ)	72 вакансии (сверловщик, слесарь по сборке металлоконструкций, электросварщик на полуавтоматических сварных аппаратах, оператор проекционной аппаратуры и газорезательных машин, чистильщик по металлу, газорезчик и т.д.)	15 дней	21	660	Кадровая потребность удовлетворена
АО «Уральский приборостроительный завод»	206 вакансий (слесарь – сборщик РЭАиП, монтажник РЭА – сборка жгутовой продукции), регулировщик РЭА, контролер сборочно-монтажных и ремонтных работ, контролер станочных и слесарных работи т.д.)	15 дней	34	302	Кадровая потребность частично удовлетворена

Как показал пилотный проект, эффективность внедрения новых инструментов подбора в рамках центров занятости зависит от ряда факторов: вовлеченности предприятий-партнеров, расположенных на территории уникальности профессий, по которым идет набор соискателей, но главное – от количества вакансий и необходимой скорости их закрытия. Именно поэтому, как видно из табл. 3, кадровая потребность Уральского приборостроительного завода удовлетворена лишь частично, так как за 2 недели не удалось закрыть весь объем вакансий для предприятия. Исходя из этого, были сформулированы возможные риски внедрения проекта «Центры занятости – фабрики кадровых решений» в других муниципалитетах и регионах страны (табл. 4).

Таблица 4. Риски реализации проекта «Центры занятости как фабрики кадровых решений»

Риск	Способы минимизации риска
Отсутствие финансирования проекта	Детальная проработка и обоснование всех расходов на реализацию проекта, частичное финансирование расходов за счет собственных средств
Отсутствие заинтересованности со стороны основных клиентских групп	Предложение различных (удобных для клиента) способов обратной связи
Отсутствие заинтересованности со стороны сотрудников	Повышение мотивации сотрудников

Риск	Способы минимизации риска
Отсутствие необходимых компетенций у сотрудников	Проведение обучения и тренингов, разработка скриптов и сценариев
Административные барьеры	Разработка нормативных правовых актов, регламентирующих работу сервиса сбора обратной связи
Несоответствие разработанных инструментов задачам (выбор не того инструмента сбора обратной связи для конкретной целевой группы)	Предложение различных (удобных для клиента) способов обратной связи

Учет данных рисков и реализация мер по их минимизации способны нивелировать трудности, с которыми может столкнуться служба содействия занятости населения региона. На наш взгляд, для эффективной трансформации центров занятости в фабрики кадровых решений нужна поддержка главы муниципалитета, ключевых работодателей, формирование позитивного имиджа реформируемых структур в глазах населения. Еще одно стратегическое направление работы на перспективу – это взаимодействие с образовательными организациями. Только в случае, если центры занятости смогут стать платформами для организации взаимодействия работодателей и образовательных организаций (школ, колледжей, вузов), можно будет рассчитывать на успех в долгосрочной перспективе.

Заключение

Таким образом, в работе были представлены результаты исследования возможностей развития клиентоцентричной деятельности органов содействия занятости населения, в качестве которых выступили центры занятости Свердловской области. Анализ показал, что за последние годы это направление получило очень мощный импульс к развитию, однако его может оказаться недостаточно для предоставления не только населению, но и всем заинтересованным лицам эффективной, опережающей поддержки в части реализации социально-трудовых отношений в турбулентных условиях, мобилиционной экономики, платформенной и дистанционной занятости – это далеко не полный перечень угроз и потрясений, которые за несколько лет активно влияют на рынок труда страны.

Наше исследование показывает, что единственно правильным ориентиром в развитии могут стать лучшие практики предоставления клиентоцентричных услуг со стороны органов власти, аккумуляция лучших практик из бизнеса, продвижение имиджа центров занятости среди населения, цифровизация услуг и их предоставление, в первую очередь для молодежи и многое другое.

Список источников

1. Базыленко Т.Ю. Развитие предпринимательства и самозанятости как направление деятельности государственной службы занятости // Вестник Московского университета.

Серия 6: Экономика. 2012. № 3. С. 40–55. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17928758>

2. Базыленко Т.Ю. Становление и развитие государственной службы занятости в России как института рынка труда // Социальная политика и социальное партнерство. 2013. № 2. С. 28–34. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21185276>

3. Болтенкова Ю.В. Инновационный потенциал региональной службы занятости населения: проблемы формирования и развития // Государственная служба. 2007. № 5 (49). С. 137–141. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37464050>

4. Болтенкова Ю.В., Солнышкина М.Г. Управление развитием региональной службы занятости населения // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2. С. 138–141. URL: http://www.zpu-journal.ru/zpu/contents/2012/2/Boltenkova_Solnyshkina_Regional-Employment-Service/

5. Горина Е.Е. Развитие государственной службы занятости в России // Современная экономика: проблемы, тенденции, перспективы. 2012. № 6. С. 2. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17798690>

6. Григорян С.Р. Служба занятости населения Ростовской области: состояние и перспективы развития // Terra Economicus. 2014. Т. 12, № 2–3. С. 207–212. URL: <https://ideas.repec.org/a/scn/031478/15721838.html>

7. Долженко Р.А., Долженко С.Б., Антонов Д.А. Роль и возможности служб занятости региона (взгляд стейкхолдеров Свердловской области) // ЭКО. 2023. № 6 (588). С. 152–176. doi: 10.30680/ЕСО0131-7652-2023-6-152-176

8. Долженко Р.А., Антонов Д.А. Трудоустройство выпускников: соответствие профессии и работы (на примере Свердловской области) // Народонаселение. 2018. Т. 21, № 3. С. 109–121. doi: 10.26653/1561-7785-2018-21-3-08

9. Змияк С. Государственные и частные посредники на рынке труда: пути взаимодействия // Кадровик. 2011. № 12. С. 219–227. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20913394>

10. Карташов С.А., Рожков В.Д., Ананченкова П.И. Государственная служба занятости населения как субъект регулирования социально-трудовых отношений. Часть 1: Становление и развитие в России системы трудового посредничества: исторический обзор (XX – начало XXI в.) // Труд и социальные отношения. 2021. № 3. С. 13–26. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46212821>

11. Кязимов К.Г. Становление и развитие государственной службы занятости // Уровень жизни населения регионов России. 2011. № 5 (159). С. 43–47. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16824287>

12. Нетеребский О.В. Становление и развитие московской городской службы занятости // Уровень жизни населения регионов России. 2011. № 5 (159). С. 48–52. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16824288>

13. Bronnikova E.M., Kuljamina O.S., Volkov D.V. Management of Public Employment Service: Russian and Foreign Experience // Modern journal of language teaching METHODS. Oct. 2018. № 8 (10). P. 616–629.

14. Ge S.L., Han Q.F. Study on the Employment Service in China's Resource-exhausted Cities // 3rd International Conference on Public Management (ICPM). 2014. P. 7–13.

15. Gonzalo M.T., Saarela J. An evaluation of the management of the Finnish employment service // Applied economics. 2001. № 33 (13). P. 1717–1725.

16. Koning P. The effectiveness of Public Employment Service workers in the Netherlands // Empirical economics. 2009. № 37 (2). P. 393–409.

17. Milosevic Z., Istrat V., Petrevska M. Research of human resource management at national employment service in republic of Serbia // Metalurgia international. 2012. № 17 (2). P. 126–131.

18. Pandiani J.A., Simon M.M., Tracy B.J., Banks S.M. Impact of multi-agency employment services on employment rates // Community mental health journal. 2004. № 40 (4). P. 333–345. doi: 10.1023/B:COMH.0000035228.46724.97

19. Samuelson P.A. The pure theory of public expenditure // Review of Economics and Statistics. 1954.

20. Sherba R.T., Coxe K.A., Gersper B.E., Linley J.V. Employment services and substance abuse treatment // Journal of substance abuse treatment. 2016. № 87. P. 70–78. doi: 10.1016/j.jsat.2018.01.015

References

1. Bazylenko, T.Yu. (2012) Razvitie predprinimatel'stva i samozanyatosti kak napravlenie deyatel'nosti gosudarstvennoy sluzhby zanyatosti [Development of entrepreneurship and self-employment as a direction of activity of the state employment service]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6: Ekonomika*. 3. pp. 40–55. [Online] Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17928758>

2. Bazylenko, T.Yu. (2013) Stanovlenie i razvitie gosudarstvennoy sluzhby zanyatosti v Rossii kak instituta rynka truda [Formation and development of the state employment service in Russia as an institution of the labor market]. *Sotsial'naya politika i sotsial'noe partnerstvo*. 2. pp. 28–34. [Online] Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21185276>

3. Boltenkova, Yu.V. (2007) Innovatsionnyy potentsial regional'nyy sluzhby zanyatosti naseleniya: problemy formirovaniya i razvitiya [Innovative potential of the regional employment service: problems of formation and development]. *Gosudarstvennaya sluzhba*. 5 (49). pp. 137–141. [Online] Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37464050>

4. Boltenkova, Yu.V. & Solnyshkina, M.G. (2012) Upravlenie razvitiem regional'noy sluzhby zanyatosti naseleniya [Managing the development of the regional employment service]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2. pp. 138–141. [Online] Available from: http://www.zpu-journal.ru/zpu/contents/2012/2/Boltenkova_Solnyshkina_Regional-Employment-Service/

5. Gorina, E.E. (2012) Razvitie gosudarstvennoy sluzhby zanyatosti v Rossii [Development of the public employment service in Russia]. *Sovremennaya ekonomika: problemy, tendentsii, perspektivy*. 6. pp. 2. [Online] Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17798690>

6. Grigoryan, S.R. (2014) Sluzhba zanyatosti naseleniya Rostovskoy oblasti: sostoyanie i perspektivy razvitiya [Employment service of Rostov Oblast: state and development prospects]. *Terra Economicus*. 12 (2–3). pp. 207–212. [Online] Available from: <https://ideas.repec.org/a/scn/031478/15721838.html>

7. Dolzhenko, R.A., Dolzhenko, S.B. & Antonov, D.A. (2023) The Role and Opportunities of Regional Employment Services (Sverdlovsk Region's Stakeholders' View). *EKO*. 6 (588). pp. 152–176. (In Russian). doi: 10.30680/ECO0131-7652-2023-6-152-176

8. Dolzhenko, R.A. & Antonov, D.A. (2018) Employment of Graduates: Conformity of Profession and Work (The Case of Sverdlovsk Region). *Narodonaselenie*. 21 (3). pp. 109–121. (In Russian). doi: 10.26653/1561-7785-2018-21-3-08

9. Zmiyak, S. (2011) Gosudarstvennye i chastnye posredniki na rynke truda: puti vzaimodeystviya [Public and private intermediaries in the labor market: ways of interaction]. *Kadrovik*. 12. pp. 219–227. [Online] Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20913394>

10. Kartashov, S.A., Rozhkov, V.D. & Ananchenkova, P.I. (2021) Gosudarstvennaya sluzhba zanyatosti naseleniya kak sub'ekt regulirovaniya sotsial'no-trudovoykh otnosheniy. chast' 1. stanovlenie i razvitie v Rossii sistemy trudovogo posrednichestva: istoricheskiy obzor (XX- nachalo XXI v.) [State Employment Service as a subject of regulation of social and labor relations. Part 1. formation and development of the labor mediation system in Russia: historical review (20th – early 21st centuries)]. *Trud i sotsial'nye otnosheniya*. 3. pp. 13–26. [Online] Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46212821>

11. Kyazimov, K.G. (2011) Stanovlenie i razvitie gosudarstvennoy sluzhby zanyatosti [Formation and development of the state employment service]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii*. 5 (159). pp. 43–47. [Online] Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16824287>

12. Neterebskiy, O.V. (2011) Stanovlenie i razvitie moskovskoy gorodskoy sluzhby zanyatosti [Formation and development of the Moscow city employment service]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii*. 5 (159). pp. 48–52. [Online] Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16824288>
13. Bronnikova, E.M., Kuljamina, O.S. & Volkov, D.V. (2018) Management of Public Employment Service: Russian and Foreign Experience. *Modern Journal of Language Teaching Methods*. 8 (10). pp. 616–629.
14. Ge, S.L. & Han, Q.F. (2014) Study on the Employment Service in China's Resource-exhausted Cities. *3rd International Conference on Public Management (ICPM)*. pp. 7–13.
15. Gonzalo, M.T. & Saarela, J. (2001) An evaluation of the management of the Finnish employment service. *Applied Economics*. 33 (13). pp. 1717–1725.
16. Koning, P. (2009) The effectiveness of Public Employment Service workers in the Netherlands. *Empirical Economics*. 37 (2). pp. 393–409.
17. Milosevic, Z., Istrat, V. & Petrevska, M. (2012) Research of human resource management at national employment service in republic of Serbia. *Metalurgia International*. 17 (2). pp. 126–131.
18. Pandiani, J.A. et al. (2004) Impact of multi-agency employment services on employment rates. *Community Mental Health Journal*. 40 (4). pp. 333–345. doi: 10.1023/B:COMH.0000035228.46724.97
19. Samuelson, P.A. (1954) The pure theory of public expenditure. *Review of Economics and Statistics*. 36, (4). pp. 387–340.
20. Sherba, R.T. et al. (2016) Employment services and substance abuse treatment. *Journal of Substance Abuse Treatment*. 87. pp. 70–78. doi: 10.1016/j.jsat.2018.01.015

Информация об авторах:

Долженко Р.А. – доктор экономических наук, профессор кафедры экономики труда и управления персоналом, Уральский государственный экономический университет (Екатеринбург, Россия). E-mail: dolzhenko-ra@ranepa.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3524-3005>

Антонов Д.А. – старший преподаватель кафедры экономики труда и управления персоналом, Уральский государственный экономический университет (Екатеринбург, Россия). E-mail: deptzn@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0000-1494-5871>

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

R.A. Dolzhenko, Dr. Sc. (Economics), professor, Labor Economics and Personnel Management Department, Ural State University of Economics (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: dolzhenko-ra@ranepa.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3524-3005>

D.A. Antonov, senior lecturer, Labor Economics and Personnel Management Department, Ural State University of Economics (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: deptzn@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0000-1494-5871>

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 04.04.2024;
одобрена после рецензирования 02.05.2024; принята к публикации 16.05.2024.*

*The article was submitted 04.04.2024;
approved after reviewing 02.05.2024; accepted for publication 16.05.2024.*

Научная статья
УДК 338
doi: 10.17223/19988648/66/17

Платформенные экосистемы: накануне нового прорыва в области коммерциализации интеллектуальных прав

Виктор Степанович Воронов¹, Мурат Капланович Беданокв²,
Сергей Владимирович Чернявский³, Егор Игоревич Викторв⁴

^{1,4} *Российская государственная академия интеллектуальной собственности (РГАИС),
Москва, Россия*

² *Майкопский государственный технологический университет. Майкоп, Россия*

³ *Центральный экономико-математический институт РАН (ЦЭМИ РАН),
Москва, Россия*

¹ *box864tmn@yandex.ru*

² *bedan64@mail.ru*

³ *vols85-85@mail.ru*

⁴ *cattus2@yandex.ru*

Аннотация. Целью работы является анализ новых инвестиционных возможностей, появившихся в результате развития новых платформенных экосистем, формирующих экономический оборот цифровых интеллектуальных активов авторского права. В работе показано, что по аналогии с периодом, предшествовавшим началу первых сделок секьюритизации интеллектуальной собственности в 1990-х гг., в настоящее время наблюдается устойчивый рост доходов микростоковых платформ. Помимо обычных инвесторов экосистема микростоков включает обширный контингент так называемых креативных инвесторов – авторов цифровых изображений, видео и звуковых файлов, размещенных в коллекциях таких компаний. Инвесторы этой категории являются участниками совокупного интеллектуального капитала, которым успешно управляют микростоки. На базе десятилетних наблюдений за портфелем цифровых изображений, во-первых, подтверждено, что позиция автора/инвестора по цифровым активам не подвержена убыткам в классическом понимании. Во-вторых, исследование подтвердило отсутствие корреляции между доходностью портфеля цифровых изображений отдельного автора и доходностью акции микрофотостоковой компании, в коллекции которой размещен портфель. Полученные результаты доказывают, что портфель цифровых интеллектуальных активов автора/инвестора может использоваться как хеджирующий элемент в составе гибридной инвестиционной позиции, включающей акции компании-микростока. Кроме того, в работе сделаны предварительные количественные оценки возможного контингента инвесторов, заинтересованных в реализации идеи предлагаемого гибридного инструмента. Исследование позволяет прогнозировать появление новых идей и инвестиционных возможностей в области коммерческого оборота цифровых интеллектуальных активов.

Ключевые слова: акция, гибридная инвестиционная позиция, доходность, инвестор, микросток, платформа, риск, экосистема

Источник финансирования: исследование проведено в рамках выполнения НИР «Развитие механизмов платформенной и сетевой экономики в Российской

Федерации: проблемы и пути решения», согласно Государственному заданию для ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности» (10-ГЗ-2022).

Для цитирования: Воронов В.С., Беданокон М.К., Чернявский С.В., Викторов Е.И. Платформенные экосистемы: накануне нового прорыва в области коммерциализации интеллектуальных прав // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2024. № 66. С. 269–278. doi: 10.17223/19988648/66/17

Original article

Platform ecosystems: On the eve of a new breakthrough in the field of commercialization of intellectual rights

Viktor S. Voronov¹, Murat K. Bedanokov², Sergey V. Chernyavskiy³, Egor I. Viktorov⁴

^{1,4} *Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russian Federation*

² *Maykop State Tehnological University. Maykop, Russian Federation*

³ *Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation*

¹ *box864tmn@yandex.ru*

² *bedan64@mail.ru*

³ *vols85-85@mail.ru*

⁴ *cattus2@yandex.ru*

Abstract. The aim of the work is to analyze the new investment capabilities that appeared as a result of the development of new platform ecosystems that form the economic circulation of digital intellectual assets of copyright. The productive ideas of the possible use of intellectual assets in financial engineering were voiced back in the 1980s, i.e., almost at the dawn of the emergence of financial engineering as a science itself. For example, in one of the first reference books on financial engineering and financial innovation, the growing use of legislation on intellectual property protection was mentioned as one of the aspects of financial engineering, the significance of which would grow in the coming years. The main stage of development is characterized by a massive transformation of business models and the transition to platform ecosystems, much more mobile and susceptible to organizational and financial innovations. A huge role in this process was played by the rapid development of information technology. The work shows that, by analogy with the period preceding the first transactions of the intellectual property secretion in the 1990s, there is currently a steady increase in the income of microstock platforms. In addition to ordinary investors, the ecosystem of microstocks includes an extensive contingent of the so-called creative investors – authors of digital images, video and sound files posted in the collections of such companies. Investors of this category are participants in the total intellectual capital successfully controlled by microstocks. The basics of the business of microstocks were laid back in the early 2000s, in fact, in the wake of the “dot-com”, when there was a stir of exciting, sound and literary content from the multimillion-dollar army of creators of the modern Internet. On the basis of ten-year observations of the portfolio of digital images, the study confirms that (1) the position of the author/investor on digital assets is not exposed to losses in the classical sense; (2) a correlation between the yield of the portfolio of digital images of the individual author and the profitability of the action of the

microphotostock company, in the collection of which the portfolio is located, is absent. The results prove that the portfolio of digital intellectual assets of the author/investor can be used as a hedging element as part of a hybrid investment position that includes the shares of a microstock company. In addition, preliminary quantitative assessments of the possible contingent of investors who are interested in implementing the ideas of the proposed hybrid tool are made in the work. The study allows predicting the emergence of new ideas and investment capabilities in the field of commercial circulation of digital intellectual assets.

Keywords: promotion, hybrid investment position, profitability, investor, microst, platform, risk, ecosystem

Financial support: The article was prepared as part of the state assignment for the Russian State Academy of Intellectual Property (10-ГЗ-2022).

For citation: Voronov, V.S., Bedanokov, M.K., Chernyavskiy, S.V. & Viktorov, E.I. (2024) Platformation ecosystems: on the eve of a new breakthrough in the field of commercialization of intellectual rights. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 66. pp. 269–278. (In Russian). doi: 10.17223/19988648/66/17

Платформы и экосистемы, формирующиеся в экономике интеллектуальной собственности, точнее, непосредственно в сфере экономического оборота интеллектуальных прав, практически не исследованы, поэтому процессы, происходящие внутри таких экосистем, представляют большой научный интерес. В частности, в экосистемах, обеспечивающих экономический оборот авторских прав, постепенно формируются возможности, о которых экономисты ранее не подозревали. Речь идет о новых идеях, которые, с одной стороны, выводят на новый уровень финансовую инженерию, поскольку их реализация ведет к созданию абсолютно новых гибридных инструментов. С другой стороны, эти идеи потенциально позволяют привлечь на финансовые рынки новые группы креативных инвесторов – создателей интеллектуальных активов.

Целью работы является анализ новых инвестиционных возможностей, появившихся в экономике интеллектуальной собственности в результате развития платформенных экосистем на рубеже нового тысячелетия.

Основная часть

Продуктивные идеи возможного использования интеллектуальных активов в финансовой инженерии прозвучали еще в 1980-х гг., т.е. практически на заре появления самой финансовой инженерии как науки [1]. Например, в одном из первых справочников по финансовой инженерии и финансовым инновациям растущее использование законодательства об охране интеллектуальной собственности было упомянуто в качестве одного из аспектов финансовой инженерии, значение которого будет расти в ближайшие годы [2, 3]. В последующие годы на рынке действительно появились новые финансовые инструменты, в той или иной мере опосредующие стоимость интеллектуальных активов [4, с. 20]. Вместе с тем появились и новые финансовые

институты, деятельность которых направлена на организацию экономического оборота интеллектуальных прав. Таким образом, сделки секьюритизации послужили своего рода подтверждением и сигналом к тому, что интеллектуальная собственность может успешно использоваться в качестве «строительного кирпичика» в финансовой инженерии самого высокого уровня сложности.

Прорыв, связанный с секьюритизацией, состоялся на базе институтов классической экономики. Однако современный этап развития характеризуется массовой трансформацией моделей бизнеса и переходом к платформенным экосистемам, намного более мобильным и восприимчивым к организационным и финансовым инновациям. Огромную роль в этом процессе сыграло бурное развитие информационных технологий. В этой связи можно констатировать, что в новой платформенной экономике начинают формироваться признаки нового прорыва в области коммерциализации интеллектуальных прав. В частности, по аналогии с периодом начала секьюритизации интеллектуальных активов сегодня наблюдается чрезвычайно быстрый рост доходов, связанных с экономическим оборотом авторских прав на платформах так называемых микростоковых компаний.

Напомним, что основы бизнеса микростоков были заложены еще в начале 2000-х гг., по сути, на волне «доткомов», когда возник ажиотажный спрос на изобразительный, звуковой и литературный контент со стороны многомиллионной армии создателей современного Интернета [5, с. 46]. Традиционные бизнес-модели изготовления контента по договорам авторского заказа оказались не готовыми к такому огромному спросу. В то же время микростоки практически мгновенно (за 3–5 лет) предложили модели оборота готового цифрового контента и ассоциированные с ними лицензионные политики, которые были восприняты разработчиками, дизайнерами, рекламистами и рынком в целом с большим одобрением.

Характерной особенностью современных микростоков являются очень большие коллекции (портфели) готовых цифровых изображений, видео и звуковых файлов. Безусловными лидерами здесь стали платформы микрофотостоков (фотостоки), которые сегодня управляют портфелями объемом 300–400 млн единиц активов, и этот показатель монотонно растет год от года. Крупнейшие компании отрасли в начале 2010-х гг. вышли на финансовый рынок и выпустили в обращение свои акции (таблица), что позволяет анализировать их официальную отчетность.

Для иллюстрации современной динамики роста отрасли на рис. 1 представлена диаграмма роста выручки компании Shutterstock за последние годы. Диаграмма позволяет видеть, что примерно до 2015 г. выручка этой компании удваивалась каждые два года. В последние 6–7 лет рост был более умеренным, но пока остается стабильным [6]. Небольшой провал в 2019–2020 гг. был связан в основном с реорганизацией и перестановками в высшем руководстве компании.

Ведущие микрофотостоки по состоянию на 1 квартал 2024 г.

№	Платформа	Портфель изображений, млн ед.	Авторы/инвесторы, чел.	Биржевой тикер
1	Shutterstock	485	< 2 млн	NYSE: SSTK
2	Adobe.Stock	397	–	NASDAQ: ADBE

Источник: составлено авторами по данным компаний.

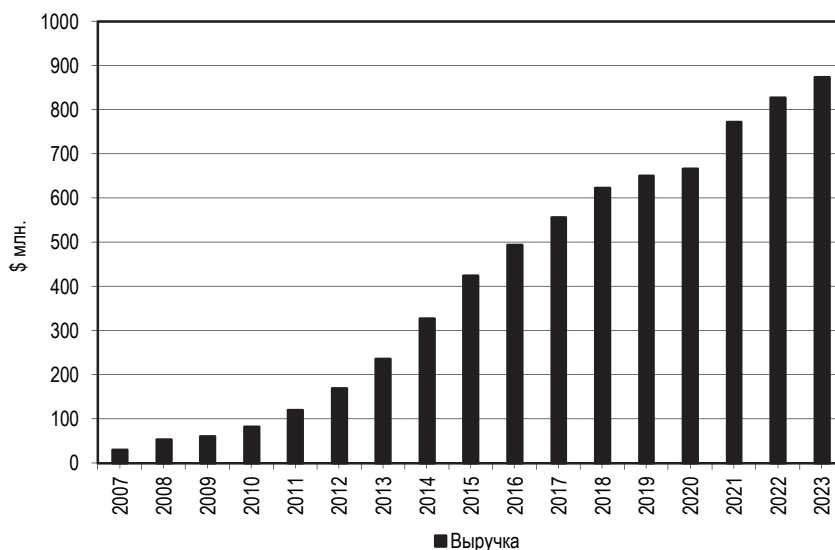

Рис. 1. Динамика роста выручки компании Shutterstock, Inc.

Источник: составлено авторами по данным годовых отчетов компании

Помимо обычных инвесторов экосистема микростоков включает обширный контингент так называемых креативных инвесторов – авторов цифровых изображений, видео и звуковых файлов, размещенных в огромных коллекциях таких компаний [7, с. 207]. У одной только компании Shutterstock число зарегистрированных авторов превышает два миллиона человек (см. таблицу). Микростоки скромно называют их контрибьюторами, тем не менее следует понимать, что инвесторы этой категории являются прямыми заинтересованными участниками в совокупном интеллектуальном капитале, которым успешно управляют микростоки, и это позволяет по-новому взглянуть на возможности инвестирования в цифровые интеллектуальные активы.

Следует еще раз подчеркнуть, что понятие выручки от продажи, получаемой микростоками, на самом деле подразумевает продажу не самих активов (например, цифровых изображений), а лишь лицензий на их использование. В момент покупки лицензии покупатель получает однократное разрешение скопировать цифровой файл актива. Сами активы при этом остаются в собственности авторов/инвесторов, и даже платформы микростоков,

синхронизированный с гистограммой рис. 2. Сервис, помимо прочего, позволяет выводить значения объемов торговли и периодов времени, соответствующих как отрицательной доходности в периоды снижения цены, так и положительной доходности в периоды роста. В частности, соотношение длительности таких периодов, полученное для гистограммы на рис. 3, показало, что вероятность получения убытка по данной акции достаточно высока и приближается к 50%.

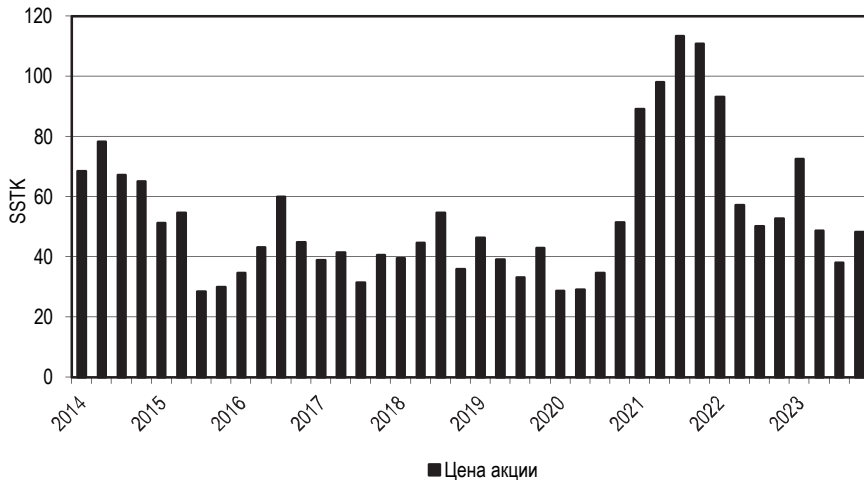

Рис. 3. Цена акции Shutterstock за 2014–2023 гг.
Источник: составлено авторами по данным Shutterstock

Собственно, сопоставление двух приведенных выше графиков и дает представление о соотношении рисков индивидуального портфеля цифровых изображений и акции микрофотостока (рис. 2, 3). Расчетное значение коэффициента корреляции между ними составило незначительную величину, равную 0,091. Несложно догадаться, что, управляя двумя портфелями, можно сформировать гибридную позицию, у которой доход по портфелю цифровых активов позволял бы компенсировать провалы в доходности по портфелю акций. По сути, такую позицию можно рассматривать как гибридный инструмент, в котором позиция по цифровому интеллектуальному активу играет роль хеджирующего элемента.

Поскольку в работе обсуждается идея создания нового продукта финансовой инженерии, представляет интерес прогнозная оценка возможной численности заинтересованных инвесторов. Здесь, прежде всего, следует отметить, что с точки зрения обычных инвесторов задача размещения и управления, например, портфелем цифровых изображений, принятых в коллекцию микрофотостока, не является тривиальной, так как требует более сложных действий, чем простое приобретение его акций. Напротив, для суще-

ствующих авторов/инвесторов микрофотостока приобретение акций не является технически сложным действием и требует только мотивации. При этом численность контингента инвесторов второй (креативной) категории непрерывно растет, не в последнюю очередь благодаря быстрому развитию цифровой техники.

В этой сфере определяющую роль к окончанию периода 2010-х гг. сыграло появление на рынке массовых моделей смартфонов, оснащенных фотокамерами с физическим разрешением 40–60 Мп. Это позволило компенсировать недостатки слабой оптики обычных смартфонов [9] и за счет последующей компьютерной обработки получать высококачественные изображения с помощью очень компактных (по сравнению с цифровыми фотокамерами) гаджетов. Бизнес не замедлил ответить на эти процессы созданием микрофотосточковых платформ, заведомо ориентированных на пополнение своих коллекций изображениями, полученными с помощью мобильных аппаратов. Любопытно отметить, что численность контингента авторов одной из таких платформ (EyeEm.com) составляет около 8 млн человек, что превышает суммарную численность зарегистрированных авторов самых крупных «классических» микрофотосточков.

Возвращаясь к оценке возможной численности заинтересованных инвесторов, отметим, что, по данным таблицы, количество стейкхолдеров только двух крупнейших публичных микрофотосточков, выпустивших акции, может существенно превышать 2 млн человек. Учитывая активную работу еще нескольких подобных платформ меньшего масштаба (включая российскую компанию Logi.ru), а также возможность смешанного участия авторов/инвесторов одного микрофотостока в акциях другого микрофотостока, сегодня можно уверенно говорить о потенциальном количестве заинтересованных стейкхолдеров не менее 10 млн человек. Таким образом, мы считаем, что представленная идея гибридного инвестиционного инструмента имеет реальную основу.

Заключение

По нашему мнению, результаты исследования позволяют утверждать, что в сфере коммерческого оборота цифровых интеллектуальных активов авторского права в настоящее время формируется своего рода прорыв. Признаком возможного прорыва является существенный рост выручки от продажи готового авторского цифрового контента на платформах микрофотосточковых компаний. Аналогичный рост объема денежных потоков лицензионных платежей в сфере оборота патентных и авторских прав наблюдался в середине 90-х прошлого столетия. В те годы в результате прорыва были реализованы первые успешные сделки секьюритизации интеллектуальных прав и созданы новые финансовые институты, обслуживающие рынок интеллектуальной собственности.

В настоящем исследовании на основе десятилетних наблюдений показано, что инвестиционная позиция в цифровых интеллектуальных активах

не подвержена убытку в обычном понимании. Более того, доход по портфелю интеллектуальных активов индивидуального автора/инвестора не коррелирует с доходностью акции микростока. Выявленные свойства позволяют конструировать новые гибридные инструменты, в структуре которых позиция по интеллектуальным активам используется как хеджирующий элемент для компенсации возможного убытка по акции микростока. Предварительные оценки показывают, что количество инвесторов, заинтересованных в реализации идеи предложенного инструмента, может составлять не менее 10 млн человек.

Список источников

1. Petruzzi C., Del Valle M., Judiowe S. Patent and Copyright Protection for Innovations in Finance // *Financial Management*. 1988. Vol. 17 (4). P. 66–71.
2. Smith C.W.Jr., Smithson C.W. *The Handbook of Financial Engineering: New Financial Product Innovations, Applications and Analyses*. New York : Harper Business Books, 1990.
3. Маршалл Дж.Ф., Бансал В.К. Финансовая инженерия: полное руководство по финансовым нововведениям / пер. с англ. М. : ИНФРА-М, 1998.
4. Воронов В.С. Финансовая инженерия в экономике интеллектуальной собственности. М.: Проспект, 2017.
5. Финансовая система в условиях формирования цифровой экономики : коллективная монография / под ред. В.А. Черненко. СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2018.
6. *Shutterstock Annual Report 2023*. URL: <https://investor.shutterstock.com/financial-information/annual-reports> (дата обращения: 15.03.2024).
7. Шарп У., Александер Г., Бэйли Дж. Инвестиции. М. : ИНФРА-М, 2018.
8. Давыдов В.Д. Концептуальные подходы к инвестиционному анализу портфелей цифровых интеллектуальных активов // *Финансовая экономика*. 2020. № 2. С. 25–29.
9. Gómez Cruz E., Meyer E.T. Creation and control in the photographic process: iPhones and the emerging fifth moment of photography // *Photographies*. 2012. № 5 (2). P. 203–221.

References

1. Petruzzi, C., Del Valle, M. & Judiowe, S. (1988) Patent and Copyright Protection for Innovations in Finance. *Financial Management*. 17 (4). pp. 66–71.
2. Smith, C.W.Jr. & Smithson, C.W. (1990) *The Handbook of Financial Engineering: New Financial Product Innovations, Applications and Analyses*. New York: Harper Business Books.
3. Marshall, J.F. & Bansal, V.K. (1998) *Financial engineering: A complete guide to financial innovations*. Moscow: INFRA-M. (In Russian).
4. Voronov, V.S. (2017) *Finansovaya inzheneriya v ekonomike intellektual'noy sobstvennosti* [Financial engineering in the economics of intellectual property]. Moscow: Prospekt.
5. Chernenko, V.A. (ed.) (2018) *Finansovaya sistema v usloviyakh formirovaniya tsifrovoy ekonomiki* [Financial system in the conditions of formation of the digital economy]. Saint Petersburg: St. Petersburg State University of Economics.
6. Shutterstock. (2023) *Shutterstock Annual Report 2023*. [Online] Available from: <https://investor.shutterstock.com/financial-information/annual-reports> (Accessed: 15.03.2024).
7. Sharpe, W., Alexander, G. & Bailey, J. (2018) *Fundamentals of Investments*. Moscow: INFRA-M. (In Russian).
8. Davydov, V.D. (2020) Kontseptual'nye podkhody k investitsionnomu analizu portfeley tsifrovyykh intellektual'nykh aktivov [Conceptual approaches to investment analysis of portfolios of digital intellectual assets]. *Finansovaya ekonomika*. 2. pp. 25–29.

9. Gómez Cruz, E. & Meyer, E.T. (2012) Creation and control in the photographic process: iPhones and the emerging fifth moment of photography. *Photographies*. 5 (2). pp. 203–221.

Информация об авторах:

Воронов В.С. – доктор экономических наук, Российская государственная академия интеллектуальной собственности (РГАИС) (Москва, Россия). E-mail: box864tmn@yandex.ru

Беданок М.К. – доктор экономических наук, профессор, Майкопский государственный технологический университет (Майкоп, Россия). E-mail: bedan64@mail.ru

Чернявский С.В. – доктор экономических наук, профессор, Центральный экономико-математический институт РАН (ЦЭМИ РАН) (Москва, Россия). E-mail: vols85-85@mail.ru

Викторов Е.И. – Российская государственная академия интеллектуальной собственности (РГАИС) (Москва, Россия). E-mail: cattus2@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

V.S.Voronov, Dr. Sci. (Economics), Russian State Academy of Intellectual Property (RGAIS) (Moscow, Russian Federation). E-mail: box864tmn@yandex.ru

M.K. Bedanokov, Dr. Sci. (Economics), professor, Maykop State tehnological university (Maykop, Russian Federation). E-mail: bedan64@mail.ru

S.V. Chernyavskiy, Dr. Sci. (Economics), professor, Central Economic and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences (CEMI RAS) (Moscow, Russian Federation). E-mail: vols85-85@mail.ru

E.I. Viktorov, Russian State Academy of Intellectual Property (RGAIS) (Moscow, Russian Federation). E-mail: cattus2@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 26.03.2024;
одобрена после рецензирования 02.05.2024; принята к публикации 16.05.2024.*

*The article was submitted 26.03.2024;
approved after reviewing 02.05.2024; accepted for publication 16.05.2024.*

Научная статья
УДК 005.86
doi: 10.17223/19988648/66/18

Модель управления трансграничными проектами в строительстве на базе сквозной оценки проектных рисков

Евгений Анатольевич Кузнецов¹, Валерий Викторович Иванов²

*^{1, 2} Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического
развития Российской Федерации, Москва, Россия*

¹ uman_z@mail.ru

² vivanov13@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена определению требований и формированию новой концептуальной модели управления трансграничными проектами, позволяющей системно внедрять технологии искусственного интеллекта для подготовки и принятия управленческих решений в ускоренных темпах развития отрасли. Методологической базой исследования послужили теория портфельного менеджмента и системный подход управления. Методы работы – нарративный анализ и системный синтез с целью преодоления главных проблем, снижающих эффективность менеджмента. В результате предложена интеграционная шина управления в менеджменте, вводящая сквозную иерархичность и реляционную взаимосвязь проектных показателей на всех этапах жизненного цикла по средствам использования методик цифрового сценарного моделирования и позволяющая организовать представленную системную модель управления проектом. Показан механизм мониторинга и контроллинга проектных рисков при управлении интегрированными системами и элементами, включающий использование универсального инструмента контроля проекта для организации внешнего цифрового контроля с использованием методики выявления и оценки проектных рисков, выраженных в целевых оценочных индикаторах, анализируемых путем создания цифрового двойника объекта. Описана модель управления многоаспектностью проектных задач на основе комплексного применения нейронных сетей. Показан потенциал развития концептуальной модели управления трансграничными проектами для возможности принятия предиктивных ценностно-ориентированных управленческих решений с учетом риск-менеджмента. Теоретические результаты построения системной модели управления проектами могут быть использованы в качестве технического задания для построения программного продукта по менеджменту различных областей управления проектами.

Ключевые слова: системная модель управления проектом, управление рисками, интеграционная шина управления, управление девелоперским проектом, трансграничное строительство, технологии информационного моделирования, нейронные сети

Для цитирования: Кузнецов Е.А., Иванов В.В. Модель управления трансграничными проектами в строительстве на базе сквозной оценки проектных рисков // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2024. № 66. С. 279–296. doi: 10.17223/19988648/66/18

Original article

Potential for the development of a conceptual model for managing cross-border projects in construction based on end-to-end assessment of project risks

Evgeniy A. Kuznetsov¹, Valeriy V. Ivanov²

^{1,2} All-Russian Academy of Foreign Trade of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

¹ uman_z@mail.ru

² vivanov13@mail.ru

Abstract. The article aims to determine the requirements for a new conceptual model of project management, which allows for the systematic implementation of artificial intelligence technologies to prepare and make management decisions at the accelerated pace of industry development, and to design the model. The methodological basis for the study was the theory of portfolio management and the systems approach to management. Working methods are narrative analysis and system synthesis in order to overcome the main problems that reduce management efficiency. As a result, a system of integration control buses in management has been proposed, introducing end-to-end hierarchy and relational interconnection of project indicators at all stages of the life cycle using digital scenario modeling techniques and allowing to organize the presented system model of project management. The mechanism for monitoring and controlling project risks when managing integrated systems and elements is shown, including the use of a universal project control tool for organizing external digital control using a methodology for identifying and assessing project risks, expressed in target assessment indicators, analyzed by creating a digital twin of the object. A model for managing the multidimensionality of design tasks based on the integrated use of neural networks is described. The potential for the development of a business ecosystem for project management is shown to make it possible to make predictive value-oriented management decisions taking into account risk management. The theoretical results of designing a system model of project management can be used as technical specifications for creating a software product for the management of various areas of project management.

Keywords: system model of project management, risk management, end-to-end management bus, development project management, cross-border construction, information modeling technologies, neural networks

For citation: Kuznetsov, E.A. & Ivanov, V.V. (2024) Potential for the development of a conceptual model for managing cross-border projects in construction based on end-to-end assessment of project risks. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 66. pp. 279–296. (In Russian). doi: 10.17223/19988648/66/18

Введение

Согласно проведенным исследованиям на протяжении последних десяти лет в мире сохраняется низкая эффективность реализации проектов в части исполнения по времени и в рамках бюджета [1, с. 14; 2, с. 1]. Разнородность

проектной деятельности не учитывается универсальным подходом менеджмента, а внутренняя структура процессов не позволяет выстраивать единое мнение в поиске оптимального проектного решения. Устаревший документо-ориентированный подход взаимодействия участников проекта тормозит, ограничивает необходимый обмен информацией и вносит дополнительные ошибки. При осуществлении сложных, масштабных, трансграничных¹ проектов наличие многочисленных заинтересованных сторон проекта и несогласованность их ожиданий, ценностей, стратегий их достижения замыкают список главных причин, снижающих эффективность проектного управления [4]. Соответственно, наличие таких недостатков существующих концептуальных моделей, построенных по международным стандартам, не позволяет принимать предиктивные управленческие решения в ускоренных темпах развития, что при реализации трансграничных проектов снижает развитие макрорегиональных торгово-экономических отношений.

Эффективность подготовки управленческого решения в условиях неопределенности прямо зависит от качества анализа проектных рисков. Существуют качественные и количественные методы оценки рисков, однако они подвержены влиянию субъективных факторов. Используемые методы управления проектными рисками (метод критического пути, метод критической цепи, PERT-анализ, план управления стоимостью, план управления и реагирования на риски и др.) способны эффективно решать поставленные задачи в части ресурсных ограничений. В ситуации многочисленных, разнородных, межстрановых источников постановки задач оптимизации при реализации трансграничного проекта на различных уровнях управления имеет место итоговое неэффективное распределение ресурсов, что ведет к подготовке иногда в корне неверного управленческого решения с потерей возможности проведения предиктивного анализа. Переход к дата-ориентированному подходу должен открыть возможность формирования единого центра показателей проектных рисков, анализируемых на всем протяжении жизненного цикла проекта на основании работы моделей на базе технологий искусственного интеллекта. Управление рисками должно стать неотъемлемой, интегральной частью новой концептуальной модели управления трансграничными проектами, которая устранит выявленные недостатки существующих моделей и учтет вызовы четвертой и пятой промышленных революций.

Интеграционная шина управления в менеджменте

Создание системы управления проектной деятельностью с интеграцией отдельных модулей для заинтересованных сторон позволяет управлять проектом с позиций разных стейкхолдеров [5, с. 277]. Для исправления всех

---

¹ В мировой практике существуют разные трактовки трансграничных проектов [3]. В данной статье авторы трактуют трансграничный проект как временное долгосрочное предприятие на страновом уровне для создания уникальных продуктов, услуг или результатов на основе многоплановой интеграции участников из различных государств.

озвученных недостатков существующих концептуальных моделей и методов оптимизации предлагается создать интеграционную шину управления в менеджменте, вводящую сквозную иерархичность и реляционную взаимосвязь проектных показателей на всех этапах жизненного цикла по средствам использования методик цифрового сценарного моделирования и позволяющую организовать цифровую многоуровневую систему управления проектом. При этом необходимо осуществлять связующую функцию между всеми функциональными моделями заинтересованных сторон, отвечать единым целям проекта и декомпозировать их на все уровни управления, находиться в постоянном поиске оптимального решения и предлагать его утвердить, быть в нерушимой связке с жизненным циклом проекта и определять сохранность всех данных. Интеграционная шина управления должна являться каркасом построения новой концептуальной модели и определять сквозной обмен информацией со всеми интегрированными моделями, механизмами, инструментами управления. Поскольку трансграничные проекты отличаются масштабом и многоаспектностью целей, то управление следует рассматривать с позиции теории портфельного менеджмента [6, с. 14]. Для наделяния интеграционной шины управления предиктивными свойствами требуется создать механизмы глубокого анализа проектных рисков, пронизывающих весь жизненный цикл проекта, и наделить возможностью ускоренной подготовки необходимых управленческих решений. С учетом описанного функционала интеграционная шина управления в менеджменте – это стабильный обмен данными по масштабированию проектов и их управлению между всеми заинтересованными сторонами проекта через созданный инструментарий концептуальной модели управления с целью выработки управленческих решений для достижения поставленных целей. Интеграционная шина носит системный характер, представляющий собой матрицу показателей, изменяющуюся на протяжении развития проектной деятельности, сохраняя связь всех текущих показателей с плановыми, утвержденными бизнес-планом проекта, формируя основу информации для подготовки необходимых управленческих решений.

Стремительное развитие информационных технологий, наличие значительной изменчивости факторов при управлении трансграничными проектами создают условия к переходу менеджмента в состояние пятой промышленной революции, когда управленческие решения анализируются и принимаются не только человеком, но и с использованием возможностей машинного вычисления [7, с. 64; 8, с. 1882]. Виден стремительный рост создания продуктов на базе искусственного интеллекта, в том числе в прикладной экономике. При этом уровень сложности передаваемых задач не ограничивается; например, функции управления передаются нейросетям для удержания плазмы с помощью магнитного поля в токамаке, тем самым открывая возможности осуществления термоядерного синтеза [9, с. 148]. С 2012 г. количество инцидентов, связанных с использованием искусственного интеллекта, возросло в 26 раз [10, с. 133], что говорит об общем развитии приме-

нения технологии. Нейросетевые технологии позволят забрать на себя рутинный функционал менеджмента, что ускорит подготовку данных для принятия необходимых предиктивных управленческих решений на базе прочитанных оптимизационных многокритериальных траекторий реализации проекта, а в отдельных случаях и вовсе передать управление задачами менеджмента. Таким образом, интеграционная шина управления имеет дуальные свойства подготовки и принятия управленческого решения, что повышает скорость, качество и глубину изучения проектных показателей, анализируемых в едином информационном пространстве.

Системная модель управления проектами

Развивая системную модель управления проектами В.И. Воропаева [11, с. 307], разработана системная модель управления, использующая дата-ориентированный подход, цифровое сценарное моделирование и предиктивную аналитику на основе нейронных сетей, устраняющая универсальность подходов для разных проектов, создающая мотивацию для поиска оптимального по стоимости или времени реализации решения, повышающая эффективность взаимодействия участников проекта, прямо показывающая на наличие двух основных объектов управления: собственно проект и его информационную модель [12, с. 66]. Субъекты и объекты управления связаны между собой современными инструментами управления через интеграционную шину управления и находятся в едином информационном пространстве как необходимом и достаточном наборе информационных ресурсов и инфраструктуры для создания, развития управления проектом путем комплексной кооперации всех участников через создаваемые подмодели управления. Отдельно важно развивать и внедрять подсистемы анализа и контроля персонала управления проектом и проводить трансдисциплинарные исследования в области профессионального поведения [13, с. 13].

Изначально разрабатывая системную модель для управления недвижимостью, авторы пришли к выводу, что интегративный подход позволяет ее использовать для управления проектами из разных областей и уровней сложности, в т.ч. учитывать трансграничность принимаемых управленческих решений. Данная универсальная модель позволяет учитывать многочисленные особенности отрасли через формирование новых управленческих модулей как отдельных объектов управления, связанных интеграционной шиной управления с центром принятия управленческого решения. С целью показа фундаментального улучшения качества проектного управления приведем пример основной интеграционной модели, позволяющей организовать эффективную проектную деятельность в сфере трансграничного строительства.

Развивая технологии всестороннего управления затратами [14, с. 77] и понимая необходимость учета особенностей внешнеторгового менеджмента [15, с. 102], разработана системная модель управления девелоперским проектом на основе использования интеграционной шины управления от

подмодели «Детерминация проектных рисков» к взаимосвязи и корреляции с подмоделями проектных стадий жизненного цикла и информационной модели – программной архитектуры, осуществляющей обмен данными между разнородными модулями в режиме реального времени в едином информационном пространстве [12, с. 67]. Применение сквозных цифровых технологий позволит как дифференцированно проводить всестороннюю оптимизацию проектных рисков, так и интегрировать управленческие воздействия в едином информационном пространстве. Гарантия сквозной работы интеграционной шины управления на каждом этапе жизненного цикла проекта в едином информационном пространстве позволит организовать принятие согласованных управленческих решений всех заинтересованных сторон проекта с учетом иерархичности и реляционной взаимосвязи контролируемых рисков. Обработка сигналов интеграционной шины управления вынесена в отдельный механизм, связанный с каждым из пятнадцати механизмов жизненного цикла проекта, что гарантирует сквозной обмен информацией. При этом следует разделить уровни управленческих решений для однозначного распределения ответственности сторон.

Выполнение любой задачи этапа или подэтапа оканчивается точкой принятия решения – фиксация выполнения задачи, состояния проектных показателей и ответственных лиц, принявших соответствующее решение. Данная информация анализируется механизмом сквозного мониторинга и контроллинга¹ проектных рисков при управлении интегрированными системами [12, с. 70]. Завершение любой фазы или стадии как высшего звена жизненного цикла проекта предлагается фиксировать через универсальный инструмент контроля проекта – усиленную точку принятия решения – фиксация принятия ценностно-ориентированного управленческого решения на основе усиленного (глубокого) изучения состояния проектных показателей на соответствие их плановым и учета возможных траекторий развития проекта в рамках изменяющейся картины рисков на основе правила золотого треугольника с поправкой на континуум ценностей Г. Керцнера [16, с. 87]. Вводимые два типа управленческих решений по уровню ответственности, с одной стороны, позволяют ставить задачи и делегировать их решение, мотивируя участников проекта показать свою эффективность. С другой стороны, наличие четкой структуры принятия решений позволяет организовать внешний цифровой контроль проекта, допуская в единое информационное пространство дополнительного участника. Масштабируя проектную деятельность до уровня целой компании, возможно вызвать инструмент для повышения цифровой открытости, что может создать эволюцию доверия инвесторов на фондовом рынке, повысить координацию взаимодействия ключевых участников проекта и улучшить условия проектного финансирования.

---

¹ Контроллинг – непрерывное информационное обеспечение данными управленческого учета процессов управления на стадии подготовки, обоснования, исполнения и оценки управленческих решений [14, с. 112].

Усиленная точка принятия решения прямо связана с высокой степенью риска, а значит требуются специальные механизмы для повышения результативности работы модели мониторинга и контроллинга проектных рисков при управлении интегрированными системами. Интеграционная шина управления будет инициировать работу механизма управления проектными рисками на основе их трансформации и пересчета в целевые оценочные индикаторы при переходе через точки бифуркации проектных показателей. Инвестор получает возможность провести субъективный анализ состояния проекта на основе учета в механизме собственного видения наличия тех или иных ресурсов компании, что будет способствовать совершенствованию сквозной, поэтапной оптимизации проектных рисков на основе цифрового контроллинга центра управленческих компетенций и принятия управленческого решения. Возможные расхождения в подготовленных и принятых управленческих решениях мотивируют формировать корпоративную образовательную платформу для менеджмента с целью значительного повышения зрелости проектного управления.

Развивая методологию создания интегрированной информационно-аналитической системы управления проектами на основе математических моделей и методов Я.Д. Гельруда [17, с. 37] с целью дальнейшего совершенствования управления проектами в современных динамически меняющихся условиях окружающей среды в рамках взаимодействия различных заинтересованных сторон, требуется внедрять технологии информационного моделирования, на базе которых создавать цифровой двойник, который будет развиваться на фоне конвергенции целого ряда новых перспективных технологий, таких как аддитивные технологии, искусственный интеллект, интернет вещей и т.д. [18, с. 33]. Цифровой двойник уже с успехом используется в разных отраслях (машиностроение, автомобильная промышленность, судостроение, аэрокосмическая промышленность, строительство, нефтегазовая отрасль, энергетика, здравоохранение и медицина, сельское хозяйство и др.), а с расширением возможности использования вычислительных ресурсов численный расчет будет выполнен быстрее. Интеграционные шины управления, работающие через нейросеть и связанные с цифровым двойником, обеспечат декомпозицию целей инвестора до целей сотрудника, выполняющего единичную операцию, и переведут их на язык риск-менеджмента, что создаст условия для обеспечения предиктивного анализа проекта. Соответственно управленческие решения должны опираться на специальные методики выявления и оценки проектных рисков на основе построения цифрового двойника при обеспечении корреляции с управлением финансовых потоков как одного из главных средств управления.

Разработана методика сквозного выявления и оценки проектных рисков при принятии разноуровневого управленческого решения на основе использования комплекса упреждающих мер оценки и реагирования, представленная на рис. 1. Интеграционная шина управления запускает механизм определения необходимого уровня оценки проектной задачи, который обращается к механизму мониторинга и контроллинга проектных рисков при управ-

лении интегрированными системами и элементами, результатом которого будет являться подготовка двух типов предиктивных управленческих решений на основе анализа выявленных проектных рисков: точка принятия решения или усиленная точка принятия решения. Комплексное применение нейросетевых технологий поможет организовать управление многоаспектностью проектных задач на основе работы с целевыми оценочными индикаторами. Управленческое решение подготавливается с помощью многоконтурного анализа проектных показателей, при этом адекватность функционирования системной модели оценивается отдельной моделью оценки. На основе работы интеграционной шины управления происходит создание нерушимой, сквозной истории фиксации управленческих решений как информационных вех проекта с одновременным планированием следующих мероприятий по их контролю. Представленный механизм является образом цифрового проектного офиса с функциями единого окна, а значит может быть отнесен к универсальным инструментам управления проектной деятельностью.

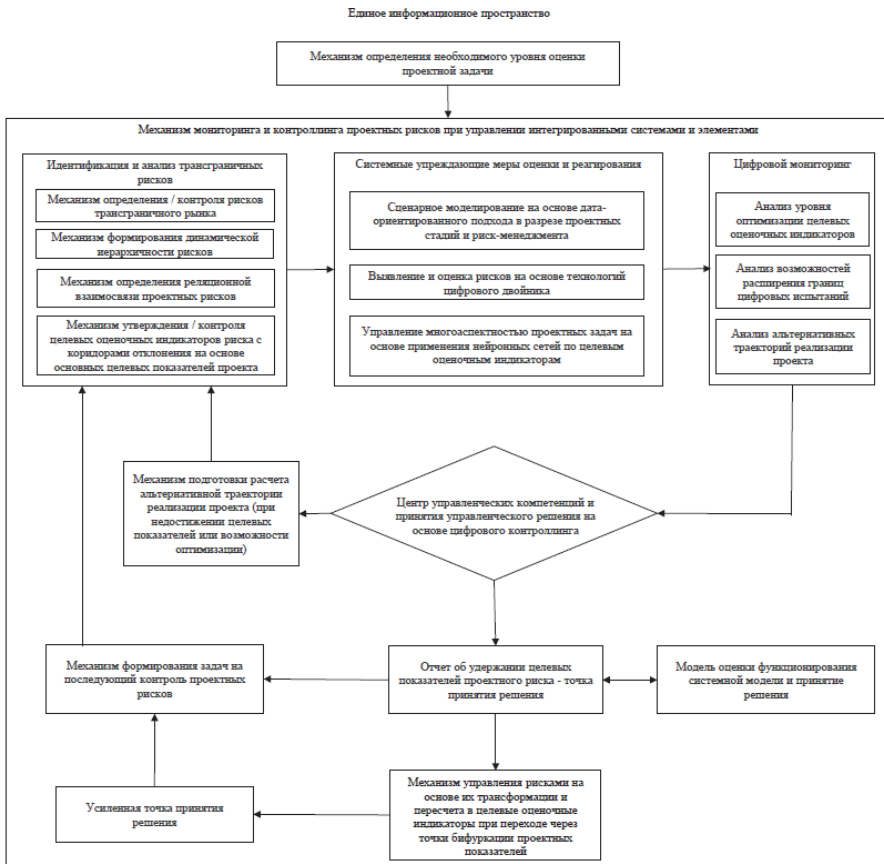

Рис. 1. Методика выявления и оценки проектных рисков при принятии разноразмерного управленческого решения на основе использования комплекса упреждающих мер оценки и реагирования. *Источник:* разработано авторами

Использование усиленной точки принятия решения повышает координацию взаимодействия участников проекта и открывает возможность для формирования внешнего (государственного) цифрового контроля за ходом реализации проекта путем введения универсальной структуры фаз и стадий согласно типовой схеме жизненного цикла проекта, представленной на рис. 2. Проектные фазы и стадии оканчиваются универсальной точкой принятия решения и являются неизменной структурой. Исполнители имеют возможность вводить собственные этапы, подэтапы, формулируя и декомпозируя любые проектные задачи в части наличия особенностей или уникальности, что формирует изменяемую структуру. Таким образом, жизненный цикл состоит из изменяемой структуры и неизменяемой (фиксированной на законодательном уровне). Введение предложенной структурной схемы показывает, что усиленная точка принятия решения становится универсальным инструментом контроля проекта, поскольку внешние участники заинтересованы владеть информацией верхнего уровня, основанной на сквозном анализе информации всех уровней исполнителей. Внешний цифровой мониторинг и контроллинг позволят финансовым институтам выйти с новыми предложениями законодательного проектного банковского финансирования. Создание условий ритмичного финансирования является одним из элементов оптимизации затрат предприятия. Единое информационное пространство создает возможность фактической работы и одновременного контроля над проектом с постоянной фиксацией прогресса или регресса проектных показателей. Инвестор (государство в лице исполнительной власти) получает точный инструмент контроля и планирования собственных задач, имея под рукой четкое состояние реализации всех реализуемых проектов в разрезе фиксированных фаз и стадий жизненного цикла.

Рис. 2. Типовая схема жизненного цикла проекта.

Источник: проект национального стандарта РФ «Жизненный цикл объекта моделирования и информационной модели», рабочая группа ОЦКС Росатома, входящего в ТК 505

Рассматривая строительную отрасль, играющую весомую роль в формировании экономики любого государства, понимаем, что трансграничные деловые проекты одновременно несут в себе задачи развития сразу нескольких государств. Поэтому повышение эффективности реализации таких проектов является актуальной задачей менеджмента отрасли. Представленные выше системные модели управления и методика выявления и оценки проектных рисков создают условия для формирования и развития концепции умного (цифрового) города на основе системного подхода [19, с. 23]. Будут создаваться развитые информационные модели объектов капитального строительства, несущие в себе всю историю принятых проектных решений, фактологию примененных материалов, основания для ввода в эксплуатацию, что явным образом будет отличать подход от точечного пополнения разными информационными моделями построенных зданий – синоним сменяющего документо-ориентированного подхода управления проектом на дата-ориентированный [20, с. 2675].

Активное развитие технологий искусственного интеллекта в области цифровых двойников [21, с. 29], возможности использования нейронных сетей [22, с. 17; 23, с. 2348] открывают путь к выделению функционала цифрового помощника руководителя проекта в строительстве, представленного в разрезе проектных фаз в таблице.

Функционал цифрового помощника в разрезе проектных фаз

Фазы	Функционал цифрового помощника
Предынвестиционная	Поиск земельных участков по цифровым источникам государственных органов и коммерческих торгов; формирование перечня участков в соответствии с предварительным анализом информации (вид и статус правообладателя, вид разрешенного использования земельного участка, наличие и характеристика инженерных сетей, визуальное обследование по имеющимся фотоматериалам, наличие исходных градостроительных документов и т.д.); сбор данных по анализу конкурентной среды с целью уточнения проектных рисков; определение основных показателей проекта, которых можно максимально достигнуть на данном земельном участке; разработка вариантов предварительных концептуальных решений; подготовка бизнес-плана под одно из решений в нескольких вариантах его реализации (пессимистичный, реалистичный и оптимистичный)
Инвестиционная	Ведение документооборота и подписание смарт-контрактов; проведение тендеров на выбор исполнителей на основе автоматического формирования технического задания по параметрам информационной модели; проведение проверок информационной модели на наличие технических ошибок; контроль графика и бюджета проекта; контроль хода строительно-монтажных работ; ведение бухгалтерского и управленческого учета
Постинвестиционная	Контроль выполнения регламентных работ; контроль состояния склада запасных деталей и инструмента

Источник: разработано авторами.

Обширный перечень проектных задач, возможных к переводу в цифровой нейросетевой контроль и управление, интегрируется в дуализм интеграционной шины управления. Применение цифрового помощника на основе нейронных сетей позволит сократить сроки и затраты на выполнение проектных задач, избавляя человека от рутинных операций сбора, проверки и контроля информации, что неизбежно приведет к комплексной оптимизации. При этом автоматически создаются условия для преодоления проблемы недостатка квалифицированных управленческих кадров в строительстве [24, с. 86] и повышения уровня цифровой зрелости в соответствии с национальной целью «Цифровая трансформация»¹.

Рассмотрим пример подготовки управленческого решения при прохождении усиленной точки принятия решения при завершении стадии разработки проектной документации для комплекса коммерческих зданий в России, выполненной проектировщиком из Китая при финансировании инвесторами из Индии и России. На рис. 3 представлен факторный анализ методов оценки проектных рисков при документо-ориентированном и дата-ориентированном подходах на основе интеграционной шины управления.

Рис. 3. Факторный анализ методов оценки основных проектных рисков при документо-ориентированном и дата-ориентированном подходах.

Источник: разработано авторами

Применим следующую формулу факторного анализа для оценки совокупного риска принятия управленческого решения:

$$\text{Совокупный риск} = \sum_1^i T_i \times Ур_i, \quad (1)$$

где T_i – точность метода оценки i -го проектного риска; $Ур_i$ – вероятность неадекватности i -го метода оценки риска.

¹ Распоряжение Правительства РФ от 27.12.2021 № 3883-р (ред. от 13.10.2022) «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации строительной отрасли, городского и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации до 2030 года».

Предположим, что точность экспертной оценки и цифровой равны, а вероятность неработоспособности обратно пропорциональна количеству возможных методов оценки проектных рисков:

$$\text{Совокупный риск при док. подходе} = \frac{1}{1} + \frac{1}{1} + \frac{1}{1} + \frac{1}{1} = 4, \quad (2)$$

$$\text{Совокупный риск при дат. подходе} = \frac{1}{3} + \frac{1}{3} + \frac{1}{3} + \frac{1}{3} = \frac{4}{3}. \quad (3)$$

В итоге получаем, что совокупный риск при использовании дата-ориентированного подхода в три раза ниже, чем при использовании документо-ориентированного. Приведенный упрощенный пример показывает, что внедрение интеграционной шины управления качественно улучшает уровень подготовки предиктивного управленческого решения в условиях трансграничного нахождения участников проекта.

Главным сдерживающим фактором внедрения такого инструмента является общий низкий уровень зрелого перехода на технологии информационного моделирования, как следствие – невозможность выделения необходимых цифровых данных, которые станут исходными для работы любой нейронной сети. При этом существуют примеры отдельных разработок по отдельным задачам, показывающие повышение эффективности, сокращение сроков выполнения отдельных задач с экономией бюджета фонда оплаты труда [25, с. 15; 26, с. 7847; 27, с. 2592]. Обязательный переход на использование технологий информационного моделирования в Российской Федерации в 2024 г. формирует потенциал развития данной технологии: с одной стороны, компании активно внедряют локальные цифровые решения, с другой – высказывают общий страх от отсутствия гарантированного эффекта [28, с. 38]. Необходимо провести оценку функционирования предлагаемой системной модели с использованием эконометрических методов в экономике и доказать, что используемый системный подход позволит преодолеть все выявленные недостатки и не допустить появления новых существенных проблем, снижающих эффективность менеджмента.

Вопрос появления цифрового помощника однозначно решен [29, с. 454], следовательно, для его наделения возможностью принимать цифровые управленческие решения в области управления проектом необходимо определить ответственность таких решений. Нейронная сеть после прохождения обучения является условно аттестованной для работы с проектными показателями интеграционной шины управления. Руководитель проекта своим решением передает ей управление какой-либо задачей, однако это не означает, что руководитель проекта передает и ответственность. Во избежание возможных споров следует вводить модель управления многоаспектностью проектных задач на основе комплексного применения нейронных сетей и разработки целевых оценочных индикаторов в едином информационном пространстве с целью повышения производительности труда в строительстве. Модель должна выделить задачи, поручаемые цифровому помощнику, и определить точки контроля таких цифровых управленческих решений. Во-первых, с таким решением должен быть согласен исполнитель или контрагент, т.е. он должен подтвердить в системе, что принимает то или иное

замечание или приступает к выполнению задачи в рамках собственных обязательств. Во-вторых, данное решение должно проходить через общую защиту – механизм сквозного мониторинга и контроллинга проектных рисков, в которой предусмотрена специализированная модель оценки функционирования системной модели трансграничного строительства и принятия решения.

Чаще применение нейронных сетей в управлении строительным проектом будет относиться к подготовке управленческого решения, которое обязательно рассмотрит руководитель проекта, при необходимости скорректирует параметры для повторного пересчета показателей проекта или согласует данное решение, пропустив через призму собственной оценки, основанной на профессиональном опыте, возложенной ответственности и личном понимании ценности проекта для компании. Нейронные сети через отдельные модели внешнего контроля смогут быть интегрированы с интеграционной шиной управления и активно помогать государству и банковскому сектору следить за усиленными точками принятия решений, понимая темпы завершения основных стадий жизненного цикла, и в будущем будут автоматически открывать финансирование определенных этапов по аналогии с текущей работой кредитного скоринга [30, с. 19]. Следует выделить управленческий инструментарий нейросетевых технологий в отдельную модель развития инновационных методов управления проектами с целью поиска возможностей повышения производительности труда.

Заключение

В статье вводится понятие интеграционной шины управления в менеджменте, являющейся основой новой, цифровой, многоуровневой, концептуальной модели управления трансграничным проектом, включающей отдельные модели управления, механизмы управления, мониторинга и контроллинга, инструменты контроля, методiku, основанную на использовании интеграционной шины управления, позволяющей проводить всестороннюю, сквозную оптимизацию проектных рисков и подготавливать предиктивные управленческие решения. Использование технологий информационного моделирования, цифрового двойника, нейросетей дает возможность организовать управление многоаспектностью проектных задач в едином информационном пространстве в связке всех заинтересованных участников проекта. Повышение эффективности реализации проектной деятельности станет следствием использования предложенной модели, устраняющей все основные выявленные недостатки существующих концептуальных моделей управления и недостатки использования существующих методов управления проектными рисками при выполнении оценки ее функционирования с использованием эконометрических методов. Показаны широкие возможности применения предложенной системной модели управления в различных отраслях, в особенности при продолжении роста ряда эволюционирующих технологий, входящих в общий успех цифрового прогресса.

Распространяя выработанный универсальный подход на область трансграничного строительства, показана работа модели управления девелоперским проектом с использованием интеграционной шины управления от подмодели «Определение показателей трансграничного рынка» к взаимосвязи и корреляции с подмоделями проектных стадий жизненного цикла с введением нейросетевых технологий для подготовки и принятия управленческих решений. При этом устраняется универсальность управленческих решений путем мотивации на постоянный поиск оптимального по стоимости или времени реализации решения с повышением ответственности лица, принимающего данное решение. Единое информационное пространство позволяет комплексно улучшить взаимодействие всех участников проекта на всех стадиях, что минимизирует технические ошибки. Предлагаемое введение роли цифрового помощника, основанного на нейронных сетях и иных инструментах машинного обучения, позволит избавить команду проекта от рутинных процедур и акцентировать все человеческое внимание на качестве управленческих решений в части предложенных точек принятия решения и усиленных точек принятия решения, что составляет основу методики выявления и оценки проектных рисков.

Предлагаемые принципы принятия управленческих решений на базе концепции пятой промышленной революции формируют потенциал развития новой концептуальной модели управления проектами в трансграничном строительстве, основанной на модели-ориентированном и дата-центричном системных подходах, что позволит повысить цифровую зрелость компании для возможности принятия предикативных ценностно-ориентированных управленческих решений с учетом риск-менеджмента. Актуальность данной задачи подтверждается словами заместителя министра строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ К.А. Михайликом¹ с учетом развития новой парадигмы социально-экономического развития – платформенной экономики [31, с. 4]. В дальнейшем планируется развить и детализировать работу концептуальной модели управления и показать эффективность ее внедрения на основе эконометрических методов.

Список источников

1. Hayes S. Complex Project Management Global Perspectives and the Strategic Agenda to 2025. The task force report. International centre for complex project management. 2012. URL: <https://www.pc.gov.au/inquiries/completed/infrastructure/submissions/submissions-test/submission-counter/sub105-infrastructure-attachment1.pdf> (дата обращения: 21.12.2023).
2. PPM Express. Top 65+ project management statistics for 2023. URL: <https://ppm.express/blog/project-management-statistics/> (дата обращения: 21.12.2023).

---

¹ Строимпросто. (2023). Искусственный интеллект поможет заместить недостающих специалистов в стройотрасли. URL: [https://stroimprosto-msk.ru/news/iskusstvennyj-intellect-pomozhet-zamestit-nedostayushchih-specialistov-v-strojotrasli/](https://stroimprосто-msk.ru/news/iskusstvennyj-intellect-pomozhet-zamestit-nedostayushchih-specialistov-v-strojotrasli/) (дата обращения: 26.12.2023).

3. Морковкин Д.Е., Строев П.В., Кондратенко М.А. Современные инструменты финансирования трансграничных инвестиционных проектов как источник долгосрочного экономического развития // Экономические отношения. 2020. Т. 10, № 4. С. 1211–1228.
4. Воронаев В.И., Гельруд Я.Д. Математические модели проектного управления для заинтересованных сторон : XII Всероссийское совещание по проблемам управления ВСПУ-2014, Москва, 16–19 июля 2014 года. М. : Институт проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН, 2014. С. 8278–8289.
5. Воронаев В.И., Гельруд Я.Д., Клименко О.А. Функциональные модели управления проектной деятельностью для разных заинтересованных сторон // Управление проектами и программы. 2014. № 4. С. 266–278.
6. Модели управления портфелем проектов в условиях неопределенности : научное издание / В.М. Аньшин [и др.]. М. : Изд. центр МАТИ, 2008. 191 с.
7. Верецагин В.В. Управление рисками в условиях применения технологий информационного моделирования строительных объектов: особенности и возможности // Проблемы анализа риска. 2020. Т. 17, № 3. С. 56–65.
8. Jauhar S.K., Priyadarshini S., Pratap S. et al. A literature review on applications of Industry 4.0 in Project Management // Oper Manag Res. 2023. Vol. 16. P. 1858–1885. doi: 10.1007/s12063-023-00403-x
9. Georgescu I. Machine learning helps control tokamak plasmas // Nat Rev Phys. 2022. Vol. 4. doi: 10.1038/s42254-022-00434-6
10. Stanford University. Artificial Intelligence Index Report 2023. 386 p. URL: <https://ai-index.stanford.edu/report/> (дата обращения: 10.01.2024).
11. Воронаев В.И., Секлетова Г.И., Воронаева-Кэйтс М.В. Системная модель управления проектами как основа структуризации профессиональных знаний и компетентности специалистов // Управление проектами и программы. 2006. № 4. С. 304–317.
12. Иванов В.В., Кузнецов Е.А. Системная модель управления проектными рисками в трансграничном строительстве // Менеджмент в России и за рубежом. 2023. № 3. С. 63–72.
13. Donald W.E. Application of Career Ecosystems Theory and the New Psychological Contract to the Field of Project Management: Toward a Conceptual Model // Project Management Journal. 2023. Vol. 54 (1). P. 7–18. doi: 10.1177/87569728221118873
14. Иванов В.В., Хан О.К. Управленческий учет для эффективного менеджмента. М. : ИНФРА-М, 2015. 208 с.
15. Королев В.И., Королева Е.Н. Внешнеторговый менеджмент: содержание и инструменты // Российский внешнеэкономический вестник. 2015. № 1. С. 94–103.
16. Kerzner H., Saladis F.P. Value-driven Project Management. John Wiley & Sons, Inc., 2009. 291 p.
17. Гельруд Я.Д. Методология создания информационно-аналитической системы управления проектами на основе комплекса математических моделей функционирования стейкхолдеров : автореф. дис. ... д-ра техн. наук. Челябинск, 2015. 43 с.
18. Прохоров А., Лысачев М., Боровков А. Цифровой двойник. Анализ, тренды, мировой опыт. Издание первое, исправленное и дополненное. М. : АльянсПринт, 2020. 401 с.
19. Ильина О.Н. Системный подход к управлению проектами в организации. М. : Креативная экономика, 2012. 208 с.
20. Karaboga T., Zehir C., Tatoglu E. et al. Big data analytics management capability and firm performance: the mediating role of data-driven culture // Rev Manag Sci. 2023. Vol. 17. P. 2655–2684. doi: 10.1007/s11846-022-00596-8
21. Xu X., Zou P.X.W. System dynamics analytical modeling approach for construction project management research: A critical review and future directions // Front. Eng. Manag. 2021. Vol. 8. P. 17–31. doi: 10.1007/s42524-019-0091-7
22. Obiany J.I., Udeala R.C., Alaneme G.U. Application of neural networks and neuro-fuzzy models in construction scheduling // Sci Rep. 2023. Vol. 13. Art. No. 8199. P. 1–23. doi: 10.1038/s41598-023-35445-5

23. Yu F., Chen X., Cory C.A. et al. An Active Construction Dynamic Schedule Management Model: Using the Fuzzy Earned Value Management and BP Neural Network // KSCE J Civ Eng, 2021. Vol. 25. P. 2335–2349. doi: 10.1007/s12205-021-1041-6
24. Приходько А.Н., Егорова М.С. Особенности развития управленческих кадров в строительстве. Теория и практика управления в строительстве : темат. сб. науч. тр. Вып. 7 / под общ. ред. А.А. Петрова. СПб., 2019. 132 с.
25. Oliveira B.A.S., Neto A.P.d.F., Fernandino R.M.A. et al. Automated construction management platform with image analysis using deep learning neural networks // Multimed Tools Appl. 2023. P. 1–19. doi: 10.1007/s11042-023-16623-z
26. Shen T., Nagai Y., Gao C. Design of building construction safety prediction model based on optimized BP neural network algorithm // Soft Comput. 2020. Vol. 24. P. 7839–7850. doi: 10.1007/s00500-019-03917-4
27. Al-Mnaseer R., Al-Smadi S., Al-Bdour H. Machine learning-aided time and cost overrun prediction in construction projects: application of artificial neural network // Asian J Civ Eng. 2023. Vol. 24. P. 2583–2593. doi: 10.1007/s42107-023-00665-7
28. АО «Стратеджи Партнерс Групп» // Приоритеты цифровизации российских девелоперских и строительных компаний. 2023. 44 с.
29. Lins S., Pandl K.D., Teigeler H. et al. Artificial Intelligence as a Service // Bus Inf Syst Eng. 2021. Vol. 63. P. 441–456. doi: 10.1007/s12599-021-00708-w
30. Зуева О.А. Управление кредитным риском при кредитовании по кредитной линии : автореф. дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2007. 20 с.
31. Абдрахманова Г.И., Гохберг Л.М., Демьянова А.В. и др. Платформенная экономика в России: потенциал развития : аналитический доклад национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». М. : ИСИЭЗ ВШЭ, 2023. 72 с.

References

1. Hayes, S. (2012) *Complex Project Management Global Perspectives and the Strategic Agenda to 2025. The task force report*. International Centre for Complex Project Management. [Online] Available from: <https://www.pc.gov.au/inquiries/completed/infrastructure/submissions/submissions-test/submission-counter/sub105-infrastructure-attachment1.pdf> (Accessed: 21.12.2023).
2. PPM Express. (2023) *Top 65+ project management statistics for 2023*. [Online] Available from: <https://ppm.express/blog/project-management-statistics/> (Accessed: 21.12.2023).
3. Morkovkin, D.E., Stroev, P.V. & Kondratenko, M.A. (2020) Sovremennye instrumenty finansirovaniya transgranichnykh investitsionnykh projektov kak istochnik dolgosrochnogo ekonomicheskogo razvitiya [Modern instruments for financing cross-border investment projects as a source of long-term economic development]. *Ekonomicheskie otnosheniya*. 10 (4). pp. 1211–1228.
4. Voropaev, V.I. & Gul'rud, Ya.D. (2014) *Matematicheskie modeli projektogo upravleniya dlya zainteresovannykh storon: XII vserossiyskoe soveshchanie po problemam upravleniya VSPU-2014, Moskva, 16–19 iyulya 2014 goda* [Mathematical models of project management for stakeholders: XII all-Russian meeting on management problems VSPU-2014, Moscow, July 16–19, 2014]. Moscow: Institute of Management Problems named after V.A. Trapeznikov, RAS. pp. 8278–8289.
5. Voropaev, V.I., Gul'rud, Ya.D. & Klimenko, O.A. (2014) Funktsional'nye modeli upravleniya projektovoy deyatel'nost'yu dlya raznykh zainteresovannykh storon [Functional models of project management for different stakeholders]. *Upravlenie projektami i programmami*. 4. pp. 266–278.
6. An'shin, V.M. et al. (2008) *Modeli upravleniya portfelem projektov v usloviyakh neopredelennosti* [Project portfolio management models under conditions of uncertainty: scientific publication]. Moscow: Izd. tsentr MATI.

7. Vereshchagin, V.V. (2020) Upravlenie riskami v usloviyakh primeneniya tekhnologiy informatsionnogo modelirovaniya stroitel'nykh ob"ektov: osobennosti i vozmozhnosti [Risk management in the conditions of application of technologies for information modeling of construction projects: features and opportunities]. *Problemy analiza riska*. 17 (3). pp. 56–65.
8. Jauhar, S.K. et al. (2023) A literature review on applications of Industry 4.0 in Project Management. *Oper Manag Res*. 16. pp. 1858–1885. doi: 10.1007/s12063-023-00403-x
9. Georgescu, I. (2022) Machine learning helps control tokamak plasmas. *Nat Rev Phys*. 4. pp. 148. doi: 10.1038/s42254-022-00434-6
10. Stanford University. (2023) *Artificial Intelligence Index Report 2023*. [Online] Available from: <https://aiindex.stanford.edu/report/> (Accessed: 10.01.2024).
11. Voropaev, V.I., Sekletova, G.I. & Voropaeva-Keys, M.V. (2006) Sistemnaya model' upravleniya proektami kak osnova strukturizatsii professional'nykh znaniy i kompetentnosti spetsialistov [Systemic model of project management as the basis for structuring specialists' professional knowledge and competence]. *Upravlenie proektami i programmami*. 4. pp. 304–317.
12. Ivanov, V.V. & Kuznetsov, E.A. (2023) Sistemnaya model' upravleniya proektnymi riskami v transgranichnom stroitel'stve [Systemic model of project risk management in cross-border construction]. *Menedzhment v Rossii i za rubezhom*. 3. pp. 63–72.
13. Donald, W.E. (2023) Application of Career Ecosystems Theory and the New Psychological Contract to the Field of Project Management: Toward a Conceptual Model. *Project Management Journal*. 54 (1). pp. 7–18. doi: 10.1177/87569728221118873
14. Ivanov, V.V. & Khan, O.K. (2015) *Upravlencheskiy uchet dlya effektivnogo menedzhmenta* [Management accounting for effective management]. Moscow: INFRA-M.
15. Korolev, V.I. & Koroleva, E.N. (2015) Vneshnetorgovyy menedzhment: sodержanie i instrumenty [Foreign trade management: content and tools]. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskiy vestnik*. 1. pp. 94–103.
16. Kerzner, H. & Saladis, F.P. (2009) *Value-driven Project Management*. John Wiley & Sons, Inc.
17. Gel'rud, Ya.D. (2015) *Metodologiya sozdaniya informatsionno-analiticheskoy sistemy upravleniya proektami na osnove kompleksa matematicheskikh modeley funktsionirovaniya steykholderov* [Methodology for creating an information and analytical project management system based on a set of mathematical models of stakeholders' functioning]. Abstract of Engineering Dr. Diss. Chelyabinsk.
18. Prokhorov, A., Lysachev, M. & Borovkov, A. (2020) *Tsifrovoy dvoynik. Analiz, trendy, mirovoy opyt* [Digital twin. Analysis, trends, world experience]. 1st ed. Moscow: Al'yansPrint.
19. Il'ina, O.N. (2012) *Sistemnyy podkhod k upravleniyu proektami v organizatsii* [A systematic approach to project management in an organization]. Moscow: Kreativnaya ekonomika.
20. Karaboga, T. et al. (2023) Big data analytics management capability and firm performance: the mediating role of data-driven culture. *Rev Manag Sci*. 17. pp. 2655–2684. doi: 10.1007/s11846-022-00596-8
21. Xu, X. & Zou, P.X.W. (2021) System dynamics analytical modeling approach for construction project management research: A critical review and future directions. *Front. Eng. Manag*. 8. pp. 17–31. doi: 10.1007/s42524-019-0091-7
22. Obiany, J.I., Udeala, R.C. & Alaneme, G.U. (2023) Application of neural networks and neuro-fuzzy models in construction scheduling. *Sci Rep*. 13. Art. No. 8199. pp. 1–23. doi: 10.1038/s41598-023-35445-5
23. Yu, F. et al. (2021) An Active Construction Dynamic Schedule Management Model: Using the Fuzzy Earned Value Management and BP Neural Network. *KSCE J Civ Eng*, 25. pp. 2335–2349. doi: 10.1007/s12205-021-1041-6
24. Prikhod'ko, A.N. & Egorova, M.S. (2019) *Osobennosti razvitiya upravlencheskikh kadrov v stroitel'stve. Teoriya i praktika upravleniya v stroitel'stve* [Features of the

development of management personnel in construction. Theory and practice of management in construction]. Vol. 7. Saint Petersburg: [s.n.].

25. Oliveira, B.A.S. et al. (2023) Automated construction management platform with image analysis using deep learning neural networks. *Multimed Tools Appl.* pp. 1–19. doi: 10.1007/s11042-023-16623-z

26. Shen, T., Nagai, Y. & Gao, C. (2020) Design of building construction safety prediction model based on optimized BP neural network algorithm. *Soft Comput.* 24. pp. 7839–7850. doi: 10.1007/s00500-019-03917-4

27. Al mnaseer, R., Al-Smadi, S. & Al-Bdour, H. (2023) Machine learning-aided time and cost overrun prediction in construction projects: application of artificial neural network. *Asian J Civ Eng.* 24. pp. 2583–2593. doi: 10.1007/s42107-023-00665-7

28. Strategy Partners. (2023) Prioritety tsifrovizatsii rossiyskikh developerskikh i stroitel'nykh kompaniy [Priorities of digitalization of Russian development and construction companies]. [Online] Available from: <https://strategy.ru/research/research/39>

29. Lins, S. et al. (2021) Artificial Intelligence as a Service. *Bus Inf Syst Eng.* 63. pp. 441–456. doi: 10.1007/s12599-021-00708-w

30. Zueva, O.A. (2007) *Upravlenie kreditnym riskom pri kreditovanii po kreditnoy linii* [Credit risk management when lending under a credit line]. Abstract of Economics Cand. Diss. Saint Petersburg.

31. Abdrakhmanova, G.I. et al. (2023) *Platformennaya ekonomika v Rossii: potentsial razvitiya: analiticheskiy doklad natsional'nogo issledovatel'skogo universiteta "Vysshaya shkola ekonomiki"* [Platform economy in Russia: development potential: analytical report of the National Research University Higher School of Economics]. Moscow: ISSEK HSE.

Информация об авторах:

Кузнецов Е.А. – аспирант, Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации (Москва, Россия). E-mail: uman_z@mail.ru

Иванов В.В. – доктор экономических наук, профессор, Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации (Москва, Россия). E-mail: vivanov13@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.A. Kuznetsov, postgraduate student, All-Russian Academy of Foreign Trade of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: uman_z@mail.ru

V.V. Ivanov, Dr. Sci. (Economics), professor, All-Russian Academy of Foreign Trade of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: vivanov13@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 05.02.2024;
одобрена после рецензирования 02.05.2024; принята к публикации 16.05.2024.*

*The article was submitted 05.02.2024;
approved after reviewing 02.05.2024; accepted for publication 16.05.2024*

Отраслевая экономика

Научная статья

УДК 665.71

doi: 10.17223/19988648/66/19

Поиск эффективных способов монетизации добываемого в России природного газа

Дмитрий Олегович Лебедев¹, Ирина Александровна Лиман²

^{1,2} Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

¹ lbdvdns@mail.ru

² lbdvdns@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются возможные способы российских нефтегазовых компаний по монетизации добываемого природного газа и диверсификации каналов сбыта. С 2022 г. отмечается снижение экономической эффективности освоения газовых и газоконденсатных месторождений Арктической зоны Российской Федерации. Корневые причины – ограничение поставок в западные страны, введение механизмов регулирования стоимости углеводородов, нарушение логистических цепочек и отсутствие предпосылок роста внутреннего спроса. Стоящие перед нефтегазовыми компаниями на текущий момент вызовы требуют комплексных решений. Актуальными вызовами являются повышение ценности добываемых углеводородов и диверсификация способов реализации. Рассмотрены направления сдачи газа в ЕСГ, использования в качестве топлива и сырья для генерации электроэнергии, газохимии. В условиях отсутствия рынка сбыта вблизи автономных месторождений наиболее перспективным направлением является глубокая переработка газа с получением продуктов с высокой добавленной стоимостью. Увеличение уровня переработки добываемого на месторождениях углеводородного сырья выступает драйвером повышения добавочной стоимости реализуемой продукции. Основным сырьем для глубокой переработки является подготовленный до товарных качеств природный газ. На текущий момент его использование в качестве газохимического сырья не превышает 3,7%. Глубокая переработка газа характеризуется высоким потреблением добываемого сырья и доступом к ряду отечественных лицензиаров технологий и производителей оборудования. Альтернативным вариантом является микробиологический синтез белка из углеводородов. Предпосылкой развития данного направления становится растущий спрос на продукты питания по причине увеличения населения Земли. В работе приведена технико-экономическая оценка синтеза кормового белка из газа на автономных месторождениях севера Западной Сибири. По результатам сравнения вариантов по содержанию белка в конечном продукте, компонентному составу и удельной стоимости лучшими характеристиками обладает белок из углеводородов. Основной процесс при производстве – ферментация, оборудование – ферментатор. Наиболее современная технология предполагает использование петлевой конструкции, лицензиаром технологии является компания UniBio (Дания). Среди потребителей кормового белка выделяют производителей кормов, крупные животноводческие и птицеводческие комплексы, рыбо-

водческие хозяйства. Исследования гаприна подтвердили безопасность применения его в качестве кормовой добавки. Реализация проектов глубокой переработки газа позволит укрепить стабильность нефтегазовых компаний в условиях высокой волатильности рынка.

Ключевые слова: природный газ, диверсификация каналов сбыта, повышение добавочной стоимости, глубокая переработка газа, монетизация, гапрын, биопротеин, микробиологический синтез, автономное месторождение

Для цитирования: Лебедев Д.О., Лиман И.А. Поиск эффективных способов монетизации добываемого в России природного газа // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2024. № 66. С. 297–310. doi: 10.17223/19988648/66/19

Branch economy

Original article

Search for an effective method to monetize the natural gas produced in Russia

Dmitriy O. Lebedev¹, Irina A. Liman²

^{1,2} *University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation*

^{1,2} *lbvdns@mail.ru*

Abstract. The article discusses possible ways for Russian oil and gas companies to monetize the produced natural gas and diversify sales channels. Since 2022, there has been a decline in the economic efficiency of the development of gas and gas condensate fields in the Arctic zone of the Russian Federation. The root causes are the restriction of supplies to Western countries, the introduction of mechanisms to regulate the cost of hydrocarbons, the disruption of logistics chains, and the lack of prerequisites for the growth of domestic demand. The challenges currently facing oil and gas companies require comprehensive solutions. The actual challenges are increasing the value of produced hydrocarbons and diversification of sales methods. We consider the directions of gas delivery to the UGSS, its use as a fuel and raw material for power generation and gas chemistry. In the absence of a sales market near the autonomous fields, the most promising direction is deep processing of gas to produce products with high added value. Increasing the level of processing of hydrocarbon raw materials extracted from the fields is a driver for increasing the added value of the products sold. The main raw material for deep processing is natural gas prepared to marketable quality. Currently, its utilization as a gas chemical feedstock does not exceed 3.7%. Deep gas processing is characterized by high consumption of produced feedstock and access to a number of domestic technology licensors and equipment manufacturers. An alternative option is microbiological synthesis of protein from hydrocarbons. The prerequisite for the development of this direction is the growing demand for food products due to the increasing population of the Earth. The article presents a technical and economic evaluation of synthesis of feed protein from gas at autonomous fields in the north of Western Siberia. According to the results of a comparison of variants by protein content in the final product, component composition and specific cost, protein from hydrocarbons has the best characteristics. The main process of production is fermentation, and the equipment is a

fermenter. The most modern technology involves the use of loop construction, the licensor of the technology is UniBio (Denmark). Among the consumers of feed protein are feed manufacturers, large livestock and poultry farms, fish farms. Studies of gaprin have confirmed the safety of its use as a feed additive. The implementation of deep gas processing projects will strengthen the stability of oil and gas companies in conditions of high market volatility.

Keywords: natural gas, diversification of distribution channels, added value increase, gas processing, monetization, bioprotein, gaprin, microbial synthesis, segregated field

For citation: Lebedev, D.O. & Liman, I.A. (2024) Search for an effective method to monetize the natural gas produced in Russia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 66. pp. 297–310. (In Russian). doi: 10.17223/19988648/66/19

Стратегические цели развития российских нефтегазовых компаний предполагают освоение ресурсной базы развитых и развивающихся нефтегазовых районов. Большинство открытых и разрабатываемых нефтяных месторождений характеризуется высоким содержанием в добываемом флюиде газа и других составляющих. В свою очередь, значительное количество открываемых в Западной Сибири месторождений является газовыми или газоконденсатными, а расположены они часто на значительном удалении от развитой инфраструктуры. Монетизация добываемых ресурсов и повышение их добавочной стоимости служат приоритетными направлениями освоения новых месторождений российскими ВИНКами.

Природный газ – один из экологически чистых ресурсов, теплота сгорания которого (41–49 МДж/кг) выше теплоты сгорания нефти (43–46 МДж/кг). Высокие показатели теплотворной способности природного газа связаны с низкой концентрацией в добываемом сырье примесей и высоким содержанием метана с теплотой сгорания около 50 МДж/кг. Эмиссия парниковых газов при применении природного газа ниже, чем у широко применяемых в стране и мире угля и нефти. Кроме того, Россия является лидером по запасам природного газа, по данным ОПЕК, их объем оценивается в более 50 трлн м³ [1].

В силу введенных ограничений, в том числе против ТЭК России, на поставки добываемых ресурсов и механизма регулирования ценового потолка [2, 3] нефтегазовые мейджоры осуществляют диверсификацию каналов сбыта и корректировку уровней добычи и сбыта производимой продукции в соответствии с прогнозируемым уровнем потребления. По итогам 2022 г. в силу снижения поставок газа в страны Западной Европы и незначительного роста внутреннего спроса добыча газа в России сократилась на 20%, а поставки в дальнее зарубежье – на 45% [4]. В ЕСГ возник профицит трубопроводного газа, по различным оценкам он составляет около 100 млрд м³ газа в годовом выражении.

Предпосылки возникновения профицита трубопроводного газа в ЕСГ Российской Федерации:

– ограничение поставок российских углеводородов в западные страны;

- введение санкций против российских высокотехнологичных и наукоемких производств;
- введение механизмов регулирования стоимости российских углеводородов и продуктов их передела;
- нарушение логистических цепочек и диверсии с разрушением объектов транспортной инфраструктуры (МГ Северный поток 1,2) [5];
- отсутствие предпосылок роста внутреннего спроса.

Стоящие перед нефтегазовыми компаниями на текущий момент вызовы требуют комплексных решений. В том числе необходимо решение вопросов замещения импортируемых технологий и оборудования отечественными аналогами, поиска альтернативных способов монетизации добываемых углеводородов и диверсификации каналов их сбыта. В стратегии большинства добывающих компаний данные направления включены как целевые.

Рассмотрим возможные способы монетизации добываемого природного газа. Наиболее актуальными на текущий момент являются следующие направления его реализации (рис. 1) [6]:

- сдача подготовленного до товарных качеств согласно СТО Газпром 089-2010 газа в ЕСГ (не выше цены, установленной ФАС, около 4,5 тыс. руб./тыс. м³);
- использование природного газа в качестве исходного сырья при генерации электроэнергии с помощью ГПЭС или ГТЭС;
- перевод газа в жидкое состояние (СПГ/СУГ) и его транспортировка конечному потребителю;
- применение газа в качестве моторного топлива (КПГ, СПБТ, ПБА и др.);
- глубокая переработка газа с получением продуктов с высокой добавленной стоимостью.

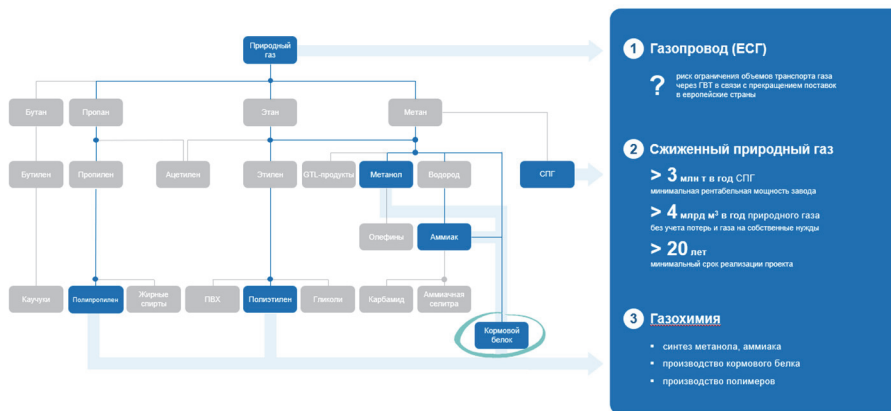

Рис. 1. Матрица вариантов монетизации природного газа

Среди перечисленных способов наиболее простым для реализации является сдача подготовленного газа (СОГ) в ЕСГ ПАО «Газпром». Однако для

увеличения объемов монетизации газа данным способом существуют потенциальные риски отказа от применения российского природного газа и отсутствие логистических цепочек в восточном направлении. Существующий проект МГ Сила Сибири-2, предполагающий строительство магистрального газопровода с севера Западной Сибири до КНР, не решит данную проблему в ближайшей перспективе, так как подключение месторождений произойдет не ранее 2040 г. [7].

Производство сжиженного природного газа (СПГ) характеризуется значительным потенциалом для развития проекта и гибкой логистикой. Наличие ограничений, а именно: отсутствие регионального потребителя, а также постоянного автомобильного и железнодорожного сообщения автономных месторождений с основными районами потребления и необходимость вывоза СПГ крупнотоннажными газовозами с осадкой более 10 м (осадка судов типа Yamalmax 11,8 м), не позволяет организовать производство на удаленных автономных месторождениях.

Генерация электроэнергии дает возможность монетизировать значительные объемы газа, но отсутствие регионального потребителя в районах Крайнего Севера и высокие капитальные вложения обуславливают низкие показатели эффективности данного направления.

Применение метана в качестве моторного топлива позволяет снизить транспортные затраты (ТЗР) при решении вопроса обеспечения топливом автономных месторождений. Возможность монетизации незначительных объемов природного газа по причине отсутствия регионального потребителя на автономных месторождениях является причиной низкой экономической эффективности данного направления.

Подробнее рассмотрим направления глубокой переработки газа, которое включает в себя использование и переработку газа по таким компонентам, как метан, этан, пропан, бутан и др.

Основным сырьем для глубокой переработки является подготовленный до товарных качеств природный газ. На текущий момент использование газа в качестве газохимического сырья не превышает 3,7%. Содержание метана в составе газа, добываемого на месторождениях Западной Сибири, превышает 85% [8].

Приоритетным направлением является газохимия метана, переработка которого представлена следующей линейкой продуктов:

- водород, получаемый как компонент синтез-газа при паровоздушной конверсии метана;
- метанол и продукты его передела, в т.ч. олефины и диметиловый эфир;
- аммиак и азотные удобрения, в т.ч. аммиачная селитра и карбамид;
- «синтетическая нефть» (технология GTL) и др.

Среди приоритетных направлений переработки этана выделяют производство базовых полимеров и гликолей.

Остальные компоненты природного газа используют при выделении конденсата и ШФЛУ, производстве СУГ и моторных топлив (ПА, ПБА,

СПБТ). Активно развивается направление выделения гелия и водорода из природного газа.

Альтернативным вариантом служит микробиологический синтез белка из углеводов. Предпосылкой развития данного направления является растущий спрос на продукты питания (рис. 2) по причине растущего населения Земли. По данным ООН, на текущий момент население планеты превысило отметку 8 млрд чел. [9]. Как следствие, происходит рост спроса на различные корма и добавки для животных и рыб, в т.ч. на кормовой белок, как основной компонент кормов (рис. 3).

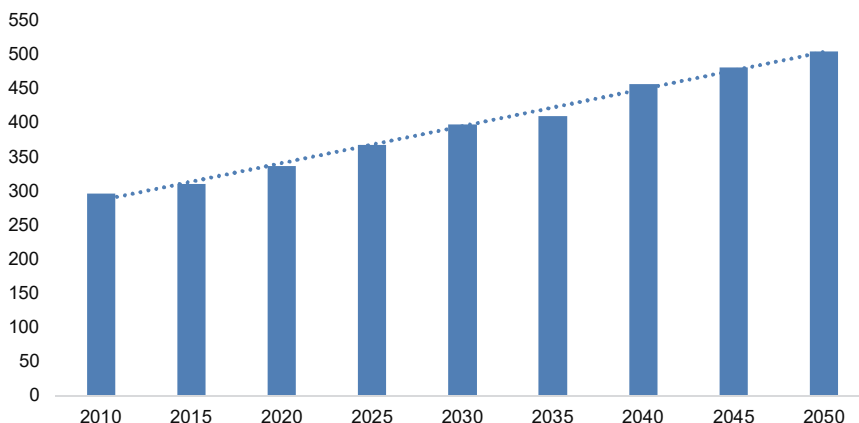

Рис. 2. Динамика мирового производство мяса, млн т

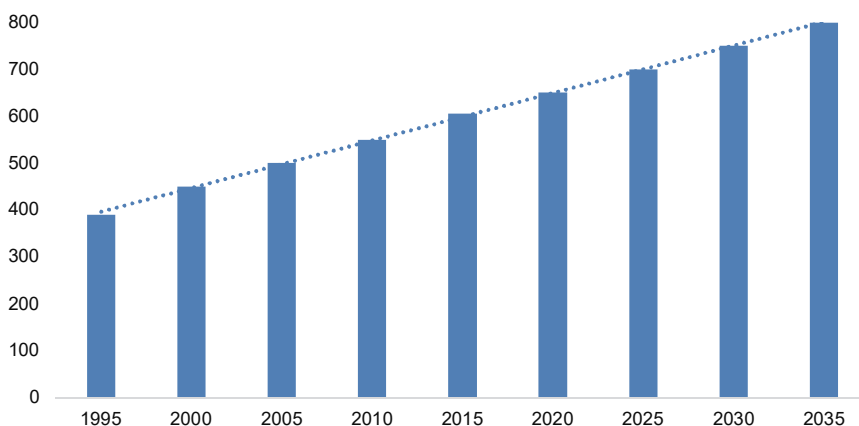

Рис. 3. Глобальный спрос на кормовой белок, млн т

Общие сведения по основным источникам кормового белка приведены в табл. 1.

Таблица 1. Основные источники кормового белка

Тип	Рыбная мука	Соевый шрот	Подсолнечный жмых	Биопротеин из углеводов
Описание	Сушка и перемол отходов переработки рыбы и отходов переработки морских продуктов	Сушка, измельчение и гидротермическая обработка бобов с последующей экстракцией масла, извлечение белка	Сушка, гидротермическая обработка семян с последующей экстракцией масла, извлечение белка	Микробиологический синтез белка из углеводов, сушка и гранулирование продукции
Содержание белка, %	60–65	50–55	32–38	72–75
Стоимость продукта, тыс. руб./т	137	92	59	120
Состав	Са, Р, Mg, К; аминокислоты: аргинин, валин, гистидин, метионин, лизин, треонин, фенилаланин, лейцин	Са, Р, Mg, К, S; аминокислоты: метионин, лизин, треонин, триптофан	Са, Р, Mg; аминокислоты: лизин, метионин, цистин, триптофан; витамины группы В	Са, Р; аминокислоты: аргинин, валин, гистидин, лизин, треонин, фенилаланин, лейцин; витамины группы В
Удельная стоимость белка, тыс. руб./т	219	174	167	160

По результатам сравнения вариантов по содержанию белка в конечном продукте, его компонентному составу и удельной стоимости лучшими характеристиками обладает производство белка из углеводов. Биопротеин из углеводов по содержанию белка (72–75%) сопоставим с рыбной мукой премиального качества, а его стоимость может конкурировать с менее привлекательными источниками белка растительного происхождения.

Исследования в данном направлении были начаты в середине 1960–1970-х гг. В 1980–1990-х гг. было построено несколько заводов. Биопротеин предполагалось производить из отходов нефтяной промышленности, природного газа и метанола. Общие сведения по проектам и заводам по производству биопротеина приведены в табл. 2.

В СССР существовали наработки по всем направлениям. По технологии синтеза белка из отходов нефтепереработки на территории СССР до 1994 г. действовало 8 заводов, производящих паприн [10].

На Светлоярском заводе БВК в период 1985–1994 гг. проводилось ОПИ по производству белка из газа. Считалось, что производство белка из газа более совершенно по технологии. За период проведения работ произвели около 40 тыс. т кормового белка из газа (гаприн). На сегодняшний день в России существует всего одно производство, основанное на технологии датской компании UniBio (завод Protelux, г. Ивангород, Ленинградская область, рис. 4) [11].

Таблица 2. Основные проекты по производству кормового белка

Исходное сырье	Газ	Нефтепродукты	Метанол
Проект / завод	Светлоярский завод БВК (ОПИ, 40 тыс. т за 1985–1994); протелюкс (6 тыс. т/год); Calysta (BP ventures, MITSUI & CO, 10 тыс. т/год). Перспективные проекты: Cargill (Calysta, 200 тыс. т/год, США); Core Protein (UniBio, 60 тыс. т/год, США); Gulf Biotech (UniBio, 6 тыс. т/год, Катар); Adisseo (Calysta, 100 тыс. т/год, Китай)	Кстовский завод БВК (70 тыс. т/год); Киришский БХЗ (70 тыс. т/год); Светлоярский завод БВК (240 тыс. т/год); Башкирский БХК (180 тыс. т/год); Новополоцкий завод БВК (60 тыс. т/год); Ангарский завод БВК (60 тыс. т/год); Кременчугский завод БВК (120 тыс. т/год); Мозырский завод кормовых дрожжей (300 тыс. т/год). Заводы не работают с 1994 г.	Imperial Chemical Industries (70 тыс. т/год, 1980 г., Великобритания, не работает)

Рис. 4. Завод по производству гаприна, Protelux, г. Ивангород, Ленинградская область

Технология получения гаприна была разработана ВНИИСинтезбелок и реализована на Светлоярском заводе БВК. Ключевой фазой его получения является ферментация. ООО «Гипробиосинтез» и ООО НТПК «Метаника» ориентированы на оптимизацию струйной технологии ВНИИСинтезбелок путем использования современных материалов, оборудования и снижения расхода энергии. Принципиальная схема производства кормового белка из газа приведена на рис. 5 [12].

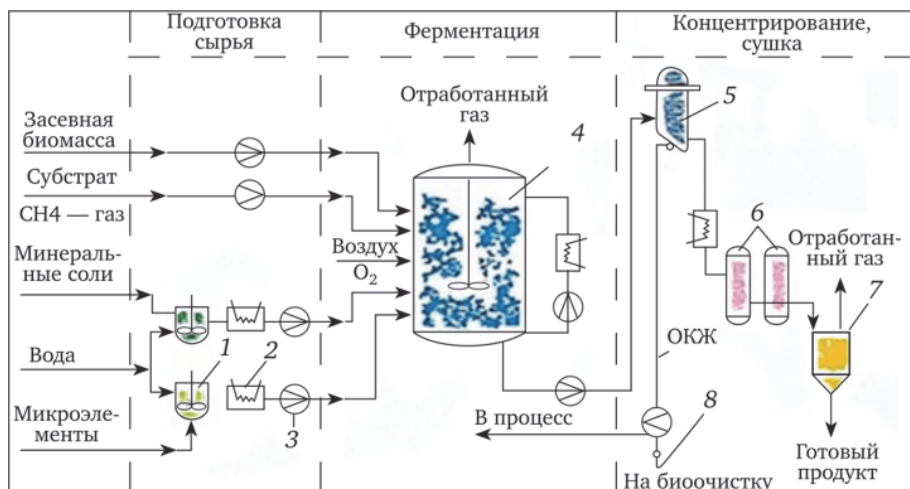

Рис. 5. Принципиальная схема производства гаприна:
 1 – смесители; 2 – теплообменники; 3 – насосы; 4 – биореактор; 5 – сепаратор;
 6 – выпарная установка; 7 – сушилка; 8 – гранулятор

Ключевым процессом при производстве гаприна является ферментация, оборудованием – ферментатор, конструкция которого определяет эффективность получения конечного продукта. Наиболее современная технология предполагает использование петлевой конструкции, лицензиаром технологии является компания UniBio (Дания). Основным технологический вызов заключается в поддержании оптимальных условий процесса ферментации (40–45 °С, 0,4 МПа).

Рост биомассы происходит при усвоении бактериями-метанотрофами метана, подаваемого в питательный раствор. Для его растворения в воде требуются реакторы, в которых создается равновесие между количеством метана в газовой и жидкой фазах. Ключевыми показателями эффективности процесса являются уровень конверсии метана (уровень его потребления) и количество выделяемого углекислого газа. Снижение количества метана в выходящей из ферментатора смеси газов и рост содержания углекислого газа характеризуют высокую эффективность процесса производства гаприна. В производстве используют различные штаммы бактерий-метанотрофов. Выбор определенного штамма сопряжен с анализом результатов их исследований и оценкой эффективности роста.

Исходным сырьем при производстве гаприна является природный или попутный нефтяной газ (не менее 90% метана), аммиак или аммиачная вода, содержащие фосфор, компоненты, воду и минеральные добавки, кислород из воздуха.

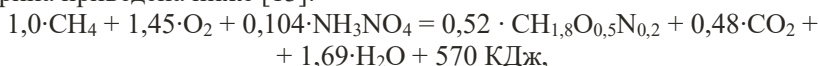
Метан и воздух подают в реактор и перемешивают с раствором, пока они не разделятся в свободном пространстве петли. Бактерии усваивают метан и необходимые компоненты, растут и увеличивают биомассу. Ее отделяют

от питательной среды, высушивают, гранулируют и упаковывают. Полученный продукт содержит 72–75% белка. Перечень основного оборудования для производства кормового белка из газа приведен в табл. 3.

Таблица 3. Перечень основного оборудования для производства гаприна

№	Процесс	Оборудование
1	Ферментация	Насосы подачи жидких компонентов питательной среды; нагнетатели природного газа и воздуха; ферментатор: биореактор и емкость-дегазатор
2	Отделение биомассы от питательной среды	Сепаратор; блок рецикла
3	Высушивание	Сушилка распылительная
4	Грануляция	Сборник отделенной биомассы; гранулятор
5	Упаковка	Насосы подачи жидких компонентов питательной среды; конвейер (транспортёр); упаковочное оборудование

Реакция материально-энергетического баланса процесса производства гаприна приведена ниже [13]:

где $(\text{CH}_{1,8}\text{O}_{0,5}\text{N}_{0,2})$ – упрощенная формула биомассы.

Согласно стехиометрическим коэффициентам реакции и показателям потребления электроэнергии основного технологического оборудования в табл. 4 приведен расход основных ресурсов, используемых при производстве 1 т биопротейна.

Таблица 4. Расход ресурсов при производстве 1 т гаприна

Вход			
№	Исходное сырье	Значение	Единица измерения
1	Природный газ	2 000	м ³
2	Нитрат аммония	100	кг
3	Кислород	2 500	м ³
4	Минеральные соли	1	кг
5	Ортофосфорная кислота	50	кг
6	Электричество	275	кВт·ч
Выход			
1	Гаприн	1 000	кг
2	Диоксид углерода (газ)	500	кг

Из результатов анализа расхода исходного сырья на 1 т гаприна следует вывод о возможности монетизации значительного объема природного газа. С учетом производства аммиака и генерации электроэнергии синтез 500 тыс. т микробиологического белка из газа в год потребляет около 1,1 млрд м³ природного газа. Применение направлений эффективного использования природного газа и повышения его стоимости за счет производ-

ства продуктов с высокой добавленной стоимостью позволит увеличить результативность новых автономных месторождений с низкой экономической эффективностью. Так, при стоимости газа (установлена ФАС) около 4 500 руб. за 1 тыс. м³ его продажа принесет около 4,95 млрд руб. В свою очередь, реализация произведенного из данного объема газа биопротеина при цене около 100 тыс. руб. за 1 т принесет около 50 млрд руб.

Структура капитальных и операционных затрат производства 500 тыс. т гаприна в год приведена на рис. 6.

Рис. 6. Структура капитальных и операционных затрат производства 500 тыс. т в год кормового белка из газа (биопротеина)

Основной объем капитальных вложений [13] при строительстве завода по производству гаприна приходится на технологическое и вспомогательное оборудование, его монтаж и пусконаладочные работы (до 50% от общего объема капитальных вложений). Среди операционных затрат 50% занимают затраты на исходные ресурсы и около 30% на доставку произведенного продукта до конечного потребителя (страны АТР). При расчете экономических показателей в стоимость биопротеина включены затраты на транспортировку продукции (около 10% от стоимости продукта).

Показатели эффективности производства 500 тыс. т гаприна в год приведены в табл. 5.

Таблица 5. КПЭ производства гаприна 500 тыс. т в год

№	Показатель	Значение	Единица измерения
1	Капитальные вложения	80,6	млрд руб.
2	Операционные затраты	254,8	млрд руб.
3	NPV	37,6	млрд руб.
4	PI	1,64	млрд руб.

Приведенные показатели характеризуют высокую эффективность производства кормового белка из газа, подтверждая гипотезу о возможности диверсификации продуктовой линейки нефтегазовых компаний и монетизации значительных (>0,5 млрд м³ в год) объемов природного газа.

Среди основных потребителей кормового белка (в т.ч. гаприна) выделяют производителей кормов (заводы по производству БВК, кормов и комбикормов), крупные животноводческие (свиньи, КРС) и птицеводческие комплексы, рыбоводческие хозяйства. Исследования гаприна подтвердили

его безопасность в качестве кормовой добавки. Это доказано применением гаприна в кормах для животных в Европе. Возможность использования белка из газа в кормах разрешено в Европейском союзе директивой 95/33/ЕС [14]. В 2020 г. компанией ООО «Гипробиосинтез» получено заключение № ПВР-2-41.20/03593 о регистрации кормовой добавки на основе гаприна под торговой маркой DreamFeed [15]. Это заключение подтверждает безопасность применения гаприна данной марки в кормах для животных, птицы и рыб.

Кроме того, производство гаприна соответствует Доктрине продовольственной безопасности РФ [16] и Стратегии развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов России на период до 2030 г. [17]. Производство кормового белка из газа обеспечит продовольственную безопасность страны по вопросу обеспечения внутреннего спроса на корма для животных и рыб, а также станет одним из механизмов решения вызовов по технологическому развитию сельского хозяйства и повышению объема отечественных кормов на внутреннем рынке.

Таким образом, реализация проектов по глубокой переработке газа позволит монетизировать значительные объемы газа и усилит устойчивость нефтегазовых компаний в условиях высокой волатильности рынков и изменения логистических цепочек.

Список источников

1. *Ахметов С.А., Мустафин И.А., Станкевич К.Е. и др.* Нефтегазовый комплекс России и мира: состояние и перспективы развития // Деловой журнал Neftegaz.RU. 2020. № 6 (102). С. 64–69.
2. *Мировой рынок газа: отказ ЕС от российского газа и перспективы развития альтернативной энергетики* // Деловой профиль. Расширяя горизонты. URL: <https://delprof.ru/press-center/open-analytics/mirovoy-gaz-na-urovne-180-evro-mvtch-s-vozmozhnostyu-otmeny/>.
3. *ЕС согласовал потолок цен на газ на уровне 180 евро/МВт·ч с возможностью отмены* // Neftegaz.RU. URL: <https://neftegaz.ru/news/gosreg/763451-es-soglasoval-potolok-tsen-na-gaz-na-urovne-180-evro-mvtch-s-vozmozhnostyu-otmeny/>.
4. *Газпром по итогам 11,5 месяцев 2022 г. снизил добычу газа на 19,6%, поставки в дальнее зарубежье – на 45,1%* // Neftegaz.RU. URL: <https://neftegaz.ru/news/companies/762947-gazprom-po-itogam-11-5-mesyatsev-2022-g-snizil-dobychu-gaza-na-19-6-postavki-v-dalnee-zarubezhe-na-4/>
5. *В Германии допустили, что утечка газа из МГП Северный поток стала результатом диверсии* // Neftegaz.RU. URL: <https://neftegaz.ru/news/politics/752327-v-germanii-dopustili-chto-utechka-gaza-iz-mgp-severnoy-potok-stala-rezultatом-diversii/>
6. *Вяткин Ю.Л., Лищинер И.И., Сеницын С.А., Кузьмин А.М.* Перспективные направления химической переработки углеводородного сырья // Деловой журнал Neftegaz.RU. 2020. № 4 (100). С. 114–118.
7. *Газпром предварительно определил трассировку МГП Сила Сибири-2* // Neftegaz.RU. URL: <https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/724605-gazprom-predvaritelno-opredelil-trassirovku-gazoprovoda-do-kitaya/>
8. *Новиков Д.А., Борисов Е.В., Черных А.В. и др.* Особенности состава газов залежей углеводородов арктического сектора Западной Сибири // Деловой журнал Neftegaz.RU. 2020. № 10 (106). С. 84–88.

9. Население Земли достигло 8 млрд человек // Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/society/481131-oon-soobsila-o-dostizenii-8-mlrd-ludej-naselenia-planety>
10. Производство белка в СССР. Взлет и падение отрасли // Newsland. URL: <https://newsland.com/post/7186981-proizvodstvo-belka-v-sssr-vzliot-i-padenie-otrasli>
11. ООО «Протелюкс» построит в Ленобласти завод по производству белка для комбикормов // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3126030>
12. Биотехнология получения микробиологического белка из биогаза // Studme.org. URL: https://m.studme.org/360794/tovarovedenie/biotehnologiya_polucheniya_mikrobiologicheskogo_belka_biogaza
13. Метапрын – белок из метана // Metaprin. URL: <https://metaprin.ru/>
14. Директива Европейского Парламента и Совета об общей безопасности продукции № 2001/95/ЕС от 03.12.2001 (Directive 2001/95/EC of the European Parliament and of the Council. of 3 December 2001. on general product safety)
15. ООО «ГИПРОБИОСИНТЕЗ» получило заключение от Россельхознадзора о регистрации кормовой добавки ДРИМФИД™ (DREAMFEED™) // GBS. URL: <https://gibios.ru/tpost/k1359vuvi1-ooo-giprobiosintez-poluchilo-zaklyucheni>
16. Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации: утверждена Указом Президента Российской Федерации № 20 от 21.01.2020.
17. Стратегия развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации на период до 2030 года: утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 08.09.2022 № 2567-р.

References

1. Akhmetov, S.A. et al. (2020) Neftegazovyy kompleks Rossii i mira: sostoyanie i perspektivy razvitiya [Oil and gas complex of Russia and the world: state and development prospects]. *Delovoy zhurnal Neftegaz.RU*. 6 (102). pp. 64–69.
2. Delovoy profil'. Rasshirayaya gorizonty [Business profile. Expanding horizons]. (n.d.) *Mirovoy rynek gaza: otkaz ES ot rossiyskogo gaza i perspektivy razvitiya al'ternativnoy energetiki* [Global gas market: EU refusal of Russian gas and prospects for the development of alternative energy]. [Online] Available from: <https://delprof.ru/press-center/open-analytics/mirovoy-rynok-gaza-otkaz-es-ot-rossiyskogo-gaza-i-perspektivy-razvitiya-alternativnoy-energetiki/>
3. Neftegaz.RU. (2022) *ES soglasoval potolok tsen na gaz na urovne 180 evro/MVt.ch. S vozmozhnost'yu otmeny* [The EU agreed on a gas price ceiling of 180 euros/Mwh with the possibility of cancellation]. [Online] Available from: <https://neftegaz.ru/news/gosreg/763451-es-soglasoval-potolok-tsen-na-gaz-na-urovne-180-evro-mvts-s-vozmozhnostyu-otmeny/>
4. Neftegaz.RU. (2022) *Gazprom po itogam 11,5 mesyatsev 2022 g. snizil dobychu gaza na 19,6%, postavki v dal'nee zarubezh'e – na 45,1%* [Based on the results of 11.5 months of 2022, Gazprom reduced gas production by 19.6%, supplies to non-CIS countries by 45.1%]. [Online] Available from: <https://neftegaz.ru/news/companies/762947-gazprom-po-itogam-11-5-mesyatsev-2022-g-snizil-dobychu-gaza-na-19-6-postavki-v-dalnee-zarubezhe-na-4/>
5. Neftegaz.RU. (2022) *V Germanii dopustili, chto utechka gaza iz MGP Severnyy potok stala rezul'tatom diversii* [In Germany, they admitted that the gas leak from the Nord Stream international gas pipeline was the result of sabotage]. [Online] Available from: <https://neftegaz.ru/news/politics/752327-v-germanii-dopustili-chto-utechka-gaza-iz-mgp-severnyy-potok-stala-rezultatом-diversii/>
6. Vyatkin, Yu.L. et al. (2020) Perspektivnye napravleniya khimicheskoy pererabotki uglevodorodnogo syr'ya [Promising directions for chemical processing of hydrocarbon raw materials]. *Delovoy zhurnal Neftegaz.RU*. 4 (100). pp. 114–118.
7. Neftegaz.RU. (2022) *Gazprom predvaritel'no opredelil trassirovku MGP Sila Sibiri-2* [Gazprom has preliminarily determined the route of the Power of Siberia-2 gas pipeline].

[Online] Available from: <https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/724605-gazprom-predvaritelno-opredelil-trassirovku-gazoprovoda-do-kitaya/>

8. Novikov, D.A. et al. (2020) Osobennosti sostava gazov zalezhey uglevodorodov arkticheskogo sektora Zapadnoy Sibiri [Features of the composition of gases from hydrocarbon deposits in the Arctic sector of Western Siberia]. *Delovoy zhurnal Neftegaz.RU*. 10 (106). pp. 84–88.

9. Forbes. (2022) *Naselenie Zemli dostiglo 8 mlrd chelovek* [The Earth's population has reached 8 billion people]. [Online] Available from: <https://www.forbes.ru/society/481131-oonsoobshila-o-dostizhenii-8-mlrd-ludej-naselenia-planety>

10. Newsland. (2020) *Proizvodstvo belka v SSSR. Vzlet i padenie otrasli* [Protein production in the USSR. The rise and fall of the industry]. [Online] Available from: <https://newsland.com/post/7186981-proizvodstvo-belka-v-sssr-vzliot-i-padenie-otrasli>

11. Kommersant". (2016) *OOO "Protelyuks" postroit v Lenoblasti zavod po proizvodstvu belka dlya kombikormov* [OOO Protelux will build a plant in Leningrad Oblast for the production of protein for mixed feed]. [Online] Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/3126030>

12. Studme.org. (n.d.) *Biotehnologiya polucheniya mikrobiologicheskogo belka iz biogaza* [Biotechnology for obtaining microbiological protein from biogas]. [Online] Available from: https://m.studme.org/360794/tovarovedenie/biotehnologiya_polucheniya_mikrobiologicheskogo_belka_biogaza

13. Metaprin. (n.d.) *Metaprin – belok iz metana* [Metaprin – protein from methane]. [Online] Available from: <https://metaprin.ru/>

14. European Parliament and the Council. (2001) *Directive 2001/95/EC of the European Parliament and of the Council. of 3 December 2001 on general product safety*.

15. GBS. (2020) *OOO GIPROBIOSINTEZ received a conclusion from Rosselkhoz nadzor on registration of the feed additive DREAMFEED™*. [Online] Available from: <https://gibios.ru/tpost/kl359vvu1-ooo-giprobiosintez-poluchilo-zaklyucheni> (In Russian).

16. RF. (2020) *Doctrine of food security of the Russian Federation: approved by Decree of the President of the Russian Federation No. 20 of January 21, 2020*. (In Russian).

17. RF. (2022) *Strategy for the development of the agro-industrial and fishery complexes of the Russian Federation for the period until 2030: approved by Order of the Government of the Russian Federation dated 08 September 2022 No. 2567-r*. (In Russian).

Информация об авторах:

Лебедев Д.О. – PhD Аспирант Финансово-экономического института, Тюменский государственный университет (Тюмень, Россия). E-mail: lbdvdns@mail.ru

Лиман И.А. – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой менеджмента и бизнеса Финансово-экономического института, Тюменский государственный университет (Тюмень, Россия). E-mail: lbdvdns@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

D.O. Lebedev, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: lbdvdns@mail.ru

I.A. Liman, Dr. Sci. (Economics), professor, head of the Department of Management and Business, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: lbdvdns@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.03.2024;
одобрена после рецензирования 31.03.2024; принята к публикации 16.05.2024.*

*The article was submitted 20.03.2024;
approved after reviewing 31.03.2024; accepted for publication 16.05.2024.*

Научная статья
УДК 338.1
doi: 10.17223/19988648/66/20

Результативность финансово-налоговых механизмов внедрения наилучших доступных технологий в нефтегазовой отрасли

Ирина Валерьевна Шарф¹

¹ *Национальный исследовательский Томский политехнический университет,
Томск, Россия, irina_sharf@mail.ru*

Аннотация. Необходимость решения стратегических задач, связанных с ESG-повесткой и технологическим суверенитетом российской экономики, ключевым механизмом решения которых является внедрение наилучших доступных технологий, актуализировала потребность в данном исследовании в части результативности комплексного подхода к стимулированию их внедрения в производственные процессы нефтегазодобывающих предприятий. Резюмирующими выводами исследования стало положительное влияние на результативность действия финансовых и налоговых льгот, однако их доступность сдерживается масштабами предприятий в силу установленных законодательством условий применения, что влечет необходимость корректировки.

Ключевые слова: наилучшие доступные технологии, налоговая льгота, субсидирование, парниковые газы, месторождение углеводородов, инвестиционный проект

Для цитирования: Шарф И.В. Результативность финансово-налоговых механизмов внедрения наилучших доступных технологий в нефтегазовой отрасли // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2024. № 66. С. 311–326. doi: 10.17223/19988648/66/20

Original article

Efficiency of tax mechanisms of introducing feasible techniques in oil and gas industry

Irina V. Sharf¹

¹ *National Research Tomsk Polytechnic University,
Tomsk, Russian Federation, irina_sharf@mail.ru*

Abstract. The need to solve strategic problems related to the ESG agenda and the technological independence of the Russian economy, the key mechanism to tackle which is the introduction of the best available technologies, have updated the need for this study of the effectiveness of an integrated approach to stimulate their implementation in the production processes of oil and gas companies. The integrated approach to the introduction of the best available technologies in the Russian practice and the effectiveness

of existing financial and tax incentive mechanisms were analyzed. Empirical and economic-statistical methods were used. The results of the study show that financial and tax benefits (such as fines for excessive combustion of associated petroleum gas, subsidizing the cost recovery on loans and coupon income from the federal budget on issued bonds in order to implement projects with the introduction of the best available technologies increasing the coefficient to the depreciation rate for purchased equipment, investment tax deduction) have a positive effect. They form a complex interconnected system of state influence on economic entities in accordance with national interests and strategic objectives, which is based on the carrot and stick principle. The current system of financial and tax incentives is an indirect trigger for mergers and acquisitions in the oil and gas industry and its further oligopolization, since it has a differentiated character conditioned by the advantage of large companies in the possibility of using preferences due to the established conditions for their application. Therefore, further adjustment is necessary taking into account the possibility of application for small and medium-sized independent oil and gas companies. The provisions of tax legislation were adopted under the influence of strategic objectives taking into account two main factors: the utilization of production capacities after the downtime of the post-Soviet decade and the solution of problems resulted from the ratification of international agreements, in particular the Kyoto Protocol of 1996, which did not put the country's technological independence as an absolute priority. Currently, the Russian economy should be precisely based on technological independency as the basis for sustainable long-term socio-economic development and the need to achieve tougher global international imperatives in terms of environmental protection under sanctions pressure. As a result, there is a need to review the existing preferences in order to adjust them and strengthen their interconnection taking into account the results of further research in terms of the cumulative effect of the implemented organizational and economic mechanisms that contribute to achieving carbon neutrality.

Keywords: best available technologies, tax incentive, subsidy, greenhouse gases, hydrocarbon deposit, investment project

For citation: Sharf, I.V. (2024) Efficiency of tax mechanisms of introducing feasible techniques in oil and gas industry. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 66. pp. 311–326. (In Russian). doi: 10.17223/19988648/66/20

Введение

Впервые о внедрении наилучших доступных технологий (НДТ) с целью соблюдения стандартов качества окружающей среды было сказано в ст. 10 Директивы ЕС (96/61/ЕС) «О комплексном предотвращении и контроле загрязнения» [1], хотя сам термин появился в 1984 г. в Рамочной директиве о качестве воздуха (Air Framework Directive 84/360/ЕЕС, AFD), где под НДТ подразумевались технологии, использование которых не влечет за собой чрезмерных затрат [2, 3].

Проблематика загрязнения окружающей среды в последнее десятилетие только усилилась в связи с акцентированием мирового сообщества на глобальных климатических изменениях, о сдерживании которых посредством лимита прироста мировой температуры в 1,5°С закреплено в Парижском соглашении 2015 г. [4], принятие его обусловлено растущими выбросами пар-

никовых газов (ПГ). Ключевой особенностью Парижского соглашения является то, что страны-участницы должны разрабатывать стратегии по сокращению выбросов ПГ, предусматривающие в том числе технологическое перевооружение предприятий, а также механизмы, активизирующие внедрение НДТ, являющиеся наиболее экологически чистыми и эффективными в экономическом аспекте, что закладывается комплексом различных стимулирующих финансовых и налоговых инструментов.

Актуальность внедрения НДТ на российских предприятиях усилилась не только вследствие ратификации Парижского соглашения, но также под воздействием санкционного давления, в первую очередь в отношении нефтегазового комплекса России, что заострило необходимость технологического суверенитета, отраженного в «Концепция технологического развития на период до 2030 года», в которой внедрение НДТ и повышение ресурсной эффективности предприятий является основным механизмом «технологического обеспечения устойчивого функционирования производственных систем» [5].

Таким образом, цель данной научной работы состояла в анализе комплексного подхода к внедрению НДТ в российской практике и результативности существующих финансовых и налоговых механизмов стимулирующих инструментов.

Материалы и методика исследования

Исследование проведено на основании официальных данных министерств и ведомств, в том числе статистических данных Федеральной налоговой службы, Министерства природных ресурсов и экологии, Федеральной службы государственной статистики, годовых отчетов нефтегазовых компаний. Основные методы исследования – эмпирический и экономико-статистический.

Результаты исследования и их обсуждение

В российском нормативном поле финансово-налоговые механизмы определены п. 4 ст. 17 ФЗ «Об охране окружающей среды» (ФЗ-№ 7), в которой сказано, что государственная поддержка осуществляется при реализации следующих мероприятий:

- внедрения НДТ;
- проектирования, строительства, реконструкции сооружений и установок по улавливанию и утилизации выбрасываемых загрязняющих веществ, термической обработки и очистки газов перед их выбросом в атмосферный воздух;
- установку оборудования по улучшению режимов сжигания топлива;
- обеспечения полезного использования попутного нефтяного газа.

Государственная поддержка деятельности по внедрению НДТ, под которой понимается технология производства продукции (товаров), выполнения

работ, оказания услуг, определяемая на основе современных достижений науки и техники и наилучшего сочетания критериев достижения целей охраны окружающей среды при условии наличия технической возможности ее применения, осуществляется посредством предоставления:

- а) льгот в отношении платы за негативное воздействие на окружающую среду в соответствии с нормативно-правовыми актами различной юридической силы в области природопользования;
- б) финансирования из бюджетов разных уровней в соответствии с бюджетным законодательством РФ;
- в) налоговых льгот в соответствии с НК РФ.

Рассмотрим результативность указанных преференций в нефтегазовом секторе российской экономики.

Согласно п. 11 ст. 16.3 ФЗ-№7 из суммы исчисленной платы за негативное воздействие на окружающую среду (НВОС) с учетом ставок по каждому виду загрязняющего вещества и корректирующих коэффициентов, устанавливаемых Правительством РФ, вычитаются затраты на реализацию мероприятий по снижению негативного воздействия, к которым относятся затраты на вышеуказанные мероприятия.

Другим инструментом, стимулирующим хозяйствующие субъекты (п. 5 ст. 16.3) к внедрению НДТ является применение следующих коэффициентов к ставкам платы:

- 1) 0 – в отношении технологических потерь в пределах нормативов после внедрения НДТ;
- 2) 1 – за выбросы загрязняющих веществ в пределах нормативов;
- 3) 25 – за объем выбросов загрязняющих веществ, превышающих допустимые законодательством нормы для объектов III категории;
- 4) 100 – за объем выбросов загрязняющих веществ, превышающих допустимые законодательством нормы для объектов I и II категории.

Все предприятия нефтегазовой отрасли относятся, согласно Постановлению [6], к объектам I категории, оказывающим значительное негативное воздействие на окружающую среду, и деятельность которых относится к областям применения НДТ.

Какова действенность и результативность применения льготы по плате за НВОС?

В России, согласно данным табл. 1, выбросы ПГ практически остаются на том же уровне, а сокращение с 2012 г. от сжигания топлив составляет примерно 1,2% и от деятельности, связанной с нефтью и газом, – 4,8%.

Наблюдаемая в 2010-е гг. волатильность обусловлена, с одной стороны, влиянием введенных высоких штрафов за сжигание попутного нефтяного газа (ПНГ) [7], что особенно заметно в первые годы после введения в части скачкообразного роста утилизации ПНГ. С другой стороны, данная мера позволила достичь и превысить установленный лимит в 95% по утилизации ПНГ в традиционных регионах нефтедобычи, но вследствие роста добычи нефти в новых нефтегазоносных провинциях (НГП) наблюдается снижение среднероссийского показателя (табл. 2). Добыча нефти в Восточной Сибири

и на Дальнем Востоке составила 55 млн т по итогам 2022 г., в том числе в Республике Саха-Якутия добыто 18 млн т.

Таблица 1. Выбросы парниковых газов, млрд т CO₂-экв

	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Всего	1694,5	1625,2	1617,1	1611,3	1606,1	1637,0	1688,7	1682,3	1594,1	1679,1
От сжигания ископаемых топлив	1,4663	1,4076	1,4157	1,4202	1,4141	1,4350	1,4717	1,4507	1,3771	1,4488
От деятельности, связанной с нефтью и газом	0,1683	0,159	0,1412	0,1298	0,1316	0,1370	0,1485	0,1634	0,1530	0,1603

Источник: составлено автором по данным: Окружающая среда. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11194> (дата обращения: 12.02.2024).

Таблица 2. Уровень использования попутного нефтяного газа, %

	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Уровень использования ПНГ	75,9	79,5	85,5	87,6	87,5	86,6	84,4	80,9	81,5	82,0	82,0
Добыча нефти, млн т	518,1	523,4	526,8	534,3	547,6	546,8	555,9	561	512,8	524	535,1
Добыча природного газа, млрд м ³	654	668	641,9	635,5	640,2	691,1	725,4	737,7	692,9	762,3	673,8

Источник: составлено автором по данным: Окружающая среда. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11194>; Государственный доклад о состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2022 году. URL: https://www.mnr.gov.ru/docs/gosudarstvennye_doklady/ (дата обращения: 12.02.2024).

Для новых НГП потенциал воздействия штрафных санкций за сверхнормативное сжигание ПНГ сдерживается недостаточной производственной и инфраструктурной необустроенностью, а также множеством геолого-промышленных, макроэкономических и геополитических факторов, влияние которых, как ожидается, будет нивелировано работой финансовых и налоговых инструментов и других организационно-экономических механизмов, направленных на достижение целевых ориентиров по углеродной нейтральности, обозначенных в Указе Президента РФ №666 от 4.11.2020 г. «О сокращении выбросов парниковых газов». Удаленная обособленная локация нефтегазовых объектов снижает экономическую эффективность существующих методов утилизации (переработка с целью получения электроэнергии), заводов по получению сжиженных углеводородных газов, СПГ, сухого

отбензиненного газа, ШФЛУ (широкая фракция легких углеводородов), использование в качестве реагента для повышения нефтеотдачи [8], сужает выбор оптимального варианта утилизации в этих условиях или ориентирует бизнес на долгосрочную окупаемость проектов.

Таким образом, вопрос внедрения экологически чистых технологий в производственные процессы сохраняет актуальность, а активизация деятельности в этом направлении потребовала дополнительных воздействующих механизмов, выполняющих контрольную функцию. Согласно п. 2 ст. 6 ФЗ-195 [9] нефтегазодобывающие предприятия должны обеспечивать оснащение стационарных источников выбросов системами автоматического контроля. Кроме того, в соответствии с планом национального проекта «Экология» необходимо получить комплексное экологическое разрешение (КЭР) на реализуемую деятельность (ст. 31.1 ФЗ). Однако, согласно данным Федеральной службы по надзору в сфере природопользования, в списках получивших КЭР не присутствуют предприятия нефтегазовой отрасли. Помимо оборудования внутреннего контрольного характера, в настоящее время существует спутниковый мониторинг, осуществляемый Роскосмосом. Так, согласно отчету по стационарным источникам сжигания ПНГ по регионам-лидерам добычи ХМАО-Югра (>42% добычи нефти) и ЯНАО (>81% добычи природного газа), сделаны следующие выводы за период исследования 2012–2022 гг. [10].

1. Количество временных факельных установок в ХМАО-Югре снижается, а в ЯНАО растет. В 2022 г. в ХМАО-Югре их насчитывалось 259, а в ЯНАО – 453. Продолжительность работы каждой установки в среднем 100 дней.

2. Количество постоянных факельных установок в ХМАО-Югре сократилось до 17 (на 30%), а в ЯНАО практически осталось неизменным: в 2012 г. – 17, в 2022 г. – 16.

3. Динамика сжигания ПНГ по территории округов зависит от активности разработки месторождений.

4. Анализ в территориальном разрезе по ХМАО-Югре показал, что к 2022 г. число активных факельных установок сократилось в Нижневартовском и Сургутском районах, хотя на начало периода исследования активная разработка велась по центральной и восточной частям округа, куда входят названные районы, а также Ханты-Мансийский и Нефтеюганский районы.

В контексте представленных наблюдений необходимо отметить косвенное влияние налоговых вычетов по налогу на добычу полезных ископаемых, применимых к нефти, добытой на участках недр, расположенных в Нижневартовском и Сургутском районах ХМАО-Югры (ст. 343.2 НК РФ). Кроме того, в этих районах в отношении части месторождений используется налог на дополнительный доход. Данные меры значительно снижают налоговую нагрузку добывающих предприятий [11], что отражается в обязательной ежегодной отчетности компаний по выбросам ПГ, являющейся дополнительным организационным мониторинговым инструментом [12].

Другим стимулирующим механизмом по внедрению НДС, действующим с 2020 г., является субсидирование из федерального бюджета возмещения затрат, которые несет компания при реализации таких проектов. Основными источниками финансирования, как известно, являются собственные и заемные средства. Если компания обращается в случае дефицита средств на внедрение НДС к рынку ценных бумаг посредством выпуска облигаций или в банковские структуры за кредитом, то государство может субсидировать выплату части купонного дохода по облигациям и процентов по кредиту до определенного лимита [13]. Лимит зависит от страны происхождения оборудования и технических устройств, используемых при внедрении НДС.

1. В случае, если не менее 65% парка оборудования на момент заключения соглашения произведено в России и соответствует требованиям, обозначенным в Постановлении Правительства РФ [14], то лимитирование следующее: а) 90% всех фактически понесенных затрат на выплату купонного дохода или процентов по кредиту; б) 90% от исчисленного базового индикатора при расчете параметров субсидирования; в) 750 млн в год.

2. В случае, если используемое оборудование и технические устройства не соответствуют требованию российского происхождения, то лимит субсидирования следующий: а) 60% всех фактически понесенных затрат на выплату купонного дохода; б) 60% от исчисленного базового индикатора при расчете параметров субсидирования; в) 500 млн в год.

Отметим, что на субсидирование выплаты купонного дохода и процентов по кредиту в федеральном бюджете были заложены статьи расходов в объеме 3 млрд руб. в 2020 г. и по 6 млрд руб. в 2021 и 2022 гг. Согласно трехлетнему бюджетному плану на 2024 г. запланировано 200 млн руб. и на 2025 г. – 1,717 млрд руб. [15]. Отметим, что в ноябре 2023 г. был объявлен конкурс Министерством промышленности и торговли по отбору инвестиционных проектов по внедрению НДС с применением заемных средств на объектах всех четырех категорий опасности.

Государство устанавливает также требования к самому инвестиционному проекту с применением НДС, который должен пройти последовательные этапы верификации.

1. Соответствие критериям устойчивого развития, обозначенным Правительством РФ [16], что априори является основной характеристикой проектов, так как проекты ориентированы на сокращение воздействия на окружающую среду. При этом ключевыми критериями являются сфера деятельности предприятий, утвержденная правительственным распоряжением [17], и соответствие информационно-техническому справочнику (ИТС) по НДС. В частности, существуют отраслевые справочники НДС по добыче и переработке нефти, добыче природного газа, а также межотраслевые, например по очистке выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух на крупных предприятиях.

2. Субъектом верификации является экспертный совет по проведению научно-технической оценки инвестиционных проектов, избрание экспертов в который осуществляется согласно установленным Минпромторгом правилам

[18]. С целью исключения субъективизма и коррупции эксперты проводят оценку в соответствии с утвержденной данным ведомством методикой [19].

Достаточно жесткие требования к инвестпроектам и параллельно требования, соответствующие ESG-повестке, послужили триггером в появлении адапционных ценных бумаг. Данные облигации выпускаются под инвестпроекты, направленные на минимизацию негативного воздействия на окружающую среду, но в то же время их выпуск не предполагает жесткую привязку к ИТС по НДТ [20]. В частности, АО «ИНК-Капитал» эмитировало облигации в 2022 г. для реализации проекта по обратной закачке ПНГ в пласт с одновременным отбором тяжелых фракций на Ярактинском нефтегазоконденсатном месторождении (НГКМ) [21].

Еще одним моментом является то, что данный льготировующий инструмент доступен крупным компаниям, имеющим организационно-правовую форму акционерного общества, позволяющего мобилизовать денежные средства на рынке ценных бумаг. В части кредитов банковских структур также привлекательными клиентами являются крупные нефтегазовые компании, которые более финансово устойчивы в условиях макроэкономической нестабильности [22, 23]. К тому же наблюдается тенденция сдержанности банковских структур в финансировании в нефтегазовый сектор под влиянием провозглашаемого энергоперехода [24, 25].

Существует также два налоговых льготировующих инструмента, позволяющих повысить эффективность проекта на этапе его реализации. Первый инструмент заключается в возможности увеличения нормы амортизации посредством специального коэффициента, равного 2 (ст. 259.3 НК РФ), что касается амортизируемых основных средств, относящихся к основному технологическому оборудованию, эксплуатируемому в случае применения НДТ, которое обязательно должно быть в утвержденном перечне основного технологического оборудования [26]. Данная амортизационная льгота снижает налог на прибыль, а следовательно, увеличивает формируемый денежный поток, что положительно отражается на показателях экономической эффективности реализуемого проекта.

Анализ фактуры использования повышенного коэффициента к норме амортизации проводился по нефтегазодобывающим субъектам РФ, однако, как иллюстрирует табл. 3, данная льгота в настоящее время мало востребована.

С момента ее введения количество организаций, которые ею воспользовались в России, выросло в три раза, но при этом остается неизменным по выбранным субъектам РФ. Отметим, что в отчетности ФНС не указываются конкретные организации-налогоплательщики. Но можно предположить, исходя из масштабов деятельности предприятий и размера льготы, что имеет место быть отношение к нефтегазовой отрасли и в первую очередь к крупным компаниям, так как проекты по внедрению НДТ в настоящее время финансово затратны для мелкого и среднего нефтегазового бизнеса. В 2022 г. появились организации, согласно данным табл. 3, применяющие НДТ в Красноярском крае, где осуществляется разработка месторождений Ванкорского кластера, Куюмбинского нефтегазового и Юрубчено-Тохомского

нефтегазоконденсатного месторождений (проекты ПАО «НК «Роснефть»)), нефть которых поступает в магистральный трубопровод «Восточная Сибирь – Тихий океан». Нефть Ковыктинского газоконденсатного месторождения (Иркутская область) поступает в трубопровод «Сила Сибири». Согласно данным ФНС по Республике Саха-Якутия, где разрабатывается Чаяндинское НГКМ, отсутствуют сведения по применению этой льготы. Итоговые данные за 2023 г. на момент написания статьи отсутствуют. Лицензия на разработку Куюмбинского и Чаяндинского месторождений принадлежит ПАО «Газпром».

Таблица 3. Суммы начисленной амортизации при применении специального коэффициента 2 в отношении оборудования, используемого при НДТ

Субъект РФ	2020			2021			2022		
	Значение показателя, млн руб.	Количество организаций, ед.	Налоговые расходы, млн руб.	Значение показателя, млн руб.	Количество организаций, ед.	Налоговые расходы, млн руб.	Значение показателя, млн руб.	Количество организаций, ед.	Налоговые расходы, млн руб.
РФ	2872,2	8	287,2	4471,4	13	447,1	8803,5	28	880,4
Республика Коми				3,24	1	0,324	537,20	2	53,72
Республика Башкортостан	0,036	1	0,004	0,062	1	0,006	20,582	2	2,058
Оренбургская область	246,98	1	24,70	429,12	1	42,91	347,28	2	34,73
ХМАО-Югра	73,15	1	7,32	76,11	1	7,61	74,41	1	7,44
Красноярский край							2714,4	3	271,44
Иркутская область							271,05	1	27,11

Источник: составлено автором по данным: Отчеты о налоговой базе и структуре начислений по налогу на прибыль организаций за 2020–2022 гг. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/ (дата обращения: 12.02.2024).

Другим объясняющим данную динамику фактором, по мнению исследователей, является добыча гелия, растворенного в природном газе. Гелий в современном мире является определенным индикатором развития инноваций и уровня экономического развития. Его запасы распределены неравномерно, а лидерами по объему производства являются США, Катар, Алжир и Россия. Высокие запасы гелия сосредоточены в Восточной Сибири и на юге европейской части России (табл. 4).

Иркутская нефтяная компания (ИНК) реализует проект по созданию газохимического кластера в г. Усть-Луга, в котором имеется гелиевый завод. С 2023 г. компания начала выпускать и реализовывать сжиженный гелий [27]. Еще на стадии строительства ИНК контракт на поставку гелия с Uniper [28]. В Амурской области строится гелиевый завод и создается гелиевый

хаб, а также собственный флот криогенных цистерн для перевозки жидкого гелия. В июне 2023 г. ИНК запустила гелиевый завод на Ярактинском нефтегазоконденсатном месторождении мощностью 10 млн л сжиженного газа. Запуск завода полимеров ежегодной мощностью 650 тыс. т в Иркутске сдвигается на 2025 г. Эти заводы являются частью проекта по созданию газохимического кластера, объединяющего предприятия по добыче, подготовке, транспортировке и переработке газа в продукцию с высокой добавленной стоимостью. В Оренбурге гелиевый завод был построен еще в период ССРР и было создано первое в мире хранилище в соляных пластах. В настоящее время ведется поиск решений по техническому перевооружению с целью повышения степени извлечения ценных компонентов из природного газа.

Таблица 4. Ресурсная база гелия по месторождениям углеводородов

Месторождение	Запасы категории А+В+С ₁ , млн м ³
Ковыктинское (Иркутская область)	3 381
Чаяндинское (Республика Саха-Якутия)	1 848
Собинское (Эвенкийский АО)	795
Астраханское (Астраханская область)	625
Среднеботубинское (Республика Саха-Якутия)	606
Оренбургское (Оренбургская область)	461
Тас-Юряхское (Республика Саха-Якутия)	409

Источник: составлено автором по данным: Государственные доклады о состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации за 2015–2020 гг. URL: https://www.mnr.gov.ru/docs/gosudarstvennye_doklady/ (дата обращения: 12.02.2024).

Отметим, что производство гелия отражено в справочниках по НДТ (ИТС 50-2017) «Переработка природного и попутного газа» и ИТС 29-2017 «Добыча природного газа». При этом существует временной диапазон корректировки ИТС по НДТ, так как согласно рекомендациям справочники должны пересматриваться раз в 5 лет, однако обновление не успевает за технологическими новациями, а нормативные акты в части льгот отправляют к этим справочникам. Важно также отметить появление в последние два года льгот для проектов, связанных нефтегазохимией, которые более привлекательны для вертикально-интегрированных предприятий.

Другим налоговым инструментом является возможность использования предприятием инвестиционного налогового кредита на всю стоимость приобретаемого оборудования, так как он предоставляется в случае технического перевооружения, направленного на осуществление мероприятий по снижению негативного воздействия на окружающую среду. Преимуществами данной льготы является то, что предприятию предоставляется возможность уменьшить сумму уплачиваемого федерального налога на прибыль организаций или региональных и местных налогов не более чем на 50% на период от 1 до 10 лет в зависимости от договоренности с уполномо-

ченным органом власти и организацией. По истечении срока договора организация должна вернуть в бюджет сумму задолженности налога с процентами (пени). Процентная ставка по отложенному налогу на период договора может варьировать (ст. 66 НК РФ) в диапазоне $\frac{1}{2}$ – $\frac{3}{4}$ ставки рефинансирования. С учетом того, что процентные ставки по коммерческим кредитам предоставляются по более высоким ставкам, данный вариант является экономически привлекательным, так как отложенные налоговые обязательства при грамотном управлении могут развивать растущую инвестиционную спираль. Также положительно могут отразиться на эффективности проекта происходящие инфляционные процессы с учетом получаемой прибыли.

Заключение

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать следующие выводы.

1. Государством выстраивается комплексная взаимосвязанная система воздействия на хозяйствующие субъекты в соответствии с национальными интересами и стратегическими задачами, которая работает по принципу «кнута и пряника», что в целом положительно влияет на динамику результатов.

2. Действующая система финансово-налогового льготирования является косвенным триггером слияний и поглощений в нефтегазовой отрасли и ее дальнейшей олигополизации, так как она носит дифференцированный характер, обусловленный преимуществом крупных компаний в возможности использования преференций вследствие существования установленных условий их применения, поэтому необходима дальнейшая корректировка с учетом расширения возможности применения для мелких и средних независимых нефтегазовых компаний.

Положения налогового законодательства принимались с учетом стратегических задач, формируемых под влиянием двух основных факторов: загрузки производственных мощностей после простоя постсоветского десятилетия и достижения задач, обусловленных ратификацией международных соглашений, в частности Киотского протокола 1996 г., что не ставило абсолютным приоритетом технологический суверенитет. В настоящее время российская экономика должна строиться именно на технологическом суверенитете как основе устойчивого долгосрочного социально-экономического развития и необходимости достижения более жестких глобальных международных императивов в части охраны окружающей среды в условиях санкционного давления. Как следствие, наступает необходимость пересмотра действующих преференций с целью их корректировки и усиления их взаимосвязанности с учетом результатов дальнейших исследований в части совокупного эффекта принятых организационно-экономических механизмов, способствующих достижению углеродной нейтральности.

Список источников

1. *Директива* Совета Европейского Союза 96/61/EC от 24 сентября 1996 г. о комплексном предотвращении и контроле загрязнений. URL: <https://base.garant.ru/2563787/> (дата обращения: 12.02.2024).

2. *Имекова М.П.* История развития и современное правовое регулирование использования наилучших доступных технологий в Великобритании // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 439. С. 195–201. doi: 10.17223/15617793/439/27

3. Air Framework Directive 84/360/EEC, AFD. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:31984L0360> (дата обращения: 12.02.2024).

4. *Парижское* соглашение. URL: https://unfccc.int/files/meetings/paris_nov_2015/application/pdf/paris_agreement_russian_.pdf (дата обращения: 12.02.2024).

5. *Концепция* технологического развития на период до 2030 года. URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/80349.html> (дата обращения: 12.02.2024).

6. Постановление Правительства РФ №2398 от 31.12.2020 «Об утверждении критериев отнесения объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду, к объектам I, II, III и IV категорий». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_373399/ (дата обращения: 12.02.2024).

7. *Эдер Л.В., Проворная И.В., Филимонова И.В.* Проблема рационального использования попутного нефтяного газа в России // География и природные ресурсы. 2019. № 1. С. 14–20. doi: 10.21782/GIPR0206-1619-2019-1(14-20)

8. *Григорьев Р.С., Шарф И.В., Шарф К.А.* Проблематика применения газовых методов повышения нефтеотдачи на Ванкорском месторождении // Известия Томского политехнического университета. Инжиниринг георесурсов. 2022. Т. 333, № 3. С. 90–98. doi: 10.18799/24131830/2022/3/3502

9. *Федеральный закон № 195 от 26.07.2019* «О проведении эксперимента по квотированию выбросов загрязняющих веществ и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части снижения загрязнения атмосферного воздуха». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_329955/ (дата обращения: 12.02.2024).

10. *Горит* ясно: анализ сжигания попутного нефтяного газа. URL: <https://geonovosti.terratech.ru/ecology/gorit-yasno-kontrol-szhiganiya-poputnogo-neftyanogo-gaza/> (дата обращения: 12.02.2024).

11. *Шарф И.В., Чухарева Н.В.* Действенность налога на дополнительный доход от добычи углеводородов // Горный журнал. 2023. № 2. С. 32–38. doi: 10.17580/gzh.2023.02.05

12. *Тюленева Н.А., Демидова Д.К.* Статистическая оценка устойчивого развития бизнеса по данным нефинансовой отчетности // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2023. № 64. С. 115–133. doi: 10.17223/19988648/64/9

13. *Постановление* Правительства РФ № 541 от 30.04.2019 «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета российским организациям на возмещение части затрат на выплату купонного дохода по облигациям, выпущенным в рамках реализации инвестиционных проектов по внедрению наилучших доступных технологий, и (или) на возмещение части затрат на уплату процентов по кредитам, полученным в российских кредитных организациях, государственной корпорации развития «ВЭБ.РФ», а также в международных финансовых организациях, созданных в соответствии с международными договорами, в которых участвует Российская Федерация, на реализацию инвестиционных проектов по внедрению наилучших доступных технологий». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_324112/ (дата обращения: 12.02.2024).

14. *Постановление* Правительства РФ № 719 от 17.07.2015 «О подтверждении производства промышленной продукции на территории Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_183175/ (дата обращения: 12.02.2024).

15. *Федеральный закон № 540-ФЗ от 27 ноября 2023 г.* «О федеральном бюджете на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_462891/ (дата обращения: 12.02.2024).

16. *Постановление* Правительства РФ № 1587 от 21.09.2021 «Об утверждении критериев проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации и требований к системе верификации инструментов финансирования устойчивого развития в Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_396203/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/ (дата обращения: 12.02.2024).
17. *Распоряжение* Правительства РФ от 24.12.2014 № 2674-р (ред. от 01.11.2021) «Об утверждении Перечня областей применения наилучших доступных технологий». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172794/ (дата обращения: 12.02.2024).
18. Приказ Минпромторга России от 11.11.2019 № 4202 «Об экспертном совете по проведению научно-технической оценки инвестиционных проектов, реализуемых российскими организациями». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_345105/ (дата обращения: 12.02.2024).
19. Приказ Минпромторга России от 15.10.2019 № 3829 «Об утверждении методики проведения научно-технической оценки инвестиционных проектов». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_345144/ (дата обращения: 12.02.2024).
20. *Ипатов Д.А., Трифонова А.А.* Переходные облигации для нефтегазового сектора как способ финансирования внедрения ESG-повестки в российских и зарубежных компаниях // *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*. 2023. № 2. С. 116–120.
21. *Горбаев А.В., Горленко Н.В.* Оценка эколого-экономического ущерба при сжигании попутного нефтяного газа на Ярактинском нефтегазоконденсатном месторождении // XXI век. Техносферная безопасность. 2019. Т. 4, № 3. С. 366–374. doi: 10.21285/2500-1582-2019-3-366-374
22. *Стародубова Н.Н., Галамага Н.В.* Факторы, влияющие на финансовое состояние предприятий нефтегазовой отрасли РФ // *Вестник науки*. 2022. № 11 (56), т. 2. С. 44–52.
23. *Куселев В.И.* Функционирование нефтегазовых компаний в условиях реализации глобальной политики устойчивого развития // *Управление риском*. 2023. № 4. С. 27–34.
24. *Altberg M., Watters T., Dathorne M., Eltorie H., Redmond S.* Will Oil and Gas Producers Lose Access to External Financing as Lenders Decarbonize? URL: <https://www.spglobal.com/en/research-insights/featured/special-editorial/will-oil-and-gas-producers-lose-access-to-external-financing-as-lenders-decarbonize> (дата обращения: 12.02.2024).
25. *Kovski A.* Tensions grow over calls to restrict financing for oil, gas industry // *Oil & Gas Journal*. 2022. URL: <https://www.ogj.com/general-interest/economics-markets/article/14234388/tensions-grow-over-calls-to-restrict-financing-for-oil-gas-industry> (дата обращения: 12.02.2024).
26. *Распоряжение* Правительства РФ № 1299-р от 20.06.2017 «Об утверждении перечня основного технологического оборудования, эксплуатируемого в случае применения наилучших доступных технологий». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_218766/ (дата обращения: 12.02.2024).
27. Интегрированный годовой отчет АО «ИНК-Капитал» за 2022 год. URL: <https://irkutskoil.ru/upload/iblock/266/65hx0vkbmr0zgirkf0jvd7dzhqr6gws9.pdf> (дата обращения: 12.02.2024).
28. *Климентьев А.Ю., Верейкина В.В., Рожин И.И., Соколова М.Д.* Рынок гелия и проблематика Восточной Сибири // *Нефтегазовое дело*. 2023. Т. 21, № 6. С. 278–296. doi: 10.17122/ngdelo-2023-6-278-296

References

1. Garant.ru. (2024) *Council Directive 96/61/EC of 24 September 1996 on integrated pollution prevention and control*. [Online] Available from: <https://base.garant.ru/2563787/> (In Russian).
2. Imekova, M.P. (2019) History of the Development and Modern Legal Regulation of the Use of the Best Available Technologies in the UK. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo*

universiteta. *Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 439. pp. 195–201. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/439/27

3. EUR-lex. (2007) *Air Framework Directive 84/360/EEC, AFD*. [Online] Available from: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:31984L0360>

4. UNFCCC. (2015) *Paris Agreement*. [Online] Available from: https://unfccc.int/files/meetings/paris_nov_2015/application/pdf/paris_agreement_russian_pdf (In Russian).

5. Consultant Plus. (2023) *The concept of technological development for the period until 2030*. [Online] Available from: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/80349.html> (In Russian).

6. Consultant Plus. (2020) *Decree of the Government of the Russian Federation No. 2398 of December 31, 2020, "On approval of criteria for classifying objects that have a negative impact on the environment as objects of categories I, II, III and IV"*. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_373399/ (In Russian).

7. Eder, L.V., Provornaya, I.V. & Filimonova, I.V. (2019) Problems of rational use of associated petroleum gas in Russia. *Geografija i prirodnye resursy – Geography and Natural Resources*. 1. pp. 14–20. (In Russian). doi: 10.21782/GIPR0206-1619-2019-1(14-20)

8. Grigoryev, R.S., Sharf, I.V., Sharf, K.A. (2022) Problems of applying gas method of enhanced oil recovery in Vankor oilfield. *Izvestija Tomskogo politehnicheskogo universiteta. Inzhiniring georesurov – Bulletin of the Tomsk Polytechnic University. Geo Assets Engineering*. 333 (3). pp. 90–98. (In Russian). doi: 10.18799/24131830/2022/3/3502

9. Consultant Plus. (2019) *Federal Law No. 195 of July 26, 2019, "On conducting an experiment on quotas for emissions of pollutants and introducing amendments to certain legislative acts of the Russian Federation in terms of reducing air pollution"*. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_329955/ (In Russian).

10. Terratech.ru. (2023) *Burns clearly: analysis of associated petroleum gas flaring*. [Online] Available from: <https://geonovosti.terratech.ru/ecology/gorit-yasno-kontrol-zhiganiya-poputnogo-neftyanogo-gaza/> (In Russian).

11. Sharf, I.V. & Chukhareva, N.V. (2023) Efficiency of additional income tax in hydrocarbon production. *Gornyy Zhurnal*. 2. pp. 32–38. (In Russian). doi: 10.17580/gzh.2023.02.05

12. Tyuleneval, N.A. & Demidova, D.K. (2023) Statistical assessment of ESG business transformation based on non-financial reporting data. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 64. pp. 115–133. (In Russian). doi: 10.17223/19988648/64/9

13. Consultant Plus. (2019) *Decree of the Government of the Russian Federation No. 541 of April 30, 2019, "On approval of the Rules for the provision of subsidies from the federal budget to Russian organizations for reimbursement of part of the costs of paying coupon income on bonds issued as part of the implementation of investment projects for the introduction of the best available technologies, and (or) for reimbursement of part of the costs of paying interest on loans received in Russian credit institutions, the state development corporation "VEB.RF", as well as international financial organizations created in accordance with international treaties in which the Russian Federation participates, for the implementation of investment projects to introduce the best available technologies"*. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_324112/ (In Russian).

14. Consultant Plus. (2015) *Decree of the Government of the Russian Federation No. 719 of July 17, 2015, "On confirmation of the production of industrial products on the territory of the Russian Federation"*. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_183175/ (In Russian).

15. Consultant Plus. (2023) *Federal Law No. 540-FZ of November 27, 2023, "On the federal budget for 2024 and for the planning period of 2025 and 2026"*. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_462891/ (In Russian).

16. Consultant Plus. (2021) *Decree of the Government of the Russian Federation No. 1587 of September 21, 2021, "On approval of criteria for sustainable (including green) development projects in the Russian Federation and requirements for the verification system for financing*

instruments for sustainable development in the Russian Federation". [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_396203/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/ (In Russian).

17. Consultant Plus. (2021) *Order of the Government of the Russian Federation dated December 24, 2014, No. 2674-r (as amended on November 1, 2021) "On approval of the List of areas of application of the best available technologies"*. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172794/ (In Russian).

18. Consultant Plus. (2019) *Order of the Ministry of Industry and Trade of Russia dated November 11, 2019, No. 4202 "On the expert council for conducting a scientific and technical assessment of investment projects implemented by Russian organizations"*. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_345105/ (In Russian).

19. Consultant Plus. (2019) *Order of the Ministry of Industry and Trade of Russia dated October 15, 2019, No. 3829 "On approval of the methodology for conducting scientific and technical assessment of investment projects"*. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_345144/ (In Russian).

20. Ipatova, D.A. & Trifonova, A.A. (2023) Transitional bonds for oil and gas sector as a way to finance the implementation of ESG agenda in Russian and foreign companies. *Izvestija Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo jekonomicheskogo universiteta – Bulletin of the St. Petersburg State Economic University*. 2. pp. 116–120. (In Russian).

21. Gorbaev, A.V. & Gorlenko, N.V. (2019) Assessment of environmental and economic damage during the combustion of associated petroleum gas at the Yarakta oil and gas condensate field. *XXI vek. Tehnosfernaja bezopasnost' – XXI Century. Technosphere Safety*. 4 (3). pp. 366–374. (In Russian). doi: 10.21285/2500-1582-2019-3-366-374

22. Starodubova, N.N. & Galamaga, N.V. (2022) Factors affecting financial condition of russian Oil & Gas industry enterprises. *Vestnik nauki – Bulletin of Science*. 11 (2). pp. 44–52. (In Russian).

23. Kiselev, V.I. (2023) Operation of Oil and Gas Companies in the Context of the Implementation of Global Sustainable Development Policies. *Upravlenie riskom – Risk Management*. 4. pp. 27–34. (In Russian).

24. Altberg, M. et al. (2023) Will Oil and Gas Producers Lose Access to External Financing as Lenders Decarbonize? *S&P Global*. [Online] Available from: <https://www.spglobal.com/en/research-insights/featured/special-editorial/will-oil-and-gas-producers-lose-access-to-external-financing-as-lenders-decarbonize>.

25. Kovski, A. (2022) Tensions grow over calls to restrict financing for oil, gas industry. *Oil & Gas Journal*. [Online] Available from: <https://www.ogj.com/general-interest/economics-markets/article/14234388/tensions-grow-over-calls-to-restrict-financing-for-oil-gas-industry>.

26. Consultant Plus. (2017) *Order of the Government of the Russian Federation No. 1299-r dated June 20, 2017, "On approval of the list of main technological equipment operated in the case of the use of the best available technologies"*. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_218766/ (In Russian).

27. Irkutsk Oil Company. (2022) *Integrated annual report of JSC INK-Capital for 2022*. [Online] Available from: <https://irkutskoil.ru/upload/iblock/266/65hx0vkbmr0zgirkf0jvd7dzhqr6gws9.pdf> (In Russian).

28. Klimentiev, A.Yu. et al. (2023) Helium Market and Problems of Eastern Siberia. *Neftegazovoe delo – Petroleum Engineering*. 21 (6). pp. 278–296. (In Russian). doi: 10.17122/ngdelo-2023-6-278-296

Информация об авторе:

Шарф И.В. – доктор экономических наук, профессор Инженерной школы природных ресурсов, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (Томск, Россия). E-mail: irina_sharf@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.V. Sharf, Dr. Sci. (Economics), professor, School of Earth Sciences & Engineering, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: irina_sharf@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 19.02.2024;
одобрена после рецензирования 17.03.2024; принята к публикации 16.05.2024.*

*The article was submitted 19.02.2024;
approved after reviewing 17.03.2024; accepted for publication 16.05.2024.*

Мировая экономика

Научная статья
УДК 314
doi: 10.17223/19988648/66/21

Сравнительный анализ уровней человеческого развития северных регионов в мировой экономике

Кирилл Юрьевич Курилов¹

¹ *Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия,
ky.kurilov@gmail.com; ORCID: 0000-0003-1540-5388*

Аннотация. Северные регионы России играют в жизни страны существенную роль. В первую очередь это обусловлено их значительной площадью. Северные регионы России являются центром добычи редкоземельных металлов, в том числе никеля, кобальта, алмазов и т. д. Основная проблема российских северных регионов – демография и экономическое развитие. По основным показателям северные регионы России отстают от лидеров среди стран северного региона – скандинавских стран. Средняя плотность населения ниже по сравнению со скандинавскими странами в 14 раз, а суммарный показатель ВРП ниже соответствующих показателей скандинавских стран более чем в 3 раза. Это делает актуальной разработку направлений социально-экономического развития северных регионов России на основе бенчмаркинга. Для проведения бенчмаркинга была осуществлена группировка северных стран и регионов. На основе группировки и бенчмаркинга были получены показатели развития северных регионов России для каждой группы.

Ключевые слова: северные страны, северные регионы, кластерный анализ, бенчмаркинг, стратегия развития, индекс человеческого развития

Для цитирования: Курилов К.Ю. Сравнительный анализ уровней человеческого развития северных регионов в мировой экономике // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2024. № 66. С. 327–344. doi: 10.17223/19988648/66/21

World economy

Original article

Comparative analysis of the northern regions' human development levels in the world economy

Kirill Yu. Kurilov¹

¹ Institute of Finance, Economics and Management, Togliatti, Russian Federation, ky.kurilov@gmail.com; ORCID: 0000-0003-1540-5388

Abstract: The northern regions of Russia play a significant role in the life of the country. First of all, this is due to the large area of the northern regions. The northern regions of Russia are a center for the production of rare earth metals, including nickel and cobalt, diamonds, etc. The main problem of the Russian northern regions is demography and economic development. In terms of key indicators, the northern regions of Russia lag behind the leaders among the countries of the northern region - the Scandinavian countries. The average population density is 14 times lower compared to the Scandinavian countries, and the total GRP indicator of the Russian northern regions is more than three times lower than the corresponding indicators of the Scandinavian countries. This makes it urgent to develop directions for the socio-economic development of the northern regions of Russia on the basis of benchmarking. To carry out benchmarking, a grouping of Nordic countries and regions was carried out. Based on the grouping and benchmarking carried out, development indicators for the northern regions of Russia were obtained for each group.

Keywords: Nordic countries, northern regions, cluster analysis, benchmarking, development strategy, human development index

For citation: Kurilov, K.Yu. (2024) Comparative analysis of the northern regions' human development levels in the world economy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 66. pp. 327–344. (In Russian). doi: 10.17223/19988648/66/21

Введение

Северные регионы играют в жизни современной России огромную роль. В первую очередь это источник полезных ископаемых. Например, по углеводородным запасам в северных регионах России находится более 20% российских запасов нефти и свыше 70% газа. В отличие от других стран с северными территориями, осуществляющими добычу углеводородов, этот показатель у России является самым высоким. Также север России – центр добычи редкоземельных металлов, например никеля и кобальта. Аналогичная ситуация наблюдается и в добыче алмазов, основная доля которых находится в Республике Саха (Якутия) и в Архангельской области. Северные регионы России занимают наибольшую площадь территории – 56,84%. На этой значительной территории проживает только 6,47% населения России. В среднем здесь на 1 км² площади приходится 1 человек. Наибольшая плотность населения в Мурманской области – 4,55 чел. на 1 кв. км, наименьшая –

в Чукотском автономном округе – 0,07 чел. на 1 кв. км. При этом соседние северные страны, такие как Финляндия, Норвегия, Дания, Швеция, имеют более высокую плотность населения, чем северные регионы России. Данная статистика показывает острое противоречие в развитии северных российских регионов – огромные природные богатства, обеспечивающие благосостояние России, при незначительном населении, проживающем на данной территории.

Ситуация осложняется тем, что Северный Ледовитый океан, непосредственно прилегающий к северным регионам России, является огромным источником природных ресурсов. По данным Геологической службы США, запасы нефти в Северном Ледовитом океане составляют 22% от объемов существующих неразведанных нефтяных месторождений в мире. Это подразумевает достаточно острую борьбу за ресурсы Северного Ледовитого океана, непосредственную роль в которой будет играть наличие достаточного количества населения для удержания территорий вдоль Северного Ледовитого океана и экономического освоения имеющихся ресурсов. Подтверждением актуальности этой проблемы служит китайская арктическая политика (China's Arctic Policy, 2018). При этом в составе Китая отсутствуют регионы, которые расположены в Арктической зоне.

Следует отметить рост среднегодовой температуры земной поверхности. Это делает северные регионы более привлекательными для жизни человека и позволяет более успешно осваивать их по всему миру. Потепление также делает северные регионы потенциальным объектом агрессии со стороны других государств со значительным населением.

Поэтому в настоящее время является актуальным стратегическое развитие северных регионов в целях обеспечения России источниками сырья и сохранение территориальной целостности страны.

При определении стратегических направлений развития необходимо провести анализ динамики развития регионов России в сравнении с зарубежными северными странами (их северными регионами), в число которых входят: Канада (северные территории), Финляндия, Исландия, Норвегия, Россия, Швеция, Дания (в том числе Гренландия).

Обзор литературы и исследований

Следует отметить, что вопросам развития арктических северных регионов посвящено достаточно большое количество статей и публикаций отечественных и зарубежных авторов.

Экономике и финансам северных стран и регионов тоже посвящено множество работ. Их можно разделить на три основных блока: макроэкономические исследования, исследования отраслевой экономики, социально-экологические исследования.

К первой группе исследований следует отнести работу Феллмана [1], который описывает экономическое развитие в странах Северной Европы в различные периоды, начиная с окончания Второй мировой войны, и включающие в себя все крупные экономические кризисы, которые происходили в

выбранных в исследование скандинавских странах (Дания, Финляндия, Норвегия, Швеция, Исландия). При этом в работе отсутствует ранжирование северных стран по экономическим и другим показателям. Экономике Исландии посвящена работа Духса [2]. Автор рассматривает развитие Исландии как маленькой, изолированной и ресурсозависимой страны, которая за последнее столетие преодолела путь от относительно бедной к одной из богатейших стран мира. В исследовании автор проводит сравнение экономики Исландии с экономикой Австралии, хотя было более целесообразно рассмотреть сравнение с экономикой других северных стран, например Гренландии. Принципы экономической демократии как база для формирования модели экономики отражены в работе Пракосо и Нумади [3], где авторы делают вывод о том, что использование этих принципов позволило скандинавским странам достичь высокого уровня социально-экономического развития. В работе Патраковой и Кожевникова рассматривается пространственная организация северных регионов, и описаны две модели развития северных территорий: скандинавская, основанная на заселении территорий, и путь Канады и США, который ориентирован на освоение природных ресурсов [4, с. 38]. Пространственной организации экономики Чукотки посвящено исследование Тарасовой и Соколовой [5, с. 3]. По итогам работы оценены прогнозные эффекты реализации различных инвестиционных проектов на территории Чукотского автономного округа (Россия). В целом исследование является объективным и актуальным, однако целесообразно было бы рассмотреть пространственную организацию нескольких северных регионов России и сравнить ее с пространственной организацией нескольких развитых северных стран. Экспорт вооружений северными странами и возникающие в связи с этим проблемы изучены в работе Вейкканен [6].

Первая группа исследований достаточно объективно рассматривает экономику и экономические процессы северных стран и регионов. Основным недостатком публикаций и проведенных исследований связан с достаточно узким объектом исследования, представляющим отдельную страну или группу стран, например скандинавские страны, и не охватывает всю совокупность северных стран и регионов.

Вторая группа авторских работ посвящена развитию и функционированию различных отраслей промышленности, начиная от туризма и заканчивая оборонной промышленностью. Также уделяется внимание и относительно новым явлениям в экономике северных стран, например бекшорингу, который рассмотрен в работе Хейккила и др. [7, с. 659]. Исследование базируется на достаточной информационной базе – более 229 финских предприятий. По результатам исследования был сделан вывод о том, что бекшоринг наблюдается в высокотехнологических отраслях финской промышленности с высокой добавленной стоимостью. Однако проблема бекшоринга рассматривается только в разрезе финской экономики, без учета аналогичных явлений в других северных странах. Мальцева предлагает развитие социального предпринимательства, так как классический бизнес в

условиях северных регионов становится нерентабельным и приводит к банкротству и прекращению деятельности сельскохозяйственных предприятий [8, с. 74]. Развитие орнитологического туризма на Аляске в целях диверсификации экономики региона раскрывается в исследовании Швоерера и Доусона [9, с. 2]. Вопросы деиндустриализации, связанные с закрытием шахт и промышленных предприятий, рассматриваются в работах Лима и др. [10, с. 1]. Инновационной политике судостроительной отрасли северных регионов России посвящено исследование Польшкова, в котором представлен прикладной инструментарий управления судостроительной отраслью [11, с. 215].

Северные страны и регионы отличает неблагоприятный для ведения сельского хозяйства и бизнеса климат. При этом издержки на доставку необходимых товаров достаточно высоки, что подтверждается работой Феллоуса и Томбе, исследующих торговые издержки на территории северных регионов Канады [12, с. 31]. Поэтому для северных регионов является актуальным развитие собственной сельскохозяйственной промышленности в целях обеспечения продовольственной безопасности и повышения занятости местного населения.

Проблемам сельского хозяйства Исландии, связанным с климатическими условиями, посвящено исследование Фрэдриха и Хейдари, однако в работе отсутствует анализ проблем сельского хозяйства в аналогичных по климатическим условиям северных странах и регионах [13]. Функционированию малых форм хозяйствования в сельском, лесном хозяйстве, охоте, рыболовстве и рыбоводстве Республики Коми (Россия) посвящено исследование Иванова, в котором производится анализ финансового состояния экономики северных территорий и формируются предложения по направлениям стратегического развития сельского хозяйства северных территорий России [14]. Стратегия развития сельского хозяйства северных регионов на примере Республики Коми (Россия) рассмотрена в статье Лаженцева и Иванова [15, с. 699]. Решение проблемы создания институтов и ресурсной политики для экосистемной и социально-устойчивой экономики, основанной на сельском хозяйстве и мелкомасштабном рыболовстве на Аляске, рассмотрено в работе Донкерслота и др. [16]. Вопросы рыночной организации лесного хозяйства исследуются в статье Петрова и Морковиной [17]. Также доказываются приоритеты государственно-частного партнерства в системе лесных отношений. Вопросам влияния климата и колебаний цен на мировых рынках на продукцию рыболовной промышленности Исландии и Аляски посвящена работа МакГудвина [18, с. 43].

Несмотря на многочисленные глубокие исследования в области отраслевой экономики северных стран и регионов, существует объективная необходимость обобщения и формирования передовых практик на основе бенчмаркинга для всех северных стран и регионов для повышения общего уровня жизни и сохранения коренного населения этих районов и их уникальной культуры.

Северные страны и регионы, несмотря на большую территорию и объем природных богатств, обладают достаточно уязвимой экосистемой, что делает важным сбалансированный и ресурсосберегающий подход к развитию промышленности.

Существует большой объем исследований, посвященных социально-экологическим проблемам северных стран и регионов. Часть исследований посвящена устойчивому развитию, которое позволяет достичь баланса между развитием промышленности, социальной сферой и экологией. Среди работ, посвященных устойчивому развитию, следует выделить исследование Черповитсян и др., в котором рассматриваются вопросы устойчивого развития при освоении месторождений нефти и газа в Арктике [19, с. 2]. Также следует выделить работу Шифф [20, с. 69], в которой затрагивается проблема устойчивого развития сельского хозяйства в Северном Онтарио. Поиску возможностей и ограничений эффективного использования возобновляемых биоресурсов посвящена работа Дмитриевой [21, с. 162]. Результат работы заключается в предложениях по формированию зеленой экономики Республики Коми (Россия). Размещение импактных облигаций в целях борьбы с диабетом и интеграции мигрантов рассмотрено в исследовании Тиккайнен [22, с. 1]. Выбросам парниковых газов, экологизации экономики посвящена статья Алола и др. [23].

Основным недостатком исследований является локальное рассмотрение проблем на примере одного региона и страны. При этом большинство проблем являются типичными и наличие стандартных способов их решения в масштабах всех северных стран и регионов позволит улучшить условия жизни в северных широтах мира в целом.

Актуальным является выделение среди северных стран и регионов наиболее развитых субъектов. Цель такого выделения в осуществлении масштабирования их успешного опыта на остальные северные страны и регионы. Для этого необходимо достичь основной цели данного исследования – определить целевые показатели развития северных регионов России на основе бенчмаркинга.

Материалы и методы

На первом этапе проведем группировку северных стран и регионов. Для этого будем использовать такие показатели, как площадь территории, численность населения, плотность населения, валовый внутренний продукт для стран и валовый региональный продукт для регионов, а также индекс человеческого развития. Для расчета ВРП северных регионов был использован курс на 27.10.2023 г. 70 руб. за доллар США.

Для проведения группировки привлечем такой математический метод, как кластерный анализ. В настоящее время кластерный анализ широко применяется в социально-экономических исследованиях. Примером этого могут служить работы Денаро и др., в которых приводится сравнение методологий кластерного анализа для характеристики протокола наблюдения в классе для данных STEM (COPUS) студентов бакалавриата [24, с. 2]. Хассе и Ладжани предлагают использовать методологию кластерного анализа для мониторинга экономических циклов [25, с. 10], Маникарос и Авгеринос применяют в своем исследовании кластерную выборку для анализа удовлетворенности пользователей образовательной платформы дистанционного обучения [26, с. 2].

Мы воспользуемся методом k -средних, который является наиболее популярным методом кластеризации, предложенным математиками Гуго Штейнгаузом и Стюартом Ллойдом.

Алгоритм кластеризации предусматривает минимизацию суммарного квадратичного отклонения точек кластеров от их центров в соответствии с формулой (1).

$$V = \sum_{i=1}^k \sum_{x \in S_i} (x - \mu_i)^2, \quad (1)$$

где k – число кластеров, S_i – полученные в результате кластерного анализа кластеры, $i = 1, 2, \dots, k$, а μ_i – соответствующий центр масс векторов x соответствующего кластера S_i .

Результаты исследования

По результатам проведенного кластерного анализа было получено четыре группы, которые характеризуются отличительными признаками.

Первая группа представляет собой четыре скандинавские страны: Финляндию, Норвегию, Данию, Швецию. Скандинавские страны характеризуются высоким уровнем индекса человеческого развития (0,94–0,96). Также эта группа характеризуется значительным количеством и плотностью населения, превосходящими по данным показателям все остальные северные регионы мира. Численность населения этой группы стран составляет 27,4 млн чел. (71,78% населения северных стран и регионов), в то время как население северных стран и регионов других групп составляет 10,7 млн чел. Экономические показатели этой группы стран также являются значительными. Объем ВВП составляет 1,84 трлн долл. (85,73% от общего объема ВВП и ВРП всех северных регионов мира), в то время как суммарный ВВП и ВРП остальных северных стран и регионов равен 306,6 млрд долл. Таким образом, данный кластер является своеобразной «северной звездой», но занимает только 6,44% от общей территории северных регионов мира. По численности населения лидирует Швеция с населением 10,4 млн чел., по плотности населения – Дания с плотностью населения 136,98 чел./м², по уровню ВВП – Норвегия с показателем 579,3 млрд руб.

Данную группу стран можно использовать для бенчмаркинга российских северных регионов при определении стратегических направлений развития российских северных регионов. Основные показатели деятельности страны первой группы представлены в табл. 1.

Во вторую группу входят северные страны и регионы стран мира: Гренландия (Дания), Аляска (США), Нунавут (Канада), Красноярский край (Россия) и Республика Саха – Якутия (Россия). Эту группу можно охарактеризовать как группу регионов с большой площадью и низкой плотностью населения, которая ниже, чем в среднем по группе северных стран и регионов (2 чел. на 1 км²). Площадь регионов этого кластера занимает 60,6% от площади всех северных стран и регионов. Население этих регионов составляет

12,24% от общей численности населения северных стран и регионов. Совокупное ВВП и ВРП данного кластера составляет 6,38% от совокупного ВВП и ВРП северных стран и регионов. По объему ВВП во втором кластере лидируют Аляска (США) и Красноярский край с показателями 63,6 и 43,8 млрд долл. соответственно. Наибольшая численность населения в таких регионах России, как Красноярский край, Республика Саха (Якутия), и в Аляске (США) (см. табл. 2).

Таблица 1. Данные, характеризующие первую группу стран и регионов, полученную по результатам кластерного анализа

Страна	Территория, м ²	Население, чел.	Плотность населения, чел./км ²	ВВП / ВРП (2022), млрд долл. США	ВВП / ВРП на душу населения (2022), долл. США	ИЧР
Финляндия	338 145	5 556 880	16,43	280,8	50 536	0,94
Норвегия	385 207	5 457 130	14,17	579,3	106 149	0,96
Дания	43 094	5 903 040	136,98	395,4	66 983	0,95
Швеция	447 435	10 484 940	23,43	585,9	55 884	0,95
Итого:	1 213 881	27 401 990	22,57	1 841	67 201	

Источник: составлено автором на основании данных: URL: <https://data.worldbank.org/> и <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 27.10.2023).

Таблица 2. Данные, характеризующие вторую группу стран и регионов, полученную по результатам кластерного анализа

Страна	Территория, м ²	Население, чел.	Плотность населения, чел./км ²	ВВП / ВРП (2022), млрд долл. США	ВВП / ВРП на душу населения (2022), долл. США	ИЧР
Гренландия (Дания)	2 166 086	56 660	0,03	3,2	57 095	0,94
Аляска (США)	1 717 854	733 391	0,43	63,6	86 745	0,93
Нунавут (Канада)	2 093 190	39 353	0,02	3,4	86 400	0,93
Красноярский край	2 366 797	2 845 545	1,20	43,8	15 387	0,87
Республика Саха (Якутия)	3 083 523	997 565	0,32	23,1	23 135	0,89
Итого:	11 427 450	4 672 514	0,41	137	29 345	

Источник: составлено автором на основании данных: URL: <https://data.worldbank.org/> и <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 27.10.2023).

В третью группу входят Исландия и северные регионы России, такие как Мурманская область, Республика Карелия, Архангельская область, Республика Коми, Ханты-Мансийский автономный округ (табл. 3).

Таблица 3. Данные, характеризующие третью группу стран и регионов, полученную по результатам кластерного анализа

Страна	Территория, м ²	Население, чел.	Плотность населения, чел./км ²	ВВП / ВРП (2022), млрд долл. США	ВВП / ВРП на душу населения (2022), долл. США	ИЧР
Исландия	103 125	381 900	3,70	27,8	72 901	0,95
Мурманская область	144 902	658 698	4,55	15,5	23 505	0,85
Республика Карелия	180 520	527 880	2,924	6,4	12 101	0,84
Архангельская область	589 913	1 005 687	1,705	15,1	14 992	0,84
Республика Коми	416 774	726 434	1,743	12,2	16 854	0,87
Ханты-Мансийский автономный округ	534 801	1 730 353	3,236	59,4	34 311	0,91
Итого:	1 866 910	4 649 052	2,49	109	23 351	

Источник: составлено автором на основании данных: URL: <https://data.worldbank.org/> и <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 27.10.2023).

Указанную выше группу стран и северных регионов можно охарактеризовать как группу регионов с относительно малой площадью по сравнению со второй и четвертой группами (9,9% от общего объема северных стран и регионов), плотностью населения выше среднего значения (в среднем 2,49 чел./м²). Совокупное ВВП и ВРП данного кластера составляет 5,05% от совокупного ВВП и ВРП северных стран и регионов. Наибольшие показатели по значению ВВП/ВРП имеют Ханты-Мансийский автономный округ (59,4 млрд долл.) и Исландия (27,8 млрд долл.). Также эти регионы лидируют по показателю ИЧР. По численности населения лидируют Ханты-Мансийский автономный округ с населением 1,73 млн чел. и Архангельская область – более 1 млн чел.

Необходимо отметить, что климатические условия в российских регионах, входящих в третий кластер, относительно мягкие по сравнению с другими регионами Севера. Так, например, средняя температура в столицах регионов выше нуля, что в условиях глобального потепления делает возможным увеличение численности населения в этих регионах и увеличение экономической активности.

Четвертый кластер составляют регионы Канады: Юкон, Северо-Западные территории, а также российские регионы: Ямало-Ненецкий автономный округ, Чукотский автономный округ, Магаданская область, Камчатский край.

Данная группа регионов северных стран характеризуется очень низкой плотностью населения (0,25 чел./м²), при средней по северным странам и регионам 2,02 чел./м²). Доля населения регионов северных стран четвертой группы составляет 2,8% от общего объема населения северных стран и регионов. Доля объема ВРП кластера в общем объеме ВВП/ВРП составляет 1,54%, что позволяет сделать вывод о незначительном влиянии этих северных регионов на мировую экономику. Наибольший объем ВВП у следующих

российских регионов: Ямало-Ненецкий автономный округ – 15,5 млрд долл., Камчатский край – 4,8 млрд долл. и Магаданская область – 4,5 млрд долл. Территория регионов, входящих в данный кластер, достаточно значительная – 22,52% от общего объема территории северных стран и регионов. По индексу ИЧР лидируют регионы Канады: Юкон и Северо-Западные территории с показателем 0,93, а также российский Ямало-Ненецкий автономный округ с показателем 0,9.

Показатели, характеризующие четвертый кластер, приведены в табл. 4.

Таблица 4. Данные, характеризующие четвертую группу стран и регионов, полученную по результатам кластерного анализа

Страна/регион	Территория, м ²	Население, чел.	Плотность населения, чел./км ²	ВВП / ВРП (2022), млрд долл. США	ВВП / ВРП на душу населения (2022), долл. США	ИЧР
Юкон (Канада)	482 443	42 986	0,089	2,7	62 522	0,93
Северо-Западные территории (Канада)	1 346 106	43 349	0,032	3,6	83 122	0,93
Ямало-Ненецкий автономный округ	769 250	512 387	0,666	15,5	30 217	0,90
Чукотский автономный округ	721 481	47 840	0,066	1,9	40 657	0,85
Магаданская область	462 464	134 315	0,290	4,5	33 472	0,87
Камчатский край	464 275	288 730	0,622	4,8	16 699	0,84
Итого:	4 246 019	1 069 607	0,252	33	30 886	

Источник: составлено автором на основании данных: URL: <https://data.worldbank.org/> и <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 27.10.2023).

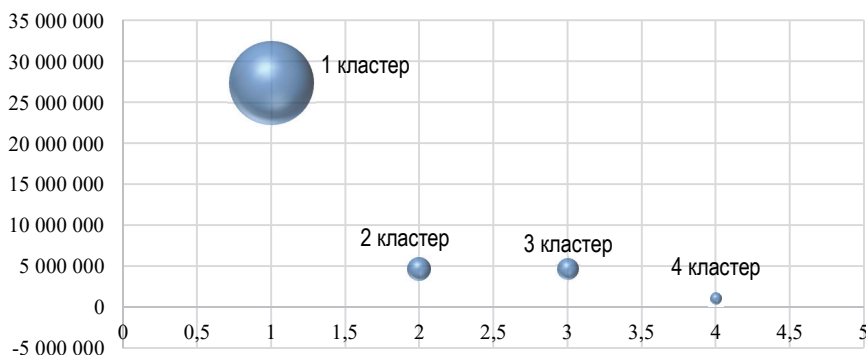

Рис. 1. Визуальное отображение полученных кластеров с учетом показателя «население» (чел.) и «ВВП/ВРП» (млрд долл. США), плотность населения северных стран и регионов России.

Источник: составлено автором на основании данных: URL: <https://data.worldbank.org/> и <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 27.10.2023)

Следует отметить, что данный регион находится в относительно плохих климатических условиях, косвенно характеризующихся средними температурами в столицах регионов, в которых в основном показатель среднегодовой температуры ниже нуля, а большая часть территории находится в Арктической зоне.

Визуальное отображение полученных кластеров с учетом показателей «население» (чел.) и «ВВП/ВРП» (млрд долл. США) показано на рис. 1. Здесь представлено распределение кластеров относительно этих двух показателей. Страны и регионы первого кластера производят наибольший объем продукции и услуг. Наименьшие исследуемые показатели у стран четвертого кластера, находящихся в самых жестких климатических условиях.

Выводы

На основании результатов проведенного кластерного анализа можно сделать вывод о направлениях стратегического развития северных регионов России.

Наибольший потенциал для развития имеет третий кластер в силу более мягких по сравнению с другими северными регионами климатических условий. Бенчмаркингом для этих регионов должны стать скандинавские страны первого кластера (табл. 5).

Таблица 5. Целевые показатели развития северных регионов России третьего кластера

Страна/регион	Население, чел.	Население, чел. КРІ	Необходимый прирост численности населения	ВВП / ВРП (2022), млрд долл. США	ВВП / ВРП, млрд долл. США КРІ	Необходимый прирост показателя «ВВП / ВРП», млрд долл. США
Мурманская область	381 900	2 217 001	1 835 101	28	118,0	90,1
Карелия (Республика Карелия)	658 698	2 761 956	2 103 258	15	147,0	131,5
Архангельская область	527 880	9 025 669	8 497 789	6	480,3	473,9
Республика Коми	1 005 687	6 376 642	5 370 955	15	339,3	324,2
Ханты-Мансийский автономный округ	726 434	8 182 455	7 456 021	12	435,4	423,1
Итого:	1 730 353	28 563 723	26 833 370	59	1 520	1 443

Источник: составлено автором на основании данных: URL: <https://data.worldbank.org/> и <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 27.10.2023).

Основными целевыми показателями (КРІ) при достижении стратегических целей должны стать:

– увеличение численности населения российских северных регионов за счет улучшения условий жизни населения, обеспечения занятости населения;

– увеличение ВРП регионов за счет развития сферы услуг и производства продукции с высокой добавленной стоимостью;

– развитие высокотехнологичных производств и инновационных производств в регионах.

Основные показатели, которые должны быть достигнуты в процессе развития российских северных регионов, представлены в табл. 5.

Показатели табл. 5 были получены следующим образом. В качестве бенчмаркинга были выбраны скандинавские страны, которые составляют первый кластер и имеют схожие климатические условия и условия хозяйствования, как и российские регионы третьего кластера. Для расчета целевой численности населения были использованы данные о наименьшей плотности населения Норвегии и Финляндии, которая составляет в среднем 15,3 чел. на кв. км. В целях расчета целевого показателя были использованы наименьшие показатели ВВП / ВРП на душу населения (2022) стран первого кластера – Финляндии и Швеции, среднее значение которого составляет 53 210 долл. США.

Указанные в табл. 5 целевые показатели (КРП) являются достаточно труднодостижимыми: так, численность населения должна увеличиться в 15,9 раза, а ВРП регионов – в 25,7 раза. Достижение таких показателей крайне необходимо, так как в настоящий момент эти регионы являются малонаселенными. Население северных стран первого кластера превосходит население расположенных в относительной близости северных регионов третьего кластера в 6,4 раза. Учитывая фактор глобального потепления, а также наличие ценных природных ресурсов, необходимо резкое увеличение численности населения и развитие всех видов промышленности и сферы услуг, особенно внутреннего и международного туризма.

Определяя целевые показатели развития для северных российских регионов, входящих во второй кластер, необходимо исходить из следующих условий, характеризующих данные регионы: большой территории и сложной климатической обстановки (табл. 6).

Учитывая это, возможность развития этих регионов за счет роста населения практически отсутствует. Возможным вариантом развития является развитие опорных базовых центров культуры и цивилизации в зонах с пригодным климатом и в зонах, где постоянное проживание населения является необходимым для поддержания производственных процессов, например в г. Норильске Красноярского края.

Необходима также и планомерная работа по росту коренного населения регионов. Для этого следует использовать новые технологии в области сельского хозяйства, рыболовной промышленности, домостроения. Важным является интенсификация сферы производства и услуг, а также туризма с целью повышения ВРП северных регионов России. Для повышения объективности контроля показателей необходимо выделение северных районов Красноярского края (Таймырский (Долгано-Ненецкий), Туруханский, Эвенкийский районы) в отдельный объект статистического наблюдения с отдельным расчетом динамики ВРП, ИЧР и других социально-экономических показателей, так как климатические условия в этих районах значительным образом отличаются от более южных районов Красноярского края в худшую для проживания людей сторону.

Таблица 6. Целевые показатели развития северных регионов России второго кластера

Страна/регион	Население, чел.	Население, чел. КРІ	Необходимый прирост численности населения	ВВП / ВРП (2022), млрд долл. США	ВВП / ВРП (2022), млрд долл. США КРІ	Необходимый прирост показателя «ВВП / ВРП», млрд долл. США
Красноярский край, в том числе:	2 366 797	381 900	1 178 447	796 547	28	67,3
Таймырский (Долгано-Ненецкий) район	879 929	30 154	378 369	348 215	–	–
Туруханский район	209 309	12 808	90 003	77 195	–	–
Эвенкийский район	763 197	13 404	328 175	314 771	–	–
Республика Саха (Якутия)	3 083 523	658 698	1 325 915	667 217	15	75,7
Итого:	7 302 755	1 730 353	3 300 909	1 570 556	59	143

Источник: составлено автором на основании данных: URL: <https://data.worldbank.org/> и <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 27.10.2023).

Для расчета целевого показателя ВРП северных регионов России второго кластера необходимо использовать показатель Гренландии (Дания) в размере 57 095 тыс. долл. на одного проживающего. При расчете показателя целевой численности населения был использован показатель плотности населения Аляски (США) в размере 0,43 чел. на кв. км. При этом целевые показатели для Красноярского края были рассчитаны только с учетом северных районов края. Для южных районов Красноярского края показатели должны рассчитываться с учетом более удобного для проживания климата.

Подводя итоги формирования целевых показателей северных регионов России второго кластера, можно сделать вывод о том, что при достижении этих целевых показателей население данных регионов в среднем вырастет в 1,9 раза, а ВРП – в 2,42 раза. Также является необходимым выделение северных регионов Красноярского края в отдельную единицу статистического наблюдения для контроля развития этих регионов. Отмеченные регионы не имеют сухопутной границы с какими-либо иностранными государствами, однако будущее более глубокое освоение природных богатств региона, а также обеспечение функционирования Северного морского пути требует создания социально-экономической структуры региона, достаточной для функционирования этих проектов.

Применительно к российским северным регионам четвертого кластера целевые показатели развития регионов должны формироваться с учетом следующих факторов: достаточно суровые климатические условия (за исключением некоторых районов Камчатки), значительные ресурсы полезных ископаемых и наличие морской границы с одним из главных исторических

оппонентов России – США (табл. 7). Поэтому, как и с регионами третьего кластера, необходимо целенаправленно увеличивать население регионов кластера с учетом природных особенностей.

Таблица 7. Целевые показатели развития северных регионов России четвертого кластера

Страна/регион	Территория, м ²	Население, чел.	Население, чел. КРІ	Необходимый прирост показателя «население»	ВВП / ВРП (2022), млрд долл. США	ВВП / ВРП, млрд долл. США КРІ	Необходимый прирост показателя «ВВП / ВРП», млрд долл. США
Красноярский край, в том числе:	2 366 797	381 900	1 178 447	796 547	28	67,3	39,4
Таймырский Долгано-Ненецкий район	879 929	30 154	378 369	348 215	–	–	
Туруханский район	209 309	12 808	90 003	77 195	–	–	
Эвенкийский район	763 197	13 404	328 175	314 771	–	–	
Республика Саха (Якутия)	3 083 523	658 698	1 325 915	667 217	15	75,7	60,2
Итого:	7 302 755	1 730 353	3 300 909	1 570 556	59	143	100

Источник: составлено автором на основании данных: URL: <https://data.worldbank.org/> и <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 27.10.2023).

Также необходимо увеличить ВРП регионов до уровня Юкона (Канада) с показателем ВРП на одного жителя в размере 62 522 долл. США. При этом, учитывая схожие климатические условия, возможно увеличить плотность населения Чукотского автономного округа и Магаданской области с 0,066 чел. на км² и 0,29 чел. на км² до значения, аналогичного показателю Ямало-Ненецкого автономного округа (0,666 чел. на км²). Целевой показатель численности населения Камчатского края предлагается определить с учетом плотности северной страны первого кластера Норвегии в размере 14,17 чел. на кв. км. Рост населения Камчатского края необходим также и в связи с близостью морской границы с США. Целевой показатель численности населения Ямало-Ненецкого автономного округа оставим без изменения с учетом сохранения численности на текущем уровне.

Полученные целевые показатели развития северных регионов России четвертого кластера позволяют сделать вывод о том, что их выполнение обеспечит прирост населения на 6,1 млн чел., в основном за счет Камчатского края, а также прирост ВРП на 466 млрд долл. США. ИЧР регионов

должен достигнуть значения 0,93 (текущий уровень ИЧР канадских северных регионов этого кластера). Указанный рост должен быть обеспечен за счет совершенствования социально-экономической системы, миграционной политики, развития промышленности, сельского хозяйства и других видов отраслей региона. Достижение указанных показателей также позволит обеспечить успешное освоение природных богатств этих регионов и повышение обороноспособности морских границ России.

Список источников

1. *Fellman S.* Economic development in the Nordic countries. Aarhus Universitet, 2019. URL: <https://nordics.info/show/artikel/economic-development-in-the-nordic-countries>
2. *Duhs L.A.* Iceland: Evolution of a small resource-based economy // *Economic Analysis and Policy*. 2021. № 69. P. 574–584. doi: 10.1016/j.eap.2021.01.007
3. *Prakoso F.F., Numadi K.R.* Nordic Economy Model: Principle for Economic Democracy // *Jurnal Global & Strategis*. 2021. № 15 (1). P. 79–102. doi: 10.20473/jgs.15.1.2021.79-102
4. *Патракова С.С., Кожевикиев С.А.* Пространственная организация экономики северных регионов: зарубежный опыт // *Север и Рынок: Формирование Экономического Порядка*. 2020. № 68 (2). P. 37–48. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44122388>. doi: 10.37614/2220-802X.2.2020.68.004
5. *Tarasova O.V., Sokolova A.A.* Spatial organization of the Chukotka's economy // *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*. 2019. № 302 (1). P. 1–10. doi: 10.1088/1755-1315/302/1/012113
6. *Veikkanen T.* An introduction to Nordic arms exports since 1990, with a focus on Finland. 2020. URL: <https://nordics.info/show/artikel/post-cold-war-arms-exports-and-arms-control-in-finland> (дата обращения: 27.10.2023).
7. *Heikkilä J., Martinsuo M., Nenonen S.* Backshoring of production in the context of a small and open Nordic economy // *Journal of Manufacturing Technology Management*. 2018. № 29 (4). P. 658–675. doi: 10.1108/JMTM-12-2016-0178
8. *Мальцева И.С.* Некоммерческие инструменты развития сельской экономики северного региона // *Север и Рынок: Формирование Экономического Порядка*. 2019. № 65(3). P. 73–85. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=4128637>. doi: 10.25702/KSC.2220-802X.2019.65.3.73-85
9. *Schwoerer T., Dawson N.G.* Small sight—Big might: Economic impact of bird tourism shows opportunities for rural communities and biodiversity conservation // *PLoS ONE*. 2022. № 17 (7 July). P. 1–18. doi: 10.1371/journal.pone.0268594
10. *Lim T.W., Keeling A., Satterfield T.* We Thought It Would Last Forever: The Social Scars and Legacy Effects of Mine Closure at Nanisivik // *Canada's First High Arctic Mine. Labour/ Le Travail*. 2023. № 91. P. 115–146. doi: 10.52975/lt.2023v91.008
11. *Польшиков Ю.Н.* Направления инновационной политики судостроительной отрасли России в контексте развития экономики северных регионов // *Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера*. 2022. № 2 (2). С. 213–226. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49329074>. doi: 10.34130/2070-4992-2022-2-2-213
12. *Fellows G.K., Tombe T.* Opening Canada's North: A Study of Trade Costs in the Territories // *SSRN Electronic Journal*. 2018. P. 1–33. doi: 10.2139/ssrn.3217725
13. *Fraedrich W., Heidari N.* The Economy of Iceland. 2019. P. 95–108. doi: 10.1007/978-3-319-90863-2_5
14. *Иванов В.* Сельская экономика северного региона: особенности, направления и механизмы развития // *Север и Рынок: Формирование Экономического Порядка*. 2021. № 24 (2). С. 46–55. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46249544>. doi: 10.37614/2220-802X.2.2021.72.004

15. Лажнецов В.Н., Иванов В.А. Стратегия сельского развития Северного региона // Экономика регионов. 2020. № 16 (3). С. 697–711. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44092110>. doi: 10.17059/ekon.reg.2020-3-2
16. Donkersloot R., Coleman J., Carothers C., Ringer D., Cullenberg P. Kin, community, and diverse rural economies: Rethinking resource governance for Alaska rural fisheries // Marine Policy. 2020. № 117. P. 1–12. doi: 10.1016/j.marpol.2020.103966
17. Петров А., Морковина С. Организация рынка лесной промышленности: опыт зарубежных стран и регионов России // Лесотехнический журнал. 2017. № 6 (4). С. 250–258. doi: 10.12737/23465
18. McGoodwin J.R. Effects of climatic variability on three fishing economies in high-latitude regions: Implications for fisheries policies // Marine Policy. 2007. № 31 (1). p. 40–55. doi: 10.1016/j.marpol.2006.05.007
19. Cherepovitsyn A., Rutenko E., Solovyova V. Sustainable development of oil and gas resources: A system of environmental, socio-economic, and innovation indicators // Journal of Marine Science and Engineering. 2021. № 9 (11). P. 1–27. doi: 10.3390/jmse9111307
20. Schiff R. Place-Based Sustainability Planning: Implications & Recommendations for Rural Northwestern Ontario // The Northern Review. 2019. № 49. P. 67–88. doi: 10.22584/nr49.2019.009
21. Dmitrieva T.Ye. The Greening of the Bio-Resource Economy of the Northern Region // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2018. P. 160–172. doi: 10.15838/esc.2018.4.58.10
22. Tikkainen O. Impact bonds in the Nordics. URL: <https://nordics.info/show/artikel/impact-bonds-in-the-nordics>. 2023/ (дата обращения: 27.10.2023).
23. Alola A.A., Adebayo T.S., Olagunju I. Assessment of sectoral greenhouse gas emission effects of biomass, fossil fuel, and (non)metallic ore utilization of the Nordic economy // Mineral Economics. 2023. № 1–11. doi: 10.1007/s13563-023-00390-2
24. Denaro K., Sato B., Harlow A., Aebersold A., Verma M. Comparison of cluster analysis methodologies for characterization of classroom observation protocol for undergraduate STEM (COPUS) data // CBE Life Sciences Education. 2021. № 20 (1). P. 1–11. doi: 10.1187/cbe.20-04-0077
25. Hasse J.B., Lajaunie Q. Does the yield curve signal recessions? New evidence from an international panel data analysis // Quarterly Review of Economics and Finance. 2022. № 84. P. 9–22. doi.: 10.1016/j.qref.2022.01.001
26. Manikaros N., Avgerinos E. Cluster sampling MUSA methodology for user satisfaction analysis of an educational distance-learning platform // Eurasia Journal of Mathematics, Science and Technology Education. 2023. № 19 (9). P. 1–11. doi: 10.29333/EJMSTE/13472
27. Tsiouvalas A., Stoeva G., Raspotnik A. Looking for Common Ground: Marine Living Resource Development in Alaska and Northern Norway in the Context of the Blue Economy // Sustainability (Switzerland). 2022. № 14 (7). P. 1–23. doi: 10.3390/su14074115
28. China's Arctic Policy. 2018. URL: http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm

References

1. Fellman, S. (2019) *Economic development in the Nordic countries*. Aarhus Universitet, [Online] Available from: <https://nordics.info/show/artikel/economic-development-in-the-nordic-countries>
2. Duhs, L.A. (2021) Iceland: Evolution of a small resource-based economy. *Economic Analysis and Policy*. 69. pp. 574–584. doi: 10.1016/j.eap.2021.01.007
3. Prakoso, F.F. & Numadi, K.R. (2021) Nordic Economy Model: Principle for Economic Democracy. *Jurnal Global & Strategis*. 15 (1). pp. 79–102. doi: 10.20473/jgs.15.1.2021.79-102
4. Patrakova, S.S. & Kozhevnikov, S.A. (2020) Prostranstvennaya organizatsiya ekonomiki severnykh regionov: zarubezhnyy opyt [Spatial organization of the economy of the northern

- regions: foreign experience]. *Sever i Rynok: Formirovanie Ekonomicheskogo Poryadka*. 68 (2). pp. 37–48. [Online] Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44122388>. doi: 10.37614/2220-802X.2.2020.68.004
5. Tarasova, O.V. & Sokolova, A.A. (2019) Spatial organization of the Chukotka's economy. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*. 302 (1). pp. 1–10. doi: 10.1088/1755-1315/302/1/012113
6. Veikkanen, T. (2020) *An introduction to Nordic arms exports since 1990, with a focus on Finland*. [Online] Available from: <https://nordics.info/show/artikel/post-cold-war-arms-exports-and-arms-control-in-finland> (Accessed: 27.10.2023).
7. Heikkilä, J., Martinsuo, M. & Nenonen, S. (2018) Backshoring of production in the context of a small and open Nordic economy. *Journal of Manufacturing Technology Management*. 29 (4). pp. 658–675. doi: 10.1108/JMTM-12-2016-0178
8. Mal'tseva, I.S. (2019) Nekommercheskie instrumenty razvitiya sel'skoy ekonomiki severnogo regiona [Non-profit instruments for the development of the rural economy of the northern region]. *Sever i Rynok: Formirovanie Ekonomicheskogo Poryadka*. 65 (3). pp. 73–85. [Online] Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=4128637>. doi: 10.25702/KSC.2220-802X.2019.65.3.73-85
9. Schwoerer, T. & Dawson, N.G. (2022) Small sight—Big might: Economic impact of bird tourism shows opportunities for rural communities and biodiversity conservation. *PLoS ONE*. 17 (7 July). pp. 1–18. doi: 10.1371/journal.pone.0268594
10. Lim, T.W., Keeling, A. & Satterfield, T. (2023) We Thought It Would Last Forever: The Social Scars and Legacy Effects of Mine Closure at Nanisivik. *Canada's First High Arctic Mine. Labour/ Le Travail*. 91. pp. 115–146. doi: 10.52975/lt.2023v91.008
11. Pol'shkov, Yu.N. (2022) Napravleniya innovatsionnoy politiki sudostroitel'noy otrasli Rossii v kontekste razvitiya ekonomiki severnykh regionov [Directions of innovation policy of the Russian shipbuilding industry in the context of the development of the economy of the northern regions]. *Korporativnoe upravlenie i innovatsionnoe razvitie ekonomiki Severa*. 2 (2). pp. 213–226. [Online] Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49329074>. doi: 10.34130/2070-4992-2022-2-2-213
12. Fellows, G.K. & Tombe, T. (2018) Opening Canada's North: A Study of Trade Costs in the Territories. *SSRN Electronic Journal*. pp. 1–33. doi: 10.2139/ssrn.3217725
13. Fraedrich, W. & Heidari, N. (2019) *The Economy of Iceland*. pp. 95–108. doi: 10.1007/978-3-319-90863-2_5
14. Ivanov, V. (2021) Sel'skaya ekonomika severnogo regiona: osobennosti, napravleniya i mekhanizmy razvitiya [Rural economy of the northern region: features, directions and mechanisms of development]. *Sever i Rynok: Formirovanie Ekonomicheskogo Poryadka*. 24 (2). pp. 46–55. [Online] Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46249544>. doi: 10.37614/2220-802X.2.2021.72.004
15. Lazhentsev, V.N. & Ivanov, V.A. (2020) Strategiya sel'skogo razvitiya Severnogo regiona [Rural Development Strategy of the Northern Region]. *Ekonomika regionov*. 16 (3). pp. 697–711. [Online] Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44092110>. doi: 10.17059/ekon.reg.2020-3-2
16. Donkersloot, R. et al. (2020) Kin, community, and diverse rural economies: Rethinking resource governance for Alaska rural fisheries. *Marine Policy*. 117. pp. 1–12. doi: 10.1016/j.marpol.2020.103966
17. Petrov, A. & Morkovina, S. (2017) Organizatsiya rynka lesnoy promyshlennosti: opyt zarubezhnykh stran i regionov Rossii [Organization of the forest industry market: experience of foreign countries and regions of Russia]. *Lesotekhnicheskii zhurnal*. 6 (4). pp. 250–258. doi: 10.12737/23465
18. McGoodwin, J.R. (2007) Effects of climatic variability on three fishing economies in high-latitude regions: Implications for fisheries policies. *Marine Policy*. 31 (1). pp. 40–55. doi: 10.1016/j.marpol.2006.05.007

19. Cherepovitsyn, A., Rutenko, E. & Solovyova, V. (2021) Sustainable development of oil and gas resources: A system of environmental, socio-economic, and innovation indicators. *Journal of Marine Science and Engineering*. 9 (11). pp. 1–27. doi: 10.3390/jmse9111307
20. Schiff, R. (2019) Place-Based Sustainability Planning: Implications & Recommendations for Rural Northwestern Ontario. *The Northern Review*. 49. pp. 67–88. doi: 10.22584/nr49.2019.009
21. Dmitrieva, T.Ye. (2018) The Greening of the Bio-Resource Economy of the Northern Region. In: *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. pp. 160–172. doi: 10.15838/esc.2018.4.58.10
22. Tikkinen, O. (2023) *Impact bonds in the Nordics*. [Online] Available from: <https://nordics.info/show/artikel/impact-bonds-in-the-nordics.2023/> (Accessed: 27.10.2023).
23. Alola, A.A., Adebayo, T.S. & Olagunju, I. (2023) Assessment of sectoral greenhouse gas emission effects of biomass, fossil fuel, and (non)metallic ore utilization of the Nordic economy. *Mineral Economics*. 1–11. doi: 10.1007/s13563-023-00390-2
24. Denaro, K. et al. (2021) Comparison of cluster analysis methodologies for characterization of classroom observation protocol for undergraduate STEM (COPUS) data. *CBE Life Sciences Education*. 20 (1). pp. 1–11. doi: 10.1187/cbe.20-04-0077
25. Hasse, J.B. & Lajaunie, Q. (2022) Does the yield curve signal recessions? New evidence from an international panel data analysis. *Quarterly Review of Economics and Finance*. 84. pp. 9–22. doi: 10.1016/j.qref.2022.01.001
26. Manikaros, N. & Avgerinos, E. (2023) Cluster sampling MUSA methodology for user satisfaction analysis of an educational distance-learning platform. *Eurasia Journal of Mathematics, Science and Technology Education*. 19 (9). pp. 1–11. doi: 10.29333/EJMSTE/13472
27. Tsiouvalas, A., Stoeva, G. & Raspotnik, A. (2022) Looking for Common Ground: Marine Living Resource Development in Alaska and Northern Norway in the Context of the Blue Economy. *Sustainability* (Switzerland). 14 (7). pp. 1–23. doi: 10.3390/su14074115
28. PRC Government. (2018) *China's Arctic Policy*. [Online] Available from: http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm

Информация об авторе:

Курилов К.Ю. – кандидат экономических наук, доцент, Институт финансов, экономики и управления, Тольяттинский государственный университет (Тольятти, Россия). E-mail: ky.kurilov@gmail.com. ORCID: 0000-0003-1540-5388. Researcher ID: F-6038-2016. Scopus ID: 55361710000

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

K.Yu. Kurilov, Cand. Sci. (Economics), associate professor, Institute of Finance, Economics and Management (Togliatti, Russian Federation). E-mail: ky.kurilov@gmail.com. ORCID: 0000-0003-1540-5388. Researcher ID: F-6038-2016. Scopus ID: 55361710000

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 04.04.2024;
одобрена после рецензирования 20.04.2024; принята к публикации 16.05.2024.*

*The article was submitted 04.04.2024;
approved after reviewing 20.04.2024; accepted for publication 16.05.2024.*

Дискуссионная площадка

Научная статья

УДК 352/354

doi: 10.17223/19988648/65/22

Основные инновационные теории XX в. (часть 1)

Владимир Владимирович Шаповалов¹

¹ *Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД Российской Федерации, Москва, Россия, v.shapovalov@inno.mgimo.ru*

Аннотация. В данной статье содержится описание основных инновационных теорий и концепций XX в. В работе рассмотрены исследования, проведенные выдающимися российскими и зарубежными экономистами М.И. Туган-Барановским, Н.Д. Кондратьевым, Й. Шумпетером, П.А. Сорокиным, а также С.Ю. Глазьевым, Дж. Берналом, Р. Солоу, С. Кузнецом, Б. Твиссом, Г. Меншем, К. Фрименом, Я. Вандейном и другими исследователями, которые внесли значительный вклад в изучение инноваций. Инновационные теории и концепции определяют инновации в качестве важнейшего фактора экономического развития, стимулируя конкуренцию, повышая производительность и способствуя обновлению структуры экономики. Понимание закономерностей инновационной деятельности и факторов, влияющих на ее эффективность, имеет большое значение для разработки эффективной экономической политики. Результаты исследования могут быть использованы для определения места инноваций в современном мире и оценки их влияния на экономический рост, а также разработки мер поддержки и стимулирования инновационной деятельности российских экономических субъектов и обеспечения технологического лидерства и суверенитета в современных условиях.

Ключевые слова: инновации, экономический рост, инновационные теории и концепции XX в., научно-техническое развитие

Для цитирования: Шаповалов В.В. Основные инновационные теории XX в. (часть 1) // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2024. № 66. С. 345–353. doi: 10.17223/19988648/66/22

Discussions

Original article

Major innovations theories of the 20th century (Part 1)

Vladimir V. Shapovalov¹

¹ MGIMO University, Moscow, Russian Federation, v.shapovalov@inno.mgimo.ru

Abstract. This article describes the main innovations theories and concepts of the 20th century. Economists confirm the importance of scientific and technological progress, innovation and institutional changes in stimulating economic growth and development. The article reviews studies conducted by prominent Russian and foreign economists such as M.I. Tugan-Baranovsky, N.D. Kondratiev, J. Schumpeter, P.A. Sorokin, S.Yu. Glaziev, G. Bernal, R. Solow, S. Kuznets, B. Twiss, G. Mensch, K. Freeman, J. Vandein, and other researchers who have made significant contributions to the study of innovations. The article outlines basic innovative theories and concepts, the evolution of approaches to assessing innovation activities, and the analysis of the impact of innovations on economic development. Important topics such as economic cycles, Kondratiev's wave theory, Schumpeter's concepts of "creative destruction", as well as findings done by Bernal, Solow, and Kuznets confirming the influence of scientific and technological progress on economic growth are covered in the article. The importance of scientific research in the field of innovations is emphasized by G. Mensch, K. Freeman, J. Van Deyn, A. Kleinknecht, F. Hayek, B. Lundvall, R. Coase, S. Davis, E. Mansfield, A. Romeo, and D. North, who have identified the role of innovations in stimulating economic development and the need for institutional changes to support the innovative activities. Glaziev's studies on technological paradigms, Freeman's concept of a national innovation system, Van Deyn's hypothesis on the connection between innovation and socio-economic development, as well as the work of Twiss, who highlighted the decisive impact of science and technology on socio-economic development, underscore the significance of research in the field of innovations and its impact on the economy. Innovations theories and concepts define innovation as a crucial factor in economic development, stimulating competition, increasing productivity, and contributing to the restructuring of the economy. Understanding the patterns of innovation activities and the factors influencing their effectiveness is crucial for developing effective economic policies. The results of the research can be used to determine the place of innovation in the modern world, evaluate its impact on the economic growth, and develop measures to support and stimulate the innovative activities of Russian economic entities, ensuring technological leadership and sovereignty in current conditions.

Keywords: innovations, economic growth, innovations theories and concepts, scientific and technological development

For citation: Shapovalov, V.V. (2024) Major innovations theories of the 20th century (Part 1). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 66. pp. 345–253. (In Russian). doi: 10.17223/19988648/66/22

Введение

В экономической литературе существует значительное число исследований, посвященных инновациям. Они объясняют, что побуждает компании заниматься инновационной деятельностью и какие факторы ее сдерживают.

Характерным признаком развития экономики является ее цикличность. Формирование основ теорий инноваций в XX в. происходило в рамках становления общей теории циклов и кризисов, прежде всего в экономической и технологической сферах. Большинство инновационных теорий того времени основывается на научных трудах М.И. Туган-Барановского, Н.Д. Кондратьева, П.А. Сорокина, Й. Шумпетера, опубликованных в начале XX в.

С середины XX в. развитие инновационных теорий нашло отражение в трудах Дж. Бернала, С. Кузнеца, Р. Солоу, Б. Твисса, которые отмечали особую важность научно-технического прогресса в экономическом развитии, а также его цикличность и неравномерность. К концу XX в. такие ученые, как Г. Менш, К. Фримен, Я. Ван Дейн, А. Кляйнкнехт, Ф. Хайек, Б. Лундвалл, Р. Коуз, С. Девис, Э. Менсфилд, А. Ромео и Д. Норт, внесли значительный вклад в изучение различных аспектов влияния инноваций на экономику, подчеркивая циклический характер инновационного развития, влияние экономических кризисов на инновационную активность и важность институциональных изменений для стимулирования инноваций.

В статье проводится обзор основных инновационных теорий и концепций XX в., эволюции подходов к оценке инновационной деятельности, а также проанализирован вклад ведущих экономистов в изучение инноваций.

Инновационные теории начала XX в.

Теория экономических циклов и теория кризисов перепроизводства были описаны в работах М.И. Туган-Барановского, который заложил основу изучения рыночной конъюнктуры и ее прогнозирования [1, с. 22–34].

Н.Д. Кондратьев разработал волновую теорию, доказывающую периодичность экономического развития на основе длинных волн (циклов) продолжительностью в 50 лет. Он объяснил, что причины экономических циклов и их продолжительность непосредственно связаны с обновлением производственных средств [2, с. 28–29]. Согласно данной теории в результате значительных технических открытий и изобретений появляются новые технологии и отрасли экономики, которые существенным образом изменяют условия экономической жизни общества. Появление подобных изменений сигнализирует о самом начале повышательной волны каждого длинного экономического цикла. В длинных экономических циклах продолжительностью 50 лет Н.Д. Кондратьев выделил две волны – повышательную и понижательную. В период повышательной волны научно-техническое развитие способствует притоку значительного объема инвестиций. Движущий импульс, создаваемый новатором, порождает движение последователей, привлеченных новыми возможностями извлечения прибыли.

Волновую теорию Н.Д. Кондратьева развил Й. Шумпетер, благодаря которому в научное употребление вошли категории технических, организационных, экономических и управленческих нововведений. Он разработал теории мультицикличности волновых колебаний и эффективной конкуренции,

а также теорию эффективной монополии. Исследователь рассматривал инновации в качестве важнейшего аспекта экономических изменений и полагал, что данные изменения происходят благодаря предпринимательской деятельности и власти рынка. Й. Шумпетер говорил о «созидательном разрушении», которое происходит лишь в тот момент, когда новые технологии заменяют предшествующие. Он подчеркивал, что процесс промышленной мутации непрерывно меняет экономическую структуру изнутри, разрушая старую и создавая новую [3, с. 24–26]. Й. Шумпетер также сосредоточил свое внимание на понимании того, какие именно компании больше склонны к внедрению инноваций, и связал эту способность с размерами организации. Он выявил, что благодаря своей гибкости малые фирмы находятся в более выигрышном положении с точки зрения внедрения инноваций по сравнению с крупными компаниями, страдающими от своих бюрократических структур. Однако позднее он изменил свои взгляды и предположил, что более крупные фирмы с монопольной властью, обладающие большими ресурсами, могли бы иметь преимущество в разработке инноваций.

В теории Й. Шумпетера инновации различаются следующим образом: инновации продуктов и инновации процессов, радикальные (базисные), порождающие крупные разрушительные изменения, и улучшающие технологические и экономические инновации,двигающие вперед процесс изменений. Он предложил пять типов инноваций: новые продукты, новые методы производства, новые рынки, новые источники поставок сырья и ресурсов, новые рыночные структуры для определенной отрасли. По его мнению, инновации занимают центральное место в циклической динамике экономики, преодолевая сопротивление среды.

Основными идеями его книги «Теория экономического развития», впервые вышедшей в 1911 г., стали положения об инновациях и предпринимателях, реализующих новые идеи в эффективные экономические решения, составляющие основу экономического роста. Для выведения экономики из равновесного состояния предприниматели производят новые блага, применяют современные методы производства и использования существующих благ, осваивают новые рынки или источники сырья, изменяют отраслевые структуры, создают или подрывают монополии.

Й. Шумпетер рассматривал экономическое развитие как длинноволновой, саморегулирующийся процесс, обусловленный распространением взаимосвязанных нововведений.

С 1937 по 1941 г. П.А.Сорокин опубликовал четырехтомник «Социальная и культурная динамика», в котором описал циклическую концепцию исторического развития общества и культуры на базе анализа, в том числе технических изобретений и наиболее крупных нововведений, наблюдавшихся в различных сферах жизни общества. Теория П.А. Сорокина основана на наличии долгосрочных колебаний в социокультурной динамике.

Инновационные теории середины XX в.

Дж. Бернал в своем исследовании 1956 г. «Наука в истории общества» утверждал, что наука и технологическая деятельность развиваются циклично и неравномерно. Периоды прогресса сменяются упадком, более продолжительным по времени. Он обосновал, что центры научно-технической активности исторически шли вслед за центрами промышленной и торговой деятельности.

Р. Солоу подтвердил определяющее влияние научно-технического прогресса на экономический прогресс. В 1957 г. он разработал макроэкономическую модель, учитывающую вклад технологий в экономический рост [4, с. 312–20].

В 1971 г. С. Кузнец ввел понятие эпохальных нововведений, обозначающих переход к новому технологическому способу производства. В своей книге «Современный экономический рост: результаты исследований и размышлений» он обосновал, что экономический рост является следствием ускоренного развития науки [5, с. 78–81].

В 1974 г. Б. Твисс опубликовал работу «Управление научно-техническими нововведениями», в которой утверждал, что наука и техника являются решающим фактором социально-экономического развития в любой стране. Он также выделил факторы, влияющие на эффективность научно-технической деятельности, в том числе ориентацию на рынок, восприимчивость организации к нововведениям и др.

Инновационные теории конца XX в.

Отдельного внимания заслуживает концепция технологических укладов, разработанная в конце 1980-х гг. академиком С.Ю. Глазьевым, которую он продолжил развивать впоследствии.

С.Ю. Глазьев определяет технологический уклад как целостное образование, в рамках которого осуществляется замкнутый цикл. Данный цикл начинается с получения первичных ресурсов и заканчивается выпуском конечных продуктов, соответствующих типу общественного потребления. Ключевым фактором являются технологические нововведения. Они формируют ядро технологического уклада. Несущими отраслями являются отрасли, интенсивно использующие данный ключевой фактор и играющие лидирующую роль в распространении нового технологического уклада. На рис. 1 представлены различные технологические уклады и их характеристики.

По мнению Г. Менша, в период депрессии экономика в наибольшей степени восприимчива к инновациям, что приводит к формированию мощных кластеров базисных инноваций, которые стимулируют запуск очередного большого цикла конъюнктуры [6, с. 241]. Интенсивность инновационного развития экономики изменяется циклически. Более высокий уровень инновационной активности наблюдается при смене технологических укладов, приносящих странам-лидерам существенные преимущества и инновационную квазиренду.

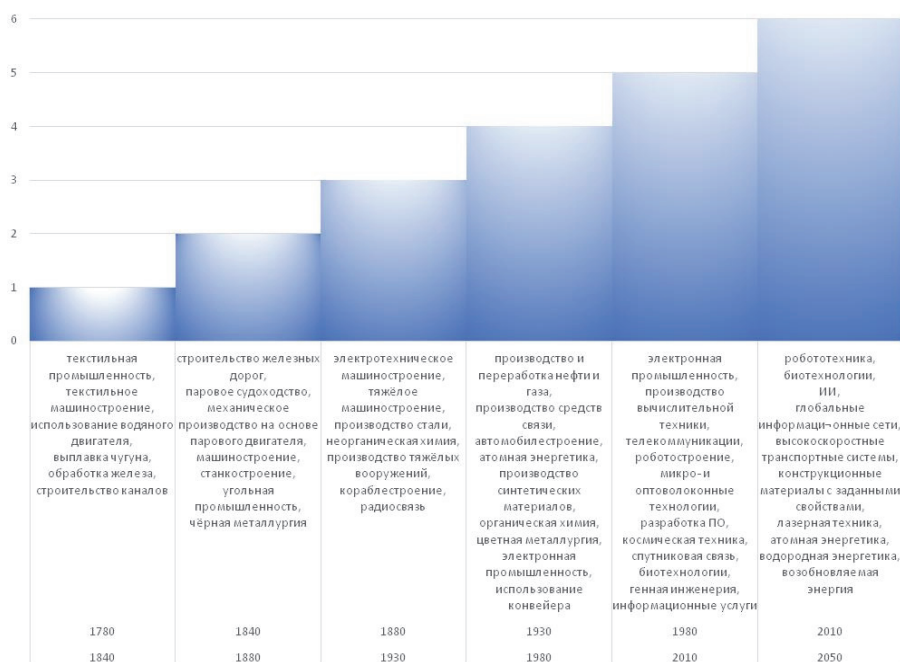

Рис. 1. Периодизация технологических укладов

К. Фримен ввел категорию «национальная инновационная система» (НИС), предусматривающую комплекс инноваций, связанных с общей технологической базой и движением «длинных волн» экономической конъюнктуры. Он объяснил, что шторм инноваций возникает во время экономического оживления или бума, а также предложил использовать словосочетание «исследования, конструирование и разработки» (ИКР), отражающее взаимосвязь между научной и технической деятельностью [7, с. 5–24].

Я. Ван Дейн выдвинул гипотезу о том, что появление инноваций разных типов связано с различными фазами социально-экономического и научно-технического развития, представленными в виде «длинной волны».

А. Кляйнкнехт определил, что в период подъема экономики большее влияние уделяется технологическим инновациям, а ухудшение экономического состояния фирмы повышает стимул к инновационной активности. Он доказал, что в период продолжительных экономических кризисов происходит переход фирмы от стратегии максимизации прибыли, которой она придерживается в период процветания, к стратегии минимизации относительного риска. До тех пор пока продукция и технология приносят существенную прибыль, инновационная активность мала, поскольку инновационная деятельность всегда связана с риском. Когда же наступает продолжительный кризис, риск инноваций уже не является непреодолимым препятствием,

поскольку любые другие инвестиционные альтернативы могут показаться еще более рискованными. Он связывал осуществление институциональных изменений с целью не только ускорить выход из кризиса, но и не допустить его углубления, подчеркивая стимулирующую роль экономической депрессии для активизации инновационной деятельности [8, с. 200–215].

Ф. Хайек выделил информационную компоненту знаний в качестве важнейшего экономического ресурса. Искусственное ограничение конкуренции сокращает объем знаний, доступных обществу. Он подчеркивал важность государственного стимулирования и регулирования инновационной деятельности на национальном и международном уровнях. Согласно концепции Ф. Хайека, творческая деятельность человека в условиях неопределенности всегда связана с риском. Вмешательство государства оправдано, если оно содействует созданию институтов конкуренции на основе нововведений. Ф. Хайек проанализировал специфические особенности экономического развития, неопределенность и ограниченность информации, несовершенство знаний, составляющих основу инновационного процесса. Его концепция рассеянного знания дает представление о конкурентном рынке как об особом информационном устройстве, которое выявляет, использует и координирует разнообразные знания миллионов независимых друг от друга людей, а также о принципиальной ограниченности многих механизмов целенаправленного регулирования в этой области [9, с. 41–68].

Б. Лундвалл выявил, что взаимодействие фирм при разработке технологий определяется особенностями инновационной структуры страны. В условиях интернационализации инноваций тесные связи с НИС страны сохраняются [10, с. 9–16]. По мнению Р. Коуза, экономическое развитие будет идти по оптимальной траектории, если транзакционные издержки по передаче и получению информации незначительны или имеют тенденцию к сокращению [11, с. 3–7].

Согласно С. Девису, Э. Менсфилду и А. Ромео, темп прироста числа фирм, потребляющих инновацию, прямо пропорционален доле фирм, пока еще не потребляющих ее, в общем числе потенциальных потребителей. Так называемая диффузия инноваций происходит быстрее в наукоемких отраслях. Скорость диффузии зависит также от квалификации высшего менеджмента. Объединение инноваций образует кластеры – совокупность базисных инноваций (целостную систему новых продуктов и технологий), сконцентрированных на определенном отрезке времени и в определенном экономическом пространстве.

Д. Норт выявил, что в ходе эволюции институциональных систем в развитых странах были созданы экономические отношения и механизмы, обеспечивающие более высокую эффективность рынков и относительно более низкие транзакционные издержки, чем в странах «третьего мира». И что эти факторы способствуют росту конкуренции, основывающейся на новых знаниях и технологиях, а не на поиске разнообразных путей перераспределения национального богатства [12, с. 27–32].

Идеи упомянутых выше исследователей о воздействии научно-технического прогресса на экономический рост, конкуренции на основе нововведе-

ний, причинах и последствиях долгосрочных структурных сдвигов, неопределенности и рискованности инновационной деятельности, а также взаимосвязи между структурой рынка, монополиями и инновационными процессами на этих рынках приобретают особую актуальность и значимость в современных условиях.

Заключение

Большинство инновационных теорий XX в. основано на трудах выдающихся ученых: М.И. Туган-Барановского, Н.Д. Кондратьева, Й. Шумпетера и П.А. Сорокина. Они сформировали базис для изучения инноваций и обнаружили связь между техническими изменениями и экономическим развитием. Важным фактором экономического развития является цикличность экономики. Волновая теория Н.Д. Кондратьева и долгосрочные колебания в социокультурной динамике, описанные П.А. Сорокиным, позволяют предсказывать и объяснять экономические циклы и изменения в обществе. Идеи Й. Шумпетера о «созидательном разрушении» и обновлении экономической структуры через инновации сегодня становятся все более актуальными.

Развитие инновационных теорий середины XX в. связано со значительными открытиями в области науки и технологий. Дж. Бернал подчеркивал цикличность и неравномерность развития науки и технологической деятельности, а Р. Солоу и С. Кузнец подтвердили важное влияние научно-технического прогресса на экономический рост. Б. Твисс выделил факторы, влияющие на эффективность научно-технической деятельности, такие как ориентация на рынок и способность организации к инновациям.

В конце XX в. исследования Г. Менша, К. Фримена, Я. Вандейна, А. Кляйнкнехта и других ученых подтвердили, что инновационная активность связана с периодами экономического подъема и упадка. Р. Коуз, Х. Фримен, Дж. Кларк, Б. Лундвалл и другие экономисты обратили внимание на факторы, влияющие на эффективность инноваций, такие как ориентация на рынок, доступность информации и транзакционные издержки. Д. Норт подчеркнул важность институциональных систем и их эволюции для создания благоприятной среды для инноваций и роста экономики.

Дальнейшее развитие инновационных теорий и концепций было связано с периодом распространения информационных технологий и глобализации.

Список источников

1. *Туган-Барановский М.И.* Основы политической экономии. СПб. : Слово, 1909.
2. *Кондратьев Н.Д.* Большие циклы конъюнктуры // Вопросы конъюнктуры. 1925. Т. 1, № 1.
3. *Schumpeter J.* Capitalism, Socialism and Democracy. New York : Harper and Bros, 1942.
4. *Solow R.* Technical Change and the Aggregate Production Function // Review of Economics and Statistics. 1957. Vol. 3, № 39.
5. *Kuznets S.* Secular Movements in Production and Prices. Their Nature and their Bearing upon Cyclical Fluctuations. Boston : Houghton Mifflin, 1930.
6. *Mensch G.* Stalemate in Technology. Cambridge, MA : Ballinger Publishing Company. 1979.

7. Freeman C. The National System of Innovation in historical perspective // Cambridge Journal of Economics. 1995. Vol. 19, № 1.
8. Kleinknecht A. Innovation Patterns in Crisis and Prosperity: Schumpeter's Long Cycle Reconsidered. L. : Macmillan, 1987.
9. Хайек Ф.А. Индивидуализм и экономический порядок. М. : Издграф, 2000.
10. Lundvall B.A. Product Innovation and User-Producer Interaction. Industrial Development Research Series // Aalborg University Press. 1985. № 31.
11. Коуз Р. Фирма, рынок и право. М. : Новое издательство, 2007.
12. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М. : Фонд экономической книги, 2013.

References

1. Tugan-Baranovskiy, M.I. (1909) *Osnovy politicheskoy ekonomii* [Fundamentals of Political Economy]. Saint Petersburg: Slovo. pp. 22–34.
2. Kondrat'ev, N.D. (1925) Bol'shie tsikly kon'yunktury [Big cycles of conjuncture]. *Voprosy kon'yunktury*. 1 (1). pp. 28–29.
3. Schumpeter, J. (1942) *Capitalism, Socialism and Democracy*. New York: Harper and Bros. pp. 24–26.
4. Solow, R. (1957) Technical Change and the Aggregate Production Function. *Review of Economics and Statistics*. 3 (39). pp. 312–320.
5. Kuznets, S. (1930) *Secular Movements in Production and Prices. Their Nature and their Bearing upon Cyclical Fluctuations*. Boston: Houghton Mifflin. pp. 78–81.
6. Mensch, G. (1979) *Stalemate in Technology*. Cambridge, MA: Ballinger Publishing Company.
7. Freeman, C. (1995) The National System of Innovation in historical perspective. *Cambridge Journal of Economics*. 19 (1). pp. 5–24.
8. Kleinknecht, A. (1987) *Innovation Patterns in Crisis and Prosperity: Schumpeter's Long Cycle Reconsidered*. London: Macmillan. pp. 200–215.
9. Hayek, F.A. (2000) *Individualism and Economic Order*. Moscow: Izograf. pp. 41–68. (In Russian).
10. Lundvall, B.A. (1985) *Product Innovation and User-Producer Interaction*. Industrial Development Research Series. Aalborg University Press. 31. pp. 9–16.
11. Kouz, R. (2007) *Firma, rynek i pravo*. Moscow: Novoe izdatel'stvo. pp. 3–7.
12. North, D. (2013) *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Moscow: Fond ekonomicheskoy knigi. pp. 27–32. (In Russian).

Информация об авторе:

Шаповалов В.В. – кандидат экономических наук, доцент кафедры прикладного анализа международных проблем, декан факультета международного бизнеса, МГИМО МИД России (Москва, Россия). E-mail: v.shapovalov@inno.mgimo.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.V. Shapovalov, Cand. Sci (Economics), associate professor at the Department of Applied Analysis of International Problems, Dean of the School of International Business, MGIMO University (Moscow, Russian Federation). E-mail: v.shapovalov@inno.mgimo.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 04.04.2024;
одобрена после рецензирования 20.04.2024; принята к публикации 16.05.2024.*

*The article was submitted 04.04.2024;
approved after reviewing 20.04.2024; accepted for publication 16.05.2024.*

Научный журнал

**ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.
ЭКОНОМИКА**

Tomsk State University Journal of Economics

2024. № 66

Редактор Е.В. Лукина
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцова

Подписано в печать 26.06.2024 г. Формат 70×100 ¹/₁₆.
Печ. л. ; усл. печ. л. . Цена свободная.
Тираж 50 экз. Заказ № 5927.

Дата выхода в свет 19.07.2024 г.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Журнал отпечатан на оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 52-98-49
сайт: <http://publish.tsu.ru>; e-mail: rio.tsu@mail.ru